СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 6.

ОТЧЕТЪ
О
ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ
Проф. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО
въ 1898 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Содержаніе.

Стран.

Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1898 г., Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ **А. Ѳ. Бычковымъ** . . . . . 1—13

Приложеніе — критическіе разборы, послужившіе основаніемъ для присужденія премій проф. Котляревскаго . . . . . 14—268

I. **Акад. А. А. Шахматова,** разборъ сочиненія проф. Яна Гебауера: «Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni 1894. 8⁰. XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8⁰. 637». . . . . 17—105

II. **Проф. К. Я. Грота,** разборъ сочиненія проф. А. Н. Ясинскаго: «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ. (X—XIII вв.)». [Кіевъ, 1895. 8⁰] . . . . . 106—200

III. **Проф. Р. Ѳ. Брандта,** разборъ сочиненія проф. Т. Д. Флоринскаго: «Лекціи по славянскому языкознанію. *Часть вторая.* Сѣверо-западные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897». . . . . 201—257

IV. **Акад. И. В. Ягича,** разборъ сочиненія г. Прусика: «Staročeské Alexandreidy rýmované [Upravil a výkladem spatřil Frant. Xav. Prusík. V Praze, 1896. 8⁰. IV. 87]» . . . . . 258—268

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1900_66_6

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ПРОФ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1898 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Ординарнымъ академикомъ **А. Ѳ. Бычковымъ.**

Въ настоящемъ году, на соисканіе премій покойнаго члена-корреспондента Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ А. А. Котляревскаго, учрежденныхъ для награжденія трудовъ по славянскимъ древностямъ, по исторіи славянскихъ литературъ, а также изслѣдованій по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніи, поступили слѣдующіе четыре труда: 1) профессора чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ Чешскомъ университетѣ, дѣйствительнаго члена Чешской Академіи Наукъ, доктора Яна Гебауера, «Historická mluvnice jazyka českého, díl I: Hláskosloví и díl III: Tvarosloví, I: Skloňování (v Praze, 1894—1896); 2) экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета А. Н. Ясинскаго — «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.)». (Кіевъ, 1895 г.); 3) ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владимира Т. Д. Флоринскаго — «Лекціи по славянскому

языкознанію. Часть II: Сѣверо-западные славянскіе языки». (Спб. и Кіевъ, 1897 г.) и 4) преподавателя академической гимназіи въ Прагѣ, члена Королевскаго Чешскаго Общества Наукъ, редактора журнала «Krok», Ѳ. В. Прусика — собраніе его трудовъ по изученію текстовъ чешской Александреиды: a) Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem opatřil Frant. Xav. Prusík (v Praze, 1896), б) Českých Alexandreid rýmovaných pramenové a obapolný poměr. Uvažuje Frant. Xav. Prusík (v Praze, 1891) и в) его же замѣтки и изслѣдованія въ 16 выпускахъ издаваемаго имъ журнала «Krok» (ročník II, 1888 — r. X, 1896).

На основаніи правилъ о названныхъ преміяхъ къ участію въ разсмотрѣніи двухъ изъ этихъ трудовъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности ординарные профессора Императорскихъ университетовъ — Московскаго Р. Ѳ. Брандтъ и Варшавскаго К. Я. Гротъ; два же другіе труда были разсмотрѣны академиками И. В. Ягичемъ и А. А. Шахматовымъ.

Рецензіи, послужившія основаніемъ для означенныхъ присужденій приводятся ниже въ извлеченіи[1]):

Разборъ сочиненія Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. [Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 8⁰. XII. 702.—Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8⁰. 637] принялъ на себя академикъ А. А. Шахматовъ.

Вышедшіе два обширные тома Исторической грамматики чешскаго языка составляютъ только часть задуманнаго профессоромъ Пражскаго Университета Яномъ Гебауеромъ труда,

---

1) Означенныя рецензіи въ полномъ видѣ помѣщены въ приложеніяхъ къ настоящему Отчету.

но уже по нимъ можно себѣ ясно представить, какой величественный памятникъ историческому изученію родного языка воздвигаетъ почтенный ученый. О такихъ трудахъ, замѣчаетъ рецензентъ, какова Историческая грамматика Гебауера, нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ; въ этомъ согласны всѣ критическіе отзывы, вызванные появленіемъ первой части Грамматики, и между прочимъ отзывъ нашего сочлена академика И. В. Ягича, давшаго подробный разборъ его въ XVI томѣ Archiv für Slavische Philologie. Рядъ положительныхъ достоинствъ предвѣщаетъ труду Гебауера прочную будущность и рѣшающее вліяніе на послѣдующія изслѣдованія въ области не только чешской, но и вообще славянской филологіи: ученый профессоръ основалъ историческую грамматику на обильномъ и прекрасно подобранномъ матеріалѣ, освѣтивъ его остроумнымъ изслѣдованіемъ, предложеннымъ въ книгѣ въ самой доступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ строго научной формѣ.

Отмѣтивъ точность анализа изучаемыхъ фактовъ и упорное стремленіе автора доказать закономѣрность въ развитіи языка, признавъ это однимъ изъ выдающихся достоинствъ изслѣдователя, рецензентъ не обходитъ молчаніемъ и нѣкоторыхъ такихъ пріемовъ изслѣдованія, цѣлесообразность которыхъ можетъ быть подвержена сомнѣнію. Въ основаніе своей Исторической грамматики Гебауеръ положилъ письменный языкъ, т. е. изученіе памятниковъ, рукописныхъ и печатныхъ произведеній различныхъ эпохъ; фактамъ же, представляемымъ современными говорами, придается лишь второстепенное значеніе, и не они служатъ главными данными при возстановленіи звуковъ и формъ старочешской и болѣе отдаленныхъ эпохъ. Между тѣмъ сравнительное изученіе живыхъ говоровъ весьма часто можетъ дать болѣе надежныя основанія для опредѣленія звуковыхъ явленій и характеристики отдѣльныхъ звуковъ древняго языка, чѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ, тѣмъ болѣе если правописаніе ихъ несовершенно и искусственно. Рецензентъ доказываетъ, что увлеченіе Гебауера свидѣтельствами рукописныхъ источниковъ съ

одной стороны привело его къ смѣшенію звуковыхъ явленій съ графическими, а съ другой вызвало нѣсколько поспѣшныхъ выводовъ, не находящихся въ соотвѣтствіи съ данными живыхъ говоровъ. Но кромѣ того Гебауеръ не разграничилъ въ своей фонетикѣ явленій звуковыхъ отъ фактовъ, относящихся къ ученію о формахъ и словообразованіи, а въ морфологіи отвелъ слишкомъ много мѣста разсмотрѣнію различныхъ графическихъ явленій, ничего общаго съ живымъ языкомъ не имѣющихъ. Не придавая особеннаго значенія такой не вполнѣ правильной группировкѣ матеріала, рецензентъ видитъ слабую сторону грамматическихъ изслѣдованій Гебауера въ его отношеніи къ историческому методу. Отдѣльныя эпохи, которыя пережилъ чешскій языкъ и которыя являются промежуточными между общеславянскимъ языкомъ и современнымъ состояніемъ живыхъ чешскихъ говоровъ, оставлены Гебауеромъ безъ характеристики; правда, авторъ говоритъ иногда о явленіяхъ доисторической эпохи жизни чешскаго языка, но нигдѣ не опредѣляетъ, какими данными онъ руководился, относя то или другое явленіе къ этой доисторической эпохѣ. Между тѣмъ сравнительное изученіе чешскихъ и словацкихъ говоровъ приводитъ къ возстановленію эпохи чешско-словацкой, въ теченіе которой чешская семья, обособившись отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ, пережила длинный рядъ звуковыхъ, а частью и морфологическихъ явленій. Этой эпохѣ, по мнѣнію рецензента, опирающагося при этомъ на нѣкоторые намеки самого Гебауера, предшествовала эпоха общезападнославянскаго единства, когда чешскій, польскій, лужицкіе и другіе языки, отдѣлившись, какъ отъ восточныхъ, такъ и отъ южныхъ славянъ, переживали нѣкоторыя общія звуковыя явленія, совершенно измѣнившія первоначальный общеславянскій звуковой ихъ составъ. И такъ, между общеславянской или, какъ ее называетъ Гебауеръ, праславянской эпохой и современной намъ эпохой жизни чешскаго языка, изслѣдователь долженъ различать двѣ переходныя эпохи — общезападнославянскую и чешскословацкую. Точное опредѣленіе ихъ звукового состава, пріуроченіе къ нимъ того

или другого звукового явленія должны входить въ задачу исторической грамматики чешскаго языка, такъ какъ иначе изслѣдователь не будетъ въ состояніи установить прямой, преемственной связи между предполагаемымъ праязыкомъ и современными говорами. Указанный пробѣлъ Исторической грамматики Гебауера выступаетъ особенно ясно наружу при описаніи нѣкоторыхъ сложныхъ звуковыхъ явленій, пережитыхъ чешскимъ языкомъ. Вторую часть своего разбора рецензентъ посвятилъ изслѣдованію нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій, опираясь при этомъ на матеріалъ, а часто и на выводы, принадлежащіе Гебауеру.

Въ заключеніи своего разбора рецензентъ говоритъ: «Къ трудамъ, подобнымъ Исторической грамматикѣ чешскаго языка, нельзя предъявлять тѣхъ требованій, съ которыми мы встрѣчаемъ появленіе трудовъ посвященныхъ изслѣдованію какой-нибудь узкой области языкознанія. Методологическія ошибки, недостатокъ матеріала, смѣшеніе предметовъ изслѣдованія достаточны для того, чтобы обезцѣнить такіе труды. Напротивъ, самые крупные недостатки такихъ капитальныхъ работъ, каково историческое изложеніе судебъ какого-нибудь языка, не могутъ подорвать ихъ значенія, такъ какъ въ результатѣ все же оказывается выполненною та задача, къ которой стремятся усилія отдѣльныхъ изслѣдователей, — дать общую картину развитія того или другого языка. Но Историческая грамматика Гебауера свободна отъ крупныхъ недостатковъ, а тѣ слабыя стороны въ изложеніи или въ объясненіяхъ автора, которыя я выдвинулъ въ своемъ разборѣ, отступаютъ совершенно на задній планъ сравнительно съ положительными достоинствами этого труда, давшаго образцовую и высоконаучную обработку надежнаго матеріала, почти цѣликомъ извлеченнаго изъ первоисточниковъ. Задача, къ которой стремились Гебауеръ и вмѣстѣ съ нимъ рядъ другихъ чешскихъ филологовъ, достигнута: основанія исторической грамматики заложены, и на нихъ уже красуется начало великолѣпнаго зданія, поражающаго прочностью своей архитектуры, цѣлесообразностью плана, принятаго въ руководство строителемъ,

и наконецъ первостепеннымъ качествомъ матеріала. Останавливаться долго на нѣкоторой поспѣшности кладки, на недостаткахъ въ отдѣлкѣ фасада, на невыдержанности стиля не приходится, не приходится особенно тому наблюдателю, который ни у себя на родинѣ, ни въ другихъ родственныхъ странахъ не видитъ подобныхъ величественныхъ сооруженій. Увѣнчаніе Исторической грамматики чешскаго языка, составленной Яномъ Гебауеромъ, полною преміей имени Котляревскаго будетъ вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ къ труду, которымъ могутъ гордиться не только чехи, но и всѣ прочіе славяне».

Сочиненіе проф. А. Н. Ясинскаго «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ. (X—XIII вв.)». [Кіевъ, 1895. 8°] по просьбѣ Отдѣленія разсмотрѣно ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго Университета К. Я. Гротомъ.

Авторъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, предпринялъ его съ цѣлью выяснить возникновеніе въ Чешскомъ государствѣ того сословно-привиллегированнаго строя, который въ главныхъ своихъ чертахъ опредѣлился во второй половинѣ XIV вѣка, при чемъ онъ имѣлъ въ виду не только установить рядъ тѣхъ явленій, въ которыхъ оказалось разложеніе земскаго строя, сложившагося на основахъ общеславянскаго демократическаго и патріархальнаго родового быта, но также опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ процессъ самобытнымъ.

Изученіе источниковъ древней Чешской исторіи привело г. Ясинскаго къ убѣжденію, что основы сословно-привиллегированнаго строя въ Чешскомъ государствѣ слагались подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей, самостоятельно зародившихся и созрѣвшихъ въ нѣдрахъ этого государства.

По словамъ рецензента, г. Ясинскій, взявъ такой суще-

ственный вопросъ Чешской исторіи предметомъ своего изслѣдованія, несомнѣнно могъ надѣяться — и не напрасно — внести нѣчто новое въ науку, особенно въ виду того, что область эта въ Чешской исторической литературѣ въ послѣднее время дѣйствительно мало обращала на себя вниманіе и что большинство современныхъ Чешскихъ историковъ самостоятельно не занималось ея разработкою и принимало на вѣру выводы своихъ старыхъ ученыхъ авторитетовъ.

Но, по мнѣнію г. Грота, задача, взятая авторомъ для рѣшенія, слишкомъ широка, слишкомъ сложна и многообъемлюща, чтобы могла быть удовлетворительно рѣшена въ тѣхъ ограниченныхъ рамкахъ, которыя онъ себѣ поставилъ, и при пособіи того матеріала, который имѣлся въ его распоряженіи, тѣмъ болѣе, что она соприкасается съ исторіею права и для всесторонней и полной своей обработки требуетъ близкаго знакомства съ нею, а съ этой точки зрѣнія у него не безъ пробѣловъ и недочетовъ.

Можно почти положительно сказать, что съ устраненіемъ указаннаго недостатка результаты изученія этого сложнаго историческаго процесса были бы по всей вѣроятности нѣсколько иные и едва ли отличались бы такою рѣшительною противоположностію воззрѣніямъ, господствующимъ до сихъ поръ въ Чешской исторіографіи.

Сверхъ того нельзя не замѣтить, что вопросъ, составляющій предметъ изслѣдованія г. Ясинскаго, не есть вопросъ частный или узко спеціальный, но одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ важныхъ и основныхъ вопросовъ исторической судьбы Западнаго славянства, которыми опредѣляется весь ея смыслъ и характеръ, — это вопросъ, который существуетъ не въ одной исторіи Чехіи, а касается одинаково всего западно-славянскаго міра и можетъ быть поставленъ гораздо шире.

Какимъ образомъ, подъ какими воздѣйствіями развивалась соціально-политическая жизнь и государственность не только у Чеховъ, но и у другихъ западно-славянскихъ народностей, попавшихъ въ аналогическія условія со времени принятія ими хри-

стіанства, какими путями и при какихъ условіяхъ онѣ переходили отъ первоначальныхъ своихъ племенныхъ, а потомъ, такъ называемыхъ, земскихъ установленій къ новому строю съ западноевропейскимъ характеромъ — это вопросъ, напрашивающійся на рѣшеніе самъ собою, и нельзя не пожалѣть, что авторъ его почти не коснулся. Нѣмецкая колонизація и торговыя связи въ сопутствіи нѣмецкихъ правовыхъ началъ съ одной стороны и Римская церковь съ ея организаціей, культурнымъ и просвѣтительнымъ вліяніемъ съ другой оставлены авторомъ на заднемъ планѣ, не оцѣненными. Объ усиленной нѣмецкой колонизаціи съ XIII вѣка, объ устройствѣ городовъ на Нѣмецкомъ правѣ, о созданіи новаго мѣщанскаго сословія г. Ясинскій совсѣмъ не говоритъ, считая все это лежащимъ внѣ предѣловъ занимающаго его земскаго періода, — но едва ли онъ правъ въ этомъ.

Рецензентъ, указавъ на эти существенные, по его мнѣнію, недостатки труда г. Ясинскаго, разсматриваетъ за тѣмъ его по частямъ, сжато передаетъ въ самыхъ существенныхъ положеніяхъ и чертахъ содержаніе изслѣдованія и попутно дѣлаетъ свои замѣчанія и возраженія, не соглашаясь иногда съ крайностями его выводовъ, равно какъ и съ постановкою нѣкоторыхъ вопросовъ, и въ заключеніи высказываетъ слѣдующее: «Всѣ указанные недостатки и пробѣлы въ разобранномъ сочиненіи, при всей серіозности нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могутъ затмить его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ, его крупныхъ достоинствъ и отнять у него несомнѣнно значительную научную цѣнность. Работа г. Ясинскаго въ полной мѣрѣ самостоятельна и по замыслу и по исполненію. Она основана на тщательномъ изученіи источниковъ. Изложеніе систематическое и строго научное. Основная мысль г. Ясинскаго представляетъ новый и своеобразный взглядъ на исторію внутренняго соціальнаго и государственнаго развитія Чехіи ранняго (земскаго) періода. Если этотъ взглядъ и оказывается слишкомъ далеко идущимъ въ отрицаніи господствующихъ воззрѣній и вдающимся въ противоположную крайность, слишкомъ абсолютнымъ и исключительнымъ рѣшеніемъ

вопроса въ извѣстномъ смыслѣ, то все же онъ несомнѣнно плодотворенъ, давая этому интереснѣйшему вопросу новую постановку и новое освѣщеніе. Нашъ авторъ — послѣ Палацкаго, Томка и другихъ Чешскихъ авторитетовъ — въ новѣйшее время впервые внимательнѣе и глубже заглянулъ въ сложный процессъ внутренняго историческаго развитія Чешскаго государства и сдѣлалъ попытку объяснить тѣ внутреннія причины, тѣ обстоятельства, отношенія и потребности, которыя обусловили историческую необходимость постепеннаго превращенія земскаго строя въ сословно-привиллегированный — и въ этомъ его неоспоримая заслуга. Если онъ увлекся въ своемъ конечномъ выводѣ объ органическомъ и самобытномъ соціальномъ развитіи Чехіи и въ своемъ слишкомъ рѣшительномъ отрицаніи того, что добыто предшествовавшими ему изслѣдователями, то это однакожъ не мѣшаетъ признать за его сочиненіемъ значеніе труда, двигающаго науку впередъ по правильному въ своей основѣ пути. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ обслѣдованъ въ его книгѣ по первоисточникамъ и въ этихъ интересныхъ этюдахъ находится множество новыхъ наблюденій, вѣскихъ замѣчаній и соображеній. Всѣ они въ общемъ расчищаютъ и прокладываютъ путь будущимъ изслѣдователямъ, которымъ придется и послѣ капитальнаго труда г. Липперта считаться съ толкованіями и мнѣніями г. Ясинскаго».

Въ виду всего сказаннаго, рецензентъ призналъ сочиненіе г. Ясинскаго, въ значительной степени отличающееся учеными достоинствами, вполнѣ заслуживающимъ поощренія и находитъ справедливымъ присудить автору за него половинную премію.

Представленное на соисканіе преміи Котляревскаго сочиненіе профессора Т. Д. Флоринскаго, Лекціи по славянскому языкознанію. Часть вторая. [Сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболу-

жицкій и полабскій (вымершій). С.-Петербургъ и Кіевъ, 1897. 8°. XVI. 703] по отзыву профессора Р. Ѳ. Брандта, обязательно принявшаго на себя его разсмотрѣніе, написано по тому-же плану, какъ первая его часть, увѣнчанная Императорскою Академію Наукъ Ломоносовскою преміей въ половинномъ размѣрѣ. Въ общемъ обѣ половины этого труда отличаются тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Не придавая особеннаго значенія тѣмъ мелкимъ отступленіямъ отъ первоначальнаго плана изданія, которыя отличаютъ эту вторую часть его, рецензентъ подробно останавливается на предложенной г. Флоринскимъ группировкѣ сѣверозападныхъ славянскихъ языковъ, справедливо упрекая его въ мало основанномъ отдѣленіи словацкаго языка отъ чешскаго, такъ какъ сравнительное изученіе обоихъ этихъ языковъ показываетъ, что оба они восходятъ къ одному общему праязыку — чехословацкому. Не сочувствуя также допущенному проф. Флоринскимъ отдѣленію кашубской рѣчи отъ польской, такъ какъ обѣ онѣ возводятся къ кашубско-польскому единству, рецензентъ выставляетъ на видъ непослѣдовательность автора, рѣшившагося разсмотрѣть верхне- и нижне-лужицкіе языки въ одномъ общемъ отдѣлѣ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ (серболужицкіе языки): дѣйствительно, близость родства между обоими лужицкими языками приблизительно та же, что между чешскимъ и словацкимъ, кашубскимъ и польскимъ. За этими указаніями на общіе недостатки въ пріемахъ изслѣдованія автора, проф. Брандтъ въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ приводитъ недосмотры, неточности, погрѣшности, невѣрныя объясненія и пропуски, допущенные г. Флоринскимъ. По важности и обстоятельности нѣкоторыхъ изъ замѣчаній рецензента, они должны быть признаны цѣннымъ вкладомъ въ научное изученіе славянскихъ языковъ, тѣмъ болѣе что въ нихъ находится не мало методологическихъ указаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ въ виду облегчить начинающимъ ученымъ и студентамъ пользованіе Лекціями Флоринскаго, которыя впрочемъ надо признать надежнымъ и вполнѣ научнымъ руководствомъ при изученіи славян-

скихъ нарѣчій. Свой разборъ почтенный рецензентъ заключаетъ слѣдующими словами: «Не должно забывать, что науки, не обладающія математически-точными доказательствами, всегда оставляютъ значительный просторъ личному пониманію, и что при разногласіи между рецензентомъ и авторомъ правда не всегда будетъ на сторонѣ рецензента. Вообще же сочиненіе Флоринскаго, представляющее единственный въ своемъ родѣ и весьма полезный университетскій учебникъ, должно быть признано книгою хорошею и заслуживающею увѣнчанія искомою преміей».

Сочиненіе г. Прусика, подъ заглавіемъ «Staročeské Alexandreidy rýmované» [Upravil a výkladem opatřil Frant. Xav. Prusík. V Praze, 1896. 8°. IV. 87] вмѣстѣ съ другими его трудами, было разсмотрѣно академикомъ И. В. Ягичемъ.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній древнечешской литературы слѣдуетъ признать переводъ или правильнѣе парафразу въ стихахъ извѣстнаго латинскаго эпоса объ Александрѣ Великомъ, Alexandreis Филиппа Вальтера de Castellione (Châtillon). Отрывки этого произведенія сохранились въ различныхъ чешскихъ рукописяхъ XIII — XV вв., но всѣ они вмѣстѣ взятые не представляютъ полнаго текста и не могутъ быть пока возведены къ одной основной редакціи чешской Александреиды. Чешской филологіи, при изученіи упомянутыхъ отрывковъ, приходится разрѣшать рядъ весьма сложныхъ вопросовъ о взаимномъ отношеніи различныхъ редакцій памятника, объ отношеніи перевода къ латинскому оригиналу, а также къ нѣмецкому эпосу объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго; кромѣ того испорченность дошедшихъ отрывковъ обязываетъ ученыхъ объяснять отдѣльныя темныя и не вполнѣ понятныя мѣста ихъ текста. Г. Прусику, уже давно и усердно занимающемуся Александреидой въ чешской литературѣ, не удалось, по мнѣнію академика Ягича, выяснить взаимныя отношенія различныхъ ея отрывковъ; не

соглашаясь съ предполагаемою г. Прусикомъ рабскою передачей латинскаго оригинала въ чешской передѣлкѣ, рецензентъ не считаетъ вѣроятнымъ и мнѣнія автора о вліяніи чешской Александреиды на нѣмецкій эпосъ объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго. Гораздо плодотворнѣе труды г. Прусика, посвященные критикѣ текста отрывковъ Александреиды и помѣщавшіеся имъ въ журналѣ «Krok» за 1892 и 1893 годы. Упрекая автора въ стремленіи насильственно согласовать чешскій переводъ съ латинскимъ оригиналомъ, академикъ Ягичъ находитъ тѣмъ не менѣе, что объясненія и критическія замѣчанія Прусика значительно облегчили пониманіе текста этого памятника. Въ представленномъ на соисканіе преміи Котляревскаго сочиненіи г. Прусикъ предложилъ систематическое возстановленіе текста чешской Александреиды на основаніи всѣхъ дошедшихъ до насъ отрывковъ; изданіе свое онъ снабдилъ критическими примѣчаніями и объясненіями. Положивъ въ основаніе своей Александреиды латинскій образецъ, г. Прусикъ, въ угоду этому образцу, прибѣгаетъ къ произвольнымъ перестановкамъ и мало обоснованнымъ предположеніямъ о пропускахъ. Не соглашаясь ни съ пріемами, которымъ, при возстановленіи текста, слѣдуетъ авторъ, ни въ частности со многими изъ его объясненій и, признавая ихъ несостоятельными съ точки зрѣнія научной, академикъ Ягичъ указываетъ на то, что изданіе Прусика удовлетворяетъ въ извѣстной степени цѣлямъ педагогическимъ, которыя авторъ и имѣлъ отчасти въ виду. Для молодежи высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній изданіе проф. Прусика можетъ оказать большую пользу.

Въ заключеніи своего отзыва почтенный рецензентъ говоритъ: «Хотя я долженъ былъ возражать противъ многихъ пріемовъ критики проф. Прусика, хотя многія изъ предложенныхъ имъ исправленій древнечешской Александреиды не могутъ быть приняты, все же многолѣтнее, настойчивое изученіе этого великолѣпнаго памятника съ его стороны принесло уже свои плоды и заслуживаетъ поощренія».

По прочтеніи доставленныхъ гг. рецензентами разборовъ и устнаго обсужденія подлежавшихъ оцѣнкѣ трудовъ и по произведенной вслѣдъ затѣмъ закрытой баллотировкѣ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности, признавъ трудъ Гебауера удовлетворяющимъ требованіямъ §§ 7, 9 и 11-го Правилъ о преміяхъ имени Котляревскаго, единогласно постановило присудить профессору Пражскаго Университета Яну Гебауеру полную премію въ тысячу рублей. Сочиненія же профессоровъ А. Н. Ясинскаго и Т. Д. Флоринскаго удостоить той же преміи въ половинномъ размѣрѣ каждое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе, отдавая полную справедливость многолѣтнимъ трудамъ профессора Прусика по изученію и объясненію весьма многихъ мѣстъ текстовъ чешскихъ Александреидъ, засвидѣтельствованнымъ съ лучшей стороны и авторитетнымъ рецензентомъ его изысканій академикомъ И. В. Ягичемъ, нашло, что г. Прусикъ вполнѣ достоинъ за свои труды поощренія; въ виду же того, что всѣ суммы, могущія быть выданными въ настоящее присужденіе въ видѣ премій проф. Котляревскаго, уже исчерпаны, Отдѣленіе постановило почтить труды г. Прусика назначеніемъ ему особой денежной награды изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Въ изъявленіе признательности Императорской Академіи Наукъ постороннимъ гг. рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе трудовъ, представленныхъ на соисканіе премій проф. Котляревскаго, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, присудило золотыя медали профессорамъ Р. Ѳ. Брандту и К. Я. Гроту.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 8°. XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8°. 637.

I.

Труды чешскихъ филологовъ, а между ними въ особенности проф. Пражскаго университета Гебауера, давно уже обратили на себя вниманіе славистовъ, удивлявшихся тѣмъ быстрымъ успѣхамъ, которые выпали на долю научной разработкѣ чешскаго языка. Съ одной стороны многочисленныя статьи и монографіи Гебауера и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ свидѣтельствовали объ основательномъ изученіи историческихъ памятниковъ чешскаго языка, а это служило лучшимъ указаніемъ на правильную и цѣлесообразную постановку научнаго изслѣдованія; съ другой стороны работы Шемберы, Бартоша, Душека, Котсмиха, Пастернека и мн. др., посвященныя описанію чешскихъ и словацкихъ говоровъ, показывали, что разработка языка ведется не односторонне, что живое слово будетъ такъ же глубоко изслѣдовано, какъ и мертвая буква. Несмотря однако на все обиліе подготовительныхъ трудовъ, въ значительной степени облегчавшихъ появленіе крупнаго изслѣдованія объ историческихъ судьбахъ чешскаго языка, ихъ казалось недостаточно

для осуществленія той задачи, которую, въ видѣ конечнаго результата, имѣли въ виду всѣ разрозненныя изслѣдованія, а именно— составленія исторической грамматики чешскаго языка. Вышедшіе въ 1894 и 1896 гг. два тома этой грамматики доказываютъ, что автору ея — проф. Гебауеру нельзя было ограничиться готовыми данными, уже обнародованными и бывшими на разсмотрѣніи научной критики: ему пришлось продѣлать всю черновую работу подготовленія матеріала, съ тщательностью и умѣніемъ извлеченнаго изъ весьма значительнаго количества письменныхъ памятниковъ. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить все вниманіе на выводахъ, научныхъ обобщеніяхъ, Гебауеру приходилось самому собирать матеріалъ, подвергать его предварительному изслѣдованію, давать ему критическую оцѣнку и уже затѣмъ приступать къ грамматическому изслѣдованію. Historická mluvnice вводитъ насъ въ самую лабораторію ея почтеннаго автора и такимъ образомъ даетъ возможность читателю продѣлать самому ту работу, въ результатѣ которой явились тѣ или другіе выводы Гебауера. Самое расположеніе изданія находится въ зависимости отъ того, что параллельно съ изслѣдованіемъ автору приходилось заниматься собираніемъ матеріаловъ. Признавъ возможнымъ выпустить въ свѣтъ фонетику и морфологію (пока вышелъ только отдѣлъ, посвященный склоненію), которыя, по выработанному авторомъ плану (ср. XI стр. I т.), должны составить первую и третью части грамматики, Гебауеру пришлось отложить выходъ второй и четвертой части (ученіе объ образованіи основъ и синтаксисъ), на неопредѣленное время, такъ какъ передъ этимъ онъ считаетъ необходимымъ заняться историческимъ словаремъ, гдѣ предполагается собрать матеріалъ, нужный для обработки этихъ частей исторической грамматики.

О такомъ трудѣ, каковы вышедшіе въ свѣтъ томы исторической грамматики Гебауера, нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ: въ этомъ согласны всѣ критическіе отзывы, вызванные появленіемъ перваго тома, и между прочимъ

отзывъ академика Ягича, давшаго обстоятельный разборъ его на страницахъ своего журнала (Archiv f. Sl. Ph., т. XVI). Къ положительнымъ сторонамъ работы Гебауера относится не только то, что онъ далъ обильный и прекрасно подобранный матеріалъ для исторіи чешскаго языка, но также и то, что онъ основалъ самую эту исторію цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій, предложенныхъ въ книгѣ въ самой доступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научной формѣ. Изслѣдуя грамматическіе вопросы, Гебауеръ становится на точку зрѣнія современной лингвистики: читатель, знакомый съ однимъ изъ раннихъ сочиненій почтеннаго автора «Главнѣйшія особенности слав. нарѣчій», будетъ пораженъ, сравнивая его съ тѣми отдѣлами Исторической грамматики, гдѣ говорится объ общеславянскихъ явленіяхъ и устанавливается связь между звуками славянскихъ языковъ и индоевропейскаго праязыка. Тамъ виденъ неопытный ученый, растерявшійся въ массѣ фактовъ и не усвоившій себѣ пріемовъ сравнительнаго изслѣдованія, здѣсь находимъ сознательнаго послѣдователя новограмматиковъ, руководимаго при томъ собственнымъ научнымъ тактомъ. Этотъ научный тактъ не оставляетъ Гебауера ни тамъ, гдѣ онъ повторяетъ чужіе результаты, ни тамъ, гдѣ даетъ самостоятельное изслѣдованіе. Особенно ярко выражается онъ въ томъ обстоятельствѣ, что авторъ всюду ищетъ въ языкѣ закономѣрности; онъ не допускаетъ въ немъ случайностей, а потому всѣ факты языка подводятся подъ дѣйствіе опредѣленныхъ, дѣйствовавшихъ во времени и въ пространствѣ законовъ. Подъ закономъ Гебауеръ разумѣетъ, конечно, не правило школьной грамматики, за коимъ слѣдуютъ неизбѣжныя исключенія, а тѣ явленія, вызванныя психическими или физіологическими причинами, дѣйствіе которыхъ отразилось на болѣе или менѣе обширномъ количествѣ матеріала, подлежащаго нашему наблюденію въ прошедшемъ или настоящемъ. Къ сожалѣнію, Гебауеръ, при описаніи того или другого звукового явленія, не всегда отрѣшается отъ школьной терминологіи и, кажется, именно это вызвало нѣсколько возраженій со стороны Ягича, упрекаю-

щаго автора въ томъ, что онъ старается, иногда насильственно, создавать «правила», вмѣсто того чтобы ограничиваться простымъ анализомъ изучаемыхъ фактовъ. Такъ между прочимъ на стр. 516, обсуждая «математическое» правило Гебауера объ исчезновеніи ъ и ь въ чешскомъ языкѣ (jerové pravidlo), Ягичъ справедливо замѣчаетъ, что наблюденіе Гебауера вѣрно, но терминологія его слишкомъ искусственная, механическая. Звуки ъ и ь частью исчезали, частью переходили въ звуки *е* не по какому нибудь правилу, опредѣлявшему, что ъ и ь на четномъ мѣстѣ, считая отъ конца слова (въ рядѣ слоговъ съ этими звуками), должны перейти въ гласныя *е*, а на нечетномъ мѣстѣ (въ слогахъ, сопровождаемыхъ слогами съ другими гласными или также съ ъ и ь) исчезать (sъnъ переходило въ sen, šьvьsьtь въ ševsem, šьvьs въ švec), а очевидно потому, что они въ одномъ изъ этихъ положеній звучали иначе, чѣмъ въ другомъ. Въ положеніи передъ слогомъ съ ъ и ь, звуки ъ и ь были звуками слоговыми, потому что за ними слѣдовали звуки неслоговые; во всякомъ другомъ положеніи [1]) и между прочимъ даже передъ слоговыми *r* и *l* (въ словахъ какъ gъrstь, vьrsta) они въ общесл. яз. частью были (передъ *r* и *l*), частью же стали въ извѣстную эпоху неслоговыми. Слоговыя ъ и ь, какъ въ чешскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ переходили въ гласныя другого ряда, между тѣмъ какъ неслоговыя ъ и ь исчезали изъ произношенія [2]). Но врядъ ли справедливо, на основаніи неудачной формулировки нѣкоторыхъ явленій, осуждать автора за его стремленіе съ одной стороны искать въ фактахъ языка закономѣрности, съ другой подчеркивать тѣ изъ нихъ, которые противорѣчатъ предположенному закону, не согласуются съ даннымъ явленіемъ: со своей

1) Впрочемъ, думаю, что ъ и ь подъ ударенiемъ, въ первомъ слогѣ двусложныхъ словъ, также оставались слоговыми; чешск. deska при стар. dska заимствуетъ свое *е* изъ формъ desku, desky.

2) Въ русскомъ языкѣ неслоговыя ъ и ь становились слоговыми также передъ древними слоговыми *r* и *l*, послѣ утраты послѣдними ихъ слогового характера (верста, горсть).

стороны я осудилъ бы Гебауера за то, еслибы онъ въ приводимыхъ имъ изъ «правила» или «закона» исключеніяхъ не старался найти опять таки закономѣрности, не пытался объяснить ихъ перекрещивающимся дѣйствіемъ двухъ или нѣсколькихъ противорѣчащихъ другъ другу законовъ, а далъ бы въ своихъ объясненіяхъ просторъ элементу случайности. Но въ этомъ нельзя обвинить почтеннаго автора Исторической грамматики.

Гебауеръ считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ чешской письменности; мнѣ, въ качествѣ рецензента его капитальнаго труда, невозможно судить о томъ, насколько онъ исчерпалъ матеріалы, представляющіе интересъ для исторической грамматики. Самъ авторъ скромно сознается въ томъ, что ему остались неизвѣстными многіе памятники не только XVI и послѣдующихъ вѣковъ, но даже и XV вѣка. Тѣмъ не менѣе обиліе извлеченнаго изъ памятниковъ матеріала поразительно: кое-что въ интересахъ научнаго освѣщенія грамматическихъ вопросовъ слѣдовало бы даже оставить въ сторонѣ или сократить, какъ мнѣ кажется, по высказаннымъ ниже соображеніямъ. Но рядомъ съ этимъ читатель поражается скудостью приводимыхъ изъ живого языка данныхъ: правда, Гебауеръ воспользовался работами Шемберы, Бартоша (а именно первой частью его «Dialektologie moravská») и др., но очевидно въ этомъ направленіи, т. е. въ области изученія чешскихъ говоровъ, сдѣлано сравнительно гораздо меньше, чѣмъ въ отношеніи къ письменнымъ памятникамъ языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство выясняетъ намъ значеніе подготовительныхъ работъ, принадлежащихъ самому Гебауеру: если бы онъ самъ не потрудился надъ памятниками, факты древняго, письменнаго языка были бы представлены въ его грамматикѣ такъ же слабо, какъ факты языка живого. Гебауеръ самъ не работалъ надъ изученіемъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ — это и отразилось на его трудѣ. Конечно, поставить это обстоятельство въ вину почтенному ученому совершенно невозможно, но тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что имъ опредѣлился весь характеръ исторической грамматики Гебауера. Въ основаніе

ея положены не данныя живого языка, а свидѣтельства языка письменнаго, т. е. она построена не на томъ надежномъ историческомъ матеріалѣ, который извлекается изъ сравнительнаго изученія живыхъ говоровъ, а на томъ слабомъ, неотчетливомъ отраженіи языка, которое представляютъ изъ себя письменные памятники, да еще при условіяхъ преемственнаго, историческаго правописанія. Историческая грамматика Гебауера очень много выиграла бы, если бы въ ней почаще дѣлались заключенія отъ фактовъ современныхъ къ фактамъ древнѣйшимъ, если бы звуки и даже формы старочешскаго языка были возстановлены путемъ сравнительнаго изученія современныхъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ, при чемъ данными письменнаго языка лишь подтверждалась правильность сдѣланныхъ выводовъ. Мнѣ кажется, что подробное и при томъ строго научное изученіе фонетики живыхъ говоровъ весьма часто давало бы болѣе надежныя основанія для опредѣленія звуковыхъ явленій или характера отдѣльныхъ звуковъ въ старочешскую эпоху, чѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ, графика которыхъ столь несовершенна и искусственна. Между тѣмъ авторъ, вмѣсто того, чтобы заняться нѣкоторыми тонкостями въ дѣйствительномъ, живомъ произношеніи звуковъ, удѣлилъ слишкомъ много мѣста тщательному разсмотрѣнію различныхъ графическихъ явленій въ древнихъ чешскихъ памятникахъ. Правда, данныя древняго правописанія требуютъ подробнаго изученія, по скольку изслѣдователь надѣется открыть въ нихъ указаніе на живое произношеніе; но изученіе описокъ, ошибочныхъ пріемовъ, незаконныхъ увлеченій, систематическихъ отклоненій отъ произношенія ни въ коемъ случаѣ не должно входить въ задачу исторической грамматики. Гебауеръ, отведя этому излишнему балласту слишкомъ много мѣста, этимъ самымъ иногда совершенно затемняетъ сущность разсматриваемаго звукового явленія. Такъ, напримѣръ, послѣ перехода звука *u* въ положеніи за j и смягченными согласными въ *i*, написанія iu, yu и даже u древнихъ памятниковъ читались какъ *i:* lyud, liute, tissucz произносились lid, lité, tisíc; естественно, что звукъ *i* сталъ изо-

бражаться тогда не только буквами i, ii, y, ij и т. д., но также еще буквами iu, yu и даже иногда буквой u: tyusiucie, prawiciu (вм. pravici), radytyu (вм. raditi), trpietyu (вм. trpěti) и даже sluzuli вм. slúžili. Подобныя написанія для языковѣда имѣютъ лишь тотъ интересъ, что доказываютъ то, что, ко времени ихъ появленія въ древнечешской письменности, въ языкѣ уже совершился переходъ *u* за j и смягченными согласными въ *i*. Гебауеръ придаетъ этому чисто графическому явленію гораздо большее значеніе, чѣмъ оно заслуживаетъ: посвятивъ ему цѣлый 168-й § (I, с. 216—218), онъ возвращается къ нему же въ § 170-мъ (с. 225) и не скупится на примѣры подобныхъ ошибочныхъ написаній. Правда, онъ и не признаетъ ихъ слѣдствіемъ только графическаго недоразумѣнія и объясняетъ ихъ какъ результатъ искусственнаго произношенія, архаизирующаго стремленія книжниковъ, которые знали въ своемъ языкѣ рядомъ съ древнимъ произношеніемъ dušu, dušiu новое duši и потому писали и даже искусственно произносили (с. 218) звуки *u*, *iu*, *iú*, *u* вм. первоначальныхъ *i* и *í*. Но проще думаю видѣть здѣсь простое и весьма обыкновенное графическое явленіе, сходное съ тѣмъ, которое вызывало въ среднегреческомъ языкѣ написанія οι, ει вм. первоначальныхъ ο, ι, или во французскомъ ai вмѣсто ожидаемаго e. Но если бы даже Гебауеръ былъ правъ и произношеніе съ *u*, *iu* вм. *i* встрѣчалось мѣстами въ искусственной рѣчи книжниковъ, неужели стоитъ упоминать, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ формъ склоненія, о такихъ написаніяхъ какъ snamenyu вм. znamení, lidyu вм. lidí въ р. мн. (III, с. 169 и 346) или hrziessyu вм. hřieši въ им. мн. (III, с. 47)? Тоже должно сказать о весьма распространенномъ пріемѣ изображать звукъ *i* буквами ie, о которомъ говоритъ § 170, а въ особенности стр. 224—225. Совершенно лишне было возвращаться къ подобнымъ написаніямъ къ морфологіи и приводить, напр. при разсмотрѣніи формъ дат. пад., spasenye вм. spasení (изъ болѣе древняго spaseniu), мѣст. пад. v mém kazanye вм. kazaní (изъ болѣе древняго kazaniu или kazanii), ср. III, 165 и 166. Мнѣ представляется, что

Гебауеръ, стремясь дать въ своей исторической грамматикѣ полную картину письменнаго языка, слишкомъ увлекался собраннымъ имъ матеріаломъ и, можетъ быть, даже умышленно не отдѣлялъ явленій языка и явленій графики. Это повело, однако, къ цѣлому ряду недоразумѣній. Особенно часто говоритъ Гебауеръ о явленіяхъ обратной аналогіи (zvratná analogie), смѣшивая при этомъ новые пріемы письма съ вновь появлявшимися звуками и звуковыми сочетаніями. Въ § 122 Гебауеръ говоритъ, что въ переходныя эпохи между двумя фонетическими явленіями, старшимъ—A и новѣйшимъ, смѣнившимъ его—B, когда A и B еще существовали рядомъ другъ съ другомъ, чередованіе A и B вызывало появленіе A (A′) и при первоначальномъ, древнѣйшемъ B (B′); напр. переходъ aj въ ej вызвалъ, по мнѣнію Гебауера, появленіе aj вм. древняго ej въ ту промежуточную эпоху, которая слѣдовала за указаннымъ переходомъ и предшествовала окончательному вытѣсненію звукового сочетанія aj черезъ ej; вм. zajtra, volajte появлялись zejtra, volejte; чередованіе zajtra и zejtra вызывало появленіе najsem вм. nejsem, odajdeme вм. odejdeme. Я никакъ не могу согласиться съ г. Гебауеромъ и допустить появленіе A′ вм. B′ подъ вліяніемъ ложной или обратной аналогіи: если *aj* по фонетическимъ причинамъ перешло въ языкѣ въ *ej*, то во-первыхъ не можетъ быть и рѣчи о продолжающемся чередованіи старыхъ формъ съ *aj* и новыхъ формъ съ *ej*, во-вторыхъ ужъ ни въ коемъ случаѣ нельзя ожидать расширенія, распространенія произношенія съ *aj*, какъ противорѣчащаго дѣйствующему фонетическому закону. Не въ переходную эпоху отъ *aj* къ *ej*, а въ послѣдующее за совершившимся переходомъ *aj* въ *ej* время возможны новообразованія, гдѣ возстановляется, подъ вліяніемъ какой-нибудь аналогіи, древнее *aj* вм. новаго *ej*, въ виду прекратившагося дѣйствія указаннаго закона объ измѣненіи *aj* въ *ej:* такъ вм. старочешскаго tejný въ новочешскомъ появляется tajný подъ вліяніемъ tajiti, tajemný (ср. с. 135). Въ виду этого я не допускаю возможности существованія въ языкѣ такихъ формъ какъ приведенное выше najsem,

и написанія naysem, odayme, sayde, гдѣ *ay* вм. первоначальнаго *ej*, доказываютъ по моему мнѣнію лишь то, что у писцовъ, употреблявшихъ ихъ, буквы ay изображали тотъ же звукъ что ey, что слѣдовательно въ ихъ языкѣ древнее ay читалось уже какъ *ey*. Гебауеръ былъ раньше того же мнѣнія (ср. его статью въ Listech fil. 1874 года), признавая въ написаніяхъ какъ naysem лишь графическое явленіе, но теперь (с. 137) онъ выражаетъ убѣжденіе въ томъ, что подобныя явленія, вызванныя ложною аналогіей, имѣли мѣсто не только на письмѣ, но и въ живой рѣчи. Въ другихъ мѣстахъ книги это же положеніе высказывается съ значительными ограниченіями, а именно существованіе подобныхъ явленій допускается только въ искусственной рѣчи образованныхъ книжно людей: но и съ такими ограниченіями положеніе Гебауера представляется мнѣ совершенно невѣроятнымъ. Болѣе сомнительно, напр., чтобы даже въ искусственной рѣчи когда-нибудь говорилось sluonce, dluoho, ruocho; такія написанія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что *uo* напр. въ buoh уже перешло въ *ū* (būh), почему написаніе uo могло обозначать уже не только дифтонгъ uo, но и простой звукъ *u* (I, 263). Невѣроятно, чтобы nedawy, nechyž, posluchyte можно было читать такъ, какъ ихъ передаетъ Гебауеръ на с. 138, т. е. какъ nedavý, nechý, poslúchýte: буква y, послѣ перехода *ý* въ *ej*, стала обозначать и дифтонгъ *ej*, почему приведенныя написанія слѣдуетъ читать: nedavej, nechej, poslúchejte и т. п. Точно также daufati нельзя читать съ дифтонгомъ *au*, какъ это дѣлаетъ Гебауеръ (с. 263); *au* передаетъ здѣсь звукъ *ou*, что стало неизбѣжнымъ послѣ перехода дифтонга *au* (напр. въ saud) въ *ou* (soud). Увлеченіе письменными данными языка привело Гебауера и къ другимъ ошибкамъ: такъ, признавъ что написанія съ *au*, *aj* выражаютъ именно дифтонги съ слоговымъ *a*, онъ (с. 282) на основаніи рукописныхъ mlayn, dayn, maydlo и т. п. дѣлаетъ выводъ о томъ, что *ý* измѣнилось въ старочешскомъ въ *aj*, а потомъ уже явилось *ej* (совр. mlejn, dejm). Между тѣмъ одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ, гдѣ *aj* замѣнило древнее *ý* заимствованъ изъ рукописи

Svato-Vítské 1380—1400 (wayducz, также neḃayway); а въ этой рукописи, какъ это видно изъ § 120, читается и weywody (3 л. наст. вр.); слѣдовательно, въ языкѣ писавшаго эту рукопись уже совершился переходъ *aj* въ *ej*, почему *aj* въ neḃayway должно читать именно какъ *ej*. Такимъ образомъ памятники не даютъ Гебауеру основанія допускать посредствующую ступень между *ý* и *ej* въ видѣ дифтонга *aj*, и я вполнѣ согласенъ съ Ягичемъ, что предположеніе перехода *ý* въ *aj* труднѣе понять, чѣмъ измѣненіе *y* въ *ej*, имѣя въ виду характеръ звука *y*, близость его къ *ъ* (откуда въ чешскомъ *e*).—Въ § 226 мы читаемъ объ измѣненіи *r* и *l* слоговыхъ въ *ri* и *li*; въ подтвержденіе такого явленія приводится изъ памятниковъ рядъ написаній, какъ twrido, sridcem, tryh, zmlikla, а также діалектическія формы, подобныя pryst, sryna, vryḃa, smryć, sryvatka и т. п. Мнѣ кажется, что въ современныхъ говорахъ дѣйствительно возможенъ переходъ слоговыхъ *r* и *l* въ ry и ly, но переходъ этотъ сравнительно новый и можетъ быть прежде всего сопоставленъ съ появленіемъ въ нихъ yr, yl вм. тѣхъ же слоговыхъ *r* и *l* (ср. въ Ляшскомъ говорѣ kyrk, syrp, Byrno при діалектическихъ sryp, kryk и т. д., Bartoš I, 104). Онъ не имѣетъ ничего общаго съ появленіемъ написаній какъ Brido въ хроникѣ Козьмы Пражскаго по рукописи 1154 г. или съ twrido въ одной рукописи XIII в.: *ri*, *ry*, *li*, *ly* латинскихъ и чешскихъ рукописей употребляются для приблизительнаго выраженія слоговыхъ *r* и *l*, подобно тому какъ тѣ же рукописи передаютъ ихъ и написаніями *ir*, *yr*, *il*, *yl* (ср. у Козьмы Пражскаго по рукописи XIII в. Byrdo; въ одной рукописи около 1300 г., гдѣ встрѣчается написаніе sirdcem, находимъ также sridcem и т. д.); *r* слоговое передается даже черезъ *iri:* ср. birizo въ той же рукописи XIII в., гдѣ и twrido (с. 298). Во всякомъ случаѣ предполагаемыя Гебауеромъ старочешскія діалектическія priv, tvrido перешли бы въ přiv, tvřido и ни въ коемъ случаѣ не отразились бы въ современныхъ чешскихъ и моравскихъ говорахъ въ видѣ pryv, tvrydo. Приводимыя авторомъ въ подтвержденіе того, что *i*, *y* дѣйствительно изображаютъ звукъ *i*, напи-

санія, какъ drzizieti, omrzylec, okrzyslenye, частью должны быть поняты какъ простыя описки (drzizieti вм. drzieti), частью же дѣйствительно передаютъ звукъ ř, ничего общаго съ *r* слоговымъ не имѣющій: такъ okrzyslenye, т. е. okřslenie имѣетъ ř (а не слоговое *r*) изъ *rъ*, ср. еще krzysta (с. 291), т. е. křsta изъ krьsta: извѣстно, что первоначальнымъ *rъ*, *rъ̀*, *lъ*, *lъ̀* въ старочешскомъ соотвѣтствовали не слоговыя *r* и *l* (являвшіяся въ результатѣ первоначальныхъ *ъr*, *ъ̀r*, *ъl*, *ъ̀l*), а неслоговыя *r* (ř) и *l̀* (ľ): ср. старочешское krvavý (двусложно) при slza, klnu (односложны), см. у Гебауера с. 288, 349. — Вслѣдствіе смѣшенія фонетическихъ явленій съ графическими, читая нѣкоторые отдѣлы Исторической грамматики, я не могъ отдать себѣ отчета, говорится ли въ нихъ объ измѣненіи звуковъ или о вычурахъ правописанія. Такъ § 454 озаглавленъ «j присоединяется» (j se přisouvá); онъ разбитъ на нѣсколько пунктовъ, гдѣ указываются различныя положенія, при которыхъ имѣетъ мѣсто это явленіе; въ 16-мъ п. говорится о присоединеніи j по ложной аналогіи къ *d, m, s;* правда, ссылка на § 315, 356 и 398 показываетъ, что Гебауеръ въ написаніяхъ какъ gdiechu вм. diechu, jsam вм. sam, gmanowe видитъ лишь графическое явленіе, вызванное чередованіемъ написаній какъ gdu (jdu) и du, gmam (jmam) и mam, но во-первыхъ мысль эта въ § 356 выражена недостаточно ясно (*říkalo* se způsobem starším jmám, jméno atp., a způsobem novějším mieti, mám, méno atd., a podle toho zdalo se, že i místo man- může býti jman-; мы ожидали бы: *písalo* se způsobem starším gmam, gmeno и т. д.); во-вторыхъ говорить о присоединеніи j къ d, m, s въ §, гдѣ толкуется о такихъ явленіяхъ, какъ jíva, jiskra, jikra вм. íva, iskra, ikra, можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы g (j) въ gsam, gdiechu выражало дѣйствительно звукъ j. Въ § 392, озаглавленномъ «h se přisouvá», приводятся случаи гдѣ hр замѣняетъ р: таковы написанія hpany, hpannu; Гебауеръ сопоставляетъ съ ними написаніе hb вм. b въ hbratr въ одной рукописи XIV в., признавая, что оно можетъ быть опиской писца. Но неужели h въ hpany выражаетъ дѣйствительно живой звукъ?

Не вызвано ли оно какой нибудь графической причиной, подобною той, которая дала возможность появленію написаній gsam, gdiechu?

Въ обоихъ указанныхъ §§, 454-мъ и 392-мъ, мы видимъ смѣшеніе фонетическихъ явленій не только съ графическими, но также и съ такими, которыя вызваны вліяніемъ аналогіи, при чемъ тутъ же приводятся случаи, всецѣло относящіеся къ морфологіи и словообразованію. Такъ въ п. 5 § 454-го говорится о приставкѣ *j* къ начальному *i* въ jiný, jikra, въ п. 10 о появленіи *j* въ положеніи между гласными, напр. въ случаяхъ какъ Marija вм. Maria, а въ п. 12 разсматриваются нарѣчія, оканчивающіяся на *j* и восходящія къ болѣе древнимъ формамъ безъ *j* (vícej, dálej), при чемъ *j* правильно объясняется здѣсь вліяніемъ случаевъ, какъ bohatěj вмѣсто bohatěji; а въ п. 13 приводится приставка *naj* при *na* въ образованіи превосходной степени (старочеш. návyšší при новочешск. nejvyšší), хотя тутъ же объясняется, что оба образованія *na-* и *naj-* восходятъ къ праславянской эпохѣ. Очевидно, въ §, гдѣ говорится о присоединеніи или вставкѣ *j*, не мѣсто говорить ни объ образованіи сравн. ст. нарѣчія, ни о приставкѣ, образующей превосходную степень.— Въ п.п. 1—8 § 392-го говорится о фонетическомъ появленіи h передъ начальными гласными, а также звуками r, l, n; поэтому мнѣ кажется неумѣстнымъ говорить въ п. 11 о діалект. hmoždíř вм. moždíř, такъ какъ, по объясненію самаго автора, *h* явилось здѣсь не фонетическимъ путемъ, а подъ вліяніемъ слова hmoždíti (толочь); точно также въ п. 8 долженъ былъ бы быть выпущенъ примѣръ zkřehnouti вм. zkřenouti, такъ какъ h обязано своимъ появленіемъ вліянію слова křehký (ломкій, слабый).—Появленіе *v* въ причастныхъ формахъ vedv, přivedv, přinesv не подлежитъ обсужденію въ фонетикѣ (ср. I, 434), такъ какъ морфологія учитъ, что *v* заимствовано въ нихъ изъ формъ какъ dělav, prosiv, trpěv.—Въ § 427 идетъ рѣчь о приставкѣ звука *c* къ нарѣчнымъ формамъ, какъ діалект. jednúc, podruhúc вм. jednú, podruhú, тогда какъ *c* (общеслав. tj) представляетъ здѣсь словообразова-

тельный суффиксъ; говоря, что въ подобныхъ случаяхъ «c se přisouvá», Гебауеръ повторяетъ неточное выраженіе Бартоша (I, 16). — По всему видно, что Гебауеръ хотѣлъ въ 1-й части своего труда — фонетикѣ объяснить весь звуковой составъ чешскаго языка, независимо отъ того, какіе факторы при этомъ дѣйствовали — звуковые законы, законы словообразованія и образованія формъ. Подобная задача не только ненаучна, но и не выполнима. Ненаучна она потому, что кладетъ въ основаніе сравненія какую-то произвольную норму языка, признавая все несходное съ нею отклоненіемъ и объясняя это такими ничего не объясняющими терминами, какъ вставка, приставка, выпаденіе и т. п. Такъ Гебауеръ, исходя изъ исторически правильной формы moždíř (староверхненѣм. morsaere), говоритъ, что въ hmoždíř «h se přisouvá», а Бартошъ, исходя изъ литературной формы hmoždíř, учитъ, что въ діалект. moždíř «h se vysouvá» (I, 17): очевидно, фонетикѣ нечего дѣлать съ чередованіемъ hmoždíř и moždíř, такъ какъ оно принадлежитъ словарю, гдѣ и должно быть выяснено взаимное отношеніе обоихъ словъ. Не выполнима указанная выше задача потому, что, исходя изъ элементарнаго, ненаучнаго сравненія, можно пожалуй признать въ діалект. rybama при обычномъ rybami замѣну i черезъ a или въ формахъ р. мн. bohyní, otrokyní при bohyň, otrokyň «přisouvání í»: такое толкованіе ничѣмъ не отличается отъ приведеннаго выше объясненія jednúc изъ jednú приставкой звука *c;* но въ такомъ случаѣ въ фонетикѣ пришлось бы говорить обо всѣхъ формахъ склоненія и спряженія, такъ какъ онѣ по отдѣльнымъ эпохамъ и говорамъ отличаются между собой именно звуковою стороной.

И такъ, Гебауера можно упрекнуть въ томъ, что онъ не точно опредѣлилъ задачу составленной имъ фонетики. Предметомъ этого отдѣла исторической грамматики должно быть ученіе о звукахъ самихъ по себѣ, т. е. объ измѣненіяхъ ихъ, не зависящихъ отъ того, въ какихъ именно формахъ или словахъ они находятся. Слѣдовательно, сюда прежде всего относится изложеніе звуковыхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ различныя эпохи

существованія языка; далѣе сюда же относятся довольно впрочемъ рѣдкія явленія, состоящія въ измѣненіи звуковъ подъ вліяніемъ звуковой ассоціаціи, независимой отъ слова или формы. Къ такимъ явленіямъ относится напр. появленіе h передъ начальнымъ ř въ діалект. hřešeto, hřemen, hřebř (стр. 464), при чемъ hř вмѣсто ř вызвано чередованіемъ въ тѣхъ же діалектахъ звуковъ hř и ř, напр. въ началѣ словъ hřebík и řebík, гдѣ h вм. ž имѣетъ, повидимому, фонетическое происхожденіе (ср. I, 518). Что касается явленій, подобныхъ замѣнѣ этимологическаго *c* звукомъ *t'*, напр. въ діалект. t'ihła, řét'i вм. cihła, řécі (ср. I, 501), то здѣсь, думаю, мы имѣемъ дѣло не съ вліяніемъ аналогіи, какъ это допускаетъ Гебауеръ,—аналогіи, вызывавшей *t'* вм. *c* вслѣдствіе фонетическаго перехода *c* въ *t'*, при чемъ, слѣдовательно, чередованіе dácі и dát'i, cichý и t'ichý вызывало при řécі—řét'i, при cihła—t'ihła,—а со смѣшеніемъ звуковъ c' и t', и всего вѣроятнѣе съ измѣненіемъ ихъ въ одинъ общій звукъ, средній между c' и t'.

Впрочемъ, автора Исторической грамматики нельзя обвинить въ стремленіи, свойственномъ многимъ изъ послѣдователей новограмматиковъ, отводить дѣйствію аналогіи слишкомъ обширный просторъ. Онъ постоянно предпочитаетъ прямое, фонетическое объясненіе. Вотъ почему мы почти не находимъ у него искусственныхъ предположеній о существованіи ассоціативной связи между такими формами, которыя имѣютъ лишь отдаленное отношеніе другъ къ другу. Впрочемъ, мнѣ кажется, что иногда и Гебауеръ, допуская вліяніе аналогіи, впадаетъ въ ошибку. Такъ въ т. I, с. 148—149 діалектическое р. мн. semán (а также klevát, klepát и др.) онъ объясняетъ вліяніемъ формъ р. мн. какъ hláv, hromád, voblák, housát, откуда á переносилось на мѣсто e. Мнѣ кажется, что прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что такое á проникаетъ только въ окончанія en и et: klevát, при klevety, klevetě, діалект. kleveti, являлось не подъ вліяніемъ hláv, voblák, а только подъ вліяніемъ формъ склоненія, какъ housát, prasát при housěte, prasěti. Но semán, очевидно, требуетъ иного

объясненія: эту форму слѣдуетъ сопоставить съ тѣми новообразованіями въ склоненіи основъ средняго рода на-мен-, на которыя Гебауеръ не обратилъ достаточнаго вниманія; я говорю о старочешскихъ формахъ, подобныхъ приведеннымъ имъ (III, 416, 418) — z wymyene, vymyen, гдѣ mye слѣдуетъ читать какъ mě; vyměne явилось вмѣсто vymene подъ вліяніемъ им. ед. vyměˊ, подобно тому какъ въ древнерусск. языкѣ сѣмяни, веремяни, вм. сѣмени, веремени, возникли подъ вліяніемъ сѣмя, веремя; при vyměne р. мн. былъ vymáˊn по общему закону о чередованіи звуковъ ě (въ концѣ слова или передъ смягченной согласной) и á (передъ твердой согласной), ср. русскую форму сѣмянъ. Что же касается формы род. мн. koňáˊn, то ā восходитъ въ ней, если не ошибаюсь, къ долгому ē, фонетически измѣнившемуся въ чешскословацкую эпоху, какъ я покажу во II части этого разбора, въ дифтонгическое сочетаніе iä, откуда въ чешскомъ нарѣчіи передъ твердыми согласными ā. Въ виду этого фонетическаго перехода, возможно, что и klevát, semáˊn явились вмѣсто klevēt, semēn фонетически и сохранили свое ā подъ вліяніемъ указанныхъ аналогій. Формы имен. множ. основъ мужскаго рода въ чешскомъ языкѣ представляютъ нѣкоторыя трудности при объясненіи ихъ происхожденія: благодаря прекрасному и весьма обстоятельному разсмотрѣнію всѣхъ этихъ формъ въ § 35 III части грамматики Гебауера, мы можемъ въ настоящее время судить о степени распространенности той или другой изъ нихъ и о взаимномъ между ними отношеніи. Особенное вниманіе обращаютъ словацкія формы на -ovia и -ia: synovia, chlapovia, l'udia, židia, pohania; Гебауеръ объясняетъ ихъ окончаніе вліяніемъ формъ какъ bratia при brat, kňažia при kňaz, бывшихъ нѣкогда формами им. ед. существительныхъ женск. р. съ собирательнымъ значеніемъ. Такое объясненіе находитъ подтвержденіе въ сходномъ происхожденіи русскихъ окончаній на ья вм. е, и (напр. сыновьяˊ, зятьяˊ, мужьяˊ), но это самое сходство вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ нѣсколько иной свѣтъ на указанныя словацкія формы: дѣло въ томъ, что въ русскомъ языкѣ существовали нѣ-

когда, а діалектически существуютъ и теперь, формы им. мн. съ окончаніемъ *я* — сынóвя, татáровя, мѣщáня, дворя́ня, бояря; это *я* фонетически замѣнило древнее окончаніе *е* по тому же закону, по которому во многихъ русскихъ говорахъ, и между прочимъ въ сѣверновеликорусскихъ, неакающихъ,— есте, прощáйте измѣнились въ естя, прощáйтя, мене, тебе измѣнились въ меня, тебя. Въ этомъ русскомъ явленіи я вижу указаніе на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ конечное е звучало открыто, какъ ä. Имѣя въ виду соотвѣтствіе великорусскимъ меня, тебя (прарусскимъ menä, tebä) словацкихъ формъ teb'ä, seb'ä, teb'a, seb'a, mňa, mnä, mna и т. д., мы въ правѣ предположить, что и въ прасловацкомъ конечное открытое *е* звучало открыто, какъ ä, переходя при извѣстныхъ условіяхъ въ *а*. Дѣйствительно, объяснять словацкія teb'ä, seb'ä изъ tebe, sebe вліяніемъ формъ t'a, sa представляется столь же сомнительнымъ, какъ давать подобное объясненіе русскимъ тебя, себя вм. тебе, себе (выводя *я* изъ тя, ся). Напротивъ, словацкія teb'a, teb'ja, teba весьма удовлетворительно объясняются изъ teb'ä, такъ какъ звукъ ä въ словацкомъ былъ склоненъ къ переходу въ а: ср. болѣе древнія діалект. čäs, ulicä, prädza при болѣе новыхъ čas, ulica, pradza. Ниже я подробнѣе остановлюсь на вопросѣ объ условіяхъ, при которыхъ возникалъ въ словацкомъ нарѣчіи звукъ ä, а пока ограничусь замѣчаніемъ, что mňa, teb'ä, seb'ä доказываютъ: 1) что конечное *е* было въ прасловацкомъ, или точнѣе въ чешскословацкомъ, звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *а* (ä), 2) что звукъ ä переходилъ затѣмъ въ словацкомъ въ *а*, сохраняясь какъ ä лишь послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, а именно въ большинствѣ говоровъ только послѣ губныхъ, мѣстами же и послѣ другихъ согласныхъ. Сдѣланныхъ выводовъ достаточно для признанія словацкаго l'udia фонетическимъ измѣненіемъ чешскословацкаго l'udiä (старочешск. liudÿe: III, 346). Подобно тому какъ въ русскомъ языкѣ окончаніе ья, явившееся фонетически вм. ье въ им. мн. людья, гостья, мужья, зя́тья съ одной стороны, въ им. ед. именъ собирательныхъ средняго рода, какъ ли́стья, зу́бья, ко́лья съ другой, переносилось затѣмъ

на мѣсто окончанія -*я* въ словахъ какъ татаровья, мужевья [1]), такъ же точно въ словацкомъ *ia* изъ словъ какъ l'udia, hostia, mužia переносилось на мѣсто окончанія ä или *a* въ *synovä, *pohan'a, діалект. морав. Brodzaňa, Bánovjaňa (III, 74) — ср. словацк. synovia, pohania, діалект. моравск. Brezovania (III, 74). Впрочемъ, перенесеніе iä изъ формъ какъ ludiä, mužiä въ другія имена мужск. рода относится еще къ чешскословацкой эпохѣ: въ чешскомъ нарѣчіи *iä* фонетически измѣнялось въ *í* (ср. р. ед. znamení изъ znamenia, непосредственно же изъ znameniä) черезъ посредство ie (znamenie): формы им. мн. на í, о которыхъ Гебауеръ говоритъ въ т. III, сс. 46—47 и 51, сомнѣваясь, возводить ли *í* къ *ie* или признать *í* удлиненіемъ *i*, несомнѣнно относятся сюда: ср. старочешск. mystrzij, kmotřj, діалект. chłapí (русск. холопья при холопи), drozdí, и даже ptácí, vojácí. Старочешское окончаніе *ie*: czertye, czerwíe, vlcie, mnyssye, hadie, zydye (ср. словацк. židia), šířie (ср. русское шурья), hawranyee (русское воро́нья) и т. д. (III, 50—51),—ясно указываетъ, что современное діалект. *í* въ židí, vlcí, hadí и т. д. можетъ восходить къ *ie*, при чемъ сопоставленіе словацкихъ židia, šúrja съ приведенными выше формами дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что *ie* восходитъ къ *iä* (которое въ свою очередь въ чешскословацкую эпоху соотвѣтствовало болѣе древнему ie). Распространенію окончанія им. мн. ie (изъ iä) могли содѣйствовать еще имена средняго рода съ значеніемъ собирательнымъ, какъ listie, kvietie, kamenie, plamenie, uhlie (III, 171—172), которыя, въ настоящей ихъ формѣ listí, kvítí, kamení и т. д., принимаются за им. мн. при list, květ, kámen (ср. III, 171 и 51): ср. подобное же вліяніе собирательныхъ на распространеніе окончанія -*ья* въ русскомъ языкѣ. Равнымъ образомъ окончаніе iä (откуда въ словацкомъ ia и старочешскомъ ie) ассоціировалось съ окончаніемъ им. ед. собирательныхъ женскаго рода, какъ kňažia, bratia (откуда kňežie, bratie въ старочешскомъ)

1) Такому перенесенію окончанія -ья способствовало въ особенности то, что въ прочихъ падежахъ мн. ч. склоненіе татаровя и людья было сходно: татаровей, людей, татаровямъ, людямъ.

и этимъ еще болѣе пріобрѣтало право гражданства: ср. подобную же ассоціацію въ русскомъ языкѣ, гдѣ им. ед. ж. р. княжья, откуда подъ вліяніемъ формы князи — князья, сталъ им. мн. муж. рода. И такъ, подводя итогъ всему вышеизложенному, мы видимъ, что Гебауеръ придалъ слишкомъ большое значеніе вліянію собирательныхъ женск. р. на появленіе окончанія *ia* въ им. мн. мужск. р.: онъ упустилъ при этомъ изъ виду, что *ia* явилось собственно фонетически изъ *iä* въ склоненіи основъ на *ĭ*, при чемъ звуковое совпаденіе его съ окончаніями *ia* собирательныхъ женск. рода и *ia* (изъ *iä*) собирательныхъ средн. р. способствовало распространенію его насчетъ другихъ окончаній им. мн. мужск. р. (*i*, *ove*, *e*, *y* и др.[1]).

Выше я отмѣтилъ, что въ фонетикѣ, т. е. въ 1-й части Исторической грамматики, Гебауеръ недостаточно разграничилъ звуковыя явленія отъ явленій морфологическихъ и словообразовательныхъ съ одной стороны, графическихъ съ другой. Остановлюсь теперь на вопросѣ, какъ справился Гебауеръ съ собственно звуковыми явленіями. Въ изложеніи автора чешскій языкъ (čeština), въ разнообразныхъ его говорахъ и въ различныхъ эпохахъ его существованія, разсматривается какъ одно цѣлое: правда, при изложеніи отдѣльныхъ явленій Гебауеръ обращаетъ вниманіе на мѣсто и время, но въ его трудѣ не находимъ систематическаго обозрѣнія особенностей, характеризующихъ отдѣльныя нарѣчія, и только подробная выборка изъ шестисотъ страницъ 1-го тома можетъ дать намъ понятіе о совокупности звуковыхъ явленій, отличающихъ напр. словацкіе говоры отъ чешскихъ; еще труднѣе получить на основаніи грамматики Гебауера представленіе о томъ, какія именно звуковыя черты характеризовали чешскій языкъ въ отдѣльныя эпохи его существо-

---

1) Что касается чешск. é въ zemané, synové, старочешск. pohané (III, 52), то оно замѣнило í подъ вліяніемъ e въ параллельныхъ формахъ žeměňe (ср. старочешск. myessczenye, zemyenye), panove (новочешск. III, 49), какъ это правильно объясняетъ Гебауеръ (III, 49). Отсюда é распространялось и на случаи какъ židé, sousidé и даже hosté, listé (III, 52).

ванія и какъ именно измѣнялся звуковой составъ во всемъ его объемѣ въ теченіе хотя бы исторической жизни чешскаго языка. Между тѣмъ одной изъ главныхъ задачъ исторической грамматики надо признать историческое разсмотрѣніе не только отдѣльныхъ звуковыхъ явленій, но и всего звукового состава, такъ какъ исторія отдѣльныхъ звуковъ стоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ исторіей всего звукового состава. Я далекъ отъ мысли утверждать, что историческая грамматика должна излагаться непремѣнно по вѣкамъ или эпохамъ, но думаю, что при всякомъ другомъ ея изложеніи въ нее должны быть включены отдѣлы, гдѣ давалась бы характеристика звукового состава отдѣльныхъ эпохъ. Кромѣ этого, исторической грамматикѣ можно ставить еще и другое требованіе: имѣя въ виду представить историческое развитіе языка, она должна разсматривать однородныя явленія, зависѣвшія въ своемъ происхожденіи отъ одной общей причины и возникшія въ одно и тоже время, не порознь, а вмѣстѣ, въ связномъ изложеніи. Этому требованію Историческая грамматика Гебауера, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ. Такъ, напримѣръ, измѣненіе звуковъ *a* и *u* въ направленіи къ *e* и *i* послѣ смягченныхъ согласныхъ въ чешскомъ языкѣ однородно; самъ Гебауеръ обозначаетъ его общимъ терминомъ «přehláska», между тѣмъ онъ не связываетъ въ своемъ изложеніи обоихъ этихъ явленій, и такимъ образомъ не даетъ возможности вникнуть въ дѣйствительную ихъ сущность. Еще яснѣе связь между измѣненіями ȳ въ *ej* и ū въ *au*: оба явленія разсматриваются отдѣльно, хотя авторъ и признаетъ ихъ однородными, что видно на ссылкахъ при §§ 197 и 217, гдѣ проводится мысль о томъ, что появленію дифтонговъ вм. долгой гласной способствовали сходныя явленія въ сосѣднихъ нѣмецкихъ говорахъ (mein вм. mīn, haus вм. hūs)[1]). Измѣненіе

1) Весьма любопытно, что чешское ī не измѣнялось въ дифтонгъ: это стоитъ въ несомнѣнной связи съ мягкостью предшествующей согласной, такъ какъ, вслѣдъ за отвердѣніемъ согласной передъ ī, происходило измѣненіе его въ ej (ср. *ej* вм. ī послѣ шипящихъ и свистящихъ: zejma, sejło, nožejk, о чемъ у Гебауера въ § 166, 2—4).

t, *d*, *n* въ смягченные звуки передъ *i* разсматривается отдѣльно для каждаго изъ этихъ звуковъ въ §§ 304, 317 и 290, между тѣмъ какъ появленіе смягченія при всѣхъ этихъ звукахъ совершенно однородно и должно было бы быть разсмотрѣно въ общей связи съ появленіемъ и другихъ смягченныхъ согласныхъ (b′, p′ и др.) передъ звукомъ *i*. Вслѣдствіе того, что вниманіе Гебауера сосредоточивалось на отдѣльныхъ звукахъ, а не на явленіяхъ въ ихъ исторической послѣдовательности, мы находимъ иногда въ одномъ и томъ же § изложеніе явленій, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ эпохамъ. Такъ въ § 454, озаглавленномъ «j se přisouvá», говорится объ общеслав. *ja* вм. *a* въ jaьlъko, jagnę, *je* вм. *e* въ jesmь, а также объ общечешскомъ *ji* вм. *i* въ jíl, jizba, и о діалектическихъ *jo*, *ju* вм. *o*, *u*: sivé jočí, ju studénky stála. Думаю, что бо́льшее разграниченіе отдѣльныхъ эпохъ и описаніе явленій во всемъ ихъ объемѣ, а не однѣхъ перемѣнъ, имѣвшихъ мѣсто въ отдѣльныхъ звукахъ, въ результатѣ такихъ явленій, значительно бы облегчили Гебауеру составленіе картины историческаго развитія чешскаго языка; вмѣстѣ съ тѣмъ такое изложеніе освѣтило бы многіе темные вопросы фонетики въ особенности потому, что сосредоточило бы вниманіе тамъ, гдѣ теперь ему приходится дробиться, отвлекаясь разсмотрѣніемъ порознь отдѣльныхъ результатовъ одного и того же общаго явленія.

Письменные памятники не всегда даютъ надежный матеріалъ для опредѣленія звукового состава минувшихъ вѣковъ: дѣйствительно, преемственность письма, книжнаго языка, да и самой литературы неминуемо ведетъ за собой перенесеніе изъ одной литературной эпохи въ другую звуковъ и формъ, давно исчезнувшихъ въ языкѣ, чуждыхъ живому произношенію. Поэтому опредѣлять эпохи историческаго развитія языка на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ письменныхъ памятниковъ, очень трудно и ненадежно; излагать ходъ развитія языка по вѣкамъ, давая характеристику каждаго вѣка и указывая, какія въ немъ совершились звуковыя измѣненія, невозможно, такъ какъ,

создавая искусственныя грани, изслѣдователь подвергаетъ себя опасности представить свой предметъ въ искусственномъ, ненаучномъ освѣщеніи. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что письменные памятники, связанные съ опредѣленной эпохой, бросающіе свѣтъ на языкъ извѣстнаго вѣка, должны быть разсматриваемы лишь какъ второстепенный источникъ, при историческомъ изслѣдованіи. Главнымъ источникомъ, откуда извлекается надежнѣйшій и важнѣйшій матеріалъ для исторической грамматики, это, конечно, современные живые говоры: изученіе ихъ приводитъ къ опредѣленію и характеристикѣ предшествовавшихъ современному состоянію языка эпохъ. Подобно тому какъ сравнительное изученіе славянскихъ языковъ приводитъ къ возстановленію языка общеславянскаго, т. е. той эпохи совмѣстной жизни славянскихъ племенъ, въ которую еще не успѣли образоваться тѣ племенныя различія, которыя частью были слѣдствіемъ, а частью причиной распаденія первоначальнаго единства, точно такъ же сравнительное изученіе современныхъ чешскихъ говоровъ даетъ намъ представленіе о звуковомъ и формальномъ составѣ общечешскаго или прачешскаго языка. Гебауеръ въ своей грамматикѣ различаетъ обѣ указанныя эпохи — общеславянскую (praslovanská doba) и общечешскую (čeština, česká doba), но нигдѣ не указываетъ, какими данными должно руководиться при характеристикѣ этой послѣдней — общечешской эпохи, гдѣ искать тѣхъ признаковъ, которые отдѣляютъ ее отъ послѣдующихъ эпохъ, когда чешское единство замѣнилось нѣсколькими нарѣчіями, живущими обособленной жизнью. Въ предисловіи къ I тому онъ говоритъ, что раздѣленіе на нарѣчія восходитъ къ глубокой древности, такъ какъ уже въ памятникахъ XIV в. встрѣчаются очевидные признаки діалектическихъ отличій, но отсюда не дѣлается естественнаго вывода, что изслѣдователь, въ предѣлахъ историческаго развитія чешскаго языка, долженъ различать по крайней мѣрѣ двѣ эпохи — эпоху совмѣстной жизни современныхъ нарѣчій и эпоху отдѣльной ихъ жизни. Я думаю, что историческая грамматика чешскаго языка (фонетика) должна распадаться на

два отдѣла, изъ которыхъ первый долженъ обнять древнѣйшую эпоху языка, когда еще не обозначились черты современныхъ нарѣчій, а второй долженъ содержать характеристику послѣдующей эпохи и современнаго состоянія чешскихъ, моравскихъ и словацкихъ говоровъ. Такое расположеніе исторической грамматики, помимо цѣлаго ряда удобствъ и наглядности послѣдовательнаго развитія звуковыхъ явленій, служило бы вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ существованія того чешскаго единства, изъ котораго, какъ изъ положенія безспорнаго, исходитъ Гебауеръ. Главныя разновидности чешскаго языка сказываются съ одной стороны въ чешскихъ, а съ другой въ словацкихъ говорахъ: Гебауеръ не допускаетъ, очевидно, сомнѣнія относительно того, что тѣ и другіе говоры восходятъ къ одному общему праязыку, прачешскому или общечешскому, такъ какъ нигдѣ въ его трудѣ не встрѣчается даже намека на возможность иного предположенія, а именно, что чешскіе и словацкіе говоры восходятъ къ различнымъ праязыкамъ, бывшимъ равноправными и самостоятельными членами славянской семьи языковъ. Между тѣмъ именно такое предположеніе сдѣлано въ недавно вышедшей II части Лекцій по славянскому языкознанію Флоринскаго (1897 г.), который успѣлъ воспользоваться 1-мъ томомъ Исторической грамматики Гебауера: очевидно, собранныя въ ней данныя не убѣдили уважаемаго профессора въ существованіи чешско-словацкаго единства, и въ этомъ я вижу подтвержденіе высказанной выше мысли, что расположеніе матеріала въ трудѣ Гебауера не даетъ ясной картины историческаго развитія чешскаго языка. Со своей стороны я ни мало не раздѣляю увлеченія г. Флоринскаго, такъ какъ, напротивъ, въ отдѣльныхъ экскурсахъ грамматики Гебауера находится много данныхъ, доказывающихъ существованіе чешско-словацкаго единства, во время котораго произошло не мало существенныхъ звуковыхъ измѣненій, общихъ поэтому и чешскимъ и словацкимъ говорамъ (въ ихъ исторіи); но выражаю искреннее желаніе, чтобы, при новой обработкѣ 1-й части Исторической грамматики, лучшій знатокъ чешскаго языка —

проф. Гебауеръ далъ бы намъ характеристику звукового состава чешско-словацкаго періода и затѣмъ показалъ бы, какимъ путемъ онъ измѣнился въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ.

Гебауера можно упрекнуть еще въ томъ, что онъ не опредѣлилъ отношенія чешскаго языка къ прочимъ западно- или, какъ ихъ называетъ проф. Флоринскій, сѣверо-западно-славянскимъ языкамъ. Мы въ правѣ ожидать отъ исторической грамматики чешскаго языка рѣшенія вопроса, можно ли допустить между эпохами общеславянскаго и затѣмъ чешскаго единства промежуточную эпоху — единства западно-славянскаго. Объ этомъ, къ сожалѣнію, Гебауеръ ничего не говоритъ, хотя въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей фонетики онъ упоминаетъ о томъ, что то или другое явленіе обще всѣмъ западно-славянскимъ языкамъ. Такъ на с. 329, говоря о чешскомъ *ř* и сопоставляя его съ одной стороны съ польскимъ *rz*, верхнелуж. *ř*, нижнелуж. *š*, съ другой съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ чешскаго языка нѣтъ данныхъ для предположенія о слишкомъ глубокой древности измѣненія *r* въ *ř* (убѣдительнѣе была бы ссылка на словацкое парѣчіе, о которомъ упомянуто лишь мимоходомъ на слѣдующей, 330-й страницѣ), Гебауеръ говоритъ, что чешское *ř* замѣнило *r* только въ позднѣйшую, историческую эпоху и что поэтому польское и лужицкое *ř* не восходятъ къ эпохѣ западно-славянскаго единства, а возникли позже, на почвѣ отдѣльной жизни каждаго изъ этихъ языковъ. Напротивъ, говоря о стяженіи *oa* (изъ *oja*), *oe* (изъ *oje*) въ *á*, *é* и принимая въ расчетъ, что въ этомъ явленіи сходятся между собою всѣ западно-славянскіе языки, Гебауеръ выводитъ отсюда, что оно восходитъ къ доисторической эпохѣ, очевидно допуская, что въ эту эпоху названные языки жили одной общей жизнью (с. 563). Но напр. на с. 309, излагая судьбу праславянскихъ сочетаній *tj*, *dj* въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, авторъ не допускаетъ обще-западно-славянскаго измѣненія ихъ въ *c* и *dz* и довольно ясно высказываетъ мысль, что чешскія *c* и *z* (словацкое *dz*) развились самостоятельно отъ польскаго *c* и *dz*, лужицкихъ

c и *z* (ср. тоже на сс. 383, 400, 468). Сравнивая оттяжку ударенія, вызвавшую нынѣшнюю систему удареній въ чешскомъ языкѣ, съ подобною же оттяжкой въ польскомъ, кашубскомъ и лужицкихъ языкахъ (с. 574), Гебауеръ не признаетъ ее общезападно-славянской, хотя и выводитъ ударепіе чешскаго hòspoda, верхнелужицкаго hòspoda, польскаго gospòda изъ общей формы gospòda,—чешскаго kòleno, польскаго kolàno изъ общей формы kòleno: соображенія на с. 583 показываютъ, что онъ считаетъ оттяжку ударенія моложе, чѣмъ правило о выпаденіи ъ и ь (jerové pravidlo), такъ какъ иначе šьvьsь̀, šьvьsь̀tь не измѣнились бы въ старочешскомъ въ švec, ševcem. Но во всякомъ случаѣ важно то, что нѣкоторыя изъ чешскихъ звуковыхъ явленій Гебауеръ рѣшился возвести къ эпохѣ западно-славянскаго единства. Было бы весьма важно, если бы авторъ сгруппировалъ всѣ эти явленія и такимъ образомъ установилъ бы существованіе переходной эпохи между обще-славянской и чешско-словацкой эпохами: изъ нѣкоторыхъ положеній Исторической грамматики видно, что и Гебауеръ предполагалъ существованіе такой промежуточной стадіи въ развитіи чешскаго языка, называя ее doba předhistorická, но не ясно, отождествлялъ ли онъ ее всякій разъ съ dobou jednoty západoslovanské. Мнѣ кажется, что къ западно-славянской эпохѣ должно относить: переходъ общеславянскихъ сочетаній, замѣнившихъ первоначальныя *tj*, *dj* въ *c* и *dz* (діалектически *z*); палатализацію согласныхъ передъ гласными передне-нёбными: ı, e, ę, ь; измѣненіе европейскаго *l* въ ł въ положеніе передъ нѣкоторыми гласными (задне-нёбными) и согласными; переходъ *s* смягченнаго (изъ *x* въ положеніи послѣ передне-нёбной гласной, также передъ новымъ *ъ* изъ дифтонга *oi*) въ *ś*[1]); выпаденіе неслогового *i* въ положеніе между двумя гласными и стяженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ одну долгую гласную; сокращеніе долгихъ гласныхъ подъ особымъ видомъ ударенія, соотвѣтствую-

1) Я думаю, что словацкое *s* въ muse (чешское mouše), ženisi (чешское ženiši) новаго происхожденія и явилось подъ вліяніемъ *c* и *z* изъ *k* и *h*; ср. словацкое š въ však.

щаго сербскому исходящему (ruku, rękę, ср. сербск. рȗку); оттяжка ударенія на одинъ слогъ ближе къ началу слова. Вѣроятно, къ той же эпохѣ относятся еще нѣкоторыя другія звуковыя явленія, ближайшее опредѣленіе которыхъ принадлежитъ сравнительной грамматикѣ западно-славянскихъ языковъ; но и перечисленныхъ вполнѣ достаточно, чтобы признать эту эпоху довольно продолжительною и важною по своимъ послѣдствіямъ для послѣдующаго развитія отдѣльныхъ членовъ распавшейся затѣмъ западно-славянской семьи языковъ. Сравненіе чешскаго языка съ верхне-лужицкимъ открываетъ также ближайшее между ними родство (ср. одинаковое мѣсто главнаго ударенія въ словѣ, вытѣсненіе звука *g* звукомъ *h*, переходъ ę въ *a*, смягчающее предшествующую согласную и др.): историкъ чешскаго языка долженъ объяснить эти отношенія, опредѣливъ ихъ или ближайшимъ сосѣдствомъ или тѣмъ, что чешскіе и верхне-лужицкіе говоры жили нѣкогда общею жизнью. Къ сожалѣнію, Гебауеръ не остановился на этомъ вопросѣ: связавъ чешскій языкъ съ общеславянскимъ и даже индо-европейскимъ праязыками, онъ оторвалъ его отъ той семьи или группы славянскихъ языковъ, къ которымъ онъ наиболѣе близокъ.

II.

Мой разборъ Исторической грамматики Гебауера былъ бы неполонъ, если бы я не остановился на нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ положеній и выводовъ автора. Разсмотрю ихъ въ прилагаемомъ краткомъ очеркѣ тѣхъ звуковыхъ явленій чешскаго языка, которыя представляютъ наибольшій интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшія трудности для изслѣдователя.

---

1. Смягченіе согласныхъ. Въ §§ 258 и слѣд. Гебауеръ подробно останавливается на вопросѣ о происхожденіи чешскаго *ř* изъ *r*. Установивъ въ § 261, что всякое *ř* восходитъ непосред-

ственно къ ŕ, т. е. къ смягченному *r*, авторъ возводитъ это старочешское (существовавшее еще въ историческое время) ŕ частью къ общеславянскому ŕ (изъ *rj*, напр. въ старочешск. moŕe, откуда новочешское moře, словацкое more), частью же къ общеславянскому *r*, смягчившемуся въ чешскую эпоху (v češtině; na půdě české) передъ -i, -ě, -ie, -¹a, -¹á, -¹ú, -e (первоначальнымъ) и -ь. Приведенные знаки, означающіе звуки, передъ которыми смягчалось въ чешскомъ языкѣ *r*, принадлежатъ Гебауеру, при чемъ ě обозначаетъ краткій звукъ, соотвѣтствовавшій общеславянскому ѣ; *ie* — дифтонгическое сочетаніе, соотвѣтствовавшее частью общеславянскому *ѣ*, гдѣ, по условіямъ чешской фонетики, онъ сохранялъ свою долготу, частью же общеславянскому сочетанію iję [1]), утратившему еще въ эпоху западно-славянскаго единства į; -¹a обозначаетъ, какъ это видно изъ § 90, дифтонгическое сочетаніе ia или ja, гдѣ i, į исчезли впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи языка, при чемъ это звуковое сочетаніе соотвѣтствовало общеславянскому ę (ср. c. 51: za psl. ę je původní česká střídnice ¹a); -¹á означаетъ тоже звуковое сочетаніе *ia* или ja, но съ долгой гласной *a* и соотвѣтствуетъ частью общеславянскому ę, сохранившему свою первоначальную долготу, частью же общеславянскому сочетанію -ija (по Гебауеру -ьja); наконецъ, -¹ú означаетъ звуковое сочетаніе *iu* или ju съ долгимъ *u* и соотвѣтствуетъ общеславянскому iju. Замѣчу теперь же, что я совершенно расхожусь съ Гебауеромъ въ опредѣленіи нѣкоторыхъ чешскословацкихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній въ ихъ отношеніи къ звукамъ общеславянскаго языка: такъ, допуская, что общеславянскому *ѣ* соотвѣтствовало сочетаніе *ie* тамъ, гдѣ оно въ чешскословацкомъ сохраняло долготу, я думаю, что, при его сокращеніи, получалось сочетаніе je, т. е. неслоговое *i* + *e* слоговое, откуда далѣе еще въ чешскословацкую эпоху явилось *e*,

1) Гебауеръ въ § 477 (с. 559) и въ другихъ мѣстахъ принимаетъ для общеславянскаго языка -ьje въ словахъ, какъ listьje, znamenьje. Считаю это такъ же неосновательнымъ, какъ возведеніе чешскаго dobrý къ dobrъjь, а не къ dobryj (изъ dobryjь), о чемъ см. вѣрныя замѣчанія Ягича въ Archiv XVI, 516.

смягчающее предшествующую согласную (mѣra измѣнилось въ чешскословацкое въ miera, ср. старочешское и словацкое miera, новочешское míra; mѣna измѣнилось въ mi̯ena, откуда m'ena, ср. новочешское и словацкое měna). Далѣе общеславянское ę, какъ я обстоятельнѣе скажу объ этомъ ниже, измѣнилось, думаю, въ чешскословацкомъ не въ i̯a и не въ *ia*, а въ *a* краткое и долгое, со смягченіемъ предшествующей согласной. Наконецъ, общеславянскимъ сочетаніямъ ii̯a, ii̯u въ чешскословацкую эпоху соотвѣтствовали, какъ мнѣ кажется, не i̯ā, i̯ū (или iā, iū), а *ia*, *iu*, ср. въ словацкомъ, гдѣ сохранилось i̯e изъ чешскословацкаго *ie*, звуковыя сочетанія i̯a, i̯u изъ *ia*, *iu* въ znamenia, znameniu.

Имѣя въ виду, что словацкое *r* въ more, mora во всякомъ случаѣ восходитъ къ чешскословацкому ŕ (moŕe, moŕa), такъ какъ *r* было здѣсь смягчено еще въ общеславянскую эпоху, мы въ правѣ выводить всякое словацкое *r* передъ *i*, *e* и вообще палатальными гласными изъ чешскословацкаго ŕ (prišel, prez и т. д. изъ pŕišel, pŕez), ср. бѣлорусское и червонорусское отвердѣніе всякаго *r*. Слѣдовательно, приведенное выше положеніе Гебауера относительно чешскаго ŕ (откуда ř) можно изложить слѣдующимъ образомъ: въ чешскословацкую эпоху *r* звучало смягченно во-первыхъ въ соотвѣтствіи общеславянскому смягченному *r* (случаи какъ moŕe, moŕa), во-вторыхъ въ соотвѣтствіи общеславянскому несмягченному *r* передъ всякой гласной, или сохранившей свою палатальность (напр. передъ e, i̯e, ie, i), или утратившей это свое первоначальное свойство (напр. передъ *a* изъ ę), или наконецъ передъ совершенно утраченною въ языкѣ гласной, бывшею въ общеславянскомъ языкѣ палатальною (въ концѣ слова и передъ согласными, гдѣ за *r* слѣдовало нѣкогда *ъ*). Гебауеръ, какъ это видно изъ § 261, предполагаетъ, что ŕ изъ общеславянскаго несмягченнаго *r* появилось уже на почвѣ чешскаго языка, т. е. въ эпоху чешскославянскую; дѣйствительно, возводить его къ общеславянскому языку невозможно, хотя бы въ виду показаній старославянскаго языка, различавшаго ρε͡, ρь͡ и ρε, ρь; въ § 259 предположеніе о возможности

возведенія чешскаго ř къ эпохѣ западно-славянскаго единства основательно отвергается, въ виду показаній старочешскихъ памятниковъ, которые до конца XIII вѣка представляютъ написанія *rz, rs, zr* лишь въ единичныхъ случаяхъ, при чемъ еще въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIV столѣтія держится r смягченное, изображаемое черезъ gy: ср. въ книгѣ Рожмберской около 1360 г.: po dworyech, въ легендѣ о св. Георгіи по рукописи половины XIV в.: wzkryesyl, въ рукописи третьей четверти XIV в. Адмонтскаго монастыря: hryechow, tryeba, pryed и т. д. (с. 329). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Гебауеръ не противопоставляетъ опровергаемому имъ предположенію другого, вполнѣ согласнаго съ данными всѣхъ западно-славянскихъ языковъ, а именно, что уже въ эпоху совмѣстной ихъ жизни первоначальное *r* несмягченное палатализировалось передъ гласными *i* и *e*. Такое предположеніе частью подсказывается фактами самого чешскаго языка: дѣйствительно, допустивъ *чешскословацкій* переходъ *r* въ *ŕ*, мы весьма затруднились бы возстановить чешскословацкое произношеніе, напр., слова hřada (гряда): если носовое *e* измѣнилось въ чешскословацкомъ языкѣ въ *a*, то вмѣсто западно-славянскаго gręda мы ожидали бы въ чешскословацкомъ hrada; чешское hřada ясно указываетъ, что носовое *e*, еще до измѣненія въ *a*, смягчило предшествовавшее ему *r*, а такъ какъ существованіе чешскословацкаго носового *e* не доказано, то естественнѣе всего допустить, что смягченіе *r* имѣло мѣсто еще въ западно-славянскомъ gręda. Такія же соображенія вызываетъ разсмотрѣніе случаевъ, гдѣ современное чешское ř объясняется вліяніемъ слѣдовавшаго за нимъ нѣкогда *ъ*: этотъ звукъ, напр., въ концѣ слова, уже въ западно-славянскую эпоху не могъ звучать слишкомъ явственно; тѣмъ менѣе ясно произносился онъ въ чешскословацкомъ, а потому вѣроятнѣе допустить, что вліяніе его, сходное съ вліяніемъ палатальныхъ гласныхъ, относится еще къ эпохѣ западно-славянскаго единства; дѣйствительно, сопоставленіе чешскаго mátеř, польскаго macierz, верхне-лужицкаго maćeŕ, нижне-лужицкаго maśeŕ ясно указываетъ на общую для западно-славянскаго един-

ства форму: mateŕ. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что вліяніе палатальныхъ гласныхъ на предшествующее r имѣло мѣсто до измѣненія звукового сочетанія oje въ e (черезъ посредство oe), такъ какъ эта новая палатальная гласная не смягчила предшествующаго *r* (ср. чешское dobrého); а это измѣненіе oje въ e имѣло мѣсто еще въ обще-западно-славянскую эпоху (ср. польское dobrego, верхнелужицкое dobreho). И такъ, предыдущее изслѣдованіе дѣлаетъ вѣроятнымъ, что уже въ обще-западно-славянскую эпоху *r* звучало смягченно передъ палатальными гласными. Такое звуковое явленіе несомнѣнно должно объяснять какъ ассимиляцію согласной *r* слѣдующей за ней гласной: органы рѣчи при произношеніи согласной *r* принимали уже то самое положеніе, которое необходимо для произведенія слѣдовавшей за ней гласной — e, ę, i (j), ь. Это объясненіе приводитъ насъ неминуемо къ дальнѣйшему выводу о томъ, что вмѣсто *r* явилось не прямо смягченное *r*, тожественное съ общеславянскимъ ŕ въ moŕe, а что оно замѣнялось различными оттѣнками палатальнаго *r*, зависѣвшими отъ качества слѣдующей палатальной гласной: передъ *e* *r* измѣнялось въ *r* полумягкое (r^e), передъ *ь* — также въ полумягкое *r* ($r^ь$), но передъ *i* — въ *r* мягкое (r^i), вѣроятно, тожественное съ полученнымъ изъ общеславянскаго языка *r* смягченнымъ (въ moŕe). Весьма вѣроятно, что тѣ же оттѣнки r^e, r^i и т. д. перешли и въ чешскословацкую эпоху, при чемъ, только благодаря появленію паразитнаго j, измѣнявшагося затѣмъ въ ž, всѣ эти оттѣнки совпали въ одномъ звукѣ — ř.

Допустивъ такимъ образомъ для обще-западно-славянской эпохи звуковое явленіе, состоявшее въ ассимиляціи звука *r* слѣдовавшимъ за нимъ палатальнымъ гласнымъ, мы должны предположить, что въ ту же эпоху и прочія согласныя, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя, по условіямъ образованія, стоятъ ближе всего къ согласной *r*, испытывали на себѣ ассимилирующее дѣйствіе слѣдовавшихъ за ними палатальныхъ гласныхъ. Прежде всего сюда относится звукъ *l*: въ § 278 Гебауеръ весьма основательно принимаетъ, что въ чешскословацкую эпоху

(v historické češtině) было два *l*; одно изъ нихъ было твердымъ (ł), а другое нетвердымъ; анализируя случаи, гдѣ являлось нетвердое *l*, онъ указываетъ, что оно соотвѣтствовало съ одной стороны общеславянскому смягченному *l* (напр. въ poľe, vóľa, при чемъ и для старочешскаго языка вполнѣ основательно принимается смягченное произношеніе *l*), а съ другой стороны общеславянскому *l* (střední l) въ положеніи передъ палатальными гласными. Отсюда легко сдѣлать выводъ, что въ чешскословацкомъ и въ старочешскомъ языкѣ рядомъ съ ł было извѣстно палатальное *l*, или, согласно предыдущему, рядъ палатальныхъ оттѣнковъ звука *l* (l^i, совпавшее съ смягченнымъ l общеславянскимъ — передъ i, l^e — передъ e и т. д.). Такой выводъ находитъ подтвержденіе въ современныхъ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ, гдѣ рядомъ съ ł находимъ ľ (měkké ľ, ср. с. 358—359) въ соотвѣтствіи со всѣми предположенными для чешскословацкой эпохи оттѣнками палатальнаго *l*. Въ старочешскомъ написаніе *ly* соотвѣтствуетъ не только общеславянскому смягченному *l* (dalyeko), но также вновь палатализованному *l* (alye); что же касается современныхъ чешскихъ, а также западно-моравскихъ говоровъ, то въ нихъ ľ исчезло такъ же, какъ исчезло ł, замѣнившись новымъ звукомъ, очевидно неизвѣстнымъ въ чешскословацкую эпоху — звукомъ *l* (Гусъ приписывалъ появленіе *l* вм. ł нѣмецкому вліянію, ср. more Teutonicorum dicunt: milí pane; также: čechové, jenž mluvie odpoly česky a odpoly německy řiekajíc tobolka za tobołka, liko za łyko..., ср. у Гебауера с. 356—357). Сопоставляя сдѣланный выводъ о появленіи палатальныхъ оттѣнковъ *l* въ положеніи передъ палатальными гласными съ тѣмъ, что мы говорили выше объ измѣненіи *r* въ r^i, r^e въ обще-западно-славянскую эпоху, мы заключаемъ, что *l* измѣнялось въ l^i, l^e именно въ эту отдаленную эпоху. Прочіе западно-славянскіе языки вполнѣ подтверждаютъ такое заключеніе: ср. польское ł при ľ, верхне- и нижне-лужицкое ł при ľ. Но если въ обще-западно-славянскую эпоху согласныя *r* и *l* испытывали на себѣ ассимилирующее вліяніе слѣдующихъ палатальныхъ гласныхъ,

то естественно предположить, что и другія согласныя не могли сохраниться безъ измѣненія въ положеніи передъ гласными i, e, ę, ь и т. д.

Сравнительное изученіе всѣхъ западно-славянскихъ языковъ показываетъ, что передъ звукомъ *i* всѣ согласныя — губныя и зубныя, измѣнившись въ направленіи къ *i*, были смягченными въ эпоху предположеннаго единства этихъ языковъ. Такъ въ современныхъ польскихъ говорахъ передъ *i*, кромѣ rz (изъ r^i), и l, мягки также и всѣ другія согласныя, при чемъ только исконно смягченныя š, ž, č, c, dz (и rz) отвердѣли въ такомъ положеніи, измѣнивъ при этомъ *i* въ *y*. Въ обоихъ лужицкихъ языкахъ согласныя передъ *i* мягки; въ верхне- и нижне-лужицкомъ — за исключеніемъ *s*, *c* (первоначальныхъ), а въ нижне-лужицкомъ — также š, ž, отвердѣвшихъ вообще и повлекшихъ за этимъ измѣненіе слѣдующаго *i* въ *y*. Въ современныхъ чешскихъ говорахъ передъ *i* смягчены всѣ согласныя, кромѣ губныхъ и отвердѣвшихъ при всякомъ положеніи s, c, z, но въ старочешскихъ говорахъ, а также въ современныхъ чешско-моравскихъ передъ *i* мягки и губныя: ср. въ рукописи XVI в. m̃íjl, p̃íjsse, гдѣ точка надъ *m*, *p* обозначаетъ ихъ мягкость (ср. Гебауеръ с. 412—415); въ совр. домажлицкомъ говорѣ pjít, zabjil, дудлѣбскомъ: pjivo, mjilost и т. д. Въ словацкихъ говорахъ въ настоящее время передъ *i* мягки только *t*, *d*, *n*, *l* (ž, č, š), но это объясняется тѣмъ, что губныя вообще потеряли въ нихъ способность смягчаться, *r*, какъ мы видѣли, отвердѣло при такомъ положеніи, равно какъ отвердѣли согласныя *s*, *c*, *z* (ср. тоже въ совр. чешскихъ говорахъ), *dz*. Но палатализація согласныхъ въ общезападно-славянскую эпоху имѣла мѣсто не только передъ *i*, но также передъ *e*: съ одной стороны это доказывается польскимъ и лужицкими языками, гдѣ передъ древнимъ *e* мягки тѣ же согласныя, что и передъ древнимъ *i*, а съ другой чешско-словацкими говорами. Въ словацкихъ говорахъ *t*, *d*, *n*, смягчающіяся передъ *i*, смягчаются также передъ *e*: ťeplo, buďeťe, veďeny, ńebo и т. д.; мягки передъ *e* звуки *t*, *d*, *n* и въ восточно-моравскихъ

говорахъ: nĕsetĕ, vedĕtĕ (Губауеръ 371, 386). Мнѣ кажется, что эти смягченныя согласныхъ указанныхъ говоровъ должны быть возводимы къ чешско-словацкой и даже къ еще болѣе древней — обще-западно-славянской эпохѣ: но Гебауеръ, повидимому, съ этимъ не согласенъ, указывая во-первыхъ, что v češtině *n, t, d* не смягчаются передъ *e*, при чемъ эта черта отличаетъ чешскій языкъ отъ прочихъ западно-славянскихъ языковъ и сближаетъ его съ южно-славянскими (с. 370, 386, 403; очевидно, подъ терминомъ čeština разумѣется вся совокупность чешско-словацкихъ говоровъ въ ихъ историческомъ развитіи), во-вторыхъ, что смягченіе этихъ согласныхъ передъ *e* замѣчается только въ восточныхъ говорахъ, «na přechodu k polštině a ruštině» или «jež tu jsou jaksi přechodem k polštině a ruštině»; послѣднія слова указываютъ, что Гебауеръ не только не признаетъ ťe, ďe, ńe чешскословацкими звуками, но даже объясняетъ появленіе ихъ въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ близостью послѣднихъ къ польскимъ и русскимъ говорамъ. Имѣя въ виду, что въ фонетикѣ указанныхъ говоровъ чешскаго языка вообще нѣтъ основныхъ чертъ, роднящихъ ихъ, въ противоположность остальнымъ чешскимъ говорамъ, съ польскимъ или русскимъ языкомъ, замѣчаніе Гебауера можно понять только, какъ утвержденіе факта заимствованія словацкими и восточно-моравскими говорами фонетической черты сосѣднихъ говоровъ. Но такое утвержденіе должно быть во всякомъ случаѣ отвергнуто: 1) странно было бы предположить заимствованіе такой единичной звуковой черты для говоровъ, вообще свободныхъ отъ сосѣднихъ вліяній; 2) непонятно было бы, почему одновременно съ новымъ (не чешскословацкимъ) измѣненіемъ te, de, ne въ ťe, ďe, ńe не измѣнились se, ze въ śe, źe (ср. словацкое sestra, не śestra); 3) неясно было бы и то, какимъ путемъ словацкіе и восточно-моравскіе говоры, заимствуя у сосѣдей чуждую древнему языку черту, пришли къ различенію древняго *e*, смягчающаго предшествующія согласныя, и новаго, неспособнаго вызвать такое измѣненіе ихъ, т. е. почему, одновременно съ переходомъ nesu въ ńesu, — krásneho

(гдѣ *e* изъ первоначальнаго oje) не перешло въ krásńeho; synek (гдѣ *e* изъ *ъ*) — въ syńek. И такъ, предположеніе заимствованія словацкими и чешско-словацкими говорами смягченія согласныхъ *t, d, n* передъ *e* изъ польскихъ или русскихъ говоровъ не можетъ быть признано вѣроятнымъ; напротивъ, сохраненіе *te, de, ne* безъ измѣненія тамъ, гдѣ *e* не восходитъ къ первоначальному обще-славянскому *e*, является прямымъ указаніемъ на весьма древнее происхожденіе смягченныхъ согласныхъ въ сочетаніяхъ ťe, ďe, ńe, а сохраненіе se, ze, безъ измѣненія въ śe, źe прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что появленіе ťe, ďe, ńe древнѣе отвердѣнія *s* и *z*, имѣвшаго однако мѣсто еще въ чешскословацкую эпоху. И такъ, мы приходимъ къ заключенію, что словацкія ťe, ďe, ńe восходятъ къ чешскословацкой эпохѣ: отсюда слѣдуетъ, что современныя чешскія и западно-моравскія te, de, ne не представляютъ первоначальнаго, чешскословацкаго произношенія и свидѣтельствуютъ объ отвердѣніи передъ *e* нѣкогда смягченныхъ согласныхъ. Косвеннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу предположенія смягченныхъ *t, d, n* передъ *e* въ старочешскомъ языкѣ, даже послѣ отдѣленія его отъ словацкихъ говоровъ, служитъ измѣненіе чешскаго *a* за смягченной согласной въ *e* передъ слогомъ съ звукомъ *e*. Гебауеръ на с. 93 доказалъ, что появленіе Jene (зв. ед.) при Jan, zapotměš при zapotánu и т. д., т. е. вообще измѣненіе *a* въ *e*, имѣетъ мѣсто только передъ первоначальнымъ *e* (před *e* původním)[1]): очевидно, здѣсь вліялъ не звукъ *e*, такъ какъ суженіе мы находимъ и передъ слогомъ съ *i* и передъ согласными смягченными, а именно палатальность согласной передъ *e*. Ниже я укажу, что Гебауеръ ошибочно говоритъ о двухъ положеніяхъ, при которыхъ имѣлъ мѣсто переходъ *a* въ *e* (а именно о положеніи передъ смягченной согласной и о положеніи передъ слогомъ съ узкой гласной), вмѣсто того чтобы опредѣлять условія

1) Случаи какъ patero, desatero обязаны своимъ появленіемъ вліянію параллельныхъ образованій: patoro, desatoro (ср. словацкое pätorý).

разсматриваемаго перехода однимъ только положеніемъ—передъ смягченными согласными (нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи отвердѣли). Поэтому Jene при Jan служитъ для меня доказательствомъ смягченности *n* передъ *e* въ эпоху суженія *a* въ *e*. Противъ предположенія старочешскаго и чешскословацкаго произношенія ťe, ďe, ńe могутъ быть сдѣланы слѣдующія возраженія: смягченныя согласныя *t*, *d*, *n* въ чешскихъ говорахъ не отвердѣли передъ *i*; почему бы имъ отвердѣть передъ *e*? Чешскій языкъ до сихъ поръ знаетъ сочетанія tě, dě, ně (těsnýˊ, děd, nèmýˊ): слѣдовательно, отвердѣніе *t*, *d*, *n*, передъ первоначальнымъ *e* нельзя приписывать вліянію самого этого звука *e*, напр. измѣненію его въ направленіе къ гласнымъ болѣе широкимъ. Но если появленіе te, de, ne изъ ťe, ďe, ńe не можетъ быть понято ни какъ слѣдствіе измѣненія согласныхъ, ни также, какъ слѣдствіе измѣненія гласной *e*, то можно ли вообще говорить о такомъ явленіи? Я думаю, что въ этой чертѣ чешской фонетики, отличающей ее отъ словацкой, мы имѣемъ любопытнѣйшее указаніе на то, что предположенное нами различіе въ степени смягченности палатальныхъ согласныхъ, возникавшихъ въ обще-западно-славянскую эпоху, сохранялось и въ чешскословацкую и даже еще въ позднѣйшую эпоху жизни чешскаго языка. Я указывалъ выше на то, что въ обще-западно-славянскую эпоху *r*, *l* передъ *i* измѣнялись въ r^i, l^i, а передъ *e* въ r^e, l^e; точно также, при p^i, m^i, n^i, t^i и т. д., въ положеніи этихъ согласныхъ передъ *i*, существовали, въ положеніи передъ *e*: p^e, m^e, n^e, t^e, т. е. рядомъ съ мягкими согласными были извѣстны и полумягкія. Мягкія согласныя сохранились въ чешскихъ говорахъ независимо отъ того, какая за ними слѣдовала гласная: ср. чешское ńit, и něho (гдѣ ń восходитъ къ обще-западно-славянскому n^i, въ первомъ словѣ изъ общеславянскаго *n*, а во второмъ изъ общеславянскаго n^i передъ древнимъ j). Напротивъ, полумягкія согласныя отвердѣли въ чешскихъ говорахъ опять таки независимо отъ гласной (n^eesu перешло въ nesu, kosť съ полумягкимъ *t* въ kost). Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ полумягкія со-

гласныя измѣнились въ мягкія: n°esu перешло въ n'esu, kosť въ kost'. Лучшимъ подтвержденіемъ выставленнаго здѣсь предположенія о существованіи въ чешскословацкомъ языкѣ полумягкихъ согласныхъ служитъ судьба согласныхъ передъ древнимъ ъ. Гебауеръ на с. 371, 386, 403 рѣшительно утверждаетъ, что *n*, *d*, *t* не смягчаются передъ древнимъ ъ и при томъ не только въ чешскихъ, но вообще во всѣхъ говорахъ чешскословацкаго языка (впрочемъ, эта мысль выражена рѣзко только въ § 292, между тѣмъ какъ въ §§ 306 и 319 Гебауеръ говоритъ, что указанныя согласныя не смягчаются въ бо́льшей части говоровъ): случаи, гдѣ современные говоры имѣютъ смягченную согласную передъ древнимъ ъ, объясняются Гебауеромъ вліяніемъ аналогіи: daň явилось вм. dan подъ вліяніемъ daňi (р. ед.), zeť вм. zet подъ вліяніемъ zetě, діалект. kosť вм. kost подъ вліяніемъ kosťi и т. д. Не отрицая возможности такого дѣйствія аналогіи, я думаю, что Гебауеру не удалось объяснить ея вліяніемъ всѣ тѣ случаи, гдѣ мы въ современныхъ говорахъ найдемъ смягченныя согласныя въ положеніи передъ исчезнувшимъ въ позднѣйшемъ языкѣ ъ. Такъ въ особенности остались необъясненными смягченныя согласныя въ діалект. haňba, hoňba, huďba, svaťba, при чемъ haňba извѣстно и по рукописямъ XV—XVI вв. (с. 372): предположеніе смѣшенія суффиксовъ -ьba и -jьba совершенно невѣроятно, какъ весьма убѣдительно указалъ Ягичъ. Безъ объясненія остались діалект. (злинскія) pětkrať, tenkráť, hneď, snaď, pořáď (ср. с. 388); діалект. ťma пришлось объяснять аналогіею ťemný, что представляется мало вѣроятнымъ и т. д. Но кромѣ всего этого почтенный изслѣдователь упустилъ изъ вниманія цѣлый рядъ соображеній, ведущихъ необходимо къ предположенію о томъ, что согласныя смягчались передъ ъ фонетически: 1) самъ Гебауеръ признаетъ фонетическій переходъ rь въ ř (§ 266), при чемъ въ подтвержденіе его имѣются такія убѣдительныя данныя, какъ напр. слова hřbet, древнечешскія břdu (изъ brьdą), tři (изъ trьmi); на с. 339 онъ отвергаетъ возможность объясненія máteř, вм. máter, подъ вліяніемъ

mateřі, ссылаясь между прочимъ на такой случай какъ vňutř, гдѣ ř нельзя объяснять какою бы то ни было аналогіей; но если ъ измѣняло *r* въ ř, равнымъ образомъ *l* въ ĺ (§ 278), ясно, что и другія согласныя испытывали палатализирующее вліяніе звука ъ; 2) Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ извѣстно смягченіе *t*, *d*, *n* не только передъ *e* первоначальнымъ, но и передъ *e* изъ ъ: otěc, mladeněc и т. д.: но согласныя смягчились передъ первоначальнымъ *e* еще въ западно-славянскую эпоху, какъ это было указано выше, слѣдовательно, еще до перехода ъ въ *e*; ясно, что современныя otěc, mladeněc доказываютъ, что *t*, *d*, *n* смягчились въ ту же эпоху и передъ ъ. 3) На с. 93 Гебауеръ весьма убѣдительно доказываетъ, что передъ ъ (исчезнувшимъ изъ произношенія) и передъ *e* изъ ъ имѣетъ мѣсто суженіе *a* въ *e* (ср. pět изъ pátь, zeměnech изъ zemańьchъ); въ виду сдѣланныхъ уже выше замѣчаній, ясно, что на измѣненіе *a* въ *e* въ подобныхъ случаяхъ вліяетъ не ъ, а смягченная согласная, полученная изъ твердой, въ положеніи передъ ъ, еще въ ту эпоху, когда ъ существовало въ языкѣ. — Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что передъ ъ въ чешскословацкомъ языкѣ были смягченны всѣ согласныя, но смягченіе ихъ было неполно, онѣ были полумягки, а не мягки; вотъ почему въ современныхъ чешскихъ говорахъ мы находимъ pět, kost, jelen, tma и т. д.

И такъ, повторимъ добытые выше результаты. Въ общезападно-славянскую эпоху согласныя r, l, зубныя и губныя, ассимилируясь слѣдующимъ палатальнымъ гласнымъ, переходили передъ гласной *i* въ согласныя мягкія r^{i}, l^{i}, p^{i}, t^{i} и т. д.; передъ дифтонгическимъ сочетаніемъ ie (ѣ) являлись тѣ же мягкія согласныя; между тѣмъ передъ гласными: *e*, *ę* носовымъ и ъ согласныя становились полумягкими, принимая оттѣнокъ звуковъ *e* и ъ. Оставляя пока въ сторонѣ судьбу полумягкихъ согласныхъ и слѣдующей за ними носовой гласной *ę* (см. ниже), видимъ, что обще-западно-славянскія мягкія и полумягкія согласныя перешли и въ чешскословацкій языкъ. Здѣсь современемъ отвер-

дѣли нѣкоторыя согласныя (напр. s, c, z), но дальнѣйшія измѣненія палатализованныхъ согласныхъ имѣли мѣсто уже послѣ распаденія чешскословацкаго единства: въ чешскихъ и западноморавскихъ говорахъ различіе между мягкими и полумягкими согласными продолжало сохраняться, при чемъ съ теченіемъ времени полумягкія согласныя, независимо отъ того, слѣдовала ли за ними гласная (*e*—изъ первонач. *e* или изъ *ь*) или нѣтъ, отвердѣли: nesete, otec, kost, tma вм. n^{e}es^{e}et^{e}e, ot^{e}ec, kost^{e}, t^{e}ma. Напротивъ, въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ полумягкія согласныя измѣнились въ мягкія: n^{i}es^{i}et^{i}e, ot^{i}ec, t^{i}ma, kost^{i}. Обращаясь къ отдѣльнымъ согласнымъ, видимъ, что губныя, какъ въ чешскихъ, такъ и въ словацкихъ говорахъ, потеряли способность смягчаться; *r* мягкое и полумягкое совпали, повидимому, еще въ чешскословацкомъ въ одномъ звукѣ r^{i} (*r* мягкомъ), которое затѣмъ отвердѣло въ словацкихъ говорахъ, измѣнившись въ ř въ чешскихъ; равнымъ образомъ совпали въ одномъ звукѣ l^{i} (*l* мягкомъ) первоначальныя мягкія и полумягкія *l*: ср. *l* мягкое въ словацкихъ говорахъ, вмѣсто котораго въ чешскихъ является среднее *l*, замѣнившее и *ł*.

2. **Лабіализація согласныхъ.** Въ тѣсной связи съ палатализаціей согласныхъ стоитъ ихъ лабіализація, если придавать этому термину широкое значеніе измѣненія согласныхъ въ направленіи къ лабіализованнымъ и вообще задне-небнымъ гласнымъ *o, u*. Подобно тому какъ, ассимилируясь палатальнымъ гласнымъ, согласныя палатализируются, произносятся при томъ же положеніи органовъ рѣчи, которое необходимо для произношенія гласныхъ передняго ряда (*e, i*), такъ же точно, ассимилируясь гласнымъ задняго ряда, согласныя лабіализируются, т. е. произносятся при томъ же положеніи органовъ рѣчи, которое необходимо для произношенія такихъ гласныхъ (*o, u*). Мы имѣемъ ясныя указанія на лабіализацію согласныхъ въ нѣкоторыхъ западно-славянскихъ языкахъ: такъ въ польскомъ языкѣ согласныя *r, l* и зубныя въ положеніи передъ *o, u* становились *нѣкогда* лабіализованными; лабіализованное произношеніе ихъ изъ сочетаній r^{o}o, r^{u}u пере-

носилось и въ сочетанія ra, т. е. лабіализованныя согласныя замѣнили вообще нелабіализованное ихъ произношеніе, вслѣдствіе чего въ языкѣ, вмѣсто трехъ видовъ согласныхъ: нелабіализованныхъ, лабіализованныхъ и палатализованныхъ, явилось всего два вида — лабіализованныхъ и палатализованныхъ. Вытѣсненіе лабіализованными согласными согласныхъ нелабіализованныхъ имѣло слѣдствіемъ измѣненіе предшествующей такимъ согласнымъ гласной *e* въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда, лабіализацію этой гласной; параллельно съ этимъ шло измѣненіе гласной *e* въ направленіи къ *i* передъ согласными палатализованными. Такъ первоначальное medu, измѣняясь въ m^{e}ed^{u}u, переходило затѣмъ въ m^{i}öd^{u}u, при чемъ m^{e} измѣнялось въ m^{i} въ связи съ потерей гласною нѣкоторой части своего первоначальнаго палатальнаго характера; такъ же вмѣсто s^{e}estra, v^{e}esna явились s^{i}ös^{u}tra, v^{i}ös^{u}na и т. д. Понятно, что подобнаго измѣненія *e* въ ö не могло быть тамъ, гдѣ слѣдующая согласная, нѣкогда лабіализованная, утрачивала свою лабіализацію: губныя и гортанныя (g, k, врядъ ли также x, ср. сохраненіе chy при ki, gi), вѣроятно, издревле потеряли въ польскомъ языкѣ свое лабіализованное свойство; вотъ почему мы передъ этими согласными не найдемъ въ польскомъ языкѣ *o* вм. *e* (piekarz, niebo); m^{e}edu измѣнялось въ m^{i}ödu вслѣдствіе перехода *d* въ d^{u}, а n^{e}ebo должно было сохранять свое *e*, такъ какъ оно находилось въ сосѣдствѣ съ нелабіализованной согласной *b*. Подобную же лабіализацію согласныхъ можно доказать и для лужицкихъ языковъ: кромѣ цѣлаго ряда явленій, свидѣтельствующихъ о сильной лабіализаціи въ нихъ нѣкоторыхъ согласныхъ, на нее указываетъ также переходъ *e* въ *o* передъ «твердыми» согласными (lodu, нижне-лужицкое s^{i}orły, верхне-лужицкое c^{i}orły и т. д.).—Спрашивается, можно ли, на основаніи указанныхъ явленій лабіализаціи въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ, допустить лабіализацію согласныхъ уже въ обще-западно-славянскую эпоху? Испыталъ ли ее тотъ праязыкъ, изъ котораго развился языкъ чешскословацкій? Думаю, что нѣкоторыя явленія чешскословацкаго языка приводятъ

къ заключенію о томъ, что лабіализація согласныхъ принадлежитъ эпохѣ западно-славянскаго единства, при чемъ однако въ эту отдаленную эпоху она не получила еще того широкаго развитія, которое стало удѣломъ нѣкоторыхъ изъ западно-славянскихъ языковъ, а именно польскаго, въ особенности же лужицкихъ. А именно, я отношу къ такимъ явленіямъ измѣненіе общеславянскаго l въ ł. Въ § 280 Гебауеръ излагаетъ тѣ результаты, къ которымъ онъ пришелъ при изученіи судьбы звуковъ *l* въ чешскомъ языкѣ: сначала, говоритъ онъ, въ общеславянскомъ языкѣ было только одно *l* — *l* среднее; къ нему еще въ праславянскую эпоху прибавилось *l* мягкое изъ *lj*; затѣмъ, еще въ доисторическую эпоху (жизни чешскаго языка) явилось ł изъ *l* въ слогахъ la, lo, lu, ly, lą. Съ теченіемъ времени l' (*l* мягкое) и *l* совпали въ одномъ звукѣ, и въ историческую эпоху чешскій языкъ имѣетъ только твердое ł и нетвердое *l*; нетвердое *l*, хотя и не звучало какъ l', тѣмъ не менѣе, подобно мягкимъ согласнымъ, вліяло на суженіе звуковъ *a* и *u*. Впослѣдствіи ł твердое совпало въ одномъ звукѣ съ *l* нетвердымъ, и въ языкѣ оказался только одинъ звукъ *l* — l нетвердое. Я не могу согласиться съ этими положеніями ученаго автора и нахожу, что аргументація ихъ на с. 356 очень мало убѣдительна. Во-первыхъ для меня непонятенъ предполагаемый имъ переходъ общеславянскаго l' (*l* мягкаго) въ *l* (pol'e перешло въ pole) въ доисторическую эпоху жизни чешскаго языка: мы знаемъ изъ предыдущаго изслѣдованія, что въ эту эпоху возникали смягченныя согласныя передъ палатальными гласными; почему бы рядомъ съ этимъ отвердѣть общеславянскому смягченному *l*, для меня совершенно не ясно. Во-вторыхъ, допустивъ для доисторической эпохи совпаденіе l' общеславянскаго и *l* въ одномъ звукѣ *l* нетвердомъ, мы не поймемъ, какимъ образомъ и почему нетвердое *l* измѣнилось бы въ l' въ цѣломъ рядѣ говоровъ чешскаго языка, а именно въ словацкихъ и моравскихъ (с. 358—359). Въ-третьихъ, терминъ «*l* нетвердое» сбивчивъ и неточенъ: что именно разумѣетъ подъ нимъ авторъ, для меня не ясно; очевидно, онъ отличаетъ *l* netvrdé отъ

l střední, но въ такомъ случаѣ, какъ же звучало это нетвердое *l*, если это не было ни l^{i} (l мягкое) ни среднее (европейское) *l*? Въ-четвертыхъ, нельзя допустить, чтобы общеславянское *l* не измѣнилось въ обще-западно-славянскую эпоху въ *l* палатальное (мягкое, полумягкое) въ положеніи передъ палатальными гласными, въ виду того что такому измѣненію (палатализаціи) подверглись въ эту эпоху вообще всѣ согласныя. Въ-пятыхъ, сравнительное изученіе западно-славянскихъ языковъ показываетъ, что въ обще-западно-славянскую эпоху было два l: ɬ и l^{i} (ср. польское и лужицкое ł и l^{i}): слѣдовательно, ɬ и l^{i} словацкихъ и моравскихъ говоровъ надо связать непосредственно съ обще-западно-славянскими ɬ и l^{i}, а отсюда ясно, что и въ чешскословацкую эпоху существовали ɬ и l^{i}, а не *l* нетвердое, какъ думаетъ Гебауеръ. Вотъ почему исторію звука *l* въ чешскомъ языкѣ надо, думаю, изложить, исходя изъ слѣдующихъ положеній: обще-западно-славянскій языкъ получилъ изъ общеславянской эпохи два l: l (европейское) несмягченное и смягченное, ср. эти два *l* въ современныхъ южно-славянскихъ языкахъ: обще-западно-славянск. sila и vol^{i}a [1]). Съ теченіемъ времени *l* твердое, ассимилируясь слѣдующимъ за нимъ палатальнымъ гласнымъ, переходило въ палатальное (смягченное) *l*, имѣвшее различныя оттѣнки въ зависимости отъ вліявшей на него гласной (мягкое l^{i}, полумягкое l^{e}). Передъ гласными непалатальными, по причинѣ, изложенной ниже, вмѣсто *l* явилось ɬ. Такимъ образомъ общеславянскія sila, vol^{i}a, ьyli стали произноситься siɬa, vol^{i}a, ьyl^{i}i; вмѣсто двухъ общеславянскихъ *l* — несмягченнаго и смягченнаго, обще-западно-славянскій языкъ получилъ ɬ и *l* смягченное, при чемъ область распространенія послѣдняго звука значительно расширилась сравнительно съ общеславянской эпохой, такъ какъ онъ замѣнилъ и несмягченное *l* передъ гласными *i*, j; кромѣ того явился еще третій звукъ l^{e}, т. е. *l* полумягкое въ положеніи пе-

1) Я не вижу основанія допускать для общеславянскаго языка существованіе звука ɬ, хотя можетъ быть l общеславянское и отличалось отъ такъ называемаго европейскаго l.

редъ гласными *e*, *e* носовымъ, *ь* и т. д. Тѣ же три звука *ɬ*, l' и l° перешли и въ чешскословацкую эпоху. Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, чешскословацкія полумягкія согласныя переходили въ мягкія, l° измѣнилось въ l', и вмѣсто трехъ видовъ *l* получилось два вида *ɬ* и l'. Въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ, гдѣ полумягкія согласныя отвердѣли, l° измѣнилось въ *l* (европ.), и такимъ образомъ въ языкѣ получились: *ɬ* передъ непалатальными гласными и въ концѣ слова (siɬa, siɬ), l' (vol'a, pol'e, byl'i) и новое l (европ.) передъ гласною *e*, передъ согласными и въ концѣ слова (zelený, silný, sůl). Новое *l* получало съ теченіемъ времени все большее распространеніе: такъ съ одной стороны оно, должно быть, сначала вытѣснило l' въ положеніи передъ *e*: pol'e измѣнилось въ pole, l'es перешло въ les; затѣмъ по естественной звуковой ассоціаціи, l стало вытѣснять l' и въ другихъ положеніяхъ: (učitel' перешло въ učitel, byl'i въ byli); съ другой стороны, можетъ быть, подъ вліяніемъ сосѣднихъ нѣмецкихъ говоровъ, *l* распространилось и насчетъ *ɬ*, постепенно вытѣсняя его изъ произношенія (можетъ быть, сначала въ концѣ слова и передъ согласными): siɬ переходило въ sil, siɬa въ sila. Въ результатѣ, уже къ XVI или XVII вѣку *ɬ* и l' совершенно исчезли въ чешскихъ говорахъ, уступивъ мѣсто звуку *l* (европейскому); а появленіе *l* (европейскаго) надо относить, кажется, къ XIII вѣку: на с. 198 Гебауеръ доказалъ, что уже въ памятникахъ XIII и XIV вѣка вмѣсто ожидаемыхъ lye, lie правильно и послѣдовательно пишется le; слѣдовательно, уже къ этому времени совершился переходъ l'e въ le, вызванный, какъ указано выше, переходомъ l°e въ le.

Я совершенно отклонился отъ вопроса о лабіализаціи звуковъ въ обще-западно-славянскую эпоху. Возвращаюсь къ нему съ слѣдующимъ, полученнымъ, на основаніи изслѣдованія судьбы звука *l* въ чешскомъ языкѣ, результатомъ: *l* передъ непалатальными гласными измѣнилось въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ *ɬ*. Чтобы понять сущность этого явленія, надо имѣть въ виду, что оно находится въ связи съ палатализаціей звука *l* передъ

палатальными гласными: дѣйствительно, тѣ самые славянскіе языки, которые измѣнили *l* въ l' передъ палатальными гласными, замѣнили *l* черезъ ł передъ гласными непалатальными. Но мы объясняемъ себѣ появленіе l' вм. *l* передъ палатальными гласными ассимиляціею звука *l* слѣдовавшимъ за нимъ гласнымъ; появленіе ł вм. *l* должно поэтому объяснять также ассимиляціею звука *l* слѣдовавшимъ за нимъ гласнымъ. Измѣненіе *l* въ ł я понимаю какъ слѣдствіе лабіализаціи звука *l*: лабіализованное *l* перешло по физіологическимъ причинамъ въ ł. Лабіализація *l* и дальнѣйшій переходъ его въ ł наступали въ положеніи этого звука передъ гласными, способными лабіализировать сосѣдніе звуки, т. е. передъ гласными *o*, *u*, *ъ*, *ǫ*. Появившись передъ этими гласными, ł вытѣсняло *l* и передъ гласными *a* и *y* (ы); такимъ образомъ всякое *l* замѣнилось звукомъ ł: siła, siło вызвали sła, siły. Подобному же измѣненію въ ł слоговое подверглось при извѣстныхъ условіяхъ еще въ общеславянскую эпоху и слоговое *l*: а именно l̨ измѣнялось въ ł слоговое при томъ условіи, когда предшествовавшій ему неслоговой звукъ ъ, а также согласная передъ ъ могли лабіализироваться; лабіализація же ъ и предшествующей согласной наступала только тамъ, гдѣ эта согласная еще не была лабіализованной. Слѣдовательно, только въ сочетаніяхъ tьl̨ и ćьl̨, dьl̨ и žьl̨, sьl̨ могъ имѣть мѣсто переходъ l̨ въ ł; между тѣмъ въ сочетаніяхъ pьl̨, vьl̨, mьl̨, гдѣ *p*, *v*, *m*, какъ губные звуки, были уже лабіализированы, l̨ сохранялось безъ измѣненія [1]). Вновь

1) Наблюденіе, что *l* слоговое имѣло въ западно-славянскихъ языкахъ различную судьбу въ зависимости отъ того, предшествовали ли ему зубныя или другія (губныя) согласныя принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову, который допускаетъ переходъ l слогового въ ł слоговое въ положеніи послѣ сочетанія зубная + неслоговое ь (переходившее при этомъ въ неслоговое ъ) еще для общеславянскаго языка, основываясь при этомъ на старославянскихъ написаніяхъ длъгъ, тлъстъ тѣхъ памятниковъ, которые пишутъ влькъ. Но я думаю, что западно-славянскіе языки указываютъ не на dъlgъ, а на dlgъ (съ слоговымъ ł), которое нельзя возвести къ общеславянскому языку, хотя бы въ виду русскаго долгъ. Старославянское длъгъ при влькъ слѣдуетъ, можетъ быть, объяснять діалектическимъ переходомъ *l* (слогового) палатальнаго въ ł (слоговое) подъ вліяніемъ предшествующей твердой зубной, такъ же какъ въ плънъ вм. плнъ можно видѣть вліяніе послѣдующей твердой зубной.

возникшія въ обще-западно-славянскомъ языкѣ сочетанія tъł, dъł, čъł, žъł, sъł (съ слоговыми ł и неслоговыми ъ), гдѣ ъ изъ ь вслѣдствіе лабіализаціи предшествующей согласной[1]), переходили еще въ обще-западно-славянскую эпоху въ tł, dł, sł, čł, žł (съ слоговымъ ł): этотъ переходъ объясняется именно лабіализаціею обоихъ звуковъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого неслоговымъ ъ, и стремившихся, вслѣдствіе физіологической своей близости, заглушить этотъ посредствующій между ними неслоговой звукъ. Въ отдѣльныхъ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ слоговое ł въ указанныхъ сочетаніяхъ переходило или въ łu, ło или въ uł, oł, при чемъ въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, замѣчается колебаніе: ср. польское długi, tłusty, dłubać, но czółn, żółty, żółna, żółć, при этомъ słońce; верхне-лужицкое słónco, діалект. słonco, но stołp, dołh, tołkać, tołsty, žołč, žołma, čołm; нижне-лужицкое słup, dług, tłukaś, tłusty, słuńco, діалект. słuńco, но žołc, cołn и т. д. Въ чешско-словацкомъ ł сохранялось, повидимому, безъ измѣненія; въ моравскихъ и словацкихъ говорахъ оно сохраняется до сихъ поръ: моравск. tłstý, žłty, žłč, dłhý (съ долгимъ ł), dłžen и т. д.; словацк. słnce, stłp (съ долгимъ l), tłstý, žłč, žłna, čłn и т. д.; въ чешскихъ говорахъ слоговое ł перешло въ łu, откуда lu: člun, dlouhati, dlouhý, tlustý, žluva, žlutý, slunce и т. д. Кромѣ указаннаго положенія — послѣ ь съ предшествующей нелабіализованной согласной — ļ измѣнялось въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ слоговое ł и въ положеніи послѣ ъ въ тѣхъ рѣдкихъ сочетаніяхъ, какъ mъļv, хъļm, ръļk, гдѣ замѣна неслогового ирраціональнаго *i* (ь) неслоговымъ ирраціональнымъ u (ъ) принадлежитъ еще общеславянской эпохѣ и зависѣла отъ совмѣстнаго вліянія губныхъ и гортанныхъ на окраску указаннаго неслогового звука. Въ обще-западно-славянскую эпоху mъłv-, рълk- не измѣнялись въ młv, рłk одновременно съ переходомъ tъł въ tł потому, что тутъ

1) Звуки č, ž, š, т. е. палатальныя, лабіализуясь, могли сохранять свой палатальный характеръ; о лабіализованныхъ ž и š ср. замѣчанія Сиверса на с. 122 Phonetik (4-е изд.).

не было той физіологической близости звуковъ, разлученныхъ неслоговымъ ъ, какъ въ этихъ послѣднихъ сочетаніяхъ. Но въ чешскословацкомъ, вслѣдствіе общаго исчезновенія неслоговыхъ ъ и ь передъ слоговыми *r* и *l*, и здѣсь получались mŀv, pŀk (съ слогов. ŀ): отсюда въ чешскомъ mluv, pluk, а въ словацкомъ не только Chlm (названіе мѣстности), но также pluk, mluva, hlučný; различное измѣненіе tŀ и mŀ, hŀ въ словацкомъ должно объяснять тѣмъ, что губныя и гортанныя благопріятствовали измѣненію слогового ŀ въ lu болѣе, чѣмъ предшествующія зубныя. Съ теченіемъ времени въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ возникало новое ŀ слоговое изъ старочешскаго неслогового *l* между согласными: извѣстно, что общеславянскія сочетанія lъ, lь не содержали слогового *l* (подобно сочетаніямъ ъl, ьl); послѣ выпаденія ъ, ь въ чешскословацкомъ получалось одно неслоговое *l* или ŀ между согласными, которое лишь впослѣдствіи вокализировалось. Судьба новаго ŀ слогового въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ сходна съ судьбою общеславянскихъ слоговыхъ *l*, а именно ŀ слоговое въ чешскихъ говорахъ измѣнилось въ lu: kluk (русское клокъ), діалект. blucha, klutati, sluza (изъ słza, съ слогов. ŀ, которое изъ slza), но рядомъ и slza, hltati; въ словацкихъ говорахъ ŀ сохраняется безъ измѣненія: chŀp при чешскомъ chłup (изъ chlъp, Gebauer, с. 296). — Что касается звука *l* слогового въ другомъ положеніи, т. е. тамъ гдѣ ему не предшествовало неслогового ъ или гдѣ не было условій, благопріятныхъ для измѣненія ь въ ъ, то сначала онъ сохранялъ въ обще-западно-славянскомъ языкѣ свой звукъ *l*, но впослѣдствіи, въ виду совершеннаго вытѣсненія звука *l* звуками: ŀ съ одной стороны, *l* палатальнымъ съ другой, — онъ перешелъ въ полумягкое *l* слоговое. Отсюда въ польскомъ языкѣ ŀ въ положеніи передъ твердыми зубными (ассимиляція): pełny, wełna, но l^{i} (мягкое) при другихъ условіяхъ: wilk, pilch, milczeć; то же въ лужицкихъ нарѣчіяхъ: połny, wołma, no pjelnić, pjelniś, mjelčeć, mjelcaś, wjelk. Въ чешскословацкомъ было также получено *l* полумягкое слоговое; въ старочешскихъ говорахъ еще въ XVI в. *l* было въ такомъ положеніи палатальнымъ: такъ

въ Кралицкой библіи, напечатанной въ 1579—1593 гг., различающей, какъ доказалъ Гебауеръ въ § 281, ł и *l* палатальное, буквою *l* (означаетъ палатальное *l*) пишутся слова какъ: umlkne, mlčeť, pln, plniti, plzka, wlk, wlhkost, wlny z owec. Очевидно, pln, wlk произносились какъ pl^{e}n, wl^{e}k съ слоговымъ *l*. Отсюда въ чешскихъ говорахъ, измѣнившихъ l^{e} въ *l*: vlk, pln, vlna. Въ словацкихъ говорахъ l^{e} слоговое, отвердѣвъ, перешло въ ł слоговое: vłk, płn, vłna. Въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ, сохранившихъ различіе ľ и ł, l^{e} измѣнилось въ *l* слоговое: такъ, въ соотвѣтствіи съ plniti Кралицкой библіи, находимъ злинское plnit (съ долгимъ слоговымъ *l*), тогда какъ словамъ dłaňý, słaup той же библіи здѣсь соотвѣтствуютъ dlhý, slp съ долгими слоговыми ł (Bartoš, I, 6). Въ дольнобечевскомъ говорѣ (переходномъ отъ чешско-моравскихъ къ словацкимъ говорамъ), рядомъ съ ł слоговымъ въ žłtý, tłstý, является *l* мягкое слоговое (изъ чешскословацкаго полумягкаго слогового *l*), напр. въ vľk, mľčeť (ср. Кралицк. библ. mlčeł), kľzké (Кралицк. библ. plzka).

Предыдущее изслѣдованіе доказало существованіе звука ł изъ общеславянскаго *l* еще въ эпоху западно-славянскаго единства; измѣненіе *l* въ ł объяснено лабіализаціей этого звука, при чемъ указанное объясненіе нашло полное подтвержденіе въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходило измѣненіе *l* слогового въ ł слоговое. Появленіе обще-западно-славянскаго słnьce (съ ł слоговымъ) непосредственно изъ sъłnьce (съ ъ неслогов. и ł слоговымъ), а это изъ sьl̥nьce (съ ь неслоговымъ передъ l̥), ясно указываетъ на то, что лабіализація захватывала не только звукъ *l*, но и другіе зубные звуки, такъ какъ только переходъ *s* (напр. въ sьl̥nьce) въ s^{n} можетъ объяснить различную судьбу сочетаній sьl̥ (tьl̥, dьl̥ и т. д.) и vьl̥ (pьl̥, tьl̥) въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ. Это обстоятельство, а также и то соображеніе, что, въ отношеніи къ палатализаціи, звукъ *l* былъ однороденъ съ зубными звуками, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что звуки *t, d, n, s, z* лабіализировались при тѣхъ же условіяхъ при которыхъ лабіализировался и затѣмъ переходилъ въ ł звукъ *l*, т. е. въ положеніи сначала пе-

редъ гласными *o, u, z, ą*, а затѣмъ и передъ *a, y*, вм. *t, d* и т. д. въ обще-западно-славянскомъ языкѣ явились t^u, d^u и т. д. Такое предположеніе подтверждается нѣкоторыми звуковыми явленіями (о которыхъ сказано было и выше) польскаго, лужицкихъ и другихъ западно-славянскихъ языковъ, а именно переходомъ звука *e* въ *o* передъ твердыми согласными, въ польскомъ же только передъ твердыми *t, d, n, s, z, ł, r*. Измѣненіе *e* въ *o* напр. въ словѣ sestra (польское siostra, верхнелужицкое sotša, нижнелужицкое sotra) я объясняю себѣ какъ лабіализацію звука *e*, перешедшаго сначала въ ö (лабіализованное *e*) и уже затѣмъ въ *o*. Такая лабіализація могла быть вызвана только слѣдующей согласной: дѣйствительно, въ концѣ слова или передъ палатализованной согласной мы, напр. въ польскомъ, не видимъ подобнаго измѣненія *e* въ *o*. Но вліяніе твердой, несмягченной и нелабіализованной согласной ни въ коемъ случаѣ не можетъ вызвать лабіализаціи предшествующей гласной, подобно тому какъ вліяніе такой согласной не можетъ вызвать палатализаціи гласной. Отсюда слѣдуетъ, что согласная послѣ *e*, измѣнившагося въ *o*, была не только тверда, но и лабіализована. И такъ, согласныя *t, d, n, s, z, r, ł*, вызывавшія въ польскомъ языкѣ переходъ *e* въ *o*, были въ немъ нѣкогда лабіализованы. Сообразивъ же то обстоятельство, что *e* не переходитъ въ *o* въ польскомъ языкѣ передъ губными и гортанными, мы заключаемъ, что въ эпоху этого измѣненія *e* въ ö, откуда *o*, губныя и гортанныя уже потеряли свой лабіализованный характеръ, ср. другое указаніе на потерю лабіализаціи гортанными въ измѣненіи ky, gy въ ki, gi[1]). А это указаніе польскаго языка,

1) Я думаю, что ky, gy съ лабіализованными *k* и *g*. перейдя въ ky, gy съ *k* и *g* нелабіализованными, должны были ассимилировать *k* и *g* слѣдующей средненёбной гласной *y*; вслѣдствіе этого они перешли въ *k* и *g* средненёбныя, которыя смягчились потому, что языкъ не имѣлъ средненёбныхъ *k* и *g*. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ нижнелужицкое *ch*: изъ нѣкоторыхъ особенностей нижнелужицкой фонетики видно, что оно дольше чѣмъ k и *g* сохраняло, а можетъ быть сохраняетъ и теперь лабіализованный свой характеръ (ср. замѣчанія Mucke въ Hist. u. vergl. Laut- u. Formenlehre, с. 21, о произношеніи y послѣ *губныхъ* и ch): въ связи съ этимъ, рядомъ съ ki, hi, мы нахо-

въ связи съ тѣмъ, что въ лужицкихъ языкахъ положеніе передъ губными и гортанными вызываетъ такое же измѣненіе *е* въ *о*, какъ и передъ прочими согласными, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что измѣненіе *е* въ *о* подъ вліяніемъ лабіализованныхъ согласныхъ принадлежитъ не обще-западно-славянской эпохѣ, а жизни отдѣльныхъ западно-славянскихъ нарѣчій. Вотъ почему въ чешско-словацкомъ языкѣ мы не найдемъ измѣненія *е* въ *о*; измѣненіе же *е* (первоначальнаго, а также изъ *ь* и изъ *ъ*) въ *о* въ сѣвероопавскомъ говорѣ (Гебауеръ § 133) ничего общаго съ появленіемъ *о* вм. *е* въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ не имѣетъ, такъ какъ ему подвергается *е* не только передъ твердыми, но и передъ мягкими согласными: joleń, płość, čoło, ťorło и т. д. Это любопытное явленіе надо, думаю, сопоставлять прежде всего съ діалектическимъ произношеніемъ, отмѣченнымъ Бартошемъ (II, 126) въ одномъ изъ говоровъ ганацкаго нарѣчія, гдѣ *е* замѣняется полугласною ö (параллельно съ замѣною *i, u, y* полугласнымъ звукомъ *ŕ*): diťö, jöden, jöst, ďövčö съ полугласнымъ ö. Повидимому, въ сѣвероопавскомъ, такъ же какъ въ указанномъ говорѣ ганацкаго нарѣчія, явилось общее стремленіе къ лабіализованному произношенію гласныхъ: ср. сѣвероопав. uo вм. *о* (mlekuo), iuĺ вм. iĺ (muatiu) и др.

Отсутствіе лабіализаціи гласной *е* въ чешскословацкомъ языкѣ не можетъ указывать на отсутствіе въ немъ лабіализованныхъ согласныхъ, а стоитъ въ связи съ отсутствіемъ палатализаціи той же гласной подъ вліяніемъ слѣдующихъ палатальныхъ согласныхъ: дѣйствительно, мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы звукъ *е* произносился въ чешскословацкую эпоху отлично передъ мягкими и твердыми согласными, подобно тому какъ въ

димъ здѣсь, какъ и въ польскомъ, chy. Что гортанныя были нѣкогда лабіализованы въ общелужицкомъ языкѣ, доказывается переходомъ открытаго *о* въ *о* закрытое въ положеніи передъ *k, ch* (*kh*), а частью передъ h въ верхнелужицкомъ (Mucke, с. 98) и отсутствіемъ перехода о въ uo (послѣ губныхъ и гортанныхъ) передъ гортанными и губными въ нижнелужицкомъ (тамъ же, с. 99), при чемъ о въ woko не звучитъ какъ uo потому, что нѣкогда оно было закрыто подъ вліяніемъ лабіализованнаго k.

русскомъ или польскомъ открытому *e* передъ твердой соотвѣтствуетъ закрытое *e* передъ мягкой согласной.

Подводя итогъ предидущему изслѣдованію о палатализаціи и лабіализаціи въ западно-славянскихъ языкахъ, мы видимъ, что въ эпоху общей ихъ жизни получили еще только начало тѣ явленія, которыя впослѣдствіи развились въ лужицкихъ и польскомъ языкахъ. А именно, на мѣсто согласныхъ безразличныхъ, въ зависимости отъ слѣдующихъ гласныхъ палатализованныхъ и лабіализованныхъ, явились палатализованныя и лабіализованныя согласныя съ различными оттѣнками палатализаціи и лабіализаціи: палатализованныя согласныя были мягки (l^{i}, t^{i}, p^{i}) или полумягки (l^{e}, t^{e}, p^{e}), лабіализованныя были склонны къ *u* (t^{u}, r^{u}) или склонны къ *o* (t^{o}, r^{o}). Возникши въ сочетаніяхъ съ гласными *o*, *u*, *ą*, *ъ*, лабіализованныя согласныя проникали и въ сочетанія съ *a* и *y*; лабіализованное *l* измѣнилось въ *ł*. Такимъ образомъ въ обще-западно-славянскомъ языкѣ, получившемъ изъ общеславянскаго языка, во-первыхъ, согласныя чистыя, каковы *t*, *d*, *l* и т. д., во-вторыхъ, палатализованныя, каковы *č*, *ž*, *š* и т. д., въ-третьихъ, лабіализованныя *p*, *b*, *v*, *m* и *k*, *g*, *x*, *h* — возникли только два ряда согласныхъ: лабіализованныя и палатализованныя. Вслѣдствіе этого всякая согласная, которая по какимъ-либо условіямъ не могла лабіализироваться, должна была палатализироваться: такъ, *l* слоговое, въ положеніи послѣ неслогового *ъ*, которому предшествуетъ губная, не могло лабіализироваться и переходить въ *ł*; вслѣдствіе этого оно измѣнялось въ такомъ положеніи въ l^{e} слоговое (vыl^{e}къ съ слоговымъ l^{e}); такъ, *r* слоговое лабіализировалось передъ лабіализованными зубными; въ положеніи же передъ палатализованными зубными, а также при встрѣчѣ съ губными и гортанными звуками, неоднородными по физіологическому своему характеру съ зубными, *r* измѣнялось въ r^{e}, т. е. палатализировалось (vы̯гъ, vы̯ba измѣнялось въ vы$г^{e}$хъ, vы$г^{e}$ba съ слоговымъ r^{e}). — Я думаю, что въ чешскословацкомъ языкѣ наиболѣе консервативно, сравнительно съ другими западно-славянскими нарѣчіями, сохранялись полу-

ченныя изъ обще-западно-славянскаго языка отношенія. Такъ въ немъ не имѣло мѣста вліянія палатализованныхъ и лабіализованныхъ гласныхъ на предшествующій имъ звукъ *е*, который они въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ измѣняли въ *е* закрытое и ö (откуда *о*)[1]; такъ въ немъ сохранялось различіе между мягкими и полумягкими согласными, совпавшими въ прочихъ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ. Важнѣйшимъ измѣненіемъ въ этихъ отношеніяхъ для чешскословацкой эпохи слѣдуетъ, кажется, признать переходъ исконно мягкихъ согласныхъ въ полумягкія въ

1) Въ одномъ звуковомъ положеніи чешскословацкій языкъ какъ будто указываетъ еще на обще-западно-славянскій переходъ е въ ö: а именно, если сопоставить чешск. žlab съ польск. żłób, лужицк. žłob, чешск. článek съ польск. człon, чешск. žláza съ чешск. žléza и нѣк. др., можно придти къ возстановленію обще-западно-слав. žołb, čołn, žołza съ о или žöłb, čöłn, žöłza съ ö. Но сопоставленіе это должно быть признано ошибочнымъ, такъ какъ въ žlab старочешскій языкъ, что видно изъ свидѣтельства Кралицкой библіи, правильно различающей l и ł (ср. Гебауеръ I, 360) и пишущей žlábkowé съ l, — имѣлъ не ł а l. Ср. также словацк. žľab въ словарѣ Loos'a. Слѣдовательно, žlab (а также článek, žláza) восходитъ къ želb съ l, а не съ ł. Различіе между žleb и žlab должно, кажется, объяснять тѣмъ, что *е* въ положеніи послѣ j, ž, č, š еще въ общеслав. языкѣ перешло въ ä, когда въ слѣдующемъ слогѣ были звуки е, і, ѣ: общеслав. želbъ, но žälbѣ, žälbina; želbъ, откуда въ обще-западно-слав. žełbъ, перешло въ чешскословацк. въ žlěb, а žälb-, откуда въ обще-западно-слав. žäłb-, въ žľab-. Что же касается о въ польск. и лужицк. żłób, žłob, то оно указываетъ на болѣе древнее žołbъ изъ žełbъ: о вм. е явилось въ каждомъ изъ этихъ языковъ отдѣльно, въ эпоху перехода *е* въ ö передъ лабіализованными согласными, при чемъ дальнѣйшее измѣненіе ö въ о зависѣло отъ положенія его между двумя лабіализованными согласными одного и того же слога: ž и ł. Что же касается происхожденія лабіализаціи первой изъ этихъ согласныхъ, то, повидимому, она восходитъ къ обще-западно-славянской эпохѣ: зубныя (č, ž, š, а также, вѣроятно, d, t) лабіализовались подъ вліяніемъ звука ł въ звуковомъ сочетаніи eł. Ср. съ этимъ лабіализацію зубныхъ подъ вліяніемъ слогового ł въ сочетаніяхъ ьł, ъł съ ł слоговымъ. Рядомъ съ этимъ, губная не подвергалась такому измѣненію ни передъ сочетаніемъ ьł ни передъ сочетаніемъ eł: напротивъ, въ сочетаніяхъ губная + ь или е + ł слоговое или неслоговое, звукъ ł подвергался ассимиляціи предшествующему гласному звуку и терялъ свою лабіализацію: такъ явились въ обще-западно-слав. съ одной стороны: žłtъ (съ ł слоговымъ; см. выше), žᵘełbъ, а съ другой vьľkъ (съ ľ слоговымъ), meľko. Отсюда напр. въ польскомъ žłutý, żołbъ — żłób, но wilk, mleko. Въ русскомъ языкѣ ł являлось изъ l и ḷ въ обоихъ видахъ этихъ сочетаній: žъłtъ, žołobъ и vъlkъ, mołoko, что, можетъ быть, зависѣло отъ того, что въ эпоху измѣненія l въ ł губныя (какъ лабіализованные звуки) не успѣли еще, потерявъ лабіализацію, смягчиться передъ слѣдующими палатальными гласными.

положеніи передъ звукомъ *e*: повидимому, уже въ чешскословацкую эпоху š, ž, č, c, r^{l}, l^{l} (изъ rj, lj) звучали передъ *e* не такъ мягко какъ передъ *i* или передъ другими гласными (*a, o, u*); это объясняется тѣмъ, что передъ звукомъ *e* и всѣ прочія палатальныя согласныя (новыя по происхожденію) звучали полумягко (t^{e}, p^{e} и т. д.). Вотъ почему въ позднѣйшую эпоху, когда *a*, подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ, измѣнилось въ *e*, слова duše, vlčice, orlice, věže и т. д. въ имен. ед. звучали иначе, чѣмъ въ зват. падежѣ: им. былъ duš^{l}e, а зват. duš^{e}e; ср. написанія dussye, dussie, orliczie, wiezie, burzie, pussczye въ им. ед., при dusse, studnice, trogycze, spomocznycze и т. д. въ зват. ед. (Гебауеръ III, 203 и 205). Въ отдѣльной жизни чешскихъ и словацкихъ говоровъ прежнія отношенія нарушились гораздо въ большей степени: такъ въ чешскихъ говорахъ отвердѣли полумягкія согласныя; напротивъ, въ словацкихъ полумягкія согласныя измѣнились въ мягкія.

3. **О чешскословацкомъ измѣненіи носового e.** Разсмотрѣвъ въ § 51 всѣ тѣ различные звуки, которые въ старочешскомъ, а также въ современныхъ чешскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ общеславянскому ę, Гебауеръ на с. 51 ставитъ вопросъ, въ какую именно гласную измѣнилось носовое *e* непосредственно, къ какому именно общему звуку должны быть возведены его позднѣйшія, весьма разнообразныя отраженія (a, ˋa, ä, ě, e, ā, ’ā, ja, ia, í, ie, é). По мнѣнію ученаго автора первоначальное ę измѣнилось въ ^{l}a, т. е. praejotované *a*, krátké v slabikách krátkých a dlouhé v dlouhych. Такой выводъ Гебауера встрѣтилъ возраженія со стороны Ягича, который указалъ (Archiv f. Sl. Ph. XVI, 510—512), что современные и старочешскіе замѣстители общеславянскаго ę не могутъ быть выведены изъ предположеннаго Гебауеромъ основного звука, и что всѣ они объясняются изъ *e* открытаго, склоннаго къ *a* и смягчающаго предшествующую согласную (ä mit weichem Charakter), который и былъ первоначальнымъ замѣстителемъ носового *e*. Гебауеръ объясняетъ современныя ě, e, í, é изъ ^{l}a какъ результатъ перегласованія (Umlaut)

звука *a*; Ягичъ, напротивъ, предполагаетъ, что современныя a, 'a, ia надо объяснять изъ ⁱä, звукъ котораго въ незначительно измѣненномъ видѣ сохранился въ ě, ie и т. д. Мнѣ кажется, что и Ягичъ и Гебауеръ, высказавшіе противоположныя мнѣнія, близки къ истинѣ: Ягичъ правъ, утверждая, что всѣ перечисленные выше замѣстители носового *e* восходятъ непосредственно къ звуку ä, смягчившему предшествующую согласную; Гебауеръ правъ, допуская, что ě, e, ie, í, é объясняются путемъ перегласованія, т. е. измѣненія звука *a* въ направленіи къ *e*; но онъ ошибается, когда думаетъ, что въ pátý, častý, pět и т. д. a и ě восходятъ *непосредственно* къ ⁱa. Равнымъ образомъ нельзя согласиться съ Ягичемъ, предполагающимъ, что ę перешло *непосредственно* въ ä, а не въ *a*, какъ думаетъ Гебауеръ. Во-первыхъ, ссылка Ягича на верхнелужицкій языкъ какъ разъ убѣждаетъ въ возможности звукового измѣненія ę, хотя бы и черезъ посредство ä, въ *a*: дѣйствительно, основнымъ замѣстителемъ *e* носового въ этомъ языкѣ было *a* (можетъ быть, изъ ä), которое, какъ и всякое первоначальное *a* (въ положеніи послѣ смягченной согласной), измѣнялось передъ смягченными согласными въ é (*e* закрытое), а въ конечномъ открытомъ слогѣ въ *o*: ср. чередованіе замѣстителей первоначальнаго ę въ dzéwáty, knjéži и ćeło съ чередованіемъ замѣстителей первоначальнаго *a* въ bratr, zjéwić и kmotřo (фонетически вм. kmotřa, между тѣмъ какъ въ параллельной формѣ kmotřa звукъ *a* возстановленъ на основаніи окончанія *a* им. ед. именъ женск. р. съ твердой основой). Впрочемъ, то или другое измѣненіе звука въ верхнелужицкомъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ указывать на чешскій или прачешскій фонетическій процессъ, такъ какъ потеря носовыхъ гласныхъ произошла уже въ отдѣльной жизни обоихъ этихъ языковъ[1]). Во-вторыхъ, Ягичъ

1) Ягичъ ссылается въ доказательство древняго различія въ верхнелужицкомъ языкѣ звуковъ: 1) соотвѣтствующаго первоначальному *a*, 2) соотвѣтствующаго носовому *e*, на то, что первый изъ нихъ переходитъ передъ мягкими согласными (Umlaut) въ *e* открытое, а второе въ *e* закрытое (pjëć, но zjéwić). Но думаю, что это наблюденіе, приводимое и у Mucke (с. 39, прим. 3-е), основано

оставилъ безъ объясненія *a* въ окончаніи причастныхъ формъ какъ peka, veda, moha: между тѣмъ ихъ, такъ же какъ русскія мога, ида, можно объяснить только вліяніемъ окончанія *a* въ slyša, nośa и т. д. Въ-третьихъ, судьба замѣстителя носового *e* въ чешскомъ языкѣ совершенно тожественна съ судьбой первоначальнаго звука *a* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ; дѣйствительно, чередованіе jasný, jesně, stáje, гдѣ *a* и *e* восходятъ къ первоначальному *a*, вполнѣ аналогично съ чередованіемъ častý, čestě (стар.), děvče, гдѣ *a* и *e* являются замѣстителями первоначальнаго ę. Слѣдовательно, указаніе Ягича на то, что современныя

на недостаточномъ количествѣ случаевъ; мы знаемъ много словъ, гдѣ древній языкъ имѣлъ *e* носовое между двумя мягкими согласными, и очень мало, гдѣ въ такомъ же положеніи находилось *a*. Въ соотвѣтствіи съ *a* мы дѣйствительно находимъ *e* закрытое (jéjo, jéhnjo, sadźéć, běžéć, njépŕéćél и т. д.), но рядомъ и *e* открытое (žël, lëć, smjëć, jëšć, pѣže jéšć, jëšćëŕ, pѣže jéšćëŕ); равнымъ образомъ въ соотвѣтствіи съ *e* носовымъ рядомъ съ *e* открытымъ мы изрѣдка находимъ *e* закрытое (knjéžë, knjéži при knjëz). Я думаю, что открытое произношеніе *e* (изъ всякаго *a*) зависитъ главнымъ образомъ отъ вліянія родственныхъ словъ съ звукомъ *a* (передъ твердой согласной): pjëć, не pjéć подъ вліяніемъ pjaty. Основываюсь во первыхъ на томъ, что переходъ *a* между мягкими согласными сравнительно новаго происхожденія (по Mucke онъ начался въ XVII в., ср. с. 36), при чемъ ко времени его появленія е носовое замѣнилось уже во всякомъ случаѣ черезъ *a*; во вторыхъ, *e* закрытое является не только на мѣстѣ *a*, но и на мѣстѣ *e* передъ мягкими согласными (jéléń): замѣняя и *a* и *e* фонетически, оно, конечно, должно было бы замѣнить и ä, если бы въ XVI в. существовало произношеніе p'äć; въ третьихъ, верхнелуж. knjëz вм. ожидаемаго knjaz правильно объясняется Mucke (на с. 72) вліяніемъ словъ knjéni, knjéži: слѣдовательно, é (*e* закрытое) вообще не могло ассоціироваться съ *a* въ родственныхъ словахъ; въ четвертыхъ, *e* открытое въ lëć, smjëć (lachen), равно какъ въ žnjëć, ćëć, слѣдуетъ объяснять вліяніемъ инфинитивовъ на ać (въ tać, krać, dać, kać во и т. д.), между тѣмъ какъ въ běžéć закрытое *e* сохранилось подъ вліяніемъ widźéć, sedźéć и т. д. (ср. различное образованіе основы настоящаго времени).

Что касается нижнелужицкаго нарѣчія, то оно, повидимому, дѣйствительно измѣнило е носовое въ ä, которое перешло въ ie (пишется ě) въ ударяемомъ слогѣ послѣ палатальныхъ согласныхъ по тому же закону, по которому о подъ удареніемъ послѣ (нѣкогда лабіализованныхъ) губныхъ и задненёбныхъ перешло въ uo (пишется ó): jězyk, klěš, pěš, rěd и т. д. такъ относятся къ первоначальнымъ *jäzyk, *kľäć, p'äć, ŕäd, какъ bósy, kóza, góra, wóla и т. д. — къ первоначальнымъ *bosy, *koza, *gora, *wola. Отсюда, вѣроятно, слѣдуетъ, что общелужицкимъ звукомъ, соотвѣтствующимъ обще-западно-славянскому носовому *a* (изъ *e* носового), былъ ä.

отраженія носового *e* ведутъ къ предположенію *основного* для нихъ звука ä, должно быть распространено и на замѣстителей первоначальнаго *a*, т. е. надо полагать, что и они (a, ä, ě, e, ie, í, é и др.) восходятъ непосредственно къ звуку ä. Въ слѣдующемъ за этимъ разсужденіи я подробнѣе остановлюсь на доказательствахъ того положенія, что *a* всякаго происхожденія (т. е. изъ первоначальнаго *a* и изъ первоначальнаго ę) еще въ чешскословацкую эпоху измѣнилось въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ въ ä, а пока перехожу къ объясненію Гебауера фонетическаго процесса, дѣйствовавшаго при измѣненіи первоначальнаго *e* носового въ чешскомъ языкѣ.

Какъ указано выше, онъ предполагаетъ переходъ ę въ ⁱa, т. е. praejotované *a* (с. 51): подъ этимъ терминомъ, какъ это видно изъ § 90 (с. 89), Гебауеръ разумѣетъ дифтонгическое сочетаніе ia съ неслоговымъ *i*[1]). Это ясно съ одной стороны изъ того, что ⁱa не смѣшивается имъ съ *a*, смягчающимъ предшествующую согласную ('a); ср. на с. 89 слова: na př. bylo původně ščenⁱata, ščenⁱátko (ⁱa, ⁱá za -ę-), v pozdějším ščeňata, ščeňátko jest praejotace zaniklá a takořka ztrávena ve změkčeném ň-. Съ другой стороны Гебауеръ отличаетъ ⁱa, ⁱu отъ ja, ju: это ясно въ особенности изъ § 208, гдѣ проводится рѣзкая граница между iu и ju. Наконецъ, замѣчаніе на с. 88 совершенно выясняетъ, что́ должно разумѣть подъ написаніями ⁱa, ⁱe и т. д., такъ какъ здѣсь написанія ia, ě, ie, iu и т. д. отожествляются съ ja, je, jé, ju (ср. diábel на с. 88, а на с. 89 diábel), а изъ сопоставленія написаній ia, ie съ ⁱa, ⁱe на с. 89 ясно, что тѣ и другія написанія обозначаютъ одни и тѣ же звуки, различно измѣнившіеся подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій. Дѣйствительно, древнее *ъ* отразилось, по указанію Гебауера, въ дифтонгическихъ

1) Опредѣленіе самого автора страдаетъ неточностью: psaním ⁱa, ⁱá, ⁱe, ⁱé, ⁱu, ⁱú rozumíme samohlásky a, á atd. s praejotací theoreticky žádanou, nehledíce k tomu, je-li také v dokladech psána čili nic; ср. выше: psaním ia, iá, ě, ie, iu, iú rozumíme samohlásky a, á atd. s praejotací zjevnou, zjevnou totiž u výslovnosti, a v dokladech také ve formě psané.

сочетаніяхъ ję, jé, которыя онъ пишетъ какъ ě, ie (ср. на с. 88 отожествленіе ě въ město съ je, а ie въ старочешскомъ miesto съ jé); слѣдовательно, и chlěbъ — chlěba перешло, по его мнѣнію, въ chljéb — chlje̯ba, но эти первоначальныя формы онъ изображаетъ не черезъ chlieb — chlěba, а черезъ chl'éb — chl'eba по тому, что въ позднѣйшемъ періодѣ отсюда явились (съ утратой j̯) — chléb — chleba. Не нахожу, чтобы такой пріемъ могъ бы быть допущенъ въ научной транскрипціи, но какъ бы тамъ ни было Гебауеръ весьма опредѣленно разъяснилъ, что подъ написаніемъ 'a онъ разумѣетъ дифтонгическое сочетаніе ja. И такъ, по его мнѣнію, *e* носовое перешло въ чешскомъ языкѣ въ ja. Не могу согласиться съ такимъ положеніемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) появленіе дифтонгическаго сочетанія ja вм. ę было бы совершенно непонятно въ особенности потому, что въ прачешскомъ языкѣ, какъ это ясно доказываетъ еще для обще-западно-славянской эпохи польскій языкъ, ę было не только долгимъ, но и краткимъ звукомъ; параллельно съ измѣненіемъ ę въ ja, мы должны бы ждать дифтонгическое сочетаніе jo на мѣстѣ ǫ краткаго, между тѣмъ оно перешло въ монофтонгъ *u*; 2) измѣненіе прачешскаго ščenętа въ совр. ščeňata вполнѣ аналогично появленію щенята въ русскомъ языкѣ, русское же *a*, смягчающее предшествующую согласную, замѣнило носовое *e* безъ посредства ja, которое, вѣроятно, перешло бы въ ja; 3) древнія и совр. чешскія reka, veda не указываютъ на то, чтобы nosę перешло въ nosja: дѣйствительно, мы въ правѣ были бы ожидать тогда vedja; напротивъ, предположеніе формы noša вполнѣ удовлетворительно объясняетъ veda вм. vedy; 4) ни въ коемъ случаѣ нельзя объяснить изъ ja словацкихъ ä и a въ päta, päť, swäzok, ťah, ďaťelina, такъ какъ ja сохраняется въ словацкомъ нарѣчіи безъ измѣненія, ср. znamenia, т. е. znamenja; кромѣ того ä является діалектически и вм. *a* послѣ нѣкогда мягкихъ согласныхъ: čäs, ulicä; слѣдовательно, и въ päta его можно выводить изъ *a* въ положеніи послѣ мягкой согласной.

Приведенныя возраженія противъ перехода *e* въ ja предста-

вляются одновременно доказательствами слѣдующаго положенія: носовое *е* въ чешскомъ языкѣ, такъ же какъ въ русскомъ и верхнелужицкомъ языкахъ, перешло въ *а*, смягчающее предшествующую согласную. Процессъ такого измѣненія былъ, думаю, приблизительно слѣдующій: въ обще-западнослав. эпоху, какъ ясно изъ предыдущаго разсужденія, въ сочетаніяхъ согласная + *е* носовое, согласныя, ассимилируясь слѣдующей палатальной гласной, переходили въ палатальныя согласныя: pę, tę, lę и т. д. стали звучать какъ pę, tę, lę съ палатальными p, t, l. Эти палатальныя согласныя приняли сначала окраску слѣдующаго гласнаго звука, при чемъ онѣ не были ни мягки (мягкія согласныя p^i, t^i, l^i являлись въ положеніи передъ i) ни полумягки (разумѣя подъ этимъ терминомъ p^e, t^e, l^e, являвшіяся въ положеніи передъ *е*); вѣроятно, онѣ были средними между тѣми и другими, а это стояло бы въ связи съ тѣмъ, что ę было въ обще-западнославянскую эпоху нѣкогда болѣе закрытымъ звукомъ, чѣмъ *е* не носовое. Такія среднія между мягкими и полумягкими согласныя замѣнялись, можетъ быть, еще въ обще-западнославянскую эпоху *мягкими* согласными: языкъ весьма часто сводитъ различные оттѣнки звуковъ къ нѣкоторымъ крайнимъ, наиболѣе рѣзкимъ изъ нихъ. Но въ связи съ замѣной палатальныхъ согласныхъ передъ ę болѣе палатальными, явилось измѣненіе носового *е* въ звукъ менѣе закрытый, менѣе палатальный: первоначальная гармонія между согласной и гласной (однородными по мѣсту образованія) была нарушена, при чемъ усиленіе палатальнаго элемента въ первомъ членѣ такихъ сочетаній вознаградилось ослабленіемъ его во второмъ. Палатальныя согласныя перешли въ мягкія p^i, t^i, l^i, а носовое *е* въ носовое *а*. Отсюда, по утратѣ носового свойства, уже въ чешско-словацкую эпоху — *а* съ предшествующей мягкой согласной. Такъ измѣнились обще-слав. и обще-западно-слав. pęta, tęgъ, telę въ $p^iąta$, $t^iągъ$, $tel^ią$, откуда p^iata, t^iah, tel^ia. Всѣ послѣдующія измѣненія основного *а* изъ ę принадлежатъ позднѣйшей, чешско-словацкой эпохѣ. Сюда относится прежде всего чешско-словацкое измѣненіе *а* (послѣ мягкихъ согласныхъ) въ ä, далѣе распаденіе долгаго ä на

дифтонгическое сочетаніе iä, затѣмъ чешско-словацкій переходъ мягкихъ согласныхъ передъ ä въ полумягкія, чешскій переходъ ä въ положеніи передъ твердыми согласными въ *a*, въ положеніи же передъ мягкими согласными и въ концѣ слова въ *e*, чешскій же переходъ *ie* (изъ iä) въ í, словацкій переходъ ä въ *a*, отвердѣніе полумягкихъ согласныхъ въ чешскомъ языкѣ, отвердѣніе губныхъ въ словацкомъ и т. д. Не стану останавливаться подробнѣе на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ явленій, такъ какъ они составятъ предметъ послѣдующихъ моихъ разсужденій.

4. **О дифтонгическихъ сочетаніяхъ i съ гласными a, e, u въ исторіи чешскаго языка.** Подобныя сочетанія въ чешско-словацкомъ языкѣ были троякаго происхожденія. Во первыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ, а именно сочетанія i̯ и *i* съ *e* были получены еще въ обще-западно-славянскую эпоху въ соотвѣтствіи съ обще-славянскимъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *ъ*: на мѣстѣ древняго *ъ* было получено дифтонгическое сочетаніе *ie*, сохранявшееся безъ измѣненія при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ сохранялись долгія гласныя, но измѣнявшееся въ i̯e тамъ, гдѣ первоначально долгая гласная теряла свою долготу. Отсюда въ чешско-словацкомъ языкѣ *ie* и *e*, смягчающее предшествующую согласную, причемъ измѣненіе i̯e въ *'e* принадлежитъ, повидимому, еще обще-западно-славянской эпохѣ[1]): чешско-словацк. m'iera, hr'iech, sm'iech и т. д. (при m'ena, b'eh, t'esto и т. д.). Я думаю, что *ie* оставалось безъ измѣненія въ чешско-словацкую эпоху и уже только въ словацкомъ нарѣчіи перешло въ i̯e: на это указываетъ чешское измѣненіе этого *ie* въ í; дѣйствительно, въ результатѣ стяженія

1) Измѣненіе t'i̯e въ t'e аналогично разсмотрѣнному выше измѣненію t"ъl (съ неслоговымъ ъ и слоговымъ l) въ t"l (съ слоговымъ l) въ обще-западно-славянскомъ языкѣ: неслоговыя i̯ и ъ поглощались предшествующими палатализованными и лабіализованными согласными. Кажется, e въ m'ena, t'esto звучало въ чешско-словацкую эпоху болѣе закрыто, чѣмъ e изъ первоначальнаго e; это объяснило бы, почему передъ нимъ согласныя не перешли въ полумягкія подобно тому, какъ онѣ измѣнились такимъ образомъ передъ первоначальнымъ e (напр. въ зват. ед. duše).

ję врядъ ли получилась бы долгая гласная, врядъ ли также неслоговой элементъ *i* могъ бы поглотить слоговой элементъ *e*.

Во вторыхъ, въ обще-западно-славянскомъ языкѣ дифтонгическія сочетанія *ia*, *ie*, *iu* получались вслѣдствіе фонетическаго закона о выпаденіи j (неслогового *i*) между гласными, закона, дѣйствовавшаго именно въ обще-западно-славянскую эпоху, какъ это допускаетъ, повидимому, и Гебауеръ на с. 563 (shodují se tu tedy všecky jazyky západoslovanské, a to je svědectvím, že změna tato — т. е. измѣненіе oje въ é въ dobroje-dobré — počátkem svým hluboko do doby předhistorické zasahuje). Неслоговое *i* выпадало также въ положеніи между слоговымъ *i* и слѣдующей гласной, при чемъ ija, iju, ije, ją [1]) и т. д. переходили въ *ia*, *iu*, *ie*, ią (znamenia, znameniu, znamenie, kostią); ii измѣнялось въ *ii*, откуда, вѣроятно еще въ обще-западно-слав. эпоху, ī (znamenī). Сочетанія ѣje (umѣje), eje (pѣšeje), ѣja (dѣjaľъ) и др., по выпаденіи j, также перешли въ обще-западно-слав. эпоху въ *ie* (umie), *ie* (pѣšie), *ia* (diaľъ). Въ чешско-словацкомъ языкѣ дифтонгическія сочетанія *ia*, *iu*, *ie* и др. сохранялись безъ измѣненія первой ихъ части (объ измѣненіи второй скажу въ слѣдующемъ разсужденіи): *i* не переходило въ неслоговое *i*. На это указываютъ тѣ же два обстоятельства, которыя приведены выше при разсмотрѣніи судьбы дифтонгическаго сочетанія *ie* изъ ѣ въ чешскомъ языкѣ: а именно чешское ī, являющееся какъ результатъ стяженія *ia*, *iu*, *ie*, показываетъ во 1) что первая часть дифтонга — *i* была слоговой, иначе она не могла бы поглотить второй его части, во 2) что въ этихъ сочетаніяхъ было два слоговыхъ элемента, иначе врядъ ли бы въ результатѣ стяженія явилась долгота.

Опредѣляя условія, при которыхъ между гласными исчезало

---

1) Гебауеръ предполагаетъ, что въ общеслав. языкѣ были не эти сочетанія. а ьja, ьju, ьje и т. д. (ср. с. 559 и сл.). Но я, вслѣдъ за другими изслѣдователями, принимаю уже для общеслав. языка переходъ ъ и ь передъ «j + гласная» въ *y* и *i*. Между прочимъ на него указываетъ и чешское окончаніе им. ед. именъ прилагательныхъ (dobrý): ъjь измѣнилось бы не въ ý (изъ uj), а въ ej. Впрочемъ, на с. 559 самъ Гебауеръ допускаетъ возможность переходной ступени между ъjь и ý въ видѣ uj.

въ обще-западно-славянскую эпоху неслоговое *i* (по Гебауеру *j*), Гебауеръ на сс. 555, 556, 557 съ одной стороны предполагаетъ, что оно выпадало лишь при *неударяемости* слѣдующей за нимъ гласной, при чемъ это, по его мнѣнію, объясняетъ появленіе dělâš изъ dělàješь при laješ изъ lajèšь; smieš изъ smě̀ješь, а směješ se изъ smě̀jèšь sę; съ другой стороны онъ указываетъ, что выпаденіе i̯ и послѣдующее стяженіе обусловливались *ударяемостью* слѣдующей за нимъ гласной: táti изъ tajàti, но staje изъ stàja, má изъ mojà, но dvòje изъ dvòja. Думаю, что Гебауеръ напалъ на вѣрную мысль искать объясненія нестяженныхъ формъ при стяженныхъ въ условіяхъ ударенія, но допущенное при этомъ противорѣчіе я не могу себѣ объяснить. Мнѣ кажется, что еще въ обще-славянскомъ языкѣ, въ зависимости отъ ударяемости или неударяемости слѣдующей гласной, различались j и i̯, а именно i̯ являлось только передъ неударяемыми гласными, а j передъ ударяемыми. Если допустить, что въ обще-западно-славянскую эпоху выпадало древнее неслоговое *i*, а не j, то чередованіе, замѣчаемое уже въ древнѣйшихъ памятникахъ чешскаго языка между moje и mé, moja и má (Гебауеръ III, 491), должно объяснить такъ, что нестяженныя формы восходятъ къ формамъ съ удареніемъ на окончаніи (mojà, mojìхъ и т. д.), а стяженныя къ формамъ съ удареніемъ на корнѣ или на двусложномъ окончаніи (mòi̯ego, mòi̯emu, ср. русск. по мòему, чакавск. mòjega, mòjemu, также moi̯egò, moi̯emù, русск. моегò, моемỳ, чакавск. mojegà, mojemù). Státi восходитъ къ stòi̯ati (ср. русск. стòять при стоя́ть), а stoják къ stojàкъ (русск. стоя́къ); bázeň восходитъ къ bòi̯aznь (сербск. бо̏jâзан прилаг., русск. бòязно); pás восходитъ къ pòi̯asъ (русск. пòясъ); láti къ lài̯ati (русск. лàять) и т. д. Что же касается словъ какъ staje или šíje, то стяженію въ нихъ препятствовала аналогія другихъ женскихъ именъ на ja, какъ напр. zmije.

Въ третьихъ, въ чешско-словацкую эпоху къ приведеннымъ выше дифтонгамъ прибавилось еще iä, явившееся изъ ä долгаго, которое въ свою очередь, по закону о суженіи гласныхъ, изъ ā,

причемъ измѣненіе ä долгаго въ iä совершенно аналогично чешско-словацкому измѣненію o долгаго въ uo (см. о немъ у Гебауера, § 183). О случаяхъ сюда относящихся (каковы напр. чешско-словацк. piätý или piäď) скажу въ слѣдующемъ разсужденіи.

Въ чешскомъ нарѣчіи чешско-словацкіе дифтонги измѣнялись двоякимъ образомъ: или первый элементъ ассимилировалъ себѣ второй, а затѣмъ окончательно поглощалъ его, переходя при этомъ изъ краткаго въ долгое *i*; это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ второй элементъ былъ гласною палатальною, сродною слѣдовательно съ *i*: такъ стянулись *ie* (изъ *ie* и изъ *iä*), *iü* (изъ *iu*) въ *ī*: znamení изъ znamenie и znameniä (вм. znameniа), а также изъ znameniü (вм. znameniu); píd изъ pied' (вм. piäď). Или же второй элементъ ассимилировалъ себѣ первый и затѣмъ окончательно его поглощалъ, замѣняя при этомъ свою краткость долготою; это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ второй элементъ былъ гласною *a* (новаго происхожденія, изъ чешско-словацкаго *ä*, о чемъ ниже): *ia* переходило въ *ea-äa-aa* и далѣе въ *ā*, при чемъ само собой понятно, что предшествующія мягкія согласныя, переходя сначала въ полумягкія (передъ *ea*), затѣмъ отвердѣвали: páťý изъ piatý, а это изъ чешско-словацкаго piätý. Вѣроятно, кое что въ этихъ положеніяхъ покажется не достаточно обоснованнымъ. Слѣдующее разсужденіе должно выяснить тѣ измѣненія, которымъ еще въ чешско-словацкую эпоху подверглась вторая часть дифтонгическихъ сочетаній *ia*, *iu*.

Въ словацкомъ нарѣчіи дифтонгическія сочетанія *ie*, *iü* (откуда *iu*), *iä* (откуда *ia*) переходили съ теченіемъ времени въ je, ju, ja: znamenje, znamenju, znamenja, pjaď, pjaty.

5. **О чешско-словацкомъ суженіи гласныхъ (перегласовка).** Терминами přehláska и přehlasování Гебауеръ, вслѣдъ за другими изслѣдователями, обозначаетъ измѣненіе *a* въ *ě* (*e*) и *u* въ *i*, измѣненіе, вызванное мягкими согласными (стр. 122). Это измѣненіе онъ признаетъ не общимъ для всего чешско-словацкаго языка, а ограничиваетъ его дѣйствіе только западной его половиной, т. е. чешскими и частью западно-моравскими говорами

(ср. § 103, стр. 118 и § 211). При этомъ, употребляя общій терминъ для этихъ звуковыхъ явленій (перехода *a* въ *e*, *u* въ *i*), Гебауеръ, очевидно, имѣетъ въ виду только конечный результатъ, полученный вслѣдствіе измѣненія звуковъ *a* и *u*; самый процессъ измѣненія въ томъ и другомъ случаѣ былъ, по его мнѣнію, различный. Описывая въ § 104 измѣненіе *a* въ *e*, онъ объясняетъ его ассимиляціею звука *a* предшествующей согласной: въ сочетаніи ša было два разнородныхъ элемента — мягкая передненёбная (měkká, podnebná) согласная и задненёбная (hrdelná) гласная; приближаясь все ближе и ближе къ тому положенію органовъ рѣчи, при которомъ произносится š, гласная *a* принимала оттѣнки, все болѣе и болѣе отличающіеся отъ задненёбнаго *a*, пока наконецъ она не стала звучать какъ ˈe, ě, т. е. duša измѣнилось въ dušě. Отсюда ясно, продолжаетъ Гебауеръ, почему слѣдующія за *a* твердая согласная и широкая гласная препятствуютъ перегласовкѣ, напр. jako, а не jěko, и почему, напротивъ, мягкая согласная и узкая гласная поддерживаютъ такой переходъ, напр. zapřahu, но zapřěžeš и т. д. Изъ приведеннаго описанія Гебауера видно, что онъ объясняетъ переходъ *a* въ *e* уподобленіемъ *a* предшествующей согласной; поэтому замѣчаніе, что *a* переходило въ ˈe, ě должно быть признано неточнымъ, если мы вспомнимъ, что по § 90 знакъ ˈe обозначаетъ je. Впрочемъ, указанная неточность нисколько не затемняетъ сути дѣла: очевидно, Гебауеръ хотѣлъ сказать, что ˈ*a* (т. е. *a* съ предшествующей мягкой согласной) переходило въ ˈ*e* (т. е. *e* съ предшествующей мягкой согласной).

Въ § 163, озаглавленномъ «*i* vzniká podružně v slabikách měkkých před *u* a *a*», описывается процессъ измѣненія *u* въ *i*. Изъ сопоставленія этого описанія со сказаннымъ въ §§ 207 и 209 видно, что Гебауеръ допускаетъ для чешскаго нарѣчія измѣненіе ču, šu, žu, ňu, ju и т. д. въ čiu, šiu, žiu, niu, jiu, объясняя его появленіемъ паразитнаго *i*, возникавшаго при переходѣ отъ мягкой согласной къ гласной *u* (с. 270); въ дифтонгахъ iu, iū первый членъ получалъ все большій и большій перевѣсъ надъ вторымъ,

и въ результатѣ вм. ju̯ явилось *i*, а вм. ju̯ū — *ī*: dušu черезъ посредство dušju̯u измѣнилось въ duši, našū черезъ посредство našju̯ū въ našī и т. д. Съ этимъ чешскимъ явленіемъ, называемымъ proniknoutím měkkosti v jotaci (с. 89 и др.), Гебауеръ сопоставляетъ во 1) предполагаемый имъ, на основаніи написаній какъ mžžu, моужю, старославянскій и древне-русскій переходъ žu, šu, ša, ča въ žju, šju, žja, šja, во 2) словацкое измѣненіе čā, žā и т. д. въ čia, žia: žiar въ соотвѣтствіи чешскому žár, čias въ соотвѣтствіи чешскому čás.

Остановлюсь сначала на приведенномъ объясненіи Гебауера чешскаго перехода *u* въ *i* послѣ мягкихъ согласныхъ. Прежде всего замѣчу, что указанныя имъ явленія старославянскаго и русскаго языковъ ничего общаго съ выдѣленіемъ мягкими согласными паразитнаго *i* не имѣютъ: mžžu старославянскихъ, моужю русскихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ или только о мягкости *ж* или, кромѣ того, о какомъ то измѣненіи звука *y* въ направленіи къ *i* (ü). Словацкое *ia* мы находимъ въ соотвѣтствіи только съ долгимъ *a* чешскихъ говоровъ: слѣдовательно čias вм. čás нельзя сравнивать съ предполагаемымъ dušju̯u вм. dušu, такъ какъ *ju̯u является на мѣстѣ какъ долгаго, такъ и краткаго *u*. Далѣе, допустивъ появленіе паразитнаго *i* въ положеніи между смягченной согласной и *u*, мы ожидали бы параллельнаго измѣненія *a* въ ja: рядомъ съ dušju̯u изъ dušu должно было возникнуть dušja изъ duša; между тѣмъ Гебауеръ не допускаетъ такого перехода, объясняя dušě непосредственно изъ duša. Не подлежитъ сомнѣнію, что между мягкой согласной и слѣдующей гласной можетъ развиваться паразитное *j*, но такое явленіе захватываетъ обыкновенно только одинъ какой нибудь рядъ согласныхъ; такъ въ особенности часто на мѣстѣ мягкихъ губныхъ возникаютъ сочетанія губныя j, ср. совр. чешск. bjeh, mjech (нпш. běh, měch) вмѣсто чешско-словацк. b'eh, m'ech (отсюда, съ отвердѣніемъ губныхъ, въ словацкомъ beh, mech). Въ предположенномъ же Гебауеромъ старо-чешскомъ явленіи паразитное *i* возникаетъ послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ и даже послѣ j; если мы при-

мемъ во вниманіе, что l' въ очень древнюю эпоху измѣнилось въ чешскихъ говорахъ въ *l* (среднее), появленіе li̯ud (откуда lid) вм. lud (изъ l'ud) станетъ непонятнымъ, такъ какъ врядъ ли паразитное *i* могло бы выдѣлиться изъ немягкой согласной; изъ сравненія чешскаго и словацкаго нарѣчій вытекаетъ, что согласныя *s*, *z*, *dz*, *c* отвердѣли уже въ чешско-словацкую эпоху; непонятно, какимъ же образомъ *cu*, напр. въ sviecu, věncu, могло измѣниться въ ci̯u (ср. совр. svíci, věnci) въ чешскую эпоху. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я нахожу объясненіе, предложенное Гебауеромъ тому фонетическому процессу, въ результатѣ котораго вм. *u* явилось въ чешскомъ языкѣ *i*, неправильнымъ. Мнѣ кажется, что Гебауеръ введенъ въ заблужденіе здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ, особенностями старо-чешской графики. Дѣло въ томъ, что, начиная съ XIV вѣка, звуковыя сочетанія šu, ču, cu, žu, řu, l'u и т. д., изображаются въ чешскихъ, и при томъ, какъ видно изъ указаній Гебауера на с. 271, только въ западно-чешскихъ памятникахъ, черезъ ssyu (dussyu), ziu (krsiziu), czyu (oraczyu), ciu (zamuciugiu), liu (liubost), rzyu (morzyu), lyu (spasytelyu), rziu (rziugiucz) и т. д.; см. примѣры у Гебауера, (с. 268 и 270), который однако ошибочно смѣшиваетъ ихъ со случаями, гдѣ написанія yu, iu могутъ обозначать дифтонгическое сочетаніе *iu*, перешедшее въ чешскій языкъ изъ чешско-словацкой эпохи и въ немъ еще не стянувшееся: giedenyu Виттенбергской псалтыри середины XIV в., chwalenyu въ древней псалтыри съ чешскими глоссами и др. надо сопоставлять съ написаніями bdyenye, bdienie тѣхъ же памятниковъ, гдѣ ye, ie по Гебауеру (с. 188) обозначаютъ дифтонгическое сочетаніе *ie*. Но и въ этихъ случаяхъ видимъ иногда странное удвоеніе буквы, обозначающей звукъ *i*: zzmy̆rtyiu, podnozyiu; ср. изображеніе *ju* черезъ gyiu (dyekugyiu), giu, gyu (zwiestugyu, bogiugiuci). Какъ же объяснить себѣ подобное графическое явленіе? Что *y*, *i* въ dussyu, krsiziu не обозначаетъ мягкости согласныхъ š, ž видно 1) изъ того, что сочетанія ša, ža писались черезъ ssya, zia вообще очень рѣдко (Гебауеръ, с. 128) и можетъ быть частью лишь тамъ,

гдѣ въ живомъ произношеніи писца слышалось дифтонгическое сочетаніе, подобное словацкому ja въ počiatok (чешск. počátek); 2) изъ того, что въ памятникахъ, относящихся къ восточной половинѣ чешской семьи, какъ доказываетъ Гебауеръ (с. 271), подобнаго изображенія мягкости согласной не встрѣчается (slubugu, prawiczu, dussu, chczu и т. д.). Вотъ почему Гебауеръ рѣшился связать описываемое графическое явленіе съ западно-чешскимъ звуковымъ измѣненіемъ *u* послѣ согласныхъ въ *i*, объясняя указанныя написанія какъ изображеніе дифтонгическаго сочетанія ju, возникавшаго указаннымъ выше путемъ, и принимая его за посредствующій звукъ между древнимъ *u* и новымъ *i*. Мысль Гебауера какъ будто подтверждается еще однимъ остроумнымъ его соображеніемъ: сочетанія ču, šu и т. д. изображаются въ ихъ новомъ, измѣненномъ фонетическомъ видѣ при помощи только буквъ y и i (czyu, ssiu), а никогда не черезъ *g*, которое служитъ знакомъ для звука j; слѣдовательно, ču, šu перешли именно въ čju, šju, а не въ čju, šju; а этотъ выводъ стоитъ въ связи, какъ съ возможностью такихъ написаній какъ bogiugiucí (произносившееся, по мнѣнію Гебауера, какъ bojjujjúcí, а не какъ bojjujjúcí, откуда для него очевидно, что *iu* обозначало не *ju*, а ju), dyekugyiu (děkujjú), такъ и съ самымъ переходомъ *u* въ чешское *i*, которое, по мнѣнію автора исторической грамматики, легче всего объяснить изъ дифтонгическаго сочетанія ju (ср. у Гебауера, с. 269 — 270).

Но я остаюсь при выше приведенномъ мнѣніи, что ču, šu, l'u и т. д. не могли измѣниться въ čju, šju, lju и что, слѣдовательно, для чешскаго *i* изъ *u* надо искать другого объясненія. Мнѣ кажется, что графика чешскихъ памятниковъ подсказываетъ правильное разрѣшеніе вопроса: дѣйствительно, если Гебауеръ не рѣшается допустить на основаніи написанія bogiugiucí произношенія bojjujjúcí, то также трудно признать возможнымъ произношеніе bojjujjúcí: думаю, что сочетаніе jj, если бы даже оно возникло въ языкѣ, тутъ же измѣнилось бы въ j или j; но если *iu* въ bogiugiucí нельзя прочесть ни какъ ju ни какъ ju, то

остается предположить, что *iu* изображало не два звука, а одинъ; — предположить, что *iu* изображало звукъ *u* со смягченіемъ предшествующей согласной, конечно, возможно, при чемъ giu, т. е. ju, въ bogiugiuci можно было бы сопоставить съ gio въ obyčegiowé (Гебауеръ, 528); но противъ такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что подобныя *iu, yu* встрѣчаются только въ западно-чешскихъ памятникахъ, при чемъ это ставитъ ихъ въ связь съ измѣненіемъ *u* въ *i*. Въ виду этого остается лишь одно возможное предположеніе: *yu, iu* были приблизительнымъ и неточнымъ изображеніемъ того звука, въ который перешло *u* послѣ смягченныхъ согласныхъ и который затѣмъ измѣнился въ *i*; такимъ звукомъ было несомнѣнно ü: изслѣдователь, даже незнакомый съ графикой чешскихъ памятниковъ, сопоставляя старое l'ud съ новымъ lid, старое juh съ новымъ jih, долженъ предположить посредствующія lüd, jüh.

И такъ, мы должны допустить, что въ извѣстную эпоху жизни чешскаго языка мягкія согласныя измѣнили слѣдующій за ними звукъ u въ ü: подобное измѣненіе, по происхожденію своему, есть уподобленіе гласной предшествующей согласной; физіологическую возможность такого уподобленія доказываетъ то, что и въ другихъ славянскихъ языкахъ, хотя и въ спорадическихъ случаяхъ, встрѣчается при сходныхъ условіяхъ измѣненіе *u* въ *ü*; даже въ русскихъ говорахъ извѣстно произношеніе чайк'ü (вм. чайку), д'ейшка (вм. дядюшка), а въ нашемъ литературномъ нарѣчіи мы сплошь да рядомъ произносимъ звукъ *u* между двумя мягкими согласными какъ ü (l'ü̆b'iš). На то, что именно такой переходъ звука u въ направленіи къ *i* былъ возможенъ въ чешскомъ языкѣ, указываетъ разсмотрѣнное уже выше измѣненіе *a* въ *e*, которое, вслѣдъ за Гебауеромъ, я понимаю какъ слѣдствіе сначала постепеннаго, а въ результатѣ полнаго уподобленія звука *a* предшествующей мягкой согласной. Но соотвѣтствіе между измѣненіемъ напр. ča въ če и ču въ čü нарушается тѣмъ обстоятельствомъ, что čü (откуда či) мы находимъ не только передъ мягкими согласными и въ концѣ слова, но также и передъ

твердыми согласными, а če изъ ča передъ твердыми согласными вообще не извѣстно (čas, но cit). Если же мы предположимъ, что ča измѣнилось сначала въ čä, а потомъ уже или въ če или въ ča (передъ твердыми согласными), то указанное несоотвѣтствіе будетъ устранено: ča и ču всюду, при всякихъ условіяхъ, переходили въ čä и čü; измѣненіе же čä въ če уже не параллельно и не тожественно съ измѣненіемъ čü въ či, такъ какъ происходило при разныхъ условіяхъ и, можетъ быть, въ разное время.

Приведенныя соображенія ведутъ насъ къ неминуемому заключенію о томъ, что въ явленіяхъ перегласовки или суженія гласныхъ надо различать два момента: къ первому принадлежитъ переходъ *a* и *u* въ ä и ü подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ, ко второму относится измѣненіе ä въ *e* и съ нимъ несходное, возникшее при особыхъ отъ него условіяхъ измѣненіе всякаго ü въ *i*. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ явленій, считаю возможнымъ теперь же утверждать, что первый изъ указанныхъ двухъ моментовъ принадлежитъ чешскословацкой эпохѣ, а второй имѣлъ мѣсто уже въ эпоху отдѣльной жизни чешскаго нарѣчія. Правда, съ одной стороны мы не найдемъ прямыхъ указаній на то, что и въ словацкомъ существовало нѣкогда ü, замѣнившее *u*, но современное словацкое *u* возможно объяснять изъ ü, при чемъ, слѣдовательно, чешскословацкое ü измѣнилось бы въ *i* въ чешскомъ нарѣчіи, а въ *u* въ словацкомъ. За то съ другой стороны мы находимъ рядъ указаній на то, что словацкому нарѣчію въ его исторіи не чуждъ звукъ ä изъ *a*: такъ, во-первыхъ, такое ä до сихъ поръ слышится послѣ губныхъ (päta, sväzok, päť, pamäť, holúbä), а діалектически также и послѣ другихъ согласныхъ: čäs, nošä, ulicä, prädza, jätriť и т. д. (Гебауеръ 131). При этомъ твердый характеръ губныхъ въ словацкомъ нарѣчіи не позволяетъ объяснять такое ä изъ *a* вліяніемъ смягченной согласной и поэтому уже вѣроятно, что ä должно восходить къ болѣе древней, чешскословацкой эпохѣ; такое предположеніе становится особенно убѣдительнымъ, если мы сопоставимъ словацкое päť съ чешскимъ pět. Во-вторыхъ, въ

соотвѣтствіи съ ä въ краткихъ слогахъ находимъ *ia* въ долгихъ, т. е. словацкое ä соотвѣтствуетъ краткому, а *ia* — долгому звуку чешскословацкаго языка и чешскаго нарѣчія: ср. piatok, pamiatka, piaď въ соотвѣтствіи съ чешскими pátek, památka, píd. Такое i̯a (пишется ia) очевидно восходитъ къ дифтонгическому сочетанію *ia*, которое, въ свою очередь, указываетъ на то, что гласная, замѣненная дифтонгическимъ сочетаніемъ, была долгая: дѣйствительно, долгая гласная должна была измѣниться именно въ сочетаніе съ двумя слоговыми гласными, а не въ сочетаніе неслоговая гласная + слоговая. Но долгая гласная, распавшаяся на сочетаніе *ia*, должна была принадлежать къ нёбнымъ гласнымъ, такъ какъ предположеніе о томъ, что въ *ia* перешло ā (piatok изъ p'ātok), опровергается во всякомъ случаѣ тѣмъ, что распаденію на дифтонгическое сочетаніе подлежатъ въ славянскихъ языкахъ гласныя смѣшаннаго характера, а никакъ не *a* (ср. *uo* вм. *o* долгаго, *ie* вм. *e* долгаго, діалектически въ моравскихъ говорахъ, ср. Гебауеръ § 128). Объяснять же, вслѣдъ за Гебауеромъ (§ 163 и др.), словацкое piatok изъ p'ātok тѣмъ, что за мягкимъ *p* явилось паразитное *i* или *j*, нельзя хотя бы потому, что ā при этомъ отражается въ словацкомъ въ видѣ ä. Остается признать что i̯a въ piatok изъ *ia*, а *ia* замѣнило ä долгое, непосредственно же iä: предположеніе ä долгаго въ чешскословацкомъ словѣ, соотвѣтствующемъ чешскому pátek, словацкому piatok, вѣроятно какъ само по себѣ, такъ въ особенности потому, что, въ соотвѣтствіи съ предполагаемымъ ä долгимъ, мы дѣйствительно находимъ краткое ä: словацкое päť. Но i̯a на мѣстѣ чешскихъ á и í является въ словацкомъ не только послѣ губныхъ, но также послѣ всѣхъ вообще согласныхъ: riad, čias р. мн. (им. ед., діалектически: čäs), priasť и priadza (ср. діалект. prädza), čiara, mesiac, tiahnuť, triasť sa, desiatok и т. д.: это обстоятельство съ одной стороны утверждаетъ меня въ мысли, что i̯a нельзя объяснять proniknoutím měkkosti v jotaci (Гебауеръ), такъ какъ напр. *s* (ср. mesiac, desiatok) отвердѣло еще въ чешскословацкую эпоху, а съ другой указываетъ, что ā дол-

гое, а слѣдовательно и краткое замѣнили въ чешскословацкомъ ā и ă не только послѣ мягкихъ губныхъ, но и вообще послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ.

И такъ перехожу къ перегласовкѣ или суженію гласныхъ въ чешскословацкую эпоху. Въ обще-западно-славянскую эпоху, какъ мы видѣли, рядомъ съ сочетаніями «палатализованная согласная + гласная» были извѣстны сочетанія «лабіализованная согласная + гласная». Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ полное соотвѣтствіе между степенью нѣбности или лабіализаціи согласной и слѣдующей гласной существовало далеко не во всѣхъ сочетаніяхъ: правда, мы находимъ здѣсь соченія $p^{j}i$, $t^{e}e$, $n^{u}u$, но рядомъ были извѣстны и $s^{j}a$, $š^{j}u$, $p^{j}ą$, а также $d^{o}a$, $r^{o}a$, или $d^{u}a$, $r^{u}a$ (ср. выше въ разсужденіи объ обще-западно-славянской лабіализаціи). Это несоотвѣтствіе другъ другу обоихъ элементовъ— согласной и слѣдующей за нею гласной въ чешскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ (между прочимъ въ нижне-лужицкомъ), устранялось уподобленіемъ гласной предшествующей согласной (ср. нижне-лужицкій переходъ o^{2}, т. е. открытаго *o*, въ *uo* послѣ лабіализованныхъ губныхъ и гортанныхъ). Въ результатѣ уподобленія *a* и *u* предшествующимъ палатализованнымъ согласнымъ явились соотвѣтствующія нѣбныя — ä, ü; такому же измѣненію подверглось *o*, перешедшее въ ö послѣ мягкой согласной въ нѣкоторыхъ грамматическихъ образованіяхъ, гдѣ *o* замѣнило *e* въ чешскословацкую, а можетъ быть еще и обще-западно-славянскую эпоху. Одновременно съ переходомъ *a*, *u*, *o* въ ä, ü, ö послѣ мягкихъ согласныхъ имѣлъ мѣсто переходъ *a*, *u* въ ä, ü и послѣ звука *i* въ сочетаніяхъ *ia*, *iu*, полученныхъ еще изъ обще-западно-славянскаго языка. Разсмотрю отдѣльно случаи, гдѣ въ чешскословацкомъ явились ä, ü, ö новаго происхожденія, отмѣтивъ, что появленіе ихъ относится къ эпохѣ, предшествовавшей отвердѣнію согласныхъ c, s, z, dz въ чешскословацкомъ языкѣ.

Звукъ *a* измѣнился въ чешскословацкую эпоху въ ä, какъ въ сочетаніяхъ, восходящихъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ

«смягченная согласная + а» (ča, l'a, r'a, ja и т. д.), такъ въ сочетаніяхъ «мягкая согласная + а», гдѣ мягкость согласной явилась въ обще-западно-славянскую эпоху (p'a, t'a, r'a, ja и т. д. непосредственно изъ p'ą, t'ą, r'ą, ją), такъ, наконецъ, и въ сочетаніи *ia*, возникшемъ въ обще-западно-славянскую эпоху изъ iạ. При этомъ уже въ чешскословацкую эпоху ä изъ *a* имѣло двоякую окраску: вообще на мѣсто *a*, подъ вліяніемъ предшествующаго нѣбнаго (вполнѣ мягкаго) звука, являлось ä закрытое (ä¹ Сиверса); но тамъ, гдѣ за *a* слѣдовала твердая согласная, оно не могло измѣниться такъ далеко въ направленіи къ *i* и переходило въ ä открытое (ä² Сиверса). Подобное различіе ä¹ и ä² для чешскословацкаго періода доказывается тѣмъ, что древнее *a* послѣ мягкой согласной и передъ согласными, отвердѣвшими еще въ чешскословацкомъ языкѣ, имѣетъ въ чешскомъ ту же судьбу, что передъ согласными, сохранявшимися мягкими или полумягкими еще въ чешскую эпоху (ср. чешскія ě передъ z въ kněz, vítěz, — ie, откуда í, передъ z, c: peniez, měsiec, откуда peníz, měsíc, viece, откуда více). Долгія ä¹ и ä² распались въ чешскословацкомъ въ дифтонгическія сочетанія iä¹ и iä², подобно тому какъ въ немъ распалось *o* долгое въ *uo* (чешскословацкое huoh, nuož и т. д.). Любопытно при этомъ, что положеніе звука ä послѣ j не помѣшало измѣненію его въ iä: такъ zajäc (съ ä долгимъ) изъ zajāc перешло въ zajiäc: отсюда, какъ увидимъ ниже, въ чешскомъ zajíc (ī изъ iä¹), а въ словацкомъ jịa, откуда тотчасъ же ja или ja: zajac (съ *a* краткимъ). Дифтонгическое сочетаніе iä изъ ä долгаго совпало такимъ образомъ по звуку съ iä изъ болѣе древняго *ia* (общеслав. iịa). Приведу примѣры, гдѣ въ чешскословацкую эпоху существовали новые звуки ä¹ и ä² отдѣльно или въ сочетаніи съ предшествующимъ *i*. Чешскословацк. ä¹: duš'ä, višn'ä, húr'ä, vuol'ä, diet'ä, p'ät°, kn'äź (откуда kn'äz), běžäli, čäsě (мѣстн. ед.); iä¹: sudiä, bratriä, znameniä (р. ед.); čiäš'ä, piäd°, měsiäc (откуда měsiäc); ä²: t'äh, úr'äd, s'ädu, jäsný, č'äs; iä²: riäd, piätý, tiähnút, jiäma, sedliäk. Звуки ä¹, ä² и дифтонгическія сочетанія iä¹, iä² сохранялись въ чешскословацкую эпоху безъ измѣненія.

Звукъ *и*, въ положеніи за мягкой согласной, а также въ дифтонгическомъ сочетаніи *iu* (изъ iịu, iią), измѣнился въ ü. Краткое ü находимъ, напримѣръ, въ чешскословацкихъ: l'üd, c'üdzí, br'ücho, št'üka, jütro, mor'ü, vuol'ü; долгое ü въ kl'üč, kryjü (3 л. мн.) и т. д.: iü въ формахъ, какъ znameniü, bratriü (вин. ед.). Звукъ ü и дифтонгическое сочетаніе iü сохранялись въ чешскословацкую эпоху безъ измѣненія.

Звукъ *o* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ былъ въ чешскословацкомъ языкѣ сравнительно новаго происхожденія. Въ общеславянскомъ языкѣ ему соотвѣтствуетъ *e*, измѣнившееся въ *o* по причинамъ нефонетическимъ, можетъ быть, еще въ общезападно-славянскую эпоху. Въ § 180 Гебауеръ даетъ любопытныя указанія на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ чешскаго языка, въ различныхъ окончаніяхъ падежей и именныхъ основъ, слышалось уже *o* вм. общеславянскаго *e*: konom (т. е. koňóm), otczowe, od muzow, kralowi, plecoma, s czyzolozczy (cizoložec), cralowstwo, ohnouata mluwa и т. д. Сопоставляя подобную же нефонетическую замѣну *e* черезъ *o* въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ, Гебауеръ признаетъ ее особенностью, свойственною всѣмъ западно-славянскимъ языкамъ, особенностью, восходящею, слѣдовательно, къ эпохѣ обще-западно-славянскаго единства. Указавъ на то, что подобное же *o* вм. *e* находимъ во многихъ современныхъ чешскихъ и моравскихъ говорахъ, авторъ исторической грамматики справедливо признаетъ это *o* не стоящимъ въ прямой генетической связи съ старочешскимъ *o*, такъ какъ между древнѣйшею эпохою, знавшею въ приведенныхъ случаяхъ *o*, и новѣйшею находится такая эпоха, гдѣ на мѣсто ŏ и ō явились ě и ie; начиная съ самаго начала XIV и кончая концомъ XV вѣка (ср. Гебауеръ, с. 240), въ памятникахъ наблюдаются написанія, какъ oracziew, diediczyewi, bogiewy, muziem, kralewy, tancziewati, slowo otcziewo и т. д.; слѣдовательно, въ современныхъ srco, mužovi, dušo, čomu и т. д. *o*, уже на почвѣ чешскихъ и словацкихъ говоровъ, замѣнило болѣе древнее e подъ вліяніемъ параллельныхъ образованій отъ твердыхъ основъ (vlivem paral-

lelních tvarů tvrdých, moře podle město atp.; Гебауеръ, с. 238). Я вполнѣ раздѣляю соображенія Гебауера и перехожу къ вопросу, какъ же явились mužiem вм. mužóm, otcěvo вм. otcovo. Гебауеръ (с. 240) объясняетъ появленіе ě, ie въ подобныхъ формахъ вліяніемъ аналогіи, а именно вліяніемъ склоненія женскихъ основъ на *a* на склоненіе мужскихъ и среднихъ основъ на *o*: рядомъ съ формами дат. мн. oráčóm, moŕóm, были извѣстны формы какъ dušiem, paniem (чешскословацкія dušiäm, paniäm непосредственно изъ dušäm, pan'äm съ ä долгимъ, а эти изъ duš'ām, pan'ām); рядомъ съ oráčoma, moŕoma были dušěma, panošěma; вслѣдствіе этого явились oráčiem, moŕiem, oráčěma, moŕěma; чередованіе oráčoma и oráčěma вызывало при oráčovi oráčěvi. Такое объясненіе не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ во 1) предполагаетъ вытѣсненіе дѣйствія одной аналогіи, и при томъ аналогіи весьма естественной и доказанной для разныхъ періодовъ существованія разныхъ славянскихъ нарѣчій (вліяніе твердыхъ основъ на склоненіе мягкихъ),— дѣйствіемъ другой, и при томъ весьма сомнительной (вліяніе склоненія женскихъ основъ на мужскія и среднія), во 2) упускаетъ изъ виду, что уже съ XVI — XVII вѣка на смѣну этой новой аналогіи появляется опять первоначальное вліяніе твердыхъ основъ на мягкія, при чемъ въ 3) oráčěma, oráčěvi не только явились при oráčoma, oráčovi и чередовались съ ними, но даже окончательно ихъ вытѣснили въ XIV и XV вв. Уже въ виду кратковременности безраздѣльнаго господства формъ какъ oráčěvi, oráčěma, надо признать, что онѣ замѣнили oráčovi, oráčoma подъ вліяніемъ извѣстнаго фонетическаго закона, съ прекращеніемъ дѣйствія котораго прекратилось и ихъ существованіе. Вотъ почему я допускаю фонетическій переходъ *o* въ *e* послѣ смягченныхъ согласныхъ. Имѣя въ виду, что, одновременно съ измѣненіемъ послѣ смягченныхъ согласныхъ *a* и *u* въ ä и ü, въ томъ же положеніи должно было измѣниться и *o*, я отношу измѣненіе *o* послѣ смягченныхъ согласныхъ къ чешско-словацкому періоду и допускаю переходъ его не въ *e*, а въ ö: č'o измѣнилось въ č'ö, подобно

тому какъ č'a въ č'ä, č'u въ č'ü. Долгое ö изъ долгаго *o* распалось въ чешско-словацкую эпоху на üö, подобно тому какъ долгое ä, согласно предыдущему, распалось на iä, а долгое *u* на *uo*; üö измѣнилось еще въ чешско-словацкій періодъ въ iö, повидимому, вслѣдствіе перехода ü въ *i* въ положеніи передъ ö (ср. позднѣйшій, собственно чешскій переходъ ü въ *i* уже при всякомъ положеніи); при этомъ, одновременно съ переходомъ ü въ *i*, произошло измѣненіе ö въ *e* закрытое, что вызывалось потерею второю частью дифтонга своей лабіализаціи, подъ вліяніемъ потери лабіализованнаго характера первою частью дифтонга. Дифтонгическое сочетаніе ie такого происхожденія (т. е. изъ üö, а это изъ долгаго *o*) являлось, напримѣръ, въ формахъ дат. п. мн. ч. мужского и средняго рода отъ мягкихъ основъ: koniem, srdciem изъ kon'óm, srdc'óm, (ср. старочешскія написанія, какъ konom, srdczom, Гебауеръ, III, 109 и 158). Что въ чешско-словацкомъ въ такихъ формахъ былъ именно дифтонгъ ie, а не iä, я заключаю изъ того, что въ чешскомъ онъ измѣнился не въ ā, а въ í, ср. новочешск. koním, mořím, а подъ вліяніемъ мужскихъ и среднихъ основъ также duším вм. ожидаемаго dušám (iä² измѣнялось ьъ á): ср. вліяніе мужскихъ и среднихъ основъ на женскія въ діалект. om (kravom, Гебауеръ, III, 181) и em (dušem, какъ mužem) вм. ám. Ниже мы увидимъ, что чешское í восходитъ непосредственно къ ie: написанія памятниковъ, какъ muziem, konyem, otcziem, towarzyssyem, sirdcziem, а также какъ dussyem, studniczіem можно читать, слѣдовательно, съ ie. И такъ, въ чешско-словацкую эпоху были извѣстны звуки: ö изъ *o*, напр. въ mor'ö, src'ö, duš'öu, muž'öm (тв. ед.) и т. д.;—дифтонги ie изъ ō (черезъ посредство üö): koniem, srciem и т. д. Этотъ звукъ ö и этотъ дифтонгъ ie не подвергались въ указанную эпоху дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію судьбы звуковъ ä¹, ä², ü, ö, e, дифтонговъ ie, iä¹, iä², iü въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ, остановлюсь на вопросѣ объ измѣненіи ē въ дифтонгъ, измѣненіи, относящемся также еще къ чешско-словацкой эпохѣ.

6. **О чешско-словацкомъ измѣненіи долгаго e.** Извѣстно, что

долгія гласныя *o* и ä еще въ чешско-словацкую эпоху измѣнились въ *uo* и iä: ср. чешск. vůle, словацк. vôľa (чит. vuoľa); чешск. píď, старочешск. pieď и словацк. piaď (изъ p^{i}äď съ долгимъ ä). Мнѣ представляется необходимымъ допустить, что, одновременно съ указаннымъ переходомъ, измѣнялось и *e* долгое: оно должно было перейти въ дифтонгическое сочетаніе и именно въ сочетаніе, однородное съ указанными *uo*, *iä*. И дѣйствительно, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ можно найти примѣры, доказывающіе переходъ ē въ ie: Гебауеръ на с. 143 говоритъ, что *ie* (пишется ie, ié, jé, ye и т. д.) вм. é мы находимъ въ особенности часто въ памятникахъ XVI вѣка; но онъ понимаетъ это *ie* лишь какъ діалектическое измѣненіе ē, тогда какъ общимъ для всей чешской семьи представляется сохраненіе долгаго *e* безъ измѣненія (ср. 140); такъ памятники даютъ примѣры для ie въ словахъ: řiecí (первонач. řecí съ ě), řieveš (ie вм. ě, ср. съ ů въ můžeš), žieneš, žiereš, šiel (ср. muohl), šiest, včiela (ср. hůra), včiera, večier, прич. на en (proščien, spatřien) и т. д. Справедливо утверждая, что написанія памятниковъ доказываютъ существованіе именно дифтонговъ въ этихъ и подобныхъ словахъ и формахъ, Гебауеръ сравниваетъ старочешское *ie* съ діалектическимъ *ie* въ словацкихъ говорахъ на Моравѣ и въ среднесловенскомъ говорѣ въ Чехіи: sjédmy, šjésty и šiesty, šieu, lieži (3 ед.), večier, niesť и т. д. Но, продолжаетъ Гебауеръ, не каждое é измѣнялось такимъ образомъ, а только то, на которое имѣются указанія въ памятникахъ; при этомъ достойно вниманія, что только въ ограниченномъ числѣ памятниковъ встрѣчается подобное измѣненіе, допускаемое къ тому же только въ нѣкоторыхъ слогахъ, а именно въ слогахъ: ře, lé, že, še, če и въ заимствованномъ окончаніи -éř (ieř, напр. въ haltieř). Отсюда видно, что измѣненіе это было спорадическимъ; рядомъ съ řie и т. д. сохранялось и ře и т. д. Но съ теченіемъ времени различіе это прекратилось, такъ какъ и é и *ie* сузились въ í: древнія, различно произносившіяся, řécí и řiecí, večér и večier и т. д. дали впослѣдствіи одинаково řící, večír и т. д. Въ этомъ объясненіи ученаго автора мы

опять встрѣчаемся съ своеобразнымъ пониманіемъ фонетическихъ явленій: для меня несомнѣнно, что, при существованіи фонетическаго закона объ измѣненіи é въ *ie*, řécі не могло *сохранять* своего é; слѣдовательно, если законъ о появленіи *ie* вмѣсто é не былъ діалектическимъ и если онъ не ограничивался положеніемъ послѣ извѣстныхъ только согласныхъ, мы должны объяснять í въ řícі, равно и въ hnísti, píct, kamínek и т. д., изъ *ie*, вм. первоначальнаго é, а é въ современномъ языкѣ признавать замѣною *ie* или í, вызванною какими нибудь новыми причинами. Остановлюсь сначала на происхожденіи современнаго í вм. é. На сс. 141 и 142 Гебауеръ указываетъ, что é измѣняется въ í послѣ мягкихъ согласныхъ; послѣ же твердыхъ вмѣсто é является также í (пишется í и ý), не смягчающее предшествующей согласной, но рядомъ сохраняется и é, въ особенности въ падежныхъ окончаніяхъ, не допускающихъ такого перехода; кромѣ того é сохраняется въ положеніи послѣ *l*; такъ мы имѣемъ въ современномъ письменномъ языкѣ: řícі, hnísti (изъ hňésti); kamínek, pícť, okýnko, stýblo, stéblo; dobré, dobrého; kazatelé, lécі и т. д. Въ говорахъ чешскаго языка переходъ é въ í проведенъ послѣ всѣхъ согласныхъ и не ограниченъ какими нибудь условіями: suchý stýblo (вм. suché stéblo), malí vokýnko, dobrýho vína. Въ словацкихъ говорахъ рядомъ съ *ie*, соотвѣтствующимъ первоначальному é, сохраняется é: tiecť, но dcéra, dobrého. Я думаю, что на основаніи приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ допустить чешско-словацкій переходъ ē въ дифтонгическое сочетаніе, а современное é въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ объяснять вліяніемъ различныхъ родственныхъ словъ и грамматическихъ образованій съ ě, вытѣснявшимъ ī и ie. Это дифтонгическое сочетаніе послѣ согласныхъ мягкихъ (исконно смягченныхъ) звучало, повидимому, какъ iä: hn^{i}iästi, šiästý; а послѣ полумягкихъ какъ iä или yä, гдѣ знакомъ y обозначаю звукъ, близкій къ малорусскому *и*: syädmý, pyäcі, tyäcі, dobryäho, lyäcі. Въ чешскихъ говорахъ iä, какъ и всякое другое iä, измѣнилось въ í, а yä—въ ý передъ смягченными согласными: hnísti, vajíčko и т. д.; напротивъ, передъ

твердыми согласными iä, уä переходили въ ā; достовѣрныхъ примѣровъ такого á не имѣется, такъ какъ á, í и ý, подъ вліяніемъ родственныхъ словъ и образованій, замѣнены черезъ é: ср. stéblo подъ вліяніемъ steblo, pécі вм. рýсі подъ вліяніемъ peku, nésti вм. нýsti подъ вліяніемъ nesu; равнымъ образомъ краткое *e* изъ словъ какъ krásne, krásneho (долгая гласная окончанія сокращалась послѣ предшествующаго долгаго слога, кажется, еще въ чешско-словацкую эпоху, ср. совр. словацк. krásne при dobré) переносилось вмѣсто ý въ слова какъ dobrý, dobrýho[1]), откуда dobré, dobrého. Подобной же замѣнѣ подвергалось í другого происхожденія, а именно изъ первоначальнаго *ie* (изъ iję): kazatelí измѣнилось въ kazatelé подъ вліяніемъ přatele (Гебауеръ I, 140). Слѣдуетъ замѣтить, что í и ý вытѣснялись не только долгимъ, но и краткимъ *e*: ср. nesti, pecі при nésti, pécі; šestý, sedmý вм. šístý, sýdmý (словацк. šiesty, siedmy); точно также lidí изъ lidie (ludie) перешло въ lidi подъ вліяніемъ краткаго *i* въ hadi и т. д. (Гебауеръ III, 373).

Въ словацкихъ говорахъ iä и уä совпали, повидимому, въ одномъ звукѣ iä вслѣдствіе перехода полумягкихъ согласныхъ (передъ *y*) въ мягкія: iä измѣнилось фонетически въ *ia*. Достовѣрныхъ примѣровъ такого измѣненія весьма мало, но можетъ быть сюда относится *ia* въ diaťka, правильно фонетически соотвѣтствующемъ чешскому dýlka[2]). Вообще же iä, частью еще до перехода въ *ia*, измѣнено въ *ie* подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ ě: šiästi и šiästy подъ вліяніемъ šesť перешли въ šiesti, šiesty; tiäcť, viäsť, niäsť подъ вліяніемъ tečiäm, nesiäm, vediäm — въ viesť, niesť, nesiäm подъ вліяніемъ tiahnem — въ nesiem; dobriäho, slabiäho подъ вліяніемъ bieleho, krásneho — въ dobrého, slabého и т. д.

---

1) Ср. въ памятникахъ XVI—XVII в.: dobrý místo, jabko kradený, přes cely lěto и т. д. (Гебауеръ, III, 540); krasnýho, soudu dvorskýho, žádnýho známýho nemám и т. д. (III, 541).

2) Ср. въ говорахъ: niast, odniasol, previadól, odviašč (inf.), nesiaš, naberiaš (Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slov. Spr., c. 208—209).

Существованіе дифтонгическаго сочетанія iä изъ ē оставило значительные слѣды въ словацкомъ языкѣ. А именно рядомъ съ измѣненіемъ iä въ ie подъ вліяніемъ ě, съ которымъ iä, очевидно, не могло ассоціироваться, происходило измѣненіе ě въ ä подъ вліяніемъ iä. Такъ им. ед. lēd, mēd (ē вм. ě ср. съ ō, откуда uo, въ nuož, kuoň, ḃuoh, dvuor, stuol, puost, діалект. ruh) измѣнились въ чешскословацкую эпоху въ lyäd, myäd, откуда въ словацкомъ liäd, miäd: эти формы им. ед. вызывали въ косвенныхъ падежахъ ľädu (откуда ľadu) и mädu; ср. совр. словацк. ľad, mäd. Также lēn (ē вм. ě изъ ь, ср. также ē вм. ě изъ ъ въ déšť, откуда dyšť) переходило въ liän и вызывало вм. параллельной формы len — ľän[1]), откуда ľan: совр. словацк. ľan. Равнымъ образомъ должно объяснять a въ діалектическихъ včala (Гебауеръ I, 148), при древнечешскомъ včiäly (пиш. wcziely, I, 144), čalo вм. čelo, ср. iä въ čiälko (совр. čílko), čečatka вм. čečetka очевидно подъ вліяніемъ čečiätka; точно также старочешск. šal (I, 148) замѣнило šál, фонетически происшедшее изъ šiäl (ср. sseel, ssiel, ssijel, ssyél чешскихъ памятниковъ, I, 144), современное же šel подъ вліяніемъ vedl, nesl, такъ же какъ въ словацк. — šiel подъ вліяніемъ viedl, niesl. Появленіе подобнаго *a* не только въ словацкихъ, но и въ чешскихъ говорахъ доказываетъ, что ä подъ вліяніемъ iä могло замѣнять *e* уже въ чешскословацкую эпоху.

Вслѣдствіе указанныхъ переходовъ *e* въ ä, iä въ *ie*, переходовъ, вызванныхъ звуковой аналогіей, въ нѣкоторыхъ говорахъ произошло и дальнѣйшее смѣшеніе звуковъ ä и *e*, iä и *ie*. Такъ спорадически въ литературномъ словацкомъ нарѣчіи встрѣчаются случаи замѣны *e* (изъ первоначальнаго *ѣ*) черезъ *a* (непосредственно изъ ä): sňah появилось вм. sňeh подъ вліяніемъ sniäh (sniah), которое замѣнило snieh подъ вліяніемъ чередованія ie и iä въ другихъ случаяхъ; т. е. напр. liäd и новое lied (подъ вліяніемъ ledu) существовали при новомъ ľädu и старомъ ľedu; вслѣдствіе этого при snieh -sňehu являлись sniäh- sňähu, откуда и sňah,

1) Им. ед. liän при lenu (Гебауеръ I, 172), а им. ед. len при ľnu.

ср. ľad. Также должно объяснять *a* въ ľavý. Но въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ замѣна *ie* черезъ *ia* (изъ iä) захватываетъ цѣлый рядъ словъ; ср. въ гемерскомъ говорѣ: kviatok, chliav, smiach, diavka, neviam, povia (Pastrnek, 246), при чемъ мѣстами сохранилось болѣе древнее iä: džiävku, biäda, neviäm (ib.).

Отъ этого словацкаго *ia*, явившагося изъ ē фонетическимъ путемъ, а изъ *ie* (долгаго ѣ) путемъ звуковой аналогіи, должно отличать *ia* изъ *ie*, восходящаго къ первоначальному iie; *ia* замѣняетъ *ie* (изъ ѣ) лишь спорадически, въ діалектахъ, и уже потому должно быть объяснено какъ результатъ дѣйствія звуковой ассоціаціи, а не фонетическаго закона; напротивъ, *ia* мы находимъ вмѣсто *ie* (изъ iie) какъ постоянное явленіе: это заставляетъ предполагать фонетическій переходъ *ie* (изъ iie) въ *ia*. Сюда относятся случаи какъ ľudia, hostia, zatia, mužia; окончаніе им. мн. *ia* переносилось отсюда и въ otcovia, učitelia, zaťovia, но фонетически оно возникло именно въ указанныхъ выше словахъ, гдѣ оно восходитъ къ первоначальному *ie* (изъ iie). Какъ же понять этотъ переходъ *ie* въ *ia* въ словацкомъ нарѣчіи? Имѣя въ виду, что всякое *ia* восходитъ здѣсь къ болѣе древнему iä, я думаю, что общеслав. iie звучало въ чешскословацкомъ какъ iä, и это объясняется тѣмъ, что общеславянское *e* въ конечномъ открытомъ слогѣ было звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *a*; на обще-славянское iiä указываетъ и русскій языкъ, гдѣ фонетически явилось *ья*, напр. въ листья изъ листье, малор. життя́ изъ житьé. Звукъ ä изъ конечнаго обще-славянскаго ä измѣнялся въ словацкомъ въ *a* въ положеніи послѣ первоначально смягченной согласной или послѣ *i*: ľudiä измѣнилось поэтому въ ľudia; poludniä, povětriä, mláteniä, pitiä и т. д. переходили въ poludnia, povetria, mlátenia, pitia, ср. эти и другія имъ подобныя формы им. ед. въ совр. словацкихъ говорахъ (veselia, na záhumnia, umenia, štěsťja, kameňja, lístia, ľadvia и т. д.; Pastrnek, 326). Въ положеніи послѣ губныхъ ä сохранило свой первоначальный звукъ, напр. въ tebä, sebä; въ положеніи же послѣ согласныхъ, смягчившихся уже въ словацкую эпоху, ä, въ связи съ измѣненіемъ

полумягкой согласной въ мягкую, переходило въ *e*: tiahnete, hľadťe; что до mňa вм. mne, то ä, откуда *a*, заимствовано здѣсь изъ tebä, sebä. И такъ, я нахожу возможнымъ сопоставлять общерусскій переходъ ія въ -ья съ словацкимъ измѣненіемъ iä въ *ia*; но позднѣйшій великорусскій переходъ конечнаго ä (меня, спитя) уже не находитъ соотвѣтствія въ словацкихъ явленіяхъ, такъ какъ словацкое нарѣчіе частью (послѣ губныхъ) сохраняло ä въ такомъ положеніи, частью же (послѣ смягчившихся согласныхъ) измѣнило его въ *e*[1]).

Отъ такого ä вмѣсто ожидаемаго *e* въ конечномъ открытомъ слогѣ надо отличать ä вмѣсто *e* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ. А именно, еще въ общеславянскомъ языкѣ звукъ *e*, если въ слѣдующемъ слогѣ находилась палатальная гласная (*e*, *i*), долженъ былъ диссимилироваться съ предшествующими ему смягченными согласными (j, č, ž и т. д.) и перейти въ ä, т. е. стать болѣе открытымъ, менѣе палатальнымъ: очевидно, вліяніе смягченной согласной, усиленное положеніемъ передъ слогомъ съ палатальной гласной, могло бы совершенно измѣнить первоначальный звукъ *e*, если бы не наступила описанная диссимиляція. Такъ явились čä, žä, jä и т. д. вм. če, že, je въ положеніи именно передъ слогами съ *e* и *i*[2]). Допуская такое явленіе, я имѣю въ виду, во-первыхъ, сѣверно-великорусскія діалектическія формы, какъ жаи́хъ, жалѣ́зо, которыя нельзя объяснить дѣйствіемъ аканія; во-вторыхъ, общерусскій переходъ jä въ начальномъ слогѣ въ *o*, переходъ, имѣвшій мѣсто только передъ слогомъ съ *e*, *i* (замѣчаніе Фортунатова), при чемъ *o* непосредственно изъ ö, а ö изъ начальнаго ä (ср. переходъ начальнаго *a* въ *o*), утратившаго передъ собой (діалектически уже въ обще-

1) Что до *e* въ znamenie и т. д., то оно замѣнило или ä подъ вліяніемъ pole, srdce, more, bičište и т. д. (здѣсь *e* можетъ восходить, какъ мы видѣли, къ ö изъ *o*) или же ö, при чемъ znamenïö изъ znamenïo подъ вліяніемъ dělo и т. д.

2) Различіе гласныхъ въ žlab и žleb, článek и člen, žláza и žlíza я, какъ указано выше, объясняю именно тѣмъ, что рядомъ съ želbъ въ общеслав. языкѣ являлись žälbъ, žälbina: želb- переходило въ žlěb (žleb-), а žälb- въ žläb- (žlab-); želz въ žliez- (žliz-), а žälz- въ žliäz- (žláz-).

славянскомъ языкѣ) *j* (случаи, какъ озеро, одинъ); въ-третьихъ, на подобный же переходъ указываютъ словацкія jazero, jaseň, ляшское jaleň (Bartoš I, 98), jalito (ib., ср. чешск. jelito: кишка), поморавск. jazero (I, 29) и т. д.: *ja* въ этихъ словахъ очевидно явилось вм. jä, ср. въ тѣхъ же говорахъ общій переходъ чешскословацкаго ä въ *a*: словацк. koža, žatva, kľatba, rečať, ляшск. jastřab, tělaci, čalusti, pásť, поморавск. ťažký, diťa, knížací и т. д. Можетъ быть, и нѣкоторыя другія слова въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ имѣютъ *a* того же происхожденія, что а въ jazero, jaseň: діалект. pšana р. ед., řešato, čalo и т. д. (Гебауеръ I, 147—148), можетъ быть, сохранили *a* изъ ä, возникавшаго фонетически напр. въ формахъ pšänĕ, rešätĕ, čälĕ, pšäniса и т. д.

7. **О чешскомъ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü.** Чешскій языкъ унаслѣдовалъ, какъ мы видѣли, изъ чешскословацкой эпохи звуки ö и ü изъ *o* и *u*, въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, и два оттѣнка звука ä: ä[1] (закрытое) въ положеніи не передъ твердыми согласными и ä[2] (открытое) въ положеніи передъ твердыми согласными; оба эти оттѣнка ä восходятъ частью къ *a*, измѣнившемуся въ направленіи къ палатальнымъ гласнымъ послѣ смягченныхъ согласныхъ, а частью къ общеславянскому ä, именно въ положеніи въ открытомъ конечномъ слогѣ (tebä), а также послѣ смягченныхъ согласныхъ, когда въ слѣдующемъ слогѣ находились гласныя *e*, *i* (jäzero). Чередованіе ä открытаго и ä закрытаго, какъ мы только что сказали, стоитъ въ связи съ характеромъ послѣдующей согласной: открытое ä свидѣтельствуетъ о твердости этой согласной, тогда какъ во всякомъ другомъ положеніи (передъ мягкой, полумягкой согласной, а также въ конечномъ открытомъ слогѣ) являлось ä закрытое. Слѣдовательно, въ появленіи ä закрытаго (откуда, какъ сейчасъ увидимъ, *e*) нельзя видѣть дѣйствія слѣдующаго слога[1]): ä закрытое вм. *a*

1) Какъ думаетъ Гебауеръ, колеблющійся при этомъ въ своихъ опредѣленіяхъ: на с. 92 онъ говоритъ, что переходъ *a* въ *e* вызванъ мягкой согласной или узкой гласной, между тѣмъ на с. 93 дѣйствіе согласной опущено изъ

всецѣло обязано своимъ появленіемъ предшествующей смягченной согласной; напротивъ, переходъ ä закрытаго въ ä открытое вызванъ слѣдующею твердою согласной. Не допустивъ именно такого объясненія для чередованія обоихъ оттѣнковъ ä, мы не поймемъ причины, почему въ конечномъ открытомъ слогѣ является ä закрытое, а не открытое. Особенно поучительно въ данномъ случаѣ сравненіе чешскихъ ä[1] и ä[2] съ чередованіемъ *e* и *a*, на мѣстѣ древняго *ъ*, въ польскомъ языкѣ: какъ извѣстно, обыкновеннымъ отраженіемъ общеславянскаго *ъ* служитъ въ польскомъ *e*; только передъ согласными t, d, r, ł, n, s, z мы найдемъ *a*. Принявъ во вниманіе, что первоначальное *a*, въ положеніи между мягкими согласными въ серединѣ слова, послѣ мягкихъ согласныхъ въ концѣ его, не измѣняется въ польскомъ языкѣ въ *e* (jaźdź, jaśnia, znamienia), мы не можемъ объяснить *e* въ sień, wierzyć, w zimie изъ *a*; слѣдовательно, *a* въ wiara, piasek надо возводить или къ звуку *e*, или къ такому звуку, откуда съ одной стороны долженъ былъ явиться *e*, а съ другой *a*: я думаю, что общеславянское *ъ* измѣнилось въ польскомъ въ ä (или первоначально въ дифтонгическое сочетаніе iä) съ закрытымъ оттѣнкомъ (отсюда впослѣдствіе *e*); но передъ зубными согласными ä закрытое измѣнилось въ ä открытое (откуда *a*) очевидно подъ вліяніемъ особеннаго характера этихъ зубныхъ (ср. сохраненіе ä закрытаго передъ губными и гортанными), а именно ихъ лабіализаціи (ср. сказанное выше о появленіи ö вм. *e* въ томъ же положеніи). Указанная аналогія польскаго языка дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что въ эпоху появленія ä вм. *a* согласныя передъ непалатальными гласными были еще лабіализованы въ чешскословацкомъ языкѣ (ср. лабіализацію ихъ въ обще-западно-славянскомъ): такимъ образомъ *a* послѣ смягченныхъ согласныхъ переходило въ

виду; узкія гласныя, по его мнѣнію, вліяютъ на указанный переходъ и помимо согласныхъ: такъ въ pět *e* замѣнило *a* не подъ вліяніемъ t' (p'at'), а подъ вліяніемъ ъ (p'atъ). Такое объясненіе стоитъ въ связи съ тѣмъ, что Гебауеръ не хочетъ признать мягкости (я говорю о полумягкости) согласныхъ передъ древнимъ ъ въ прачешскую эпоху.

ä[2] передъ лабіализованными согласными, а въ ä[1] при всякомъ другомъ положеніи.

Перехожу къ вопросу объ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü въ чешскомъ языкѣ. По общему закону, дѣйствовавшему здѣсь въ XIV столѣтіи (ср. замѣчанія Гебауера по поводу времени появленія *i* вм. *u*, I, 275), звуки ä закрытое, послѣ согласныхъ и въ дифтонгическомъ сочетаніи iä,—ö, ü краткое послѣ согласныхъ и въ дифтонгическомъ сочетаніи iü,—ü долгое измѣнились въ звуки еще болѣе палатальные: при этомъ ä переходило въ *e*, а ö и ü, теряя свой лабіализованный характеръ, въ *e* и *i*. Такъ явились:

1) *e* на мѣстѣ закрытаго ä изъ *a* (восходящаго къ первоначальному *a* или къ *e* носовому): jestřáb [1]), jesen (русск. ясень), ještěr (ящерица), jezvec, držeti, slyšeti, čeľeď, sázení (сажаніе), moře (р. ед.), duše (им. ед.)—ječmen, pět, opět, pěst, světiti, třesen, zeť, kuřete, řetěz, tele (им. ед.).

e на мѣстѣ закрытаго ä изъ общеслав. ä: jezero, tebe, vidíte.

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ ä изъ *a* (восходящаго къ первоначальному *a* въ *ia*): znamenie (р. ед., старочешск.), přietel (старочешск.).

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ ä, непосредственно изъ ä долгаго (восходящаго къ первоначальному ā или къ ā изъ носового e долгаго): čiešě (старочешск.), šieliti (старочешск.), pieď (старочешск.), čiesť (старочешск.), přiezě (старочешск.).

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ *e*, непосредственно изъ общеславянскаго iẹ: hostie (старочешск.), lidie (старочешск., старослав. людиѥ).

2) *e* на мѣстѣ ö изъ *o* (замѣнившаго *e* нефонетически): lice, srce, pole, moře, zloděјema (старочешск.), dědicěvi (старочешск.), bojevati (старочешск.).

ie на мѣстѣ ö долгаго, слѣдовательно, непосредственно изъ

---

1) Привожу слова въ ихъ новочешской формѣ, отмѣчая тѣ изъ нихъ, которыя должно относить къ старочешск., въ виду позднѣйшаго ихъ измѣненія въ новочешскую эпоху. Отмѣчу, напр., что въ эпоху перехода ä въ *e* pět звучало, вѣроятно, еще какъ pèt', а duše какъ duš'e.

üö, при чемъ ö долгое восходитъ къ *o* долгому, замѣнившему *e* долгое нефонетически: koniem (дат. мн., старочешск.), srdciem, (старочешск.), měséciev (р. мн., старочешск.).

3) *i* на мѣстѣ ü краткаго: jih, cizí, lid, vnitř, bliji, čelist, duši (вин. ед.), oráči (зв. ед.), moři (дат. ед.).

í на мѣстѣ ü долгаго: klíč, lítý, plíce, cítiti, majíc, čijíc, moří (р. дв. ч.);

ü, откуда í, на мѣстѣ iü съ краткимъ ü: znamení, kněží, (вин. ед.), paní (вин. ед.); на мѣстѣ iü съ долгимъ ü: paní (тв. ед.), kostí (р. дв. ч.).

Съ теченіемъ времени дифтонгическое сочетаніе *ie* изъ iä и üö измѣнилось въ í; ср. измѣненіе *ie* изъ долгаго *ѣ* въ í: такъ явились совр. чешск. znamení (р. ед.), přítel, číše, příze, píď, lidí, koním.

Что же касается ä открытаго, то оно не подверглось указанному измѣненію въ *e*; напротивъ, оно перешло въ болѣе открытый звукъ — *a*; ср. совр. чешск. čas, jarý, Jan, žalost, častý, přadu, úřad и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить, что мягкія согласныя перешли передъ ä въ согласныя полумягкія[1]), вѣроятно, еще въ чешско-словацкій періодъ: въ чешскомъ языкѣ полумягкія согласныя передъ *a* изъ ä отвердѣли, какъ вообще всѣ другія полумягкія согласныя; ср. твердыя зубныя напр. въ tah, tahati, datel; твердыя губныя въ maso, svatý, pata, vadnouti; что до твердыхъ *s* и *z* въ sadu, діалект. zabou, то отвердѣніе ихъ принадлежитъ еще чешско-словацкой эпохѣ. Дифтонгическое сочетаніе iä съ ä открытымъ переходило, согласно предыдущему, въ *ia*; отсюда далѣе i̯ā, e̯ā и затѣмъ ā: предшествующія смягченныя согласныя отвердѣли въ связи съ утратой *i*, при чемъ это отвердѣніе можно разсматривать какъ ассимиляцію согласной слѣдующей гласной; такъ явились: pátý (изъ piatý), jáma (изъ jiama), částka, řád, čára, táhnu, tázati, třásl, žádati, jeřáb, mátl и т. д. Что до *s* и *z*

1) Такой переходъ можно понять какъ ассимиляцію согласной слѣдующей гласной.

въ sáknouti, sáhati, zábsti, то отвердѣніе ихъ передъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *ia* имѣло мѣсто еще въ чешско-словацкую эпоху.

Въ современныхъ чешскихъ говорахъ, литературныхъ и областныхъ, нерѣдко замѣчается распространеніе звука *e* (í) насчетъ *a* и обратно распространеніе *a* насчетъ *e*; всѣ эти явленія обязаны вліянію аналогіи. Съ одной стороны мы находимъ напр. část вм. čist подъ вліяніемъ částka, sákneš подъ вліяніемъ sáknu, vadneš подъ вліяніемъ vadnu, třásli подъ вліяніемъ třásl, jasně подъ вліяніемъ jasný и т. д. Съ другой стороны мягкость согласной передъ *a* могла поддерживаться вліяніемъ родственныхъ образованій съ мягкой согласной передъ e: a это вліяло на переходъ *a* въ *e*, на ассимиляцію гласной предшествующей согласной; такъ m' удерживалось въ m'akký подъ вліяніемъ měčiti (старочешск.), отсюда měkký; ď удержалось въ ďáka подъ вліяніемъ vděčný, отсюда díka; иногда гласная *e* вм. *a* переносилась изъ родственныхъ образованій: třesu вм. třasu подъ вліяніемъ třeseš, jevo вм. javo подъ вліяніемъ jeviti. Объяснять появленіе ě вм. ожидаемаго *a* въ měkky, jevo вліяніемъ слѣдующихъ согласныхъ (ср. въ польскомъ передъ гортанными и губными *e*, не *a* и не *o*), конечно, нельзя уже потому, что мы находимъ *a* напр. въ tah, táhnu, zábsti, jáma, старочешск. javo, lahú и т. д. Нерѣдкое соотвѣтствіе *le* ожидаемому *la* (plésati, lehnu, hled, klesati) должно, повидимому, объяснить тѣмъ, что въ *l* совпали какъ l' такъ и l, почему здѣсь не могло быть того чередованія твердой и мягкой согласной, какъ напр. въ táhnu-tíhneš, и этимъ облегчалось употребленіе *le* однѣхъ формъ вмѣсто *la* другихъ (lahnu подъ вліяніемъ lehneš измѣнялось въ lehnu).

Предыдущіе примѣры измѣненія ä закрытаго, ö, ü въ *e*,—ä открытаго въ a показываютъ, что оно совершалось независимо отъ мягкости предшествующей согласной; *s*, *z*, *c* были тверды уже въ чешскословацкую эпоху, и тѣмъ не менѣе zät', srcö, cüt измѣнились въ zeť, srce, cit; přísäha въ přísaha.

8. **О словацкомъ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü.** Въ словацкомъ на-

рѣчіи мы встрѣчаемся, при измѣненіи этихъ звуковъ, съ явленіемъ, прямо противоположнымъ явленіямъ чешск. нарѣчія. Тогда какъ чехи замѣнили эти звуки смѣшаннаго характера звуками палатальными *e* и *i* (и только частью звукомъ a), словаки замѣнили ихъ непалатальными *a*, *o*, *u*. Подобную замѣну знаютъ и другіе славянскіе языки: такъ въ русскомъ языкѣ, въ его нарѣчіяхъ великорусскомъ, бѣлорусскомъ, а отчасти и малорусскомъ, древнее ö изъ *e* (лабіализованнаго подъ вліяніемъ слѣдующихъ согласныхъ) перешло въ *o*: нёсъ, діал. нёсу̀ изъ n^{i}ös, n^{i}ösu; подобному же измѣненію подверглось въ великорусскихъ говорахъ ö изъ общерусскаго и общеславянскаго *ы* въ положеніи его передъ неслоговымъ *i*: рою изъ röi̯u-ruji̯u (ср. діалект. рэю, мэю, крэю); звукъ ä въ положеніи послѣ i̯ перешелъ въ *a*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ: колья, житта́; наконецъ, звуку ü однихъ нарѣчій (напр. въ *люблю́*) соотвѣтствуетъ *y* въ другихъ. Въ сербскомъ языкѣ *a* изъ *ъ*, *ь*, повидимому, восходитъ къ болѣе древнему ä, ср. такое ä въ современныхъ черногорскихъ говорахъ. Польское a въ wiara, siano происходитъ изъ болѣе древняго ä, какъ показываетъ переходъ *ѧ* въ *e* въ положеніи не передъ твердыми звуками и т. д. Общій законъ словацкаго языка о потерѣ смѣшанными звуками ихъ палатальнаго характера распространился одинаково на измѣненіи ä открытаго и закрытаго въ *a*: въ чешскомъ языкѣ ä закрытое имѣло туже судьбу, что ö и ü, т. е. перешло въ палатальное *e;* въ словацкомъ оно, подобно ö и ü, потеряло палатальный характеръ, т. е. перешло въ *a*; тѣмъ естественнѣе перешелъ въ *a* тотъ оттѣнокъ ä, который еще въ чешскословацкомъ былъ открытымъ; ср. чешскій переходъ ä открытаго въ *a*. Приведу примѣры, подтверждающіе существованіе упомянутаго здѣсь закона, и укажу на тѣ разнообразныя вліянія аналогіи, которыя измѣнили въ нѣкоторыхъ случаяхъ ожидаемыя отношенія. Мы находимъ въ словацкомъ:

u изъ чешскословацкаго ü: jutro, brucho, cudzi, ľud, šťuka, čuprnу́ и т. д.; ú изъ ü долгаго: kľúč, ľúbiť, šťúr, ľútosť и т. д.; iu изъ iü: znameniu, božiu (вин. ед.) и т. д.

o изъ чешскословацкаго ö: poľo[1]), dušo (зв. ед.), kraľovať, poľovka и т. д.; впрочемъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ *o* можно объяснить новымъ вліяніемъ твердыхъ основъ на мягкія.

a изъ чешскословацкаго ä закрытаго и открытаго: rečať, reťaz, duša, ťažky, sviňa, mlčať, náradie, ovca, jašter, žať, zať, jahňa, kľačať, čaša, jazero; čas, hľadať, ťah и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ губныхъ ä сохранилось въ большинствѣ говоровъ безъ измѣненія: päť, pamäť, plemä, vätší, holúbä, sväzok, svätý, mäso, hovädo, mäkký и т. д.; я думаю, что это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что губныя, въ противоположность другимъ согласнымъ (мягкимъ и твердымъ), стали въ словацкомъ передъ ä полумягкими (впослѣдствіи онѣ отвердѣли); сочетанія же однородныхъ элементовъ, т. е. полумягкой согласной и ä сохранились безъ измѣненія, тогда какъ въ сочетаніяхъ мягкая или твердая согласная + ä это ä переходило въ a. Діалектически ä сохраняется и послѣ другихъ согласныхъ: vuolä, našä, žäba, čäs, ulicä, prädza, jäk, zjäv, jävište, jäčmeň, täžká; особенно въ Гемерскомъ говорѣ: penäz, tähá, knäzovi, sä (Pastrnek, 232).

ia изъ чешско-словацкаго iä съ закрытымъ и открытымъ ä: znamenia, božia (им. ед. ж. р.) plecia (им. мн.), peniaz, viac, mesiac, pamiatka, menia (3 л. мн.), priazeň, riad, kočiar, mäsiar, škriabať, desiatok, piaty, vianoce, žiadať, viazať, sedliak, žiaden, zajac (вм. zajiac) и т. д. Діалектически вм. *ia* извѣстно, кажется, и iä: poliä, srdciä (Pastrnek, 283). Въ нѣкоторыхъ говорахъ *ia* измѣнилось, какъ въ чешскомъ, въ ā: jalšám, žára (Pastrnek, 274); въ другихъ iä перешло въ ä и совпало съ ä изъ краткаго ä (не перешедшаго въ *a*): jelšäm, polä (им. мн.), trápeňä (р. ед.); ср. при этомъ žälobu, pšenicä, hlavnä (Pastrnek, 275).

ia изъ чешско-словацкаго iä, соотвѣтствующаго общеслав. iję, находимъ въ ľudia, hostia, а также въ діалектическихъ: štestia, povetria, pitia, pokolenia, umenia (ср. Pastrnek, 325—326).

---

1) Въ poľe, srce сохранилось древнее *e*, не замѣненное черезъ *o* подъ вліяніемъ твердыхъ основъ; отсюда оно проникло въ znamenie вм. znamenia (діалект. znamenia, umenia).

ia изъ чешско-словацкаго iä, явившагося въ результатѣ измѣненія ē въ чешско-словацкую эпоху (ср. выше), находимъ въ діалект.: nesiam, nesiaš, previadól, odniasol, umriam, viašč, также въ литературномъ diaľka (даль), ср. deľako, delé (Pastrnek, 279). Совр. ľad, mäd, ľan, pohrab, boľasť, večar (Pastrnek, 277) указываютъ, какъ мы видѣли выше, на болѣе древнія liad, miad, lian, pohriab, boliasť, večiar.

Въ большинствѣ говоровъ произошла нефонетическая замѣна дифтонгическаго сочетанія *ia*, находящагося въ чередованіи съ *e*, сочетаніемъ *ie*: beriem, ženiem, nesiem, pečienka, miesť, viezol, zaviedla, doniesť, šiesti, šiestý, siedmý и т. д. подъ вліяніемъ tiahnem, metu, nesu, šesť, sedem. Въ им. вин. ед. umenie, počatie, nárečie, bytie и т. д. *e* замѣнило *a* подъ вліяніемъ lice, poľe и т. п.

Выше я говорилъ уже, что чередованіе дифтонгическихъ сочетаній iä и *ie* вызывало появленіе iä и *ia* и на мѣстѣ первоначальнаго *ie*; такъ въ особенности въ Гемерскомъ говорѣ извѣстно произношеніе: kviatok, diavka, smiach, miašäč, и рядомъ діалектическое iä: biäda, neviäm, džiävku (Pastrnek, 246). На древность подобнаго смѣшенія указываютъ литературныя: sňah (вм. sňeh, предполагающее при этомъ sniah вм. snieh), ľavý, bľadý; ср. діалект. sňäh, bľädý (Pastrnek, 222).

Чередованіе ä съ *a* въ seba при sebä, najvatšia при najvätšia, svatý при svätý, zvadla при uvädnul, čäs при čas и др. имѣло слѣдствіемъ появленіе въ нѣкоторыхъ спорадическихъ случаяхъ ä вм. *a* и послѣ твердыхъ согласныхъ. Преимущественно это наблюдается послѣ губныхъ и гортанныхъ, при чемъ послѣднія переходятъ, очевидно, въ средненёбныя согласныя: bäran при baran, dvä вм. dva (Pastrnek 275), obidvae (ae обозначаетъ долгое ä, тамъ же с. 276), kämen, ukäzuje (ib. 280); въ соотвѣтствіи съ такимъ ä, долгое ā замѣняется черезъ *ia*: ukiazalo, ukiaž sa (ib. 279), а діалектически черезъ ä долгое: ukaezau (ib. 276).

9. **Объ отраженіяхъ звука ъ въ чешскомъ и словацкомъ нарѣчіяхъ.** Мы видѣли выше, что звукъ ŏ, явившійся въ результатѣ су-

женія o, въ чешскомъ нарѣчіи измѣнился въ *e*, а въ словацкомъ въ *o*. Такое измѣненіе имѣло мѣсто не только послѣ мягкихъ, но и послѣ твердыхъ согласныхъ: srcö, гдѣ *c* было твердо уже въ чешскословацкую эпоху, переходило въ srce и srco, kńäzöv съ твердымъ *z* въ kňezev и kňazov и т. д. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что чешское *e*, словацкое *o*, въ соотвѣтствіи съ общеславянскимъ *ъ* (напр. въ veš — voš, zámek — zámok, lež — lož, posel — posol), восходятъ къ чешскословацкому ö. Подтвержденіе такому предположенію я нахожу въ цѣломъ рядѣ словацкихъ явленій, сюда относятся: чередованіе *o* изъ *ъ* съ звуками *e*, *a* и дифтонгическимъ сочетаніемъ *ie* (ср. sen при son, daska при doska, matiek при čiarok). Я именно думаю, что рядомъ съ краткимъ ö изъ *ъ* въ чешскословацкомъ языкѣ существовало и долгое ö, возникавшее по аналогіи чередованія ŏ, ĕ (первоначальныхъ) съ o, e долгими (напр. въ случаяхъ, какъ koň'a — kōň', života — živōt, jahoda — jahōd, ledu — lēdu и т. д.). Это ö долгое, подобно ö долгому изъ ō послѣ смягченныхъ согласныхъ (см. выше), подобно также ō, ē и ä долгому (переходившимъ въ uo, iä), должно было распасться на дифтонгическое сочетаніе üö, откуда еще въ чешскословацкую эпоху *ie*. И такъ, ö краткому въ словацкомъ нарѣчіи соотвѣтствуетъ *o*, ö долгому *ie*: ср. только что указанное чередованіе въ matiek, mydiel, okien, sukien, sestier и др. (въ этихъ словахъ коренная гласная краткая) при čiarok, čiastok, dietok (въ такихъ словахъ коренная гласная была нѣкогда долгой, откуда частью дифтонгическое сочетаніе). Чередованіе *ie* и *o* частью уступило мѣсто другому чередованію, а именно чередованію *ie* и *e*, такъ какъ языкъ зналъ именно такое чередованіе въ большинствѣ случаевъ (ср. *ie* — *e* изъ *ъ* долгаго и краткаго: chlieb — chleba, smiech — směchu, snieh — sněha и т. д.): этимъ объясняется нефонетическая замѣна *o* черезъ *e*, напр. въ sídel, kŕídel (вм. sídol, kŕídol) подъ вліяніемъ mydiel; сюда же относится появленіе leb вм. lob, вѣроятно, подъ вліяніемъ *liebný, *liebka, замѣнившихъ болѣе древнія lebný, lebka. Но кромѣ того вытѣсненію *o* изъ *ъ* способствовали случаи, гдѣ

языкъ уже зналъ бѣглое *е* изъ *ь*: pes — psa, lev — lva, deň — dňa вызывали sen вм. son при sna, ср. обратное заимствованіе *о* вм. *е* въ ovos вм. oves. Новое *ie* изъ ö долгаго, какъ спорадически и старое *ie* (изъ долгаго *ѣ*), во многихъ случаяхъ замѣнялось дифтонгическимъ сочетаніемъ iä, явившимся изъ долгаго *е*: очевидно, этому способствовало чередованіе такого iä (изъ ē) съ ĕ: liäd — ledu, miäd — medu, а также liän — ľna (вм. len — ľna) вызывали появленіе miäch — möcha вм. miech — möcha; diežď перешло въ diäžď; riež въ riäž; это въ свою очередь вызывало замѣну ö черезъ ä: möcha переходило въ mächa, döžďa переходило въ däžďa; döska, подъ вліяніемъ diäsku вм. diesku (ср. hůru при hora)[1], переходило въ däska. Въ чешскомъ языкѣ ä, какъ и ö, измѣнилось въ *е*: поэтому мы находимъ здѣсь только mech, rež, deska, но въ словацкомъ, гдѣ ö перешло въ *о*, а ä въ *а*: doska и däska, moch и mach, dážď, raž. Также объясняется появленіе ā въ sukán (при sukien), sestár (при sestier), metál, vesál, dasák, karát (при kariet у Викторина): ā—вмѣсто ожидаемаго *ia* изъ iä, замѣнившаго *ie*, очевидно подъ вліяніемъ *sídal, *dietak, гдѣ *а* изъ ä вм. *о* изъ ö подъ вліяніемъ iä въ родствен-

1) По общему закону чешскословацкаго языка, въ двусложныхъ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, ретракціи ударенія съ конечнаго слога на первый соотвѣтствовало измѣненіе ударенія на первомъ слогѣ (съ древнимъ мѣстомъ ударенія), а именно переходъ его на первую часть гласной со второй и соотвѣтственно съ этимъ удлиненіе краткой гласной: въ то время, какъ horá, berú, vedóch и др. переходили въ hòra, bèru, vèdoch, формы hòru, bèreš, vède (3 аор., ср. сербск. ве̏де при вѐдох) перешли въ hôru, bêreš, vêde съ нисходящимъ удареніемъ на удлиненной гласной: ср. совр. hůru, béreš, старочешск. véde (Гебауеръ, I, 576). Можетъ быть, слѣдуетъ признать общимъ закономъ удлиненіе краткой гласной перваго слога двусложнаго слова, если онъ былъ издревле ударяемъ; это объяснило бы намъ долготу гласной въ словахъ, какъ půst—půstu (древн. и діалект.), bůh—bůha (древн.), důl—důlu (древн.), dům—důmě (древн.), zrůst—zrůstu, при чемъ postu, boha и т. д. явились бы впослѣдствіи подъ вліяніемъ hrách—hrachu, mráz—mrazu, práh—prahu; ср. еще ů въ kůža. Краткость гласной въ moře, nos, rod, host и т. д. могла бы объясняться изъ косвенныхъ падежей, часть которыхъ была получена съ удареніемъ на окончаніяхъ. Въ такомъ случаѣ сокращеніе гласной подъ древнимъ нисходящимъ удареніемъ (ruku, druha) слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что гласная сократилась при стремленіи нисходящаго ударенія перейти въ другой типъ (если ◡◡̇ или ◡ переходили въ ◡◡̇, то древнее ◡̇◡ не могло сохранить своего характера).

ныхъ образованіяхъ. Въ описанныхъ здѣсь явленіяхъ вижу подтвержденіе какъ той мысли, что въ словацкомъ, а можетъ быть еще и чешскословацкомъ языкѣ, смѣшивались дифтонгическія сочетанія *ie* (изъ долгаго *ѣ* и изъ долгаго ö) съ сочетаніями iä (изъ долгаго e), такъ и той, что въ чешскословацкую эпоху *z* звучало не какъ *e*, а какъ *o*.

Заключеніе.

Въ предложенномъ здѣсь изслѣдованіи нѣкоторыхъ звуковыхъ явленій чешскаго языка многое, конечно, покажется неубѣдительнымъ и недостаточно обоснованнымъ. Если я рѣшился включить его въ отзывъ о трудѣ Гебауера, то во всякомъ случаѣ не для того, чтобы показать ошибочность или неполноту выводовъ почтеннаго ученаго. Его богатая фактами и научными соображеніями книга составила эпоху въ изученіи чешскаго языка: вотъ почему къ ней должно примкнуть не одно, подобное моему, изслѣдованіе. Она будитъ мысль и оживляетъ научный интересъ.

Подводя итогъ всему предыдущему разбору, замѣчу, что къ трудамъ, подобнымъ Исторической грамматикѣ чешскаго языка, нельзя предъявлять тѣхъ требованій, съ которыми мы встрѣчаемъ появленіе отдѣльныхъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію какой-нибудь узкой области языкознанія. Методологическіе ошибки, недостатокъ матеріала, смѣшеніе предметовъ изслѣдованія достаточны для того, чтобы обезцѣнить такіе труды. Напротивъ, самые крупные недостатки такихъ капитальныхъ работъ, каково историческое изложеніе судебъ какого-нибудь языка, не могутъ подорвать ихъ значенія, такъ какъ въ результатѣ все же оказывается выполненною та задача, къ которой стремятся усилія отдѣльныхъ изслѣдователей,— дать общую картину развитія того или другого языка. Но Историческая грамматика Гебауера свободна отъ крупныхъ недостатковъ, а тѣ слабыя стороны въ изложеніи или въ объясненіяхъ автора, которыя я выдвинулъ въ своемъ разборѣ, отступаютъ совершенно

на задній планъ сравнительно съ положительными достоинствами этого труда, давшаго образцовую и высоконаучную обработку надежнаго матеріала, почти цѣликомъ извлеченнаго изъ первоисточниковъ. Задача, къ которой стремились Гебауеръ и вмѣстѣ съ нимъ рядъ другихъ чешскихъ филологовъ, достигнута: основанія исторической грамматики заложены, и на нихъ уже красуется начало великолѣпнаго зданія, поражающаго прочностью своей архитектуры, цѣлесообразностью плана, принятаго въ руководство строителемъ и, наконецъ, первостепеннымъ качествомъ матеріала. Останавливаться долго на нѣкоторой поспѣшности кладки, на недостаткахъ въ отдѣлкѣ фасада, на невыдержанности стиля не приходится, не приходится особенно тому наблюдателю, который ни у себя на родинѣ, ни въ другихъ родственныхъ странахъ не видитъ подобныхъ величественныхъ сооруженій. Увѣнчаніе Исторической грамматики чешскаго языка, составленной Яномъ Гебауеромъ, полною премією имени Котляревскаго будетъ вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ къ труду, которымъ могутъ гордиться не только чехи, но и всѣ прочіе славяне.

А. Шахматовъ.

II.

А. Н. Ясинскій. «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ» (X—XIII вв.). Кіевъ, 1895.

Рецензія профессора К. Я. Грота.

Не смотря на быстрые и значительные успѣхи, достигнутые во второй половинѣ истекающаго вѣка славянской исторической наукой по изученію какъ древностей, такъ вообще историческаго прошлаго отдѣльныхъ славянскихъ народностей и всего славянства въ его цѣломъ, нельзя однакожъ не признать, что намъ еще очень далеко до той завидной ступени, на которой въ наши дни стоитъ исторіографія во всѣхъ ея отдѣлахъ у образованнѣйшихъ народовъ Европы (имѣющихъ, правда, культурное старшинство передъ нами), у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ. Ежегодно наука славянской исторіи обогащается новыми, болѣе или менѣе выдающимися и цѣнными вкладами и у насъ въ Россіи, и у западныхъ славянъ (поляковъ и чеховъ), и на славянскомъ югѣ, но общій результатъ сдѣланнаго заставляетъ желать еще многаго; при томъ у насъ къ сожалѣнію до сихъ поръ не дошло до труда объединяющаго и обобщающаго всѣ частныя работы и успѣхи — труда, который могъ бы оказать большую услугу въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Такой трудъ долженъ былъ бы свести въ одно стройное цѣлое какъ весь разработанный по частямъ и въ подробностяхъ историческій матеріалъ, такъ и добытые изъ

него общіе выводы, руководящія мысли и начала, и тѣмъ обнаруживъ существующіе пробѣлы въ историческихъ изученіяхъ, далъ бы новый толчокъ и сообщилъ новыя направленія спеціальной и монографической литературѣ. Наконецъ, такой общій по исторіи славянъ трудъ, написанный самостоятельно и талантливо, не только намѣтилъ бы пути многимъ будущимъ славянскимъ историкамъ, но послужилъ бы и высоко-полезнымъ образовательнымъ пособіемъ для подрастающихъ молодыхъ поколѣній, которые у насъ такъ нуждаются въ укрѣпленіи именно такимъ путемъ своего славянскаго самосознанія. Будемъ надѣяться, что мы дождемся скоро и такого труда, а пока остается съ благодарностью привѣтствовать всякое серіозное спеціальное или монографическое изслѣдованіе по славянской исторіи, а тѣмъ болѣе тогда, когда оно касается еще мало разработанныхъ областей ея, напр. вообще исторіи внутренней, общественной и правовой жизни старыхъ славянскихъ государствъ, и къ тому же когда оно пытается проникнуть въ самую глубину того историческаго процесса, въ которомъ состояло ихъ своеобразное развитіе.

Именно такимъ трудомъ и представляется подлежащее нашему разсмотрѣнію сочиненіе г. Ясинскаго. Въ краткомъ своемъ предисловіи онъ такъ опредѣляетъ цѣль и задачу своей работы.

Посвященная паденію земскаго строя чешскаго государства, она была предпринята имъ «въ интересахъ выясненія генезиса того сословно-привилегированнаго строя, который въ главныхъ своихъ чертахъ опредѣлился во вторую половину XIV в.». Авторъ имѣлъ въ виду «не только установить рядъ тѣхъ явленій, въ которыхъ сказалось разложеніе земскаго строя, сложившагося на основахъ общеславянскаго демократическаго и патріархально-родового быта, но желалъ также опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ процессъ самобытнымъ». Изученіе источниковъ древней чешской исторіи привело его къ убѣжденію, что основы сословно-привилегированнаго строя въ чешскомъ государствѣ слагались подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей, само-

стоятельно зародившихся и созрѣвшихъ въ нѣдрахъ этого государства». Авторъ, правда, «не думаетъ отрицать, что, начиная съ половины XIII в. въ значительной мѣрѣ стало обнаруживаться воздѣйствіе нѣмецкаго права на общественный и государственный бытъ чешскаго народа», но полагаетъ, что «такое воздѣйствіе было второстепеннымъ факторомъ даже и для послѣдующаго развитія: чехи заимствовали юридическія формы для явленій, самостоятельно у нихъ возникшихъ».

Взявъ такой существенный вопросъ чешской исторіи предметомъ своего изслѣдованія, авторъ нашъ несомнѣнно могъ надѣяться — и не напрасно — внести нѣчто новое въ науку въ виду того, что область эта въ чешской исторической литературѣ въ послѣднее время дѣйствительно является запущенной, а большинство современныхъ чешскихъ историковъ, самостоятельно не углублявшихся въ эти вопросы, находятся въ слишкомъ еще большой зависимости отъ своихъ старыхъ авторитетовъ, глазами которыхъ они привыкли смотрѣть и въ непогрѣшимость которыхъ въ основныхъ взглядахъ они привыкли вѣрить. Совершенно понятно, что въ этомъ отношеніи русскій ученый находится въ особенно благопріятномъ положеніи, будучи въ состояніи легче западнаго славянина отнестись къ вопросу вполнѣ объективно, разсмотрѣть его съ гораздо болѣе широкаго горизонта зрѣнія и воспользоваться самымъ обширнымъ сравнительнымъ матеріаломъ, равно какъ и всей для него не менѣе другихъ доступной литературой предмета.

При всемъ томъ однакожъ избранный вопросъ настолько труденъ и капиталенъ, что прежде всего напрашивается сомнѣніе, соразмѣрилъ ли г. Ясинскій свои силы и средства съ обширностью и трудностью задачи, иначе говоря, соразмѣрилъ ли онъ съ нею тотъ трудъ, который онъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду и могъ положить на задуманную работу. И въ этомъ мы позволяемъ себѣ усумниться.

Намъ представляется задача г. Ясинскаго слишкомъ широкой, слишкомъ сложной и многообъемлющей, чтобъ быть удовле-

творительно рѣшенной при данныхъ условіяхъ, именно въ тѣхъ ограниченныхъ рамкахъ, которыя онъ себѣ поставилъ, и съ тѣмъ матеріаломъ и ученымъ аппаратомъ, который имѣлся въ его распоряженіи. Повидимому, автору показалось разрѣшеніе заинтересовавшаго его вопроса гораздо болѣе легкимъ и простымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, и онъ посвятилъ сравнительно небольшое (менѣе 200 страницъ) разсужденіе разслѣдованію предмета, который въ сущности требуетъ цѣлаго ряда работъ подобнаго рода, основанныхъ на самомъ полномъ и исчерпывающемъ изученіи источниковъ и на широкомъ примѣненіи сравнительно-историческаго метода.

Авторъ, какъ кажется, не вполнѣ взвѣсилъ и того обстоятельства, что тема его въ значительной степени входитъ въ сферу наукъ юридическихъ, въ исторію права, а потому для всесторонней и полной своей обработки требуетъ отъ автора нѣкоторой спеціальной подготовки и въ этой послѣдней области. Мы должны откровенно сознаться, что не замѣтили у него такой подготовки. Не будучи сами спеціально компетентны въ области науки права, мы далеки отъ того, чтобы взяться критиковать книгу г. Ясинскаго съ этой спеціальной точки зрѣнія. Но мы не можемъ не констатировать факта, что съ этой стороны дѣло не могло обойтись у него безъ пробѣловъ и недочетовъ.

Итакъ этою несоразмѣрностью задачи со средствами и въ нѣкоторомъ смыслѣ съ методомъ автора, съ ограниченными, искусственно себѣ поставленными рамками естественно обусловливаются и результаты работы, которые, при всѣхъ ея положительныхъ свойствахъ и достоинствахъ, вообще научной цѣнности, по крайнему нашему разумѣнію, не заключаютъ въ себѣ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія поставленнаго вопроса. Съ этимъ— мы бы сказали — слишкомъ легкимъ и смѣлымъ отношеніемъ къ своей задачѣ связаны, какъ мы увидимъ ниже, и главнѣйшія слабыя стороны и недостатки разбираемаго изслѣдованія.

Мы позволяемъ себѣ думать, что еслибъ г. Ясинскій ограничился на первый случай разработкой одного изъ частныхъ во-

просовъ, входящихъ въ кругъ его темы, и продолжалъ бы затѣмъ столь-же основательно и разносторонне изучать другія явленія того сложнаго историческаго процесса, который онъ такъ поторопился истолковать въ своей диссертаціи, что результаты такого продолжительнаго и систематическаго изученія были бы по всей вѣроятности нѣсколько иные и едва-ли отличались бы такою рѣшительностью въ направленіи, совершенно противоположномъ воззрѣніямъ, общепринятымъ до сихъ поръ не въ одной чешской исторіографіи относительно самой Чехіи, но—скажемъ болѣе—въ исторической наукѣ въ области соціальныхъ, правовыхъ и культурныхъ явленій вообще.

Нельзя не отдать автору полной справедливости въ томъ, что онъ отнесся къ предмету своего изслѣдованія совершенно самостоятельно, и должно повѣрить тому, что лишь добросовѣстная работа надъ источниками, а не случайно со стороны навѣянная мысль, склонила его къ извѣстнымъ выводамъ, столь расходящимся съ донынѣ господствующими въ наукѣ. Но способно ли было это одно преимущество, самостоятельное отношеніе къ дѣлу, поставить автора на высоту правильнаго и удовлетворительнаго рѣшенія занявшей его задачи?

Дѣло въ томъ, что возбужденный имъ вопросъ не есть вопросъ частный или узко-спеціальнаго значенія и интереса, это, наоборотъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ важныхъ и основныхъ вопросовъ исторической судьбы западнаго славянства, которыми опредѣляется весь ея смыслъ и характеръ, — это вопросъ, который существуетъ не въ одной исторіи Чехіи, а касается одинаково всего западно-славянскаго міра и можетъ быть поставленъ гораздо шире и общѣе. Какимъ образомъ, подъ какими воздѣйствіями развивалась соціально-политическая жизнь и государственность не только у Чеховъ, но и у другихъ западно-славянскихъ народностей, попавшихъ въ аналогичныя условія со времени принятія ими христіанства, какими путями и при какихъ условіяхъ онѣ переходили отъ первоначальныхъ своихъ племенныхъ, а потомъ такъ называемыхъ земскихъ установленій къ

новому строю съ западно-европейскимъ феодальнымъ характеромъ, это вопросъ еще болѣе общій, чѣмъ взятый нашимъ авторомъ, но вопросъ, который обязательно напрашивается самъ собой при обсужденіи болѣе частнаго. Очевидно, такая основная и глубокая тема, столь же интересная, сколько и трудная, заключающая въ себѣ значительный философскій или народно-психологическій элементъ, требуетъ и соотвѣтственно широкой постановки и разносторонних изслѣдованій и соображеній не въ однихъ узкихъ предѣлахъ времени и мѣста или въ кругу данныхъ опредѣленнаго разряда источниковъ, а въ широкихъ рамкахъ изученія культурно-историческаго развитія западно-европейскаго (романо-германскаго) міра сравнительно съ восточнымъ (византійскимъ) и историческихъ отношеній и сближенія славянства съ тѣмъ и другимъ. Обойти въ такомъ вопросѣ безъ подобающаго вниманія и оцѣнки эту важную и существенную сферу культурныхъ вліяній, шедшихъ чрезъ посредство преимущественно церкви, латинскаго образованія и литературы, значило бы остаться на поверхности вопроса и далеко его не исчерпать. Но къ сожалѣнію, именно такой болѣе широкой точки зрѣнія и такой необходимой для вполнѣ успѣшнаго обсужденія вопроса постановки его мы и не находимъ у нашего автора, и это не могло не отразиться на его выводахъ. Все это утверждаетъ насъ во мнѣніи, что ему, въ то время начинающему ученому, не слѣдовало сразу задаваться рѣшеніемъ такого крупнаго вопроса, обнять и до нѣкоторой степени исчерпать который можно только послѣ многихъ спеціальныхъ и сравнительныхъ изученій и ставъ на извѣстную высоту исторического міровоззрѣнія...

Говоря о задачѣ изслѣдованія г. Ясинскаго и объ отношеніи къ ней автора, мы невольно остановились въ самомъ началѣ нашего разбора на тѣхъ сторонахъ этого труда, отъ которыхъ зависятъ его нѣкоторыя отрицательныя свойства. Но если мы, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, не можемъ согласиться съ главною мыслью автора, или вѣрнѣе съ крайностями его выводовъ, равно какъ и съ постановкой нѣкоторыхъ вопросовъ, то

изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобъ мы не оцѣнили научныхъ достоинствъ и значенія этой солидной работы. Напротивъ, мы не можемъ не удовлетворить здѣсь же нашей потребности высказать о нихъ наше общее весьма благопріятное впечатлѣніе.

Г. Ясинскій обнаруживаетъ отъ начала и до конца своего изслѣдованія вполнѣ добросовѣстное и строгое отношеніе къ дѣлу и къ своимъ источникамъ. Онъ основательно изучилъ все, что могъ имѣть подъ руками и умѣло пользуется своимъ матеріаломъ. На исправность и точность его ссылокъ можно положиться. Его изложеніе достаточно систематично и отчетливо; онъ не расплывается въ частностяхъ и не многословенъ, быть можетъ иногда даже слишкомъ сдержанъ въ обнаруженіи своихъ историческихъ представленій и взглядовъ на иные предметы (въ нѣкоторый ущербъ ясности). Сложность темы, скудость прямыхъ источниковъ, спорность многихъ положеній,—вообще значительная шаткость почвы заставляетъ его быть довольно осторожнымъ, по крайней мѣрѣ въ формулировкѣ своихъ заключеній въ продолженіе работы, съ чѣмъ надо сознаться мало вяжется рѣшительность его окончательнаго вывода... Вообще говоря ученыя достоинства труда г. Ясинскаго безспорны, а потому вполнѣ естественно, если разработка имъ по первымъ источникамъ ряда вопросовъ внутренней государственной жизни и развитія Чехіи является во всякомъ случаѣ полезнымъ для науки вкладомъ, въ которомъ будущіе изслѣдователи могутъ почерпнуть и новыя соображенія, и новыя наблюденія и указанія, и который займетъ несомнѣнно опредѣленное и прочное мѣсто въ литературѣ предмета. Въ виду этого наша критика руководящей, главной мысли, проводимой авторомъ, не мѣшаетъ намъ признать за нимъ существенную заслугу въ изученіи общественной и внутренно-политической исторіи Чехіи до XIV вѣка.

Мы приступимъ теперь къ разсмотрѣнію труда г. Ясинскаго въ порядкѣ его изложенія, по частямъ, при чемъ, передавая сжато, въ самыхъ существенныхъ положеніяхъ и чертахъ, его содержаніе, будемъ попутно дѣлать свои замѣчанія и возра-

женія, а также общія наши заключенія относительно отдѣльныхъ частей изслѣдованія. Въ концѣ же подведемъ итоги разбору и формулируемъ окончательно наше мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ разсматриваемаго сочиненія.

Въ довольно большомъ *Введеніи* (стр. 1—35) къ своему изслѣдованію авторъ знакомитъ читателя съ современнымъ состояніемъ чешской исторіографіи вообще и избранной имъ области въ частности, устанавливаетъ свою точку зрѣнія на интересующій его вопросъ, существенно расходящуюся съ господствующими воззрѣніями, и даетъ обозрѣніе источниковъ чешской исторіи того періода, который его занимаетъ.

Сказавъ въ самомъ началѣ о поразительной скудости въ разработкѣ внутренней, соціальной исторіи Чехіи до Палацкаго, который еще въ 30-хъ годахъ отмѣтилъ этотъ большой пробѣлъ, и объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ этомъ отношеніи уже черезъ 40 лѣтъ послѣ того въ безсмертныхъ трудахъ самого Палацкаго и въ работахъ его учениковъ и продолжателей, г. Ясинскій констатируетъ, что послѣ появленія ряда капитальныхъ изслѣдованій въ такомъ направленіи, вышедшихъ изъ подъ пера ученыхъ авторитетовъ еще стараго поколѣнія,—вниманіе и научный интересъ новыхъ чешскихъ историковъ направились на изученіе позднѣйшихъ періодовъ исторіи, въ особенности на XV вѣкъ, какъ на «героическій вѣкъ чешскаго народа» и на «центръ его исторіи», а вопросы древней исторіи такимъ образомъ отодвинулись на задній планъ.

Переходя къ характеристикѣ взглядовъ чешскихъ историковъ на характеръ и развитіе внутренней, общественной и государственной жизни Чехіи, авторъ отмѣчаетъ общепринятый взглядъ, что «въ чешскомъ государствѣ господствовали сначала чисто славянскія начала, и только съ XIII вѣка стали проникать правовые институты западно-европейской культуры, право нѣмецкое и феодальное».

Въ подтвержденіе приводятся (большею частью въ точныхъ цитатахъ) мнѣнія лучшихъ чешско-моравскихъ историковъ:

Палацкаго, В. Томка, Гермен. Иречка, Б. Дудика, Яр. Челяковскаго. Общее заключеніе Палацкаго (высказанное въ его «Исторіи») по этому предмету, именно о послѣдствіяхъ встрѣчи и столкновенія чеховъ и вообще славянъ съ міромъ германскимъ и западной культурой, снабдившими ихъ столь многими положительными пріобрѣтеніями, считается Ясинскимъ особенно характеристичнымъ не для одного Палацкаго, но и для чешской исторіографіи вообще, въ которой де до сихъ поръ «признается какъ-бы доказаннымъ, что роль славянъ къ исторіи — пассивная, что они являются учениками, неумѣло повторяющими, а иногда искажающими своего учителя».

Осуждая уже здѣсь очень рѣшительно взглядъ Палацкаго и большинства историковъ на культурное воздѣйствіе на чеховъ (и славянъ) германскаго запада (имъ — кстати замѣтить — представленный нѣсколько преувеличенно), г. Ясинскій здѣсь же обнаруживаетъ свою теорію «самобытности», которая заставила его къ сожалѣнію въ его изысканіяхъ почти совсѣмъ не принять во вниманіе или свести на нѣтъ такой важный факторъ, какимъ всегда являются международныя культурныя вліянія, а особенно въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ.

Однимъ изъ послѣднихъ по времени представителей установившагося у чеховъ взгляда на роль германизма въ исторіи чешской государственности является чешскій историкъ права — Я. Ганель (Hanĕl) въ своей спеціальной работѣ «О вліяніи права нѣмецкаго въ Чехіи и Моравіи» (O vlívu práva německého v Čechach a na Moravě, 1874). Авторъ, ссылаясь на то, что эта работа нашла себѣ уже въ свое время оцѣнку въ русской ученой литературѣ (со стороны г. Владимірскаго-Буданова, см. его отчетъ о годичной командировкѣ 1880—81 г. Кіев. Унив. Изв. 1881, № 12, стр. 25—56), ограничивается выпиской наиболѣе характерныхъ цитатъ изъ книги г. Ганеля, въ томъ числѣ того мѣста, гдѣ г. Ганель облекаетъ свою мысль въ такія «знаменательныя» слова: «перемѣна (т. е. въ правовыхъ и общественныхъ порядкахъ Чехіи) произошла подъ вліяніемъ *какой-то* (курсивъ

г. Ясинскаго) исторической необходимости»... По словамъ нашего автора онъ ни въ книгѣ Ганеля, ни въ другихъ сочиненіяхъ не нашелъ отвѣта на вопросъ, какая это историческая необходимость, вызвавшая перемѣны въ общественномъ и государственномъ строѣ Чехіи въ XII и XIII вв. Разъяснить вотъ эту-то необходимость авторъ и взялъ на себя.

По поводу г. Ганеля и его прежняго русскаго критика мы при этомъ случаѣ должны высказать сожалѣніе, что г. Ясинскій повидимому не отнесся къ нимъ съ надлежащимъ вниманіемъ, не воспользовался ихъ наблюденіями и ихъ компетентностью въ должной мѣрѣ. Мы увидимъ ниже, что нѣкоторыя стороны вопроса спеціально разработанныя г. Ганелемъ, остались безъ необходимой оцѣнки у нашего автора. Что касается критики г. Владимірскаго-Буданова, то слѣдовало по крайней мѣрѣ познакомить читателя съ основной точкой зрѣнія этого ученаго спеціалиста (по славянскому праву), которая несомнѣнно представляетъ интересъ, тѣмъ болѣе, что, сходясь въ общемъ въ выводахъ съ г. Ганелемъ, она заключаетъ въ себѣ по существу нѣсколько иную постановку вопроса, къ которой г. Ясинскій не могъ отнестись безразлично, и которая даже, быть можетъ, сыграла свою роль въ образованіи его собственнаго воззрѣнія. Г. Владимірскій-Будановъ, занимавшійся спеціально «Нѣмецкимъ правомъ въ Польшѣ и Литвѣ» и имѣвшій полное основаніе примѣнить свои наблюденія и къ Чехіи (гдѣ очевидно много аналогичнаго), держится взгляда о необходимости строго различать въ области права понятія «вліянія» и «заимствованія». Онъ признаетъ, что *земское право* въ славянскихъ странахъ, подвергавшихся нѣмецкому правовому вліянію, оставалось весьма самостоятельнымъ «сепаратнымъ» (точно такъ-же какъ въ свою очередь и нѣмецкое), что *сліянія* этихъ различныхъ элементовъ не послѣдовало, что напр. въ Польшѣ польское право отнюдь не исчезло подъ вліяніемъ нѣмецкаго, что оно получило только новую окраску, которая стала его отличительнымъ признакомъ. Это же толкованіе онъ примѣняетъ и къ сферѣ государственнаго устройства

и управленія (въ западно-славянскихъ странахъ). Итакъ, будучи противъ признанія прямыхъ заимствованій, онъ—въ пользу существованія и значенія правовыхъ, а слѣдовательно и вообще культурныхъ воздѣйствій и вліяній. Онъ только отрицаетъ мысль, чтобы новый чешскій общественный и государственный строй былъ *сліяніемъ* нѣмецкихъ порядковъ съ старо-чешскими. Въ этомъ послѣднемъ мнѣніи очевидно примкнулъ къ нему и г. Ясинскій, но онъ пошелъ далѣе и дошелъ до почти полнаго отрицанія и самыхъ воздѣйствій нѣмецкаго права и западно-европейскаго соціальнаго строя на внутреннее развитіе Чехіи до XIV вѣка. Итакъ мы видимъ, какое значеніе для нашего автора долженъ былъ имѣть разборъ книги Ганеля г. Владимірскимъ-Будановымъ, и поэтому мы въ правѣ упрекнуть его въ томъ, что онъ не только не далъ мѣста поучительнымъ сужденіямъ послѣдняго по данному вопросу въ своемъ изложеніи высказанныхъ до него мнѣній, но и не проронилъ ни одного слова о своемъ отношеніи къ мнѣнію своего предшественника въ критикѣ книги г. Ганеля. Но возвратимся къ изложенію. Итакъ автора не удовлетворяетъ рѣшеніе вопроса о перемѣнѣ, совершившейся во внутреннемъ строѣ Чехіи, простой ссылкой на внѣшнія вліянія со стороны просвѣщеннаго и болѣе культурнаго народа. Не отрицая «извѣстной доли» этого вліянія, онъ думаетъ, что ему приписывается слишкомъ много. Поэтому цѣль его—постараться указать, какая необходимость, какія мѣстныя условія и нужды вызвали измѣненіе общественнаго и государственнаго строя въ концѣ XII в., — «представить картину органическаго развитія этого славянскаго государства въ X—XIII в.».

Итакъ здѣсь авторъ ясно высказалъ свою руководящую мысль и свою задачу. Въ вопросѣ о ходѣ развитія чешскаго государства онъ выдвигаетъ моментъ внутренній, «самостоятельно возникшія въ нѣдрахъ самого народа потребности», «мѣстныя условія и нужды», которыя всецѣло опредѣлили то, а не другое направленіе въ этомъ развитіи. Сторона внѣшнихъ воздѣйствій такимъ образомъ совершенно отодвигается имъ на задній планъ.

Авторъ видимо увлекся своей точкой зрѣнія, ибо историческая необходимость, какъ между прочимъ слѣдствіе мѣстныхъ условій, потребностей и обстоятельствъ, не можетъ быть отождествлена съ понятіемъ органическаго или самобытнаго развитія и очень часто обусловливается преимущественно дѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ. Между тѣмъ онъ думаетъ оправдать свою теорію «самобытности» и «органичности» выясненіемъ исторической необходимости, которую выводитъ исключительно изъ внутреннихъ, мѣстныхъ (или народныхъ) потребностей и условій. Въ этомъ, какъ намъ кажется, его главное заблужденіе. Выяснивъ несомнѣнно очень многое въ условіяхъ и внутреннихъ причинахъ разложенія земскаго строя въ Чехіи, онъ однакожъ далъ узкую и одностороннюю постановку этому сложному вопросу и съ слишкомъ большой рѣшительностью сдѣлалъ общій выводъ, съ которымъ трудно согласиться.

Но не будемъ забѣгать впередъ въ нашемъ общемъ приговорѣ. Здѣсь скажемъ только, что каждая глава въ книгѣ г. Ясинскаго, давая много важнаго и интереснаго для уясненія процесса внутренняго государственнаго роста Чехіи, убѣждаетъ насъ въ односторонности его общаго толкованія этого процесса.

Назвавъ историческій процессъ, которымъ Чехія шла въ своемъ государственномъ развитіи, «паденіемъ земскаго строя», авторъ естественно сознавалъ необходимость разъяснить, что именно слѣдуетъ понимать подъ этимъ *земскимъ строемъ*. Сказать только, что онъ разумѣетъ здѣсь «учрежденія и порядки, которые существовали въ первый періодъ исторіи чешскаго государства и возникли на славянской основѣ», казалось ему самому недостаточнымъ, и онъ считаетъ нужнымъ, впрочемъ въ очень краткихъ словахъ, указать черты, характеризующія начальную эпоху государственной жизни у славянъ. Здѣсь онъ (стр. 8—10) самымъ бѣглымъ образомъ упоминаетъ о первыхъ «не отличавшихся долговѣчностью» славянскихъ государствахъ съ княземъ во главѣ, изъ которыхъ впрочемъ нѣкоторыя путемъ сплоченія племенъ успѣли стать могущественными и которыя вмѣстѣ

съ тѣмъ задавались широкими замыслами объединенія славянъ; однако въ нихъ обнаруживается еще отсутствіе сознанія объ единствѣ и нераздѣльности государственной территоріи и власти: оттуда появленіе удѣльныхъ князей со всѣми правами верховной власти. Далѣе рѣчь идетъ объ областныхъ правителяхъ, какъ замѣстителяхъ племенныхъ князей, объ участіи основной массы населенія въ политическихъ дѣлахъ, о его правахъ владѣнія и наслѣдованія недвижимыми имуществами, наконецъ о преобладаніи обычнаго права,—все это въ самыхъ краткихъ и общихъ выраженіяхъ. Въ томъ, что «въ началѣ своего существованія государство представляло собой внѣшнее сплоченіе племенныхъ группъ, выражавшееся въ механическомъ соединеніи отдѣльныхъ племенныхъ территорій» и что господствовалъ обычай и земское право,—въ этомъ авторъ видитъ основаніе называть этотъ періодъ *земскимъ*. «Подъ вліяніемъ новыхъ государственныхъ потребностей этотъ несовершенный земскій строй долженъ былъ разложиться и уступить свое мѣсто высшей формѣ государственности, государству сословно-привилегированному».

Этимъ и ограничивается авторъ въ своей характеристикѣ земскаго строя. Всего какихъ-нибудь $1^1/_2$ страницы онъ посвятилъ выясненію того понятія и той группы или совокупности фактовъ, которыя являются основными въ его темѣ и изъ которыхъ ему придется исходить во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ разслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ! Не можемъ не отмѣтить этого явнаго недочета въ книгѣ г. Ясинскаго, ибо онъ долженъ былъ неминуемо сказаться нѣкоторыми невыгодными для всей работы послѣдствіями, ибо недостатокъ опредѣленности и отчетливой ясности, повидимому присущій самымъ представленіямъ автора о многихъ элементахъ и явленіяхъ земскаго строя, очевидно долженъ былъ сказываться при разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ дальнѣйшаго «органическаго»—съ точки зрѣнія автора—развитія этого строя и мѣшалъ нашему ученому вполнѣ разобраться въ послѣдующихъ измѣненіяхъ этого строя.

Цѣль, которою онъ задался, настоятельно требовала отъ него

удѣлить гораздо болѣе мѣста, даже посвятить особую главу обстоятельной характеристикѣ славянскаго *земскаго* строя въ Чехіи, исходя изъ установленныхъ въ наукѣ славянскихъ древностей положеній объ общихъ основахъ этого строя у древнихъ славянъ, и затѣмъ уже, имѣя твердую и опредѣленную почву подъ ногами, приступить къ выясненію тѣхъ внутреннихъ условій и нуждъ, которыя вызвали разложеніе этого строя.

По поводу немногихъ сообщенныхъ авторомъ данныхъ, долженствующихъ характеризовать начальный періодъ политической жизни славянъ, мы должны еще возразить противъ употребленія термина *государство* (стр. 8) для первыхъ политическихъ объединительныхъ попытокъ и племенныхъ союзовъ или организацій у славянъ (въ періодъ VII—X вв.). Самъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи строго отдѣляетъ *государственную* организацію отъ «*земской*», вышедшей изъ патріархально-родовыхъ и племенныхъ установленій. Дѣйствительно, государства въ настоящемъ смыслѣ слова слагаются у славянскихъ народовъ значительно позже (конечно не у всѣхъ одновременно, а въ зависимости отъ условій политическихъ и культурныхъ), по пережитіи ими критическаго, такъ называемаго удѣльнаго періода, съ утвержденіемъ новаго принципа престолонаслѣдія, съ упроченіемъ единодержавія и верховной государственной власти, съ постепеннымъ установленіемъ законовъ и формъ управленія — на болѣе совершенныхъ началахъ. Такимъ образомъ терминъ «государства» для старыхъ славянскихъ княжествъ, какъ попытокъ внѣшняго политическаго сплоченія, съ ихъ земскимъ строемъ, представляется неумѣстнымъ.

Слѣдующая, бо́льшая часть «Введенія» заключаетъ въ себѣ *обозрѣніе источниковъ* для древней исторіи Чехіи, т. е. собственно для занимающаго автора періода. О нихъ онъ хочетъ сказать особо и подробнѣе, ибо изученіе ихъ дало ему «возможность въ земскомъ строѣ открыть зародыши иного порядка вещей, и объяснить, какъ на обломкахъ стараго возникъ новый — сословно-привилегированный».

Нечего и говорить, что такое обстоятельное обозрѣніе источ-

никовъ, какое намъ даетъ г. Ясинскій (на 25 стран.) можетъ быть только полезнымъ для дѣла, придаетъ работѣ еще большую внѣшнюю законченность и еще нагляднѣе свидѣтельствуетъ объ эрудиціи и начитанности его въ литературѣ предмета. Но дѣло въ томъ, что это обозрѣніе имѣетъ поневолѣ компилятивный характеръ и формулируетъ результатъ чужихъ изслѣдованій и спеціальныхъ изученій отдѣльныхъ источниковъ, и притомъ оно органически не входитъ въ работу и могло бы быть безъ особеннаго ущерба для существа дѣла, т. е. для обработки темы опущено или пожалуй помѣщено въ Приложеніи. Вотъ почему мы думаемъ, что было бы лучше, если бы нашъ авторъ въ своемъ введеніи вмѣсто этого обозрѣнія источниковъ далъ то именно, чего мы къ сожалѣнію не нашли у него, т. е. цѣльную и связную характеристику главныхъ элементовъ славянскаго земскаго строя, какимъ онъ выясняется по имѣющимся даннымъ для Чехіи первыхъ вѣковъ ея политическаго существованія. Этимъ онъ и самъ бы себѣ уяснилъ многое глубже и полнѣе, и значительно облегчилъ бы себѣ дальнѣйшее изложеніе.

На обозрѣніи источниковъ и литературы ихъ разработки, которое отличается обстоятельностью и полнотой и въ которомъ мы не замѣтили значительныхъ недомолвокъ[1]), мы не станемъ останавливаться, а отмѣтимъ лишь одну поразившую насъ несообразность. О лѣтописяхъ и хроникахъ чешскихъ (преимущественно о Косьмѣ Пражскомъ, а также его продолжателяхъ и даже хроникахъ XIV в.) авторъ распространяется подробно на 18 страницахъ, тогда какъ документальнымъ источникомъ, т. е. грамотамъ и юридическимъ памятникамъ и ихъ оцѣнкѣ онъ посвящаетъ всего лишь нѣсколько замѣчаній на трехъ страницахъ. Между тѣмъ его изслѣдованіе основано преимущественно, если не почти исклю-

1) Припомнимъ по поводу обозрѣнія житій, что говоря о житіяхъ св. Войтѣха и относящейся къ нимъ литературѣ, авторъ опускаетъ вѣроятно оставшуюся ему неизвѣстной работу А. С. Будиловича: «Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ» (Очерки изъ церк. ист. Зап. Слав.), Варшава, 1880.

чительно, на актовомъ матеріалѣ, а лѣтописнымъ онъ пользуется сравнительно очень мало и съ большою сдержанностью [1]). Очевидно было бы послѣдовательнѣе да и для дѣла полезнѣе, еслибъ онъ тотъ матеріалъ, который послужилъ ему главнымъ источникомъ, предварительно разсмотрѣлъ и привелъ въ извѣстную систему, а также далъ бы ему болѣе подробную характеристику и оцѣнку.

Первая глава книги г. Ясинскаго озаглавлена «*Зависимые люди и характеръ ихъ зависимости*» (стр. 36—60). Вся книга распадается на *пять главъ*, изъ которыхъ каждая посвящена особому предмету, входящему въ объемъ задачи, *заключеніе* (которое впрочемъ также отчасти разсматриваетъ частный вопросъ) и *три Приложенія*. Вотъ названія другихъ главъ: II-я, Возникновеніе классовъ общества; III-я, Администрація и областное дѣленіе; IV-я, Городская организація; V-я, Власть государя и положеніе знати. — Уже изъ этого перечисленія видно, въ какія опредѣленные, разграниченныя, но едва-ли могущія вмѣстить все широкое содержаніе вопроса рамки замкнулъ нашъ авторъ свою тему.

Въ этомъ отношеніи его трудъ невольно напрашивается на сравненіе съ появившимся послѣ него (I томъ въ 1896 г.) и недавно законченнымъ (II томъ въ 1898 г.) большимъ и солиднымъ нѣмецкимъ изслѣдованіемъ въ той же самой области извѣстнаго уже спеціальными работами *Юлія Липперта*: «Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit», трудомъ, написаннымъ тоже исключительно по источникамъ — съ большою основательностью и возможною для чешскаго нѣмца объективностью. Сущность его задачи, какъ увидитъ читатель—очень близкой къ темѣ г. Ясинскаго, опредѣляется въ слѣдующихъ частныхъ заглавіяхъ обоихъ томовъ его сочиненія: I. Die Slavische Zeit und ihre gesellschaftlichen Schöpfungen и II. Der Sociale Einfluss der Christlichkirch-

1) Эта несообразность отмѣчена и въ офиціальной рецензіи профессора Ѳ. Фортинскаго, см. Кіев. Универс. Извѣстія, 1898 г., № 8, стр. 18.

lichen Organisationen und der deutschen Colonisation. Изъ этого видно, что и Липпертъ задался въ сущности тѣмъ же вопросомъ, что и г. Ясинскій, но разница въ томъ, что нѣмецкій ученый охватилъ вопросъ въ той именно широтѣ, которая является вполнѣ необходимой для его правильнаго рѣшенія, тогда какъ нашъ авторъ нѣсколько произвольно сузилъ свои рамки, оставивъ почему-то безъ разбора и оцѣнки весьма важные элементы и факторы заинтересовавшаго ихъ обоихъ историческаго процесса (какъ увидимъ, главнымъ образомъ то, что разсматривается во II томѣ книги г. Липперта). Правда, онъ далъ болѣе частную формулировку своей темѣ (сравни заглавія обоихъ сочиненій), но истинный, отъ существа дѣла зависящій объёмъ ея — не могъ вслѣдствіе того сузиться, ибо «паденіемъ земскаго строя» характеризуется *вся* внутренняя общественная и государственная исторія Чехіи за періодъ X—XIV в. и, по убѣжденію самого автора, въ немъ состоитъ органическій, самобытный процессъ историческаго развитія Чехіи, а потому оставленіе безъ вниманія и оцѣнки нѣкоторыхъ его существенныхъ явленій, составляющихъ съ прочими одно связное и сложное цѣлое, не можетъ остаться безнаказаннымъ для истолкователя этого развитія. Мы не станемъ здѣсь, конечно, сравнивать по существу результаты, къ которымъ пришли оба автора. Намъ придется еще не разъ сопоставлять ихъ въ теченіе нашего разбора; но отмѣтимъ тутъ же, что широкая постановка вопроса у г. Липперта и между прочимъ углубленіе его въ первоначальныя основы и условія развитія стараго славянскаго (т. е. земскаго) строя, старательное уясненіе себѣ его элементовъ, и вообще тщательная разработка почвы для истолкованія послѣдующаго развитія, очень выгодно отозвались на всемъ изслѣдованіи его. Если онъ въ концѣ концовъ въ опредѣленіи культурныхъ и соціальныхъ вліяній германской и вообще западно-европейской стихіи и увлекся слишкомъ, заплативъ дань своимъ національнымъ тенденціямъ (именно во II томѣ сочиненія), то всетаки надо отдать ему справедливость, что онъ съ рѣдкою для нѣмца объективностью старался выяснить и оцѣ-

нить самобытныя славянскія элементы въ государственномъ развитіи Чехіи (I томъ). Мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ онъ въ своихъ выводахъ сошелся съ г. Ясинскимъ, придя къ нимъ самостоятельно. Но есть и такіе пункты, которые у русскаго изслѣдователя разъяснены полнѣе и лучше, и нельзя поэтому не пожалѣть, что нѣмецкій ученый не воспользовался работой г. Ясинскаго, которая вѣроятно и не была ему извѣстна[1]). Но перейдемъ къ болѣе подробному разбору послѣдней.

Свое изученіе явленій, характеризующихъ паденіе земскаго строя, авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ средѣ массы населенія, занимающагося обработкой земли, т. е. сельскаго населенія, въ его отношеніи къ землѣ и къ другому постепенно выдѣляющемуся и пріобрѣтающему господство слою народа: этому вопросу посвящена I-ая глава «*Зависимые люди и характеръ ихъ зависимости*». Такое начало по плану работы вытекаетъ, по мнѣнію автора, изъ самаго существа дѣла. Онъ не считаетъ преувеличеннымъ думать, что «въ зависимости отъ того, въ какомъ положеніи находилось сельское населеніе въ извѣстной странѣ, опредѣлялось направленіе въ развитіи государственныхъ учрежденій ея». Онъ даже полагаетъ (приравнивая эти явленія къ сферѣ метеорологіи), что «по характеру измѣненій въ положеніи сельскаго люда историкъ имѣетъ возможность объяснить и предугадать перемѣны въ политическомъ строѣ, если только земледѣліе продолжаетъ оставаться преобладающимъ занятіемъ жителей страны». Но едва-ли можно настаивать на безусловной и универсальной справедливости такого положенія. Оно можетъ быть приложимо въ извѣстной степени развѣ лишь къ такимъ народнымъ или государственнымъ организмамъ, которые развиваются совершенно самостоятельно и самобытно, внѣ всякихъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній, и гдѣ весь процессъ развитія преимущественно получаетъ толчокъ и направленіе снизу. Но у славянскихъ народовъ

1) По крайней мѣрѣ мы не встрѣтили на нее ссылки.

(какъ въ сущности и у всѣхъ другихъ исторически-выросшихъ на старой культурѣ римской и греческой), а тѣмъ болѣе у западныхъ славянъ мы отнюдь не можемъ допустить такого явленія; поэтому можно объяснить такое утвержденіе нашего автора лишь все тѣмъ же его увлеченіемъ теоріей «органическаго» развитія.

При всемъ томъ мы ничего не имѣемъ противъ общаго плана и системы изложенія г. Ясинскаго, за исключеніемъ одного, на что еще укажемъ ниже, именно—что для лучшаго разъясненія перваго вопроса, поставленнаго имъ, слѣдовало разобрать его нераздѣльно и въ непосредственной связи съ темой II-й главы, т. е. съ вопросомъ объ образованіи классовъ общества—по ихъ естественному соотношенію и зависимости.

Въ началѣ I главы авторъ старается дать общую характеристику состоянія крестьянскаго землевладѣнія и хозяйничанья въ старой Чехіи, которая впрочемъ является нѣсколько отрывочною и слабо связанной съ главной темой. Здѣсь отмѣчается напр. на основаніи грамотъ явленіе общаго пользованія всѣми жителями села угодіями (лѣсомъ, общими пастбищами и проч.), какъ «повидимому» обычай старины, что конечно не представляетъ открытія [1]), говорится далѣе о колонизаціи чешскимъ населеніемъ въ раннюю эпоху (до начала нѣмецкой колонизаціи въ половинѣ XIII в.) лѣсистыхъ краевъ путемъ отдачи имъ для разработки участковъ лѣса и пустошей на княжеской землѣ, сообщаются мало впрочемъ идущія къ дѣлу свѣдѣнія о земельныхъ мѣрахъ, трехпольной системѣ земледѣлія, о стоимости земли и проч., наконецъ для выясненія отношеній между односельчанами, для чего де почти нѣтъ данныхъ, приводится свидѣтельство одной грамоты довольно поздней (1301), являющееся одиночнымъ, о «существованіи нѣкоторыхъ совладѣній при пользованіи полями». Но дѣлать на этомъ основаніи общій выводъ авторъ не рѣшается.

---

1) См. объ этомъ явленіи относительно волости у русскихъ славянъ и сравненіе съ подобными имъ поземельными отношеніями въ германской общинѣ у проф. В. Сергѣевича: «Русскія юридич. древности», томъ I, стр. 216 и далѣе, 220—221.

Сказавъ затѣмъ о существующей (общепринятой) классификаціи сельскаго населенія въ Чехіи земскаго періода, именно дѣленіи его на *свободныхъ* людей (дѣдичей и кметовъ) и *зависимыхъ* (цензуаловъ, задушныхъ людей, закупней и министеріаловъ), а также *рабовъ* (рабство исчезаетъ въ нач. XIII в.), г. Ясинскій справедливо находитъ, что эта классификація требуетъ цѣлаго ряда оговорокъ и большей доказательности. Самъ авторъ, правда, дѣлаетъ нѣсколько оговорокъ, напр. относительно *дѣдичей*, которые, какъ показываютъ факты, въ XIII в. превращаются уже въ людей зависимыхъ (а ихъ земли становятся объектомъ государевыхъ отчужденій), но жаль, что онъ не воспользовался случаемъ, чтобъ обстоятельнѣе охарактеризовать на основаніи собственнаго изученія источниковъ отдѣльныя категоріи сельскаго населенія, ибо и у него, когда рѣчь идетъ о послѣднемъ, замѣтенъ недостатокъ яснаго и отчетливаго разграниченія этихъ категорій.

Установленіе факта возникновенія и размноженія класса зависимыхъ людей приводитъ автора къ вопросу о происхожденіи этого явленія, при чемъ онъ считаетъ нужнымъ разсмотрѣть старую дилемму — о превращеніи свободы въ зависимость или наоборотъ о зависимости какъ «результатѣ смягченнаго рабства, принявшаго форму средневѣкового колоната».

Свидѣтельство одного документа, здѣсь разобраннаго, заставляетъ его заключить, что «часть зависимаго населенія могла образоваться изъ колоновъ и рабовъ, положеніе которыхъ постепенно улучшилось», но этого явленія онъ не думаетъ обобщать и объяснять этимъ путемъ происхожденіе *всего* зависимаго люда, и въ этомъ онъ принимаетъ мнѣніе г. І. Пейскера, полемизировавшаго когда-то съ Липпертомъ по этому предмету. Теперь критика Липперта была бы уже неумѣстной, такъ какъ онъ съ тѣхъ поръ, въ новомъ своемъ сочиненіи, измѣнилъ свой взглядъ, но г. Ясинскій писалъ до того. Но посмотримъ еще, дѣйствительно ли остановившій вниманіе автора документъ (завѣщаніе одного священника) позволяетъ сдѣлать вышеупомянутое заключеніе. Намъ

кажется, здѣсь кроется маленькое недоразумѣніе. Въ завѣщаніи священника Збигнѣва, устраивающаго церковь въ своей вотчинѣ, относимомъ къ 1132 году и сохранившемся въ подтвердительной грамотѣ короля Вацлава (1233 г.)[1]), завѣщатель перечисляетъ свои владѣнія и называетъ тѣхъ лицъ («рабовъ и колоновъ», servos et colonos, слѣдовательно 2 разныя категоріи), посредствомъ которыхъ земля его воздѣлывается.

Нашъ авторъ согласно этому и отмѣчаетъ вполнѣ правильно, что Збигнѣвъ часть своей земли воздѣлывалъ самъ, пользуясь барщинной работой своихъ зависимыхъ людей, а главнымъ образомъ посредствомъ трехъ семействъ, члены которыхъ здѣсь и переименовываются, и въ которыхъ по всему нельзя не видѣть рабовъ, тогда какъ другую часть отдавалъ въ пользованіе зависимымъ людямъ, колонамъ, платившимъ цензъ и отбывавшимъ барщину. Таковыми были названные въ грамотѣ два лица: Остой, платившій ежегодно по 12 денаріевъ и Милонгъ съ семьей, платившій 6 денар. Оба они были такъ называемыми «задушными людьми» (proanimatus). О рабствѣ ихъ или происхожденіи ихъ изъ рабства нѣтъ опредѣленнаго указанія[2]); между тѣмъ авторъ очевидно считаетъ ихъ тоже бывшими рабами (въ чемъ для него и смыслъ этого акта), ибо говоритъ: «Такимъ образомъ, «задушными людьми» назывались тѣ изъ рабовъ, которыхъ «во спасеніе своей души» переводили въ положеніе колоновъ или зависимыхъ людей, обязанныхъ только платежомъ и опредѣленной барщиной». Надо думать, что такой довольно неожиданный выводъ исходитъ изъ недостаточно яснаго пониманія авторомъ состоянія, такъ сказать, «задушности», которое у него почему-то неразрывно связывается съ «рабствомъ». Если рабы иногда отдавали себя и свое имущество церкви или монастырю въ задушное владѣніе «во спасеніе души»[3]), то изъ этого же не слѣдуетъ, чтобъ всѣ задушные люди

1) См. Erben, Regesta Boh. et Mor., I. стр. 98—99 и 377.

2) Ибо подъ *колонами* нѣтъ основанія *всегда* и *только* понимать людей, вышедшихъ изъ рабства.

3) См. Lippert, o. c. I. S. 213—214.

(proanimatus, proanimator, animator, zadušník, dušník) происходили изъ рабовъ. Ими дѣлались всякіе зависимые люди, отдаваемые съ землей церковнымъ учрежденіямъ какъ «задушное» пожертвованіе. Даже дѣдичи попадали нерѣдко въ положеніе «задушныхъ»[1]). Итакъ въ данномъ документѣ нѣтъ основанія видѣть непремѣнно людей перешедшихъ изъ рабства въ зависимое положеніе, и авторъ думалъ воспользоваться имъ по явному недоразумѣнію.

Но, какъ сказано, онъ допускаетъ лишь частные случаи подобнаго возникновенія зависимости, а общимъ явленіемъ считаетъ переходъ къ ней отъ свободы. Какъ-же совершался такой переходъ? Нашъ изслѣдователь не удовлетворенъ объясненіемъ г. Пейскера, который «выдвигаетъ теорію о постепенномъ заселеніи страны людьми зависимыми и колонами, теорію княжеской колонизаціи пограничнаго или *помежнаго* лѣса» (существовавшаго де не только на границахъ, но и между территоріями доисторическихъ племенныхъ группъ страны), и надѣется подойти къ рѣшенію вопроса разсмотрѣніемъ положенія зависимаго люда въ XIII вѣкѣ.

Во первыхъ г. Ясинскій устанавливаетъ положеніе, что развивающаяся зависимость не касается свободы личности, доказательствомъ чего служитъ существованіе широкаго *права перехода* населенія какъ въ города, такъ и въ земли другихъ владѣльцевъ, которое лишь въ извѣстныхъ случаяхъ подвергалось ограниченію. Это явленіе, подтверждаемое авторомъ рядомъ примѣровъ изъ документовъ, справедливо признается имъ за отголосокъ болѣе свободныхъ отношеній. Далѣе выдвигается имъ еще одна черта, характеризующая также *льготное* положеніе зависимыхъ людей и представляющая какъ-бы «переживаніе», остатокъ родовыхъ порядковъ, «когда земля была родовымъ имуществомъ и каждый членъ имѣлъ право совладѣнія». Именно, многими ссылками на источники г. Ясинскій доказываетъ, что

1) См. J. Čelanovský, Povšechní české dějiny právní, Pr. 1892, str. 36.

зависимыя люди (поселяне) являлись чрезвычайно заинтересованными во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся земли, которою они пользовались, цѣлости и нерушимости границъ имѣній и проч., какъ будто даже болѣе, чѣмъ сами землевладѣльцы. Изъ одной грамоты (20-хъ годовъ XIII в.) видно, что сами селяне совершили даже операцію продажи поля, причемъ владѣлецъ (т. е. монастырь) заботился лишь о томъ, чтобъ его доходы не уменьшались, т. е. его интересовала болѣе земельная рента, чѣмъ право на тотъ или другой клочекъ земли. Изъ этого можно заключить, что землевладѣльцы XIII вѣка представляются обладателями не земли, а извѣстнаго дохода или ренты, т. е. рентовладѣльцами. Это наблюденіе вѣрно, и такое отношеніе крестьянъ (зависимыхъ) къ землѣ дѣйствительно есть отголосокъ патріархальныхъ воззрѣній на владѣніе землей и наблюдается всюду, между прочимъ и въ поземельныхъ отношеніяхъ старой Руси[1]). Что касается опредѣленія времени возникновенія зависимости, то авторъ, сознавая всю трудность этого опредѣленія — и то лишь въ самыхъ приблизительныхъ границахъ, находитъ въ чешскихъ лѣтописяхъ нѣкоторыя указанія, именно о томъ, когда зависимость стала явленіемъ преобладающимъ въ жизни селянъ. Эти лѣтописныя данныя (приводятся разсказы каноника Вышеградскаго и Сазавскаго монаха) изображаютъ крестьянское населеніе XI и первой половины XII в. еще свободнымъ и зажиточнымъ. Оно представляетъ еще общественную силу, съ которой нельзя не считаться, его права на владѣніе землей, по крайней мѣрѣ какъ вознагражденіе за трудъ по обработкѣ еще дикой земли, признаются высшею властью (въ этомъ отношеніи характеренъ разсказъ Сазавскаго монаха!), государи (Собеславъ II) видятъ въ немъ противовѣсъ

1) Вотъ какъ характеризуетъ эти отношенія проф. Сергѣевичъ въ своемъ названномъ выше сочиненіи (т. I, стр. 225): «Въ древнемъ народномъ мышленіи не обособилось еще владѣніе и собственность. Собственность представлялась ему въ матеріальной оболочкѣ владѣнія. Кто дѣйствительно владѣлъ и пользовался, тотъ и былъ собственникъ... Крестьяне, поэтому, первые по времени землевладѣльцы и собственники. Землевладѣльцы — не земледѣльцы всегда и вездѣ — явленіе позднѣйшее».

возраставшему вліянію знати. Заслуживаетъ вниманія указаніе г. Ясинскаго, что Собеславъ II, не довѣрявшій знати, въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ особенно цѣнилъ военную силу селянъ, состоявшую изъ конныхъ и пѣшихъ, которая собиралась къ нему въ большомъ числѣ, благодаря его популярности. Это важно потому, что впослѣдствіи авторъ, говоря о военной организаціи (со времени ея преобразованія въ X в.), какъ-будто совсѣмъ не знаетъ этой сельской военной силы, увлекшись всецѣло мыслью, что «со 2-й половины XII в. военная служба становилась, по воззрѣніямъ современниковъ, спеціальностью высшихъ классовъ». Во всякомъ случаѣ онъ считаетъ именно вторую половину XII в. (прибавляя впрочемъ словечко «повидимому», къ которому — кстати сказать — онъ прибѣгаетъ частенько) *критической порой* въ жизни свободнаго населенія, временемъ возникновенія зависимости. Мы думаемъ однакожъ, что и такое *приблизительное* опредѣленіе слишкомъ точно, что приведенныя лѣтописныя данныя не могутъ быть слишкомъ обобщаемы и что такой процессъ, какъ постепенный переходъ свободнаго населенія въ зависимость, обусловленный цѣлымъ рядомъ причинъ, — подобно непосредственно съ нимъ связанному и его опредѣляющему процессу обособленія высшихъ классовъ общества — не можетъ быть опредѣленъ даже столѣтіемъ, а совершался незамѣтно въ теченіе очень многихъ десятилѣтій, и во всякомъ случаѣ не можетъ быть заключенъ въ границы, указанныя авторомъ. Переходя наконецъ къ объясненію *причинъ* возникновенія зависимости, авторъ приводитъ мнѣніе проф. В. Томка о ея источникахъ, именно о вліяніи родового быта (такъ какъ дѣдичи были отдаленныя родичи той родовой вѣтви, которая пользовалась наслѣдственнымъ старшинствомъ въ родѣ), о вновь основываемыхъ монастырями и лицами селахъ для поселенія излишка населенія въ старыхъ, о частныхъ договорахъ и соглашеніяхъ, ведшихъ къ положенію зависимости. Однакожъ эти объясненія его не удовлетворяютъ: первое — по своей гипотетичности, послѣднее — недостаточностью для примѣненія къ такому крупному явленію. Онъ

держится взгляда, что послѣднее «могло возникнуть только подъ вліяніемъ потребностей, нуждъ и условій болѣе поздняго государственнаго быта», тѣмъ болѣе, что для большинства населенія зависимость возникаетъ въ пору господства государственной жизни. Но не смѣшиваетъ ли онъ здѣсь нѣсколько сущности самаго факта съ его формами и характеромъ проявленія? Сущность его несомнѣнно обусловливается рано начинающимся соціальнымъ развитіемъ народа и диффенціаціей массы, а государственный бытъ съ своими условіями и нуждами вырабатываетъ тѣ или иныя формы и особенности его проявленія. Впрочемъ, нашъ авторъ совершенно справедливо указываетъ на важную роль государственной власти въ этомъ процессѣ. Хотя государи, говоритъ онъ, не могли распоряжаться ни землей, ни личностью свободнаго человѣка, но зато въ ихъ распоряженіи находились повинности и платежи, которые при тогдашнемъ слабомъ развитіи государственности... разсматривались въ качествѣ объектовъ отчужденія». Выкупомъ отъ государственныхъ повинностей (королевскихъ и земскихъ) являлся *цензъ*, платежемъ котораго и выражалась зависимость населенія. Г. Ясинскій старается на основаніи имѣющихся у него данныхъ опредѣлить размѣры и характеръ этого ценза. По его вычисленію онъ простирался приблизительно до 8 денаріевъ съ югера. Что касается его характера, то по ясному показанію источниковъ характернымъ отличіемъ ценза съ земель дѣдичей, попавшихъ въ зависимое положеніе, было то, что онъ не подлежалъ возвышенію; этимъ онъ существенно отличался отъ ценза поздѣйшаго происхожденія, платимаго поселенцами земель эмфитевтическихъ, на нѣмецкомъ правѣ. Послѣдній, представляя лишь плату за право пользованія чужою землей, въ разныхъ случаяхъ могъ быть повышаемъ, между тѣмъ какъ «дѣдичный цензъ, являясь эквивалентомъ или выкупомъ нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей, не могъ поэтому подлежать измѣненію». Итакъ платежемъ ценза, по словамъ г. Ясинскаго, выражается зависимость бывшаго свободнаго населенія. Самая же эта зависимость представляется ему «въ

формѣ разрыва непосредственныхъ отношеній между государствомъ и массой населенія, въ формѣ созданія между ними промежуточнаго звена». «Возникновенію ея долженъ былъ предшествовать процессъ образованія сословій и привилегированнаго землевладѣнія». Этимъ авторъ и заканчиваетъ свое разслѣдованіе происшедшихъ измѣненій въ соціальномъ положеніи массы земледѣльческаго населенія, сознавая, какъ мы видимъ, что этимъ измѣненіямъ предшествовалъ — а не будетъ ли точнѣе сказать: сопутствовалъ? — тотъ процессъ, который онъ разсматриваетъ во II-й главѣ.

Мы однакожъ еще не пойдемъ за нимъ, а отмѣтимъ здѣсь же то, что въ его работѣ составляетъ прямое дополненіе и распространеніе вопроса, разсмотрѣннаго въ I-й главѣ, и почему-то попало въ «Заключеніе» книги (стр. 168—174). Г. Ясинскій самъ очевидно чувствовалъ, что вопросъ о превращеніи свободнаго населенія въ зависимое имъ выясненъ не достаточно, и онъ считаетъ нужнымъ выяснить еще «причины, кои побуждали зависимыхъ людей, сохранившихъ свободу личности и право перехода, оставаться въ положеніи зависимыхъ», а также дѣдичей переходить въ положеніе зависимыхъ дѣдичей.

Извѣстно, что лѣсныя пространства и пустоши, которыя еще въ XIII в. составляли огромную площадь, находились въ полномъ распоряженіи государей. Изъ источниковъ видно, что съ начала XI в. государи предоставляютъ отдѣльнымъ лицамъ право пользованья этими лѣсами и пустошами, такъ что происходитъ постепенное освоеніе новыхъ земельныхъ участковъ. Но послѣдними могли пользоваться только зависимые люди землевладѣльцевъ; другимъ не было туда доступа. Сидѣвшіе около этихъ освоенныхъ лѣсовъ и пустошей свободные крестьяне (дѣдичи и проч.), не получавшіе на нихъ правъ, чувствовали большое стѣсненіе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, ибо все бо́льшія пространства отходили въ руки церковныхъ корпорацій и частныхъ лицъ, да и вслѣдствіе прироста населенія. Понятно такимъ образомъ, что не было недостатка въ охотникахъ селиться на этихъ освоенныхъ

въ пользу того или другого юридическаго лица государевыхъ пустошахъ, и въ немъ дѣйствительно селились дѣдичи, уплачивали натуральную дань (государственную десятину), но лично оставались свободными. «Государи смотрѣли на нихъ, какъ на доходную статью и, отчуждая пустоши, упоминали о поселившихся на нихъ людяхъ, имѣя въ виду ихъ платежи, но не нарушая ни правъ личности, ни владѣнія ихъ». Сперва въ пользу землевладѣльца шла только государственная десятина; отъ земскихъ работъ эти зависимые люди не освобождались. Но впослѣдствіи, съ переходомъ въ руки землевладѣльца распоряженія и земскими работами, размѣръ ценза увеличился, но населеніе даже предпочитало всегда денежную повинность, какъ выкупъ отъ натуральныхъ, происхожденіе которой гарантировало ея неподвижность. Лишь съ развитіемъ нѣмецкой колонизаціи и эмфитетическаго права платежи стали возвышаться, и зависимые дѣдичи принуждены были переходить на это новое положеніе.

Все свое изложеніе этой темы авторъ сопровождаетъ вполнѣ убѣдительными ссылками на документы и любопытными примѣрами. Мы должны признать, что этимъ онъ существенно дополнилъ свое изслѣдованіе предмета, т. е. вопроса о переходѣ населенія отъ свободы къ зависимости, обративъ вниманіе на такой важный моментъ, какъ колонизацію еще не обработанныхъ обширныхъ территорій, не могшую очевидно остаться безъ вліянія не только на экономическую, но и на соціальную жизнь, — моментъ, которому, по вышеотмѣченному указанію самого г. Ясинскаго (см. стр. 46), быть можетъ при нѣсколько иной постановкѣ придавалъ даже рѣшающее значеніе г. Пейскеръ.

Мы прослѣдили весь ходъ мыслей автора въ разборѣ имъ перваго вопроса темы его — объ измѣненіяхъ въ соціально-экономическомъ положеніи массы населенія Чехіи земскаго періода. Что же можно въ общемъ сказать о его разборѣ?

Должно признать, что г. Ясинскій значительно разъяснилъ вопросъ, хотя мы, какъ видно изъ предыдущаго, и не во всѣхъ пунктахъ съ нимъ согласны; къ сдѣланнымъ уже частнымъ за-

мѣчаніямъ слѣдуетъ прибавить, что онъ напрасно отнесся такъ отрицательно къ мысли проф. Томка о вліяніи старыхъ родовыхъ порядковъ (съ ихъ наслѣдственнымъ старшинствомъ) на образованіе зависимости. Не вдаваясь въ подробный анализъ, можно уже a priori сказать, что отношенія родовыя и общинный бытъ не могли въ концѣ концовъ не повліять на соціальную дифференціацію населенія... Но и вообще авторъ достигъ бы еще бо́льшаго, если бъ полнѣе и разностороннѣе разсмотрѣлъ состояніе зависимости въ разныхъ ея видахъ, и для этого точнѣе опредѣлилъ бы первоначальныя категоріи сельскаго люда. Такъ ему слѣдовало посвятить болѣе вниманія *дѣдичамъ* и ихъ послѣдующей судьбѣ. Вообще его представленія часто страдаютъ неопредѣленностью (вспомнимъ о категоріи «задушныхъ людей», явленія, оставшагося также невыясненнымъ). Мы уже упоминали выше и о томъ, что невыгодно отразилось на результатахъ разбора отдѣленіе вопроса о зависимыхъ людяхъ отъ предмета II-ой главы, т. е. объ образованіи господскаго класса. Разсмотрѣніе этихъ взаимно обусловливающихъ другъ друга явленій, въ непосредственной связи, какъ мы это видимъ напр. у Липперта, не можетъ не привести къ болѣе полному ихъ разумѣнію. Вѣдь процессъ образованія классовъ общества есть вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе и выдѣленіе съ одной стороны господствующаго слоя, съ другой — зависимой массы, а потому естественно было разобрать эти явленія въ большей связи и въ ихъ соотношеніи.

Если мы теперь взглянемъ на результаты изслѣдованія г. Ясинскаго о зависимости населенія съ точки зрѣнія его основной мысли о самобытности развитія внутренняго строя Чехіи, то — признаемся — мы не можемъ усмотрѣть, чтобъ они говорили въ пользу нея, ибо разобранныя соціально-экономическія измѣненія, происходившія по сознанію самого автора (стр. 57) «подъ вліяніемъ потребностей, нуждъ и условій государственнаго быта», брали свое начало такимъ образомъ не внизу, въ нѣдрахъ народной жизни, а вызывались болѣе сверху, со стороны высшей, управляющей власти, обусловливаясь глав-

нымъ образомъ ея интересами и потребностями еще не столько государственными, сколько лично государевыми. И такой процессъ развитія не представляетъ ничего исключительнаго и анормальнаго. Повсюду въ жизни народовъ, начинающихъ развиваться, а особенно принимающихъ извнѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ культуру, несомнѣнно способствующую созданію духовнаго и матеріальнаго неравенства между слоями народа, мы видимъ одно и то же явленіе. Факторомъ самымъ вліятельнымъ, направляющимъ и организующимъ внутреннюю народную жизнь и отношенія, являются интересы и стремленія людей и классовъ, имѣющихъ и силу и власть, т. е. рядомъ съ государемъ — его довѣренныхъ слугъ, начальниковъ, людей обогатившихся землевладѣньемъ или торговлей, наконецъ нравственно и умственно авторитетныхъ — духовенства. Всѣ эти выдѣляющіяся изъ массы категоріи людей, пріобрѣтая силу, права и вліяніе отъ верховнаго представителя и источника власти, ради собственныхъ интересовъ оказываютъ давленіе на слой слабый, мало состоятельный и зависимый, и такимъ образомъ создаются тѣ условія, въ которыхъ принуждено жить и работать земледѣльческое населеніе или народная масса и благодаря которымъ должны видоизмѣняться и перерождаться первоначальныя установленія и формы его быта. Конечно, эта теряющая свою независимость народная масса старается защитить свои интересы и отстоять себя и свое, но въ концѣ концовъ покоряется и приспособляется къ новымъ отношеніямъ и порядкамъ.

Такимъ образомъ народный бытъ, а съ нимъ и старый земскій строй терпитъ существенныя измѣненія и разлагается не столько въ силу внутреннихъ причинъ, нуждъ и стремленій самого населенія, сколько въ силу потребностей, образующихся въ сферахъ болѣе высокихъ, и вліяній оттуда идущихъ, въ силу интересовъ слоевъ сильныхъ и властныхъ, поддерживаемыхъ верховною властью, и наконецъ самой государственной власти. Этого явленія нельзя не имѣть въ виду и при изученіи и оцѣнкѣ и всѣхъ другихъ сторонъ и элементовъ соціальнаго и государ-

ственнаго развитія; во многихъ изъ нихъ оно обнаруживается еще яснѣе и очевиднѣе. Но разъ мы убѣждаемся, что въ *такомъ* направленіи (сверху внизъ) идетъ главный импульсъ и воздѣйствіе въ процессѣ историческаго развитія, мы не можемъ отрицать неизбѣжнаго вліянія на это развитіе и того міра понятій, воззрѣній и нравовъ, въ которомъ воспитываются и живутъ люди этихъ руководящихъ сферъ, находящихся въ непрерывныхъ разнообразныхъ связяхъ и общеніи съ внѣшнимъ, сосѣднимъ культурнымъ міромъ, однимъ словомъ вліянія культуры и всего жизненнаго строя ближайшихъ сосѣдей — и черезъ нихъ всего латино-германскаго запада.

Впрочемъ о необходимости признанія силы такихъ вліяній на внутреннее развитіе Чехіи — вопреки мнѣнію г. Ясинскаго — мы будемъ имѣть еще случай сказать, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію II-ой главы его книги.

Вторую главу «*Возникновеніе классовъ общества*» нашъ авторъ прямо начинаетъ съ характеристики военной силы у славянъ вообще и чеховъ до X в., давая тѣмъ какъ-бы заранѣе понять, что лишь на этой почвѣ должна была произойти прежде всего дифференціація свободнаго населенія и образованіе его классовъ.

Такъ какъ у древнихъ славянъ не было военнаго сословія, а призывались къ оружію всѣ способные носить его, то надо доказать, что съ извѣстнаго времени произошелъ въ этой сферѣ существенный переворотъ, вызванный новыми условіями и новыми потребностями военнаго дѣла, въ смыслѣ его усложненія, именно образованіе особаго класса людей, спеціально отбывавшихъ эту повинность и достаточно для того состоятельныхъ.

Ради этого г. Ясинскій прибѣгаетъ къ утвержденію, съ которымъ однакожъ трудно согласиться, что до X в. чехи не имѣли конницы, а «выставляли только огромныя толпы пѣшихъ ратниковъ». Только съ X—XI вѣковъ онъ усматриваетъ на основаніи источниковъ значительныя перемѣны въ этомъ отношеніи, въ пользу чего приводятся примѣры изъ X вѣка (по свидѣт.

Видукинда и Титмара Мерзебурскаго), гдѣ, по его мнѣнію, уже навѣрно дѣйствовала конница. Въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ о войнахъ, которыя велись чехами, авторъ склоненъ видѣть участіе одной лишь конницы. Такъ свидѣтельство Косьмы Пр. изъ XI в. (1039 г.) о походѣ кн. Брячислава противъ Поляковъ толкуется имъ въ томъ смыслѣ, что «войско чешское состояло исключительно изъ конницы». Но такое предположеніе должно быть признано слишкомъ ужъ смѣлымъ. Очень рисковано въ этомъ отношеніи опираться на такое скорѣе образное выраженіе лѣтописца, какъ то, что чешскіе ратники собрались всѣ «in momento, in ictu oculi», и преувеличивать его значеніе. Извѣстія о походахъ Вратислава (въ 1070—80-хъ годахъ) тоже убѣждаютъ г. Ясинскаго, что чешское ополченіе было не пѣшее, а тяжело-вооруженное конное войско. Онъ могъ бы привести и много другихъ примѣровъ, о томъ же свидѣтельствующихъ изъ XI—XII в. (а сообщеніе самого автора выше, на стр. 55, о селянахъ — *пѣшихъ* преимущественно, участвовавшихъ въ предпріятіяхъ кн. Собеслава II?), но онъ считаетъ это излишнимъ: по его убѣжденію чехи, «находясь въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ нѣмецкой имперіей, принимая живое участіе во всѣхъ почти дѣлахъ этого государства, не могли избѣжать необходимости преобразованія военной системы, которую ощутили всѣ народы, принужденные вести борьбу съ кочевниками».

Итакъ борьба съ кочевниками, и именно съ Мадьярами, отъ которыхъ западная Европа стала непомѣрно страдать съ начала X в., была, по мнѣнію г. Ясинскаго, внѣшнимъ толчкомъ и побужденіемъ для преобразованія военной системы въ Чехіи и замѣны пѣхотнаго ополченія хорошо вооруженнымъ коннымъ войскомъ. Самой поздней для этого датой онъ считаетъ конецъ IX в., но признаетъ однако, что такая постановка могла послѣдовать и ранѣе, въ эпоху борьбы съ Аварами, т. е. въ VII-мъ вѣкѣ (см. прим. 2 на стр. 67). Авторъ пытается опредѣлить приблизительно и численность поставляемыхъ по новой системѣ ратниковъ для Чехіи и Моравіи, но — кажется намъ — на очень шаткихъ данныхъ.

Надо признать всѣ эти предположенія и соображенія о военной реформѣ довольно гадательными и сомнительными, но они нужны автору для обоснованія его домысла о происхожденіи именно этимъ путемъ (обособленія военнаго класса)—*чешской шляхты*. Необходимость имѣть вполнѣ вооруженное конное войско, которое предполагало у составлявшихъ его достаточныя средства (для содержанія коня и всего вооруженія), было причиной «выдѣленія изъ единообразной свободной массы населенія» особаго высшаго класса, болѣе зажиточнаго, бравшаго на себя обязанности нести военную конную службу. Это была militia — *шляхта*, слово, которое и стало примѣняться къ этому высшему классу.

Если трудно согласиться съ положеніемъ автора о довольно внезапномъ, вызванномъ только борьбой съ кочевниками обращеніи исключительно пѣшаго чешскаго ополченія въ исключительно конное войско (при чемъ опредѣленіе времени колеблется между 7-мъ и 10-мъ вѣкомъ!), то не менѣе трудно принять объясненіе о возникновеніи высшаго класса, шляхты у Чеховъ — только благодаря такой реформѣ! Неужели можно удовлетвориться такимъ черезчуръ простымъ объясненіемъ и отрицать участіе другихъ важныхъ факторовъ въ этомъ сложномъ соціальномъ процессѣ? Но дѣло въ томъ, что самое основаніе взгляда относительно упомянутой реформы, т. е. учрежденія коннаго войска, очень шатко. Если послѣднее дѣйствительно никогда не было у славянъ преобладающимъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что чехи до какой-то «реформы» не имѣли конныхъ воиновъ. Отчего авторъ не вспомнилъ здѣсь хоть о постоянныхъ военныхъ отрядахъ (конечно конныхъ) при князьяхъ, составлявшихъ вмѣстѣ и свиту ихъ, о *княжеской дружинѣ*, какою она напр. является на Руси? Имѣетъ ли онъ основаніе отрицать существованіе подобныхъ дружинъ въ древнее время у западнославянскихъ князей? Слѣдовало обратить на это вниманіе.

Въ соображеніяхъ г. Ясинскаго по данному вопросу заслуживаетъ вниманіе самый фактъ признанія необходимости для

чеховъ военнаго преобразованія — разъ они находились «въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ нѣмецкой имперіей» и «принимали живое участіе во всѣхъ почти дѣлахъ этого государства». Выходитъ, что это преобразованіе, а слѣдовательно и выдѣленіе изъ свободнаго населенія военнаго класса, т. е. шляхты не есть слѣдствіе внутреннихъ народныхъ нуждъ и условій и явленіе самобытнаго развитія, а вызвано внѣшними обстоятельствами и вліяніями, что́ совсѣмъ расходится съ основнымъ воззрѣніемъ нашего автора. Но справедливо указавъ въ данномъ случаѣ на важность внѣшняго фактора, если не въ процессѣ выдѣленія шляхты (едва-ли правильно понимаемомъ), то во всякомъ случаѣ въ постепенномъ усовершенствованіи военныхъ силъ и системы у Чеховъ, онъ не вникъ, по нашему мнѣнію, въ самую сущность отношеній, на которыя онъ указываетъ. Именно онъ не оцѣнилъ того, что Чехія какъ разъ въ ту эпоху, примкнувъ въ культурно-религіозномъ отношеніи къ западному міру, вовлекалась тѣмъ самымъ и въ тѣсную политическую съ нимъ связь и вступала въ ленно-зависимыя отношенія къ западной имперіи нѣмецкой націи, что́ налагало на нее извѣстныя обязательства, между которыми участіе въ военныхъ предпріятіяхъ и поставка извѣстнаго количества вооруженнаго войска играли существенную роль. Вообще на этотъ важный моментъ [1]), имѣвшій значеніе не только во внѣшнемъ политическомъ, но и во внутреннемъ развитіи Чехіи, въ изслѣдованіи г. Ясинскаго не обращено подобающаго вниманія.

Рѣшивъ вопросъ о происхожденіи шляхты, авторъ опредѣляетъ на основаніи грамотъ XII в. имущественное положеніе шляхтичей и веденіе ими хозяйства. Но выдѣленіемъ шляхты не ограничилось распаденіе состава свободнаго населенія. По

1) Эти важныя отношенія къ имперіи какъ Чехіи, такъ и другихъ западныхъ славянъ хорошо разсмотрѣны въ статьѣ г. В. Кракау «Данническая и ленная зависимость восточныхъ окраинъ германской имперіи въ X и XI вв.» въ «Сборникѣ» учениковъ В. И. Ламанскаго, Спб. 1883, стр. 331, особ. 338—340, 345 etc. Ниже придется еще отмѣтить незнакомство автора со статьями этого Сборника.

словамъ автора «есть возможность установить фактъ *первичнаго* распаденія свободной массы, подвергнувъ изученію вопросъ о такъ называемой *дани мира* (tributum pacis)», упоминаемой въ грамотахъ XIII в. Въ виду «первичности» этого явленія, кажется, слѣдовало и начать съ него, ибо изъ разъясненій самого г. Ясинскаго можно заключить, что установленіе дани мира предшествовало выдѣленію шляхты.

Разборъ вопроса о *дани мира* приводитъ его къ заключенію, что эта дань была какъ-бы выкупной суммой и уплачивалась лишь тѣми свободными, которые были избавлены отъ военной повинности. Это мнѣніе заслуживаетъ полнаго вниманія и находитъ дѣйствительное подтвержденіе въ источникахъ. Труднѣе вопросъ о происхожденіи этой дани и о времени ея введенія, но и въ его обсужденіи нашъ авторъ дастъ весьма правдоподобное, хотя и нуждающееся еще въ обоснованіи объясненіе.

Онъ указываетъ, что уже Герм. Иречекъ сближалъ эту дань съ русской данью (въ первоначальной лѣтописи: «дань даяти отъ Новагорода.... мира дѣля»), но подробности объ этой дани имъ не разъяснены: онъ не прибѣгъ къ русскимъ источникамъ и не воспользовался сравнительнымъ методомъ. Нашъ авторъ взялъ эту задачу на себя (одинъ изъ немногихъ къ сожалѣнію случаевъ, гдѣ онъ самъ прибѣгаетъ къ всегда плодотворному сравнительному изученію!).

Характеризуя дань у русскихъ и у другихъ славянскихъ народовъ, онъ опредѣляетъ ее какъ платежъ населенія, вслѣдствіе политическаго подчиненія, въ пользу высшей государственной власти; «она вносилась свободными людьми покоренныхъ племенъ въ одинаковомъ приблизительно размѣрѣ: отъ плуга давали 12 ден. или солидъ и нѣкоторое количество натуральныхъ произведеній». Чешскіе источники даютъ автору основаніе сближать съ этою данью чешскую дань мира (или королевскую). Изъ одной грамоты XI в. (Regesta, I, p. 72) видно, что зависимыя люди (колоны) дани не платили, но отбывали разныя повинности и барщинныя работы въ пользу землевладѣльца. Опредѣленіе

размѣра королевской дани приводитъ также къ сближенію ея съ общераспространенной у другихъ славянъ данью. Дѣло въ томъ, что первая видимо соотвѣтствовала цензу колона, а мы знаемъ (изъ извѣстнаго уже намъ завѣщанія священника Збигнѣва), что колоны платили отъ плуга земли 12 денар. и кромѣ того отбывали барщину. «Должно быть, замѣчаетъ г. Ясинскій, платежъ солида или 12 ден. считался первоначальною нормою ценза....». Тѣхъ же размѣровъ была, какъ мы видѣли, и обычная славянская дань. Къ такому интересному и несомнѣнно цѣнному выводу привелъ автора сравнительный методъ. Опираясь на него, онъ и считаетъ себя въ правѣ сдѣлать свое заключеніе и о происхожденіи чешской дани мира. Онъ думаетъ, что эта дань имѣетъ то же происхожденіе, что̀ и дань у другихъ славянъ, именно: что чешскіе князья, покоряя племена, жившія въ Чехіи, обложили нѣкоторую часть покоренныхъ данью, освободивъ ихъ отъ обязанности ходить на войну, строить города, чинить мосты и проч.

Что касается времени возникновенія этой дани, то его опредѣленіе вытекаетъ уже изъ предыдущаго.

Итакъ общій выводъ автора гласитъ, что «распаденіе свободнаго населенія на данниковъ и лицъ обязанныхъ нести военную службу и земскія работы произошло, кажется (!), одновременно съ возникновеніемъ государства».

Желателенъ бы былъ болѣе опредѣленный способъ выраженія! Не говоря уже объ оговоркѣ «кажется» (слишкомъ частое употребленіе такихъ словцовъ поселяетъ невольное недовѣріе въ читателѣ), спрашивается, что̀ разумѣетъ г. Ясинскій подъ «возникновеніемъ государства». Мы уже выше отмѣтили у него неточность въ употребленіи этого термина. Относительно сущности вывода мы отмѣтимъ только нѣкоторое противорѣчіе у автора вотъ въ чемъ: если дань мира, какъ выкупъ отъ воинской и другихъ повинностей, была установлена при самомъ покореніи племенъ, т. е. при политическомъ объединеніи чешскимъ племенемъ — своихъ соплеменниковъ, то значитъ и военная повинность существовала съ самаго начала, и слѣдовательно классъ военныхъ людей (изъ

которыхъ вышли шляхтичи) долженъ былъ возникнуть тогда-же... При чемъ же въ такомъ случаѣ военная реформа подъ вліяніемъ необходимости борьбы съ кочевниками и превращеніе пѣхотнаго ополченія въ конницу?

Представивъ обособленіе изъ массы свободнаго населенія класса лицъ, обязанныхъ военной службой, авторъ идетъ далѣе. Въ средѣ послѣднихъ почти съ самаго начала можно усмотрѣть *два разряда*: высшей шляхты или знати и рядовой шляхты. Это то, что̀ въ источникахъ именуется milites primi ordinis и milites secundi ordinis или plebs. Подтверждая это положеніе цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, нашъ изслѣдователь считаетъ такое дѣленіе шляхты доказаннымъ для XI—XII вв. Но откуда въ XI в. взялась высшая шляхта или аристократія? Авторъ спрашиваетъ себя, не была ли это еще старая родовая аристократія, существовавшая издавна, еще до выдѣленія класса военныхъ? но на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ онъ отвѣчаетъ на это отрицательно, такъ какъ онѣ говорятъ въ пользу того, что родовая аристократія къ XI в. или была почти вся истреблена, или вымерла, или наконецъ обѣднѣла. Между прочимъ онъ придаетъ важное значеніе свидѣтельству Косьмы Пр. (относ. къ 1037) о выступленіи родовой знати, при чемъ лѣтописецъ называетъ всего три рода. Полагаясь на такое показаніе, г. Ясинскій видимо считаетъ долгомъ прибавить, что онъ не берется рѣшить, были ли въ началѣ XI в. всего только эти три старые рода, или ихъ было гораздо болѣе. Это сомнѣніе кажется мнѣ вполнѣ законнымъ. Изъ наименованія лишь 3-хъ родовъ нельзя еще заключить, что они были единственными. Мы напротивъ склонны думать, что старая племенная или родовая знать не могла исчезнуть такъ всецѣло и скоро, и что она сыграла свою роль и въ послѣдующемъ образованіи сословныхъ группъ. А потому мы удивляемся, что авторъ нашъ настаиваетъ на заключеніи, что высшій въ средѣ шляхты классъ знати, аристократіи могъ возникнуть *только* подъ вліяніемъ государственнаго быта. Какъ бы то ни было можно согласиться, что вновь обра-

зующійся при новыхъ условіяхъ высшій классъ шляхты несомнѣнно являлся преобладающимъ [1]). Нашъ авторъ видитъ подтвержденіе своего заключенія и въ наименованіи знатныхъ лицъ въ источникахъ. Такъ Косьма употребляетъ всегда опредѣленный способъ наименованія членовъ этой шляхты — по отчеству, т. е. по отцу, чему приводятся многочисленные примѣры. Позволительно думать, что аристократія конца XI и XII вѣка могла считать свое существованіе только десятками лѣтъ,—у нея еще не было фамильныхъ преданій. Все заставляетъ признать, что она начала формироваться только со времени Брячислава или съ начала XI в. Въ пользу того же говоритъ и то обстоятельство, что отъ этой самой эпохи имѣются положительныя указанія о служебномъ происхожденіи аристократіи.

Тутъ авторъ подробно останавливается на разсказѣ Косьмы Пр. о награжденіи кн. Яромiромъ въ началѣ XI в. своего слуги Деворы за спасеніе его отъ смерти: Девора былъ навсегда причисленъ съ потомствомъ своимъ къ составу знати, получивъ остающуюся въ его потомствѣ должность ловчаго въ лѣсномъ княж. имѣніи. Такъ какъ это нѣсколько противорѣчитъ представленіямъ г. Ясинскаго, по которымъ въ ту эпоху еще не могло быть сложившагося сословія знати (но вѣдь была же хоть немногочисленная родовая знать!), то онъ приписываетъ Косьмѣ такое пониманіе, что самое «несеніе земской должности являлось признакомъ принадлежности человѣка къ знати». Его общіе выводы изъ этого случая тѣ, что въ XI в. люди изъ самаго низкаго званія могли возвыситься до первыхъ людей, если угодили князю, и затѣмъ что «милостивое расположеніе князя было единственнымъ источникомъ возвышенія личностей не только въ XI, но и въ началѣ XII в.», и источникомъ не только возвышенія, но и сохраненія привилегированнаго положенія этими лицами, выдвинувшимися службой. Пренебрежительный отзывъ Косьмы

1) Въ вопросѣ о раннемъ исчезновеніи племеннаго дворянства и о происхожденіи чешской аристократіи съ Ясинскимъ значительно сходится и Липпертъ, op. c. I, s. 249—263.

объ извѣстномъ дѣятелѣ начала XII в. Вацкѣ, самомъ вліятельномъ лицѣ при дворѣ, съ выраженіемъ полнаго презрѣнія къ его низкому происхожденію, есть, по мнѣнію г. Ясинскаго, отзывъ знати, завидующей новому фавориту, но «успѣвшей забыть свое собственное недавнее происхожденіе изъ рядовъ прислужниковъ и угодниковъ княжескихъ». Но такъ ли это? Не видно ли именно въ этомъ отзывѣ отголоска еще не совсѣмъ исчезнувшей и гордой своимъ происхожденіемъ родовой знати?..

На этомъ и заканчивается изслѣдованіе объ образованіи классовъ. Оказывается такимъ образомъ, что г. Ясинскій въ этомъ процессѣ дифференціаціи массы свободныхъ усматриваетъ лишь одинъ главный факторъ, именно обособленіе военнаго класса — съ того момента, какъ военная повинность стала возлагаться лишь на немногихъ, тогда какъ другіе свободные были обязаны уплачивать дань мира. Дальнѣйшимъ факторомъ обособленія уже въ классѣ обязанныхъ военною повинностью были отличія и милости государя за службу ему, каковымъ путемъ выдѣлялась высшая шляхта, аристократія.

Мы уже выше отмѣтили нѣкоторыя слабыя стороны такого взгляда на дѣло. Не повторяя сказаннаго, мы замѣтимъ здѣсь, что вообще данное объясненіе отличается односторонностью и вопроса не исчерпываетъ. Образованіе классовъ или сословій въ народѣ есть медленный и сложный процессъ вѣковъ, а не явленіе довольно внезапно и искусственно возникающее. Въ этомъ процессѣ вліяютъ, конечно, не одинъ и не два какихъ-нибудь фактора и дѣйствуетъ не одна причина, а совокупность цѣлаго ряда причинъ и вліяній, при чемъ явленіямъ первичнымъ, какова органическая дифференціація на почвѣ общинно-родовыхъ, племенныхъ и земельныхъ отношеній (наслѣдственное старшинство и скопленіе земли у такой родовой знати и у представителей земской администраціи) идутъ навстрѣчу явленія и факторы государственнаго строенія и интересы верховной, княжеской власти, каковы: организація военной силы и обороны страны (созданіе спеціальнаго для того класса людей), обложеніе другой

части свооднаго населенія данью, служба князю и условія возникновенія служебной знати, съ другой стороны постоянная колонизація земли и обработка новыхъ непочатыхъ княжескихъ территорій, съ чѣмъ въ особенности связано образованіе большой массы зависимыхъ людей, колоновъ, работниковъ, людей «задушныхъ», однимъ словомъ подданныхъ, отличныхъ отъ старыхъ свободныхъ селянъ — дѣдичей, сохранившихъ свою дѣдину и обязанныхъ лишь данью мира. Наконецъ, есть и еще важный факторъ въ процессѣ общественной дифференціаціи, который оставленъ безъ вниманія нашимъ авторомъ. Это — культура и образованность (латинская) и проводники ея — церковь и служители ея, многочисленный классъ духовенства. Латинское образованіе (съ латинскимъ языкомъ), проникавшее черезъ церковь и усваиваемое лишь извѣстнымъ, выше стоявшимъ слоемъ народа, являлось, какъ извѣстно, элементомъ разобщающимъ и раздѣляющимъ: оно отрывало тѣхъ, кто его усваивалъ, отъ народной массы и создавало между ними нѣкотораго рода пропасть. Оно не могло слѣдовательно не сыграть своей роли въ процессѣ распаденія населенія.

Но почему-то г. Ясинскій не оцѣнилъ этого фактора точно такъ же, какъ въ своемъ изслѣдованіи прочихъ сторонъ и моментовъ паденія земскаго строя онъ совсѣмъ почти оставилъ безъ разсмотрѣнія и оцѣнки могущественное вліяніе римской церкви, ея учрежденій и строя (монастырей, орденовъ и т. д.).

Упомянемъ здѣсь еще объ относящемся къ содержанію этой главы Приложеніи I (стр. 181—182), въ которомъ авторъ выясняетъ различіе между *данью* и *вирной*. Дѣло въ томъ, что многіе ученые (напр. Герм. Иречекъ) смѣшивали до сихъ поръ эти два понятія. Г. Ясинскій строго устанавливаетъ существенное различіе между ними и рѣшаетъ этотъ вопросъ убѣдительно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Къ тому же результату пришелъ и Липпертъ въ своемъ новомъ трудѣ, тоже посвятивши этому вопросу нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній (см. т. I, стр. 286—308).

Мы уже выше сказали мимоходомъ, что мнѣніе автора объ

образованіи классовъ населенія (выдѣленіи военнаго класса), какъ слѣдствіи извнѣ вызваннаго преобразованія, расходится съ основной его мыслью объ *органическомъ* развитіи, обусловливаемомъ нуждами и потребностями самого народа... Хотя наша точка зрѣнія на этотъ спеціальный процессъ и нѣсколько иная, но тѣмъ не менѣе и мы, какъ видно изъ предыдущаго, усматриваемъ въ немъ преобладаніе факторовъ, происходящихъ и дѣйствующихъ не снизу, а сверху, т. е. главнымъ образомъ въ зависимости отъ внѣшнихъ политическихъ условій, внѣшнихъ культурныхъ вліяній и нуждъ государственнаго строенія.

Глава *третья* посвящена *Администраціи* и *Областному дѣленію.*

Исходя изъ положенія, что «государство земскаго періода не располагало правильно организованной администраціей и что были чиновники придворные и областные, но послѣдніе не были подчинены первымъ», авторъ рядомъ свидѣтельствъ изъ источниковъ подтверждаетъ независимость и важное значеніе областныхъ правителей, напр. каштеляновъ и др.

Придворные земскаго періода, которые извѣстны намъ почти только по именамъ и названіямъ должностей, несли «повидимому» (!) только исключительно придворную службу, т. е. служили особѣ государя. О времени установленія этихъ должностей мы не имѣемъ вѣрныхъ извѣстій (по Г. Иречку — Спитигнѣвомъ въ XI в.). Косьма Пр. сообщаетъ названія слѣдующихъ должностей: палатина, судьи, коморника, владаря, меченосца, ловчаго. Несеніе придворныхъ должностей, если не давало власти надъ областными правителями, все же приближало къ государю и доставляло вліяніе. «Вѣроятно» къ каждому придворному уряду были приписаны земли, доходы съ которыхъ поступали чиновникамъ. Среди придворныхъ были у государей свои любимцы, такъ что сила и вліяніе лицъ опредѣлялись не столько должностью, сколько расположеніемъ государя. Общее заключеніе автора, что придворное вѣдомство въ XI—XII в. «не превратилось еще въ государственное, не сдѣлалось центральнымъ управленіемъ».

Затѣмъ онъ переходитъ къ *областному управленію*, которое «также не имѣло вполнѣ установившихся формъ и органовъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что способъ выраженія тутъ не точенъ и не соотвѣтствуетъ положенію дѣла, такъ какъ областное управленіе находилось совершенно въ иномъ фазисѣ. Оно имѣло въ своей основѣ старые земскіе порядки съ ихъ вполнѣ опредѣленными формами и органами, но находилось въ періодѣ разстройства и состояніи переходномъ — подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ и элементовъ государственнаго развитія.

По поводу областного устройства г. Ясинскій подробно останавливается на вопросѣ объ *административномъ дѣленіи* чешскаго государства въ земскій періодъ (X—XIII в.), которому въ чешской исторіографіи было посвящено много вниманія и труда, но который до сихъ поръ остается далеко не выясненнымъ.

Господствующая у чеховъ теорія предполагаемаго *совпаденія государственнаго раздѣленія Чехіи (на области) съ церковнымъ дѣленіемъ* на деканства (по списку XIV в.) приводитъ большинство историковъ къ признанію въ Чехіи свыше 50 областей или жупъ, а Герм. Иречекъ, на основаніи свидѣтельствъ источниковъ (принимая, что область = provincia) насчитываетъ ихъ до 35.

Авторъ нашъ рѣшительно противъ теоріи совпаденія административнаго дѣленія съ церковнымъ и возможности основываться на послѣднемъ въ опредѣленіи перваго. Спеціально онъ опровергаетъ ее въ относящемся сюда *Приложеніи II-мъ*, сущность котораго мы вкратцѣ и считаемъ нужнымъ изложить здѣсь.

Слѣдуя Палацкому, большинство чешскихъ историковъ принимаетъ единицей административнаго дѣленія *жупу*. Палацкій старался опредѣлить число и границы жупъ, высказавъ мысль о совпаденіи государственнаго и церковнаго дѣленія (на основаніи регистра папской десятины въ XIV в.). Нѣкоторое несоотвѣтствіе числа деканствъ (56) съ допускаемымъ имъ числомъ жупъ (40—42) онъ объясняетъ тѣмъ, что когда деканства были установлены, «жупный строй клонился къ упадку». Въ чешской переработкѣ своей «Исторіи» Палацкій ставитъ вопросъ уже нѣсколько

иначе: онъ допускаетъ двоякое дѣленіе: именно на большія области, провинціи или архидіаконства (ихъ было 10), и на края, жупы или деканства (ихъ 55). Но тутъ же онъ признаетъ все-таки трудность систематизаціи въ этомъ дѣлѣ, что̀ конечно не удивительно, замѣчаетъ г. Ясинскій, если самъ Палацкій признаетъ, что деканства учреждены уже въ періодъ упадка жупнаго строя.

Изучившій этотъ вопросъ историкъ права Герм. Иречекъ, на основаніи показаній грамотъ и писателей, и на данныхъ движенія колонизаціи — насчитываетъ всего 34 жупы. Наконецъ В. Томекъ, неудовлетворенный ни тѣмъ, ни другимъ выводами, подвергъ вопросъ новому пересмотру [1]).

Стоя на той же точкѣ зрѣнія совпаденія дѣленій административнаго и церковнаго, Томекъ пользуется регистромъ папской десятины 1384 г., думая пріурочить раздѣленіе на деканства уже къ XII в. Если этого дѣленія, по словамъ его, не было еще въ эпоху Косьмы Пр., то можно предположить, что оно возникло во время пребыванія въ Чехіи кардинала Гвидона въ 1143 г. Для доказательства своего положенія Томекъ настаиваетъ на возможности отождествленія названій нѣкоторыхъ каштелянствъ. Но г. Ясинскій убѣдительно опровергаетъ основаніе Томка для такого отождествленія. Между тѣмъ Томекъ, хотя и признаетъ возможными перемѣны въ церковномъ подраздѣленіи между XII и XIV вв. (къ которому относится папскій регистръ), все-таки считаетъ позволительнымъ пользоваться имъ для возстановленія жупнаго дѣленія.

Итакъ методъ, который нельзя признать правильнымъ, привелъ Томка къ неудовлетворительному результату, ибо онъ постоянно встрѣчается съ несоотвѣтствіемъ жупъ и деканствъ между собою. Находя въ грамотахъ противорѣчія своей теоріи, онъ заподозриваетъ таковыя и объявляетъ ихъ ненадежными.

---

1) Въ статьѣ: «O starém rozdělení Čech na Župy a pozdejším na kraje», Čas. Česk. Mus. 1858 и 1859.

Между тѣмъ именно свидѣтельства грамотъ обнаруживаютъ несостоятельность его пониманія. Не одобрялъ и не соглашался съ его выводами и Г. Иречекъ.

Наконецъ еще попытку отстоять взглядъ чешскихъ историческихъ авторитетовъ сдѣлалъ извѣстный историкъ проф. Калаусекъ. Онъ видитъ новое доказательство пресловутаго совпаденія въ томъ, что ему удалось усмотрѣть совпаденіе *краевъ* XVII в. съ границами деканствъ, при чемъ первые онъ устанавливаетъ по цѣлому ряду источниковъ (Гоманновской картѣ Чехіи 1730—40, списку взиманія берны нач. XVII в. и проч.). Основываясь на такихъ данныхъ, онъ составилъ и новую карту съ обозначеніемъ тѣхъ и другихъ границъ. Однакожъ нашъ авторъ, разсмотрѣвъ выводы Калауска, не видитъ все-таки столь желаемаго совпаденія краевъ съ жупами и деканствами, что̀ онъ и доказываетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ. Конечно, г. Калаусекъ не думаетъ, чтобъ *края возникли изъ деканствъ* или что позднѣйшее политическое дѣленіе вышло изъ церковнаго, но что усматриваемое имъ совпаденіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что оба дѣленія имѣютъ общій древній источникъ, что оба возникли изъ жупнаго. Однакожъ нашъ авторъ стоитъ на томъ, что такому заключенію противорѣчатъ сами истинные результаты изысканія Калауска. Этимъ кончается убѣдительное по нашему мнѣнію опроверженіе г. Ясинскимъ господствующаго взгляда (въ Приложеніи).

Но отрицая теорію «совпаденія», нашъ авторъ не оправдываетъ и метода Г. Иречка, считающаго возможнымъ опредѣлить число областей (= provincia) по грамотамъ, — въ виду того именно, что въ нашихъ источникахъ слово provincia имѣетъ весьма различное значеніе. Вникнувъ въ дѣло, онъ находитъ въ грамотахъ цѣлыхъ четыре словоупотребленія для provincia (городской округъ, болѣе обширная область съ нѣсколькими городами, сельско-хозяйственный округъ — villicatio, округъ города на нѣмецкомъ правѣ). Для выясненія вопроса приходится обратиться къ писателямъ. Употребляемый у Косьмы терминъ pro-

vincia оказывается территоріей *на племенной основѣ*, чему соотвѣтствуетъ и свидѣтельство кан. Вышеградскаго, изъ котораго видно, что въ XII в. въ Чехіи — отъ 12 до 15 областей, и еще немногія лѣтописныя данныя. На этихъ, хотя и скудныхъ, но вполнѣ согласныхъ свидѣтельствахъ г. Ясинскій основываетъ выводъ о раздѣленіи въ тѣ старыя времена Чехіи на очень незначительное количество областей, которыхъ приблизительный списокъ онъ и даетъ. Такое раздѣленіе Чехіи на *племенныя территоріи* находитъ себѣ подтвержденіе и въ древнѣйшемъ церковномъ раздѣленіи Пражскаго епископства на *архидіаконства*.

Въ XIV в. онъ насчитываетъ 10, а позже еще 3 архидіаконства. Каждая племенная территорія составляла вѣроятно архидіаконство. Такимъ образомъ каждое племя имѣло сперва по одному городу, въ каждомъ былъ правитель территоріи — жупанъ (comes) и архидіаконъ. Изъ этого видно, что — вопреки Палацкому — извѣстное свидѣтельство Баварскаго Географа о 15 городахъ въ Чехіи оказывается очень правдоподобнымъ.

По предположенію г. Ясинскаго племенныя территоріи съ увеличеніемъ числа городовъ распадались на части (округи, regiones), число которыхъ соотвѣтствовало числу городовъ, на что есть указанія и въ источникахъ. Каждый городъ съ округомъ составлялъ каштелянію. Съ половины XI в. каждый городъ (т. е. округъ) представляетъ обособленную единицу — съ своимъ отдѣльнымъ управленіемъ. Строя города, князья приписывали имъ извѣстные доходы и подчиняли извѣстную часть окрестностей. Этимъ двойнымъ дѣленіемъ страны (на большія области, и областей — на меньшіе округа) объясняется и неодинаковое въ актахъ употребленіе слова «provincia», тогда какъ писатели придерживаются стараго пониманія этого термина, какъ племенной территоріи. Авторъ замѣчаетъ тутъ-же, что и государи чешскіе издавна при выдѣленіи удѣловъ сыновьямъ, братьямъ и проч. принимали въ расчётъ это раздѣленіе, хотя, прибавимъ мы отъ себя, это не было въ ихъ интересахъ и не согласуется съ отмѣ-

чаемымъ далѣе стремленіемъ ихъ разбить и разорвать исконное единство и солидарность племенныхъ территорій.

Скажемъ здѣсь-же, что въ этомъ взглядѣ на основу административнаго дѣленія Чехіи, именно на *племенныя территоріи*, которыя очень долго сознавали свою особность и сохраняли внутреннее единство (не смотря на подраздѣленія), г. Ясинскій кажется намъ вполнѣ правымъ, и его опроверженіе теоріи совпаденія административнаго и церковнаго дѣленія мы готовы признать вполнѣ основательнымъ и убѣдительнымъ. Племенное начало, а вмѣстѣ съ нимъ и территоріальныя связи жили и сознавались въ Чехіи, да и повсюду (вспомнимъ Русь, Польшу, Угрію) очень долго, и могутъ объяснить въ исторіи очень многое, иначе мало понятное. Замѣтимъ, что на той-же правильной точкѣ зрѣнія стоитъ и г. Липпертъ, выражающій мысль, что племенныя области (или волости) — исконное явленіе чешской исторіи, а не плодъ позднѣйшаго административнаго дѣленія. Онъ даже подробнѣе обосновалъ свое положеніе, прослѣдивъ сначала племенное разграниченіе Чехіи[1]). Послѣдняго недостаетъ у г. Ясинскаго, для котораго однако эта сторона должна быть очень существенна, какъ опора въ его полемикѣ съ защитниками противоположной теоріи.

Далѣе г. Ясинскій останавливается на принятомъ въ чешской наукѣ наименованіи области (provincia) — *жупой* на томъ основаніи, что начальникъ города (и области) назывался яко-бы *жупаномъ* (comes). Авторъ противъ такого словоупотребленія, хотя онъ и не согласенъ съ Шемберой, который несправедливо совсѣмъ отрицалъ у Чеховъ первоначальное существованіе названій «жупы» и «жупана», считая ихъ занесенными позднѣе. Но у г. Ясинскаго повидимому также не совсѣмъ ясное представленіе относительно названія «жупана»; такъ онъ самъ нѣсколько выше (стр. 92), а также послѣ (стр. 112) допускаетъ существованіе этого названія для «правителя племенной территоріи». Те-

1) Lippert, тамъ же, стр. 27—60.

перь онъ утверждаетъ, что правитель города (въ эпоху Косьмы Пр.), назывался не жупаномъ, а *префектомъ* (praefectus) и что власть начальника называлась *префектурой*, что «званіе жупана какъ-бы отдѣлялось отъ несенія обязанности начальника въ городѣ», что слѣдовательно это названіе получило болѣе широкій, особый смыслъ (объ этомъ еще ниже, въ заключеніи, стр. 176; см. далѣе). Итакъ со 2-ой половины XI в. начальники городовъ называются не жупанами, а префектами; а въ XII в. они уже называются *каштелянами* (преимущественно). «Жупанъ» прилагается только къ земскимъ и придворнымъ чиновникамъ, вообще къ людямъ высшаго круга. Изъ всего этого авторъ заключаетъ, что наименованіе округа (город.) «*жупою*» — не имѣетъ достаточнаго основанія.

Въ воззрѣніяхъ чешскихъ ученыхъ, приверженцевъ раздѣленія Чехіи на жупы, г. Ясинскій усматриваетъ еще ошибку: они (Палацкій, Томекъ, Г. Иречекъ, Ганель) держатся мнѣнія, что рядомъ съ каштеляномъ въ составъ жупнаго уряда всегда обязательно входили и другія должностныя лица (кромѣ жупана — коморникъ, судья, писарь, потомъ владарь, ловчій и пр.). Нашъ изслѣдователь на основаніи разбора документальнаго матеріала находитъ, что собственно только для большихъ городовъ (какъ Прага и Пильзень), можно установить весь комплектъ должностей. Признавая, что въ виду скудости и неполноты матеріала — на основаніи одного *умолчанія* еще рискованно дѣлать выводы, онъ думаетъ, что съ другой стороны нельзя не обращать вниманія на то, что каштеляны упоминаются гораздо чаще другихъ должностныхъ лицъ, что слѣдовательно ихъ должно было быть больше, чѣмъ судей, владарей, ловчихъ и т. д. Поэтому нельзя согласиться съ предполагаемой чешскими историками для земскаго періода правильно организованной администраціей. Государственныя учрежденія въ настоящемъ смыслѣ тогда находились лишь въ зачаточномъ состояніи. Къ тому же есть все-таки въ источникахъ хотя «косвенныя указанія, свидѣтельствующія о существованіи администраціи, отличающейся чертами свойствен-

ными первой стадіи развитія государственности». Эти косвенныя указанія касаются во-первыхъ *владарскихъ округовъ* (villicationes), которые, по приводимымъ авторомъ даннымъ, далеко не всегда совпадали съ каштеляніями, такъ какъ несмотря на существующія совпаденія относительно нѣсколькихъ областей встрѣчается много фактовъ противнаго характера. Заслуживаетъ при этомъ вниманія судьба королевскихъ вилликацій: съ теченіемъ времени замѣтно уменьшеніе количества владарскихъ округовъ вслѣдствіе раздачъ и отчужденій королевскихъ земель; особенно быстро уменьшались королевскія имущества въ XIII в., и тогда (съ половины этого вѣка) не было нужды въ особенномъ чиновникѣ для управленія клочками королевскихъ земель въ разныхъ областяхъ Чехіи, такъ что владарскіе округи стали отдаваться на извѣстныхъ условіяхъ въ арендное содержаніе.

То же несоотвѣтствіе усматриваетъ г. Ясинскій и въ *судебныхъ порядкахъ*. Разсмотрѣвъ рядъ случаевъ по документамъ, онъ заключаетъ, что и тутъ не было правильности: что были въ извѣстныхъ округахъ суды высшей инстанціи, а въ другихъ — низшей, что судопроизводство часто распредѣлялось и между другими должностными лицами (напр. владарями). Состояніемъ судопроизводства въ XIV вѣкѣ выясняется и болѣе раннее положеніе вещей, такъ какъ до этого времени все оставалось по-старому (при первомъ королѣ Люксембургѣ все пришло въ разстройство). Слѣдовательно такіе факты изъ XIV в., какъ подчиненіе четырехъ каштеляній въ судебномъ отношеніи пражскому суду, несовпаденіе судебныхъ округовъ съ политическими, не повсемѣстное существованіе судей тамъ, гдѣ были должностныя лица и коморники, и наконецъ наименованіе судьями чиновниковъ, производившихъ судъ, — «все это доказываетъ, что не въ каждой каштеляніи былъ судья».

Наконецъ такое-же положеніе дѣла обнаруживаютъ источники и по отношенію къ *ловчимъ* и ихъ округамъ. Здѣсь также не оказывается совпаденія: существуютъ отдѣльные, независимые отъ каштеляній уряды ловчихъ и особые ловчіе округа.

Принимая все это въ соображеніе и ставя въ связь съ ограниченнымъ числомъ племенныхъ территорій, г. Ясинскій склоненъ къ предположенію, что, «основывая новые города и учреждая въ нихъ каштелянскіе уряды, государи чешскіе, преемники Болеслава I, имѣли въ виду раздробленіемъ племенныхъ территорій достигнуть ослабленія племенныхъ связей и укрѣпить свою власть въ странѣ»[1]). Если же племенное раздѣленіе все-таки сохранилось, то потому, какъ это думаетъ авторъ, — что каштелянскій урядъ имѣлъ въ виду только политическія цѣли, а судебное и сельско-хозяйственное раздѣленіе совпадаетъ преимущественно съ племеннымъ.

Общее свое заключеніе изъ разбора темы этой главы г. Ясинскій формулируетъ такими словами: центральная и областная администрація Чехіи въ XI—XIII вв. «не успѣла сложиться въ стройную и законченную систему, а областная администрація, кромѣ того, носила слѣды борьбы племенного и государственнаго принциповъ».

Подводя итоги разслѣдованію вопроса этой главы, мы должны признать, что авторъ съ достовѣрными данными въ рукахъ справедливо характеризуетъ неустойчивость и еще незаконченность развивающейся на новыхъ началахъ административной системы и внутренняго управленія, несоотвѣтствіе новыхъ придворныхъ чиновъ и ихъ вѣдѣнія — прежнимъ земскимъ порядкамъ и органамъ мѣстнаго управленія, борьбу новыхъ государственныхъ стремленій (пока еще въ формѣ собственно-государевыхъ интересовъ и цѣлей) съ племенными традиціями и земскимъ началомъ. Изъ его разбора вполнѣ выясняется, какъ князь созданіемъ придворныхъ должностей стремился поддержать и упрочить свои матеріальные интересы, создать себѣ вѣрныхъ слугъ и по возможности сосредоточить около себя главное руководство административной дѣятельностью въ странѣ. Для насъ остается еще только

---

1) Въ этомъ предположеніи, какъ увидимъ впослѣдствіи, г. Ясинскій едва-ли правъ.

вопросомъ [1]), справедливо ли утвержденіе, что онъ — основаніемъ новыхъ городовъ (градовъ) или округовъ (каштеляній), думалъ разбить и ослабить племенное единство областей и тѣмъ укрѣпить и обезпечить свою самодержавную власть.

Но все-таки съ общимъ взглядомъ г. Ясинскаго въ данномъ случаѣ нельзя не согласиться. Если мы что-нибудь имѣемъ замѣтить, то это касается болѣе подробностей выполненія задачи: именно — что онъ въ изложеніи своемъ не достаточно отчетливо изображаетъ и различаетъ разные элементы государственнаго управленія, представителей двухъ противоположныхъ сферъ и принциповъ администраціи (т. е. государевой-придворной и старой земско-областной), недостаточно разграничиваетъ ихъ и не выясняетъ, какъ они съ самаго начала подѣлили между собою роли и какъ возникли разныя должности. Оттуда нѣкоторыя неясности и противорѣчія. Такъ сперва онъ говоритъ объ отсутствіи у придворныхъ чиновниковъ земскаго періода дѣятельной роли въ государственномъ смыслѣ (стр. 86), а въ дальнѣйшемъ изложеніи эти придворныя должности (владарей, коморниковъ, ловчихъ), т. е. лица ихъ занимающія являются дѣйствующими въ ряду чиновъ областной администраціи вмѣстѣ съ жупанами, каштелянами, судьями... Очевидно тутъ не все договорено и выяснено. Укажемъ еще на одно возникающее недоумѣніе. Авторъ говоритъ о сохраненіи и живучести племенныхъ связей между прочимъ благодаря удержавшемуся совпаденію сельско-хозяйственнаго раздѣленія страны съ племеннымъ дѣленіемъ. Но если такая территоріально-племенная связь была противна интересамъ государей, которые считали нужнымъ ей противодѣйствовать, то какъ же могло держаться именно такое совпаденіе, когда сельско-хозяйственный урядъ, вѣдавшій государевыми землями, очевидно болѣе всѣхъ другихъ былъ въ непосредственномъ распоряженіи у государя?

Какъ бы то ни было общій взглядъ г. Ясинскаго на процессъ

---

1) Объ этомъ скажемъ въ разборѣ слѣдующей главы.

развитія внутреннихъ государственныхъ учрежденій долженъ быть признанъ вѣрнымъ, а въ этомъ отношеніи важно опять принципіальное согласіе съ нимъ независимо работавшаго г. Липперта, который въ своемъ сочиненіи (т. I, 1 ч., гл. 9; 2 ч., гл. 4) высказываетъ ту же точку зрѣнія на борьбу двухъ принциповъ при введеніи государственности, еще болѣе оттѣняя личный интересъ и выгоды власти государевой, которые были тогда равносильны стремленіямъ государственнымъ. Такъ онъ указываетъ на то, что государи съ одной стороны дѣлили страну между членами своего дома, которые добивались затѣмъ государственнаго верховенства, а съ другой поручали области своимъ чиновникамъ для ихъ хозяйственной эксплоатаціи, но послѣдніе стремились къ наслѣдственности должностей, что̀ при значительности ихъ власти оказывалось не безопаснымъ и заставляло естественно государя думать объ укрѣпленіи своей власти.

Если нашъ изслѣдователь, какъ мы видѣли, не прослѣдилъ какъ подобало постепенный ходъ измѣненій во внутренней администраціи и достаточно не разграничилъ элементовъ старыхъ и новыхъ, то главной того причиной есть уже указанный нами въ началѣ существенный пробѣлъ его работы, именно, что онъ не установилъ и не характеризовалъ подробнѣе основъ и элементовъ первоначальнаго земскаго строя, изъ которыхъ ему легко было бы исходить въ дальнѣйшемъ своемъ разборѣ. Онъ не отрицаетъ же для болѣе ранняго времени *опредѣленной* и *правильной* организаціи земской, которая правда довольно рано, подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ, стала разстраиваться, но съ принципами которой приходилось долго считаться въ виду ихъ живучести и приверженности къ нимъ коренныхъ слоевъ населенія. Этой самобытной земской организаціей было *областное самоуправленіе* (общеславянскаго типа), развившееся на старомъ племенномъ строѣ.

Вотъ этотъ-то порядокъ, который слѣдовало точнѣе опредѣлить, подвергался постепенно передѣлкѣ и ломкѣ со стороны высшей власти государя въ интересахъ его личныхъ и государ-

ственныхъ,— тѣмъ болѣе, что съ колонизаціей, освоеніемъ новыхъ земельныхъ пространствъ и передвиженіемъ населенія, съ развившейся практикой раздачъ земли и отчужденій, условія мѣстной жизни измѣнялись и осложнялись. Въ этомъ процессѣ разложенія старыхъ формъ первенствующую роль сыграли дворцовыя, королевскія учрежденія, изъ которыхъ развились и новые административные порядки. Авторъ нашъ отмѣтилъ борьбу новыхъ государственныхъ началъ съ остатками и принципами племенного и земскаго строя. Но этого послѣдняго онъ ясно не опредѣлилъ и не очертилъ, равно какъ не выяснилъ подробнѣе отношенія къ старому областному самоуправленію новой придворной или княжеской администраціи. Между тѣмъ согласованіе различныхъ порядковъ, приспособленіе новаго къ старому и обратно не могло произойти быстро, безъ трудностей и борьбы.

По поводу этого пробѣла въ изслѣдованіи г. Ясинскаго мы должны нѣсколько упрекнуть его, что онъ не воспользовался работами (хоть и не большими, но цѣнными) по внутренней и правовой исторіи Чехіи и вообще западныхъ славянъ проф. Ѳ. Ѳ. Зигеля, единственнаго у насъ нынѣ представителя каѳедры славянскаго сравнительнаго правовѣдѣнія, а именно его интересной статьей «Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ»[1]). То, что г. Зигель говоритъ здѣсь объ этомъ предметѣ очень поучительно, ибо вполнѣ правильно характеризуетъ сущность областного самоуправленія и положеніе жупана земскаго періода, а также то, что повело къ разложенію этого строя. Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь оба мѣста.

---

1) «*Сборникъ*» учениковъ В. И. Ламанскаго, Спб. 1883, стр. 99—118. Къ сожалѣнію авторъ не заглянулъ въ этотъ «Сборникъ», гдѣ еще помѣщены не безынтересныя для него статьи гг. Регеля и Кракау. Изъ статей г. Зигеля назовемъ еще: «Очеркъ чешскаго процесса въ верховномъ земскомъ судѣ», въ «Юридич. Вѣстникѣ» 1880, № 7; а также «Общественное значеніе дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія», въ «Меѳодіев. Юбил. Сборн.». Варшава, 1885. Недавно явилась въ чешск. сборн. юбил. Палацкаго («Památník na oslavu» etc., v Praze 1898) интересная статья его: «Palacký jakožto historik slovanského práva». По-русски въ Журн. Мин. Н. Пр., 1898, ч. 318, іюль, стр. 146.

«Чешская область (жупа) проявляетъ много слѣдовъ общественной жизни... Особеннаго вниманія заслуживаетъ назначеніе на должность жупана, т. е. княжескаго намѣстника въ области. Доказано, что жупаны были всегда представители богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ въ своей области; имѣются извѣстія, что должность жупана была иногда наслѣдственна въ извѣстномъ родѣ; есть даже одно мѣсто, прямо указывающее на то, что князь, при полной юридической свободѣ назначать кого угодно, фактически бывалъ связанъ. Все это наводитъ на мысль, что жупанъ имѣлъ двоякое значеніе: съ одной стороны онъ былъ представителемъ князя по отношенію къ области, съ другой — политическимъ главою области въ силу своего общественнаго значенія среди областного населенія, независимо отъ княжескаго назначенія. Итакъ онъ былъ одновременно и органомъ центральной власти, и органомъ мѣстнаго самоуправленія. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ противоположностей объяснимо тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ чешской области мы видимъ видоизмѣненіе племенной жизни; отдѣльныя племена со своими племенными князьями не были стёрты съ лица земли; сила князя чешскаго племени, занимавшаго самый центръ Чехіи, оказалась недостаточной, чтобъ окончательно сломить племенное самоуправленіе; необходимо, вѣроятно, было ограничиться полумѣрами; и вотъ появляется областная организація съ сильно развитою областною жизнью и со своимъ главою, котораго обыкновенно и утверждалъ чешскій князь своимъ намѣстникомъ. Это подтверждается и ходомъ историческихъ событій»... И далѣе читаемъ: «Когда королевская власть почувствовала себя достаточно окрѣпшею, чтобы принять мѣры къ своему еще большему упроченію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ централизаціи управленія, тогда начинается рядъ мѣръ, направленныхъ прямо или косвенно противъ областной организаціи вообще и должности жупана въ особенности. Мнѣ кажется, что даже изъятіе деревень и цѣлыхъ округовъ съ конца XII в. изъ-подъ вѣдомства жупныхъ судовъ и изъ-подъ управленія жупана и областныхъ чиновниковъ дѣла-

лись князьями для ослабленія областной жизни и значенія жупана. Но только во второй половинѣ XIII в., когда иммунитеты и нѣмецкая колонизація достаточно подорвали солидарность жупы и положеніе его главы, Оттокаръ II уже прямо началъ дѣйствовать противъ старой областной организаціи». Въ примѣчаніи г. Зигель еще замѣчаетъ: «Иммунитеты, безспорно, появились подъ западно-европейскимъ вліяніемъ, но короли очевидно не сильно отстаивали старые порядки. Можно думать, что они готовы были на уменьшеніе своихъ доходовъ лишь бы только подорвать группы, какъ отдѣльные полунезависимые отъ нихъ организмы». Все это прямо и наглядно характеризуетъ явленіе, которое у г. Ясинскаго намѣчено отрывочно, намёками и очень неопредѣленно, и, бывъ критически разобрано, помогло бы пролить гораздо болѣе свѣта на вопросъ. Замѣтимъ кстати, что Зигель (см. примѣчаніе) держится еще старыхъ воззрѣній на жупное дѣленіе, но тутъ же онъ высказываетъ характерный взглядъ на основные вопросы чешскаго государственнаго развитія, именно на независимость племенъ, и на жупную организацію, какъ посредственное звено между самостоятельностью племенъ и слитіемъ политическимъ.

Если въ концѣ концовъ мы взглянемъ на результаты разсмотрѣнной главы опять съ основной точки зрѣнія автора, то замѣтимъ то-же, что и прежде: что они далеко ее не оправдываютъ, что и тутъ перемѣны и нововведенія вызывались не столько потребностями народными, внутренними, сколько интересами на верху и условіями государственнаго развитія.

Въ *четвертой* главѣ разсматривается «*Городовая организація*». Замѣтивъ, что въ началѣ XII в. «кажется» не было опредѣленной классификаціи городскихъ поселеній, что къ одному и тому же поселенію примѣнялись разныя выраженія (civitas, urbs, oppidum, castrum), авторъ заключаетъ, что «можно говорить о городовой организаціи вообще»... Но намъ приходится тутъ же высказать, что въ самой постановкѣ темы этой главы замѣтна нѣкоторая неясность и неопредѣленность, кроется какъ-будто нѣкоторое недоразумѣніе. Автору слѣдовало дать болѣе точное

опредѣленіе своему предмету. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что онъ имѣетъ въ виду ту основную въ первоначально племенномъ, а потомъ земскомъ строѣ организацію по жупамъ или градамъ, которую называютъ по большей части «*градскою*» (а никакъ не «городовою»; Zřízení hradské, см. Čelakovský, Povšechne české dějiný právní, str. 30)—на томъ основаніи, что *градъ* былъ основой, центромъ и представителемъ жупы (области). Эта основная (общеславянская) земская организація — «*градская*» или «*жупная*» — не имѣетъ ничего общаго съ той организаціей городовъ, которая создалась позже, какъ нѣчто совсѣмъ особое, выйдя изъ совершенно иныхъ началъ и потребностей и будучи предназначена для цѣлей какъ разъ противныхъ областной автономіи, для ея разрушенія.

Если авторъ нашъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ этомъ существенномъ различіи городовъ или градовъ, какъ центровъ жупъ, потомъ округовъ или каштеляній, и всего областного самоуправленія отъ новыхъ городскихъ поселеній на новыхъ началахъ, составляющихъ независимую отъ земскаго уряда (такъ сказать, экстерриторіальную) организацію, какъ результатъ внутренней государственной политики чешскихъ государей, то ему надо было во избѣжаніе всякой неясности сдѣлать необходимую оговорку, разъ онъ употребилъ не совсѣмъ обычную терминологію.

Г. Ясинскій начинаетъ свое изложеніе съ выясненія происхожденія и роли старыхъ городовъ (градовъ). Ихъ постройка и поддержка объясняется прежде всего необходимостью укрываться за ихъ стѣнами и прятать свое имущество отъ враговъ при частыхъ вражескихъ наѣздахъ и необезпеченности жизни. Они состояли изъ собственнаго *города* (укрѣпленнаго или огороженнаго) и *посада*. Посады при непріятельскихъ набѣгахъ подвергались обыкновенно разграбленію и разрушенію. Самый городъ было труднѣе взять при примитивности осаднаго искусства, особенно когда деревянныя стѣны стали замѣнять каменными. Населеніе, находившее убѣжище въ городахъ, должно было и сооружать ихъ и исправлять укрѣпленія. Эти обязанности вхо-

дили въ такъ называемыя «земскія работы» (munera publica); къ нимъ относились: постройка городовъ (какъ и починка укрѣпленій), охрана дорогъ въ пограничной полосѣ, устройство засѣкъ и заваловъ въ лѣсахъ, проведеніе дорогъ и сооруженіе мостовъ. Земское населеніе, шляхта и крестьяне (дѣдичи), являлись защитниками городовъ; ихъ въ лѣтописяхъ называютъ *cives* и *urbani*, но это — отнюдь не горожане или мѣщане, не имѣющіе съ ними ничего общаго, ибо городское населеніе возникло лишь въ концѣ XII и въ XIII вв., когда государи стали вводить въ городахъ нѣмецкое право. Упомянувъ еще о сторожевой службѣ въ городахъ, авторъ переходитъ къ *градскому управленію*.

Во главѣ каждаго города стоялъ *каштелянъ*, назначеніе и смѣщеніе котораго зависѣло отъ воли государя. Здѣсь не мѣшало бы вспомнить о предшественникахъ каштеляна (см. стр. 96): о префектѣ, а ранѣе жупанѣ, какъ правителѣ племенной области, сидѣвшемъ въ главномъ градѣ. Каштелянамъ принадлежала высшая военная власть во время военныхъ дѣйствій, но разница ихъ отъ прежнихъ начальниковъ племенныхъ территорій (жупановъ) та, что послѣдніе имѣли въ рукахъ и судебную и полицейскую власть, тогда какъ каштеляны, хотя и были начальниками цѣлыхъ городскихъ округовъ, такой власти не имѣли. Тутъ авторъ дѣлаетъ предположеніе, что должности особыхъ судей были учреждаемы въ городахъ — для умаленія власти и роли племенныхъ администраторовъ. Съ другой стороны каштеляны большихъ городовъ имѣли извѣстную военно-политическую власть надъ каштелянами второстепенныхъ, меньшихъ городовъ... Но нельзя не замѣтить въ этихъ соображеніяхъ нѣкоторыхъ противорѣчій. Созданіе особыхъ должностей судей и судебныхъ округовъ должно было противодѣйствовать племеннымъ связямъ, т. е. собственно слишкомъ большому значенію областныхъ правителей, между тѣмъ какъ выше указывалось, что территоріально-племенное единство сохранилось между прочимъ благодаря совпаденію судебнаго раздѣленія съ племеннымъ. Какъ-же это согласить? Намъ впрочемъ думается, что г. Ясинскій приписываетъ

слишкомъ много политической предусмотрительности чешскихъ князей. Уже въ прошлой главѣ онъ ею всецѣло объяснялъ постройку новыхъ городовъ и учрежденіе новыхъ каштеляній (т. е. раздѣленіе большихъ областей на меньшія). Та же мысль проводится и здѣсь. Но мы рѣшительно сомнѣваемся въ преобладаніи въ данномъ случаѣ такихъ мотивовъ и основаніемъ для насъ служитъ, между прочимъ, вышеприведенный фактъ, отмѣченный самимъ авторомъ, что каштеляны большихъ городовъ (бывш. жупаны) имѣли военно-политическую власть надъ каштелянами меньшихъ, ибо само собой понятно, что такое подчиненіе въ предѣлахъ одной области (или племенной территоріи) младшихъ городовъ (со своими округами) старшему не могло никоимъ образомъ вести къ ослабленію территоріально-племенной солидарности. Да притомъ — и это главное — новые города (грады—укрѣпленія) строились для удовлетворенія гораздо болѣе насущныхъ потребностей, съ одной стороны, ради раздѣленія слишкомъ большихъ областей — въ интересахъ болѣе удобнаго управленія, а съ другой — въ особенности ради укрѣпленія страны: для защиты населенія и для оборонительныхъ цѣлей. Интересы государевы и соображенія внутренней политики, хотя и нельзя отрицать ихъ ранняго возникновенія, выступили рѣшительно и стали вліятельнымъ факторомъ все-таки нѣсколько позже и проявились въ иныхъ мѣропріятіяхъ, клонившихся дѣйствительно къ уничтоженію территоріально-племенныхъ связей и порядковъ земскаго самоуправленія.

Говоря далѣе о матеріальномъ положеніи каштеляновъ, которые не получали особаго жалованья, а служба которыхъ (какъ и придворныхъ чиновъ) вознаграждалась предоставленіемъ имъ доходовъ съ земель «приписанныхъ къ замкамъ и городамъ», авторъ вводитъ здѣсь новое понятіе «замка» рядомъ съ городомъ (до сихъ поръ онъ говорилъ только о городахъ), не разъясняя ближе, была ли какая-нибудь разница въ ихъ положеніи, и употребляя тоже безъ оговорокъ выраженіе «замковый урядъ». Цѣлымъ рядомъ данныхъ изъ грамотъ онъ подтверждаетъ свое положеніе о

приписанныхъ къ городамъ и замкамъ земельныхъ участкахъ, разбросанныхъ по всей Чехіи, и тотъ фактъ, что доходы съ нихъ, т. е. повинности и служба населенія шли въ пользу замковаго (или городского) уряда, т. е. каштеляновъ. Но каштеляны, какъ временные хозяева, старались извлечь изъ этихъ земель возможно больше дохода, и ради того часто притѣсняли населеніе и доводили его до разоренія, такъ что не рѣдки случаи, что оно покидало земли, приходившія тогда въ запустѣніе. Однакожъ поступки каштеляновъ оставались безнаказанными, такъ какъ интересы государя непосредственно не страдали. На его же коронныхъ земляхъ такого явленія не замѣчается, ибо владари, заботившіеся о доходности имѣній, придерживались относительно населенія совсѣмъ иной политики.

Итакъ приписанные къ городамъ большею частью небольшихъ размѣровъ земельные участки были разбросаны по всей территоріи страны. Ихъ доходы шли — вмѣсто жалованья — въ пользу каштеляновъ. Типическимъ образчикомъ такихъ земель являются въ грамотахъ начала XIII в. такъ называемыя *Кладскія дѣдины*, земли, населенныя дѣдичами и приписанныя къ городу Кладску. Такъ какъ разъясненію вопроса о нихъ авторъ посвятилъ *III-е Приложеніе* въ своей книгѣ, то мы вкратцѣ сообщимъ здѣсь его мнѣніе.

Чешскіе историки до сихъ поръ (Палацкій и Г. Иречекъ), признавая ихъ назначеніе служить вознагражденіемъ областныхъ чиновниковъ и надѣленіе ими придворныхъ и жупныхъ урядовъ, не дали однакожъ объясненія названію этихъ урядовъ «Кладскими». Г. Ясинскій того мнѣнія, что названіе это прямо указываетъ на принадлежность ихъ каштелянскому уряду г. Кладска. Если въ источникахъ сохранилось наиболѣе извѣстій объ этихъ именно *Кладскихъ* земляхъ, то это — полагаетъ нашъ авторъ — потому, что имущества этого города, какъ важнаго пограничнаго оборонительнаго пункта, позже поступили въ оборотъ государевыхъ отчужденій, т. е. съ 30-хъ годовъ XIII в., тогда какъ другія еще съ 70-хъ гг. XII в. Что же касается на-

званія «дѣдинъ», то оно объясняется тѣмъ, что на нихъ жили зависимые дѣдичи, а относительно другихъ такихъ земель извѣстія или говорятъ объ ихъ населеніи очень неопредѣленно, или изображаютъ ихъ запустѣлыми. Съ половины же XIII в., времени, къ которому относится большинство текстовъ о городскихъ имуществахъ, усиливается иноземная колонизація, классъ дѣдичей постепенно исчезаетъ, а представленіе о дѣдинѣ, какъ объ одномъ изъ видовъ крестьянскаго владѣнія, предается забвенію.

Все относящееся къ Кладскимъ дѣдинамъ авторъ считаетъ характернымъ и для градскихъ земель вообще. Такой взглядъ его на этотъ вопросъ кажется и намъ имѣющимъ достаточно твердое основаніе и правдоподобнымъ.

Продолжая свою рѣчь о городахъ (градахъ), г. Ясинскій переходитъ къ характеристикѣ роли и функцій городовъ въ *общественно-политической жизни,* которой они были средоточіемъ. Здѣсь самой главной стороной являются цѣли и нужды военно-политическія.

Несеніе военной службы было пріурочено къ городамъ. Изъ цѣлаго ряда свидѣтельствъ авторъ заключаетъ, что раздѣленіе войска на отряды (полки) соотвѣтствовало раздѣленію страны на области (примѣры даетъ особенно Моравія), такъ что можно думать, что ополченіе каждой области составляло полкъ или особую военную единицу. При отмѣченномъ выше подчиненіи младшихъ городовъ старшему каштеляны послѣднихъ были слѣдовательно начальниками большихъ отрядовъ, въ которые входили ополченія меньшихъ городовъ.

Отличительное свойство земскаго войска, быстрота мобилизаціи, сборовъ и передвиженій, доказываетъ, по мнѣнію г. Ясинскаго, что городовая организація была вполнѣ приспособлена для обороны страны и нападенія на враговъ. Разсказъ, заимствованный изъ Мартина Галла, знакомитъ съ тѣмъ, какъ совершались сборы военныхъ силъ. При опасности населеніе спѣшило въ городъ не только для самозащиты, но и для коллективнаго противодѣйствія врагу. Привычка шляхты, призванной къ военному

дѣлу, дѣйствовать заодно обнаруживалась и при угрозѣ внутренняго междоусобія. Тутъ авторъ приводитъ лѣтописный разсказъ (изъ Косьмы Пр.) о томъ, какъ держала себя земская шляхта во время междоусобія Буривоя, оспаривавшаго престолъ у брата своего Владислава (въ началѣ XII в.). Но кажется извѣстіе о части шляхты, выжидавшей исхода событій и бродившей то въ томъ, то въ другомъ направленіи, опустошая только села, толкуется имъ не довольно прямо и естественно.

Далѣе идетъ рѣчь о значительной роли городовъ въ дѣлѣ расширенія государственной территоріи и приводитъ много примѣровъ укрѣпленія и возобновленія городовъ въ XI-мъ и первой половинѣ XII в. Изъ этого слѣдуетъ, что нѣкоторые города (грады) служили главнымъ образомъ для обезпеченія и укрѣпленія спорной территоріи и операціоннымъ базисомъ для завоевательной политики чешскихъ государей.

Наконецъ ставится вопросъ о *времени*, когда чешскіе государи начали постройку городовъ — какъ для военныхъ цѣлей, такъ и «въ интересахъ раздробленія племенныхъ территорій», хотя по нашему убѣжденію этихъ двухъ цѣлей не слѣдуетъ сопоставлять или связывать, такъ какъ второе, если и могло служить подстрекающимъ для князей мотивомъ, то во всякомъ случаѣ едва-ли для такого ранняго времени... Для рѣшенія поставленнаго вопроса, по словамъ г. Ясинскаго, можетъ служить разсказъ Косьмы Пр. о дѣятельности Болеслава I (слѣд. изъ X в.). Придавая вѣсъ этому разсказу, авторъ дѣлаетъ оговорку, что необходимо помнить, что по сознанію самого писателя, его свѣдѣнія о Болеславѣ были очень недостаточны и односторонни, но что это именно заставляетъ заключить о его добросовѣстности и вѣрить ему... Если онъ (разсказъ) въ подробности не вполнѣ вѣренъ, то въ немъ все-таки есть *зерно исторической правды:* воспоминанія о борьбѣ княжеской, государственной власти съ началами племенного быта.

Разсказъ, какъ извѣстно, касается сопротивленія начальниковъ или главъ (племенныхъ!) народа требованію князя Боле-

слава I построить по римскому способу высокую стѣну вокругъ города на берегу рѣки Лабы, — сопротивленія, кончившагося однакожъ подчиненіемъ и постройкой города. Жалоба народныхъ начальниковъ на «невыносимое иго рабства» и отговорка, что прежде ихъ не заставляли исполнять такихъ работъ, объясняются, по мнѣнію нашего автора, тѣмъ, что прежде существовали только племенные города и ихъ поддержка не составляла еще тягости, падая на цѣлое племя. Теперь же постройка княжескихъ городовъ являлась бременемъ, увеличеніемъ повинностей. Постройка городовъ происходила и ранѣе Болеслава, но разсказъ о сопротивленіи ему знати и его прозвище «Грознаго» («суроваго»), даваемое государямъ, круто измѣняющимъ основы государственной и народной жизни, даетъ основаніе думать, что «Болеславъ обратилъ особенное вниманіе на постройку и укрѣпленіе городовъ», а населенію эта дѣятельность казалась тиранической. Все это очень возможно и правдоподобно, но изъ этого все-таки еще не слѣдуетъ, что нужно непремѣнно, какъ это дѣлаетъ г. Ясинскій, приписывать Болеславу въ этомъ случаѣ тайную цѣль или, такъ сказать, заднюю мысль — раздробленія племенныхъ территорій и ослабленія племенныхъ и территоріальныхъ связей, между тѣмъ какъ такая дѣятельность Болеслава и другихъ князей объясняется совершенно просто и естественно, такъ какъ была вызвана политическими обстоятельствами и внѣшнею опасностью. Подобное же явленіе усиленной постройки городовъ и укрѣпленій, по указанію г. Ясинскаго, мы видимъ въ ту эпоху во всѣхъ странахъ Западной Европы и особенно въ Германіи подъ вліяніемъ мадьярскихъ набѣговъ съ конца IX в. (припоминается Генрихъ I и укрѣпленіе Мерзебурга). Въ Чехіи и Моравіи такая дѣятельность тѣмъ понятнѣе. Интересно и то, что оборонительныя мѣропріятія Болеслава I и Генриха I вполнѣ совпадаютъ и по времени. Итакъ историческія данныя и факты говорятъ намъ ясно только о такихъ цѣляхъ и побужденіяхъ государей той исторической эпохи при постройкѣ новыхъ городовъ. Противъ допущенія у нихъ столь рано дальновидныхъ

стремленій раздробленія племенного единства говоритъ многое. Нельзя усмотрѣть признаковъ подобныхъ стремленій въ такихъ фактахъ, какъ военно-политическое подчиненіе меньшихъ городовъ большимъ (въ каждой области), въ организаціи военнаго дѣла и войска по областямъ (соотвѣтственнымъ племеннымъ территоріямъ), въ допущеніи совпаденія сельско-хозяйственнаго и судебнаго дѣленія страны съ племеннымъ, наконецъ, въ раздачѣ государями членамъ своего дома именно племенныхъ территорій въ удѣлы! А вѣдь всѣ эти факты отмѣчены и подтверждены самимъ авторомъ. Цѣли и стремленія, направленныя не только къ раздробленію территоріальнаго племенного единства, но къ разрушенію земской автономіи, явились у чешскихъ государей позднѣе и выразились въ созданіи центральныхъ органовъ администраціи, сокращеніи областной юрисдикціи, наконецъ, особенно въ системѣ всяческихъ экземпцій и привиллегій. Въ заключеніе этой главы г. Ясинскій приходитъ къ выводу, что городовая организація, возникшая въ X в., *«начала клониться къ упадку съ середины XII в.»*. Доказательствомъ можетъ служить де то, что съ 70-хъ годовъ XII в. начинается отчужденіе государями городовыхъ и замковыхъ земель. Что касается причинъ упадка, то онъ указываетъ лишь на то обстоятельство (какъ на такую причину), что «опасность со стороны сосѣдей уменьшилась и даже совершенно исчезла», ибо измѣнились отношенія и къ Польшѣ, и къ Мадьярамъ, гдѣ наступила смутная эпоха междоусобій, а въ Германіи царствовалъ Фридрихъ Барбарусса, связавшій Чехію съ имперіей вассальными отношеніями. Городовыя укрѣпленія такъ запустѣли, что въ XIII в., въ эпоху нашествія татаръ, пришлось усиленно заняться укрѣпленіемъ городовъ. Но это «разумѣется, не было возстановленіемъ городовой организаціи, потому что она, какъ плодъ земскаго строя, не могла избѣжать судьбы послѣдняго». Мы сейчасъ увидимъ, что и въ этомъ заключеніи сказалась та нѣкоторая неясность, ведущая легко къ противорѣчіямъ, которую мы выше уже отмѣтили.

Что же въ результатѣ даетъ намъ разсмотрѣнная глава?

Несомнѣнно авторъ представилъ въ ней обстоятельную характеристику роли, значенія и главныхъ функцій городовъ (вѣрнѣе — градовъ) въ земскій періодъ чешской исторіи и вообще такъ называемой «градской» организаціи въ смыслѣ жупнаго, областного уряда. Многія его наблюденія и замѣчанія заслуживаютъ полнаго признанія и доказываютъ внимательное углубленіе въ источники. Но и здѣсь дѣлу повидимому нѣсколько повредило недостаточно отчетливое пониманіе или различеніе явленій исконныхъ въ земскомъ строѣ и новыхъ, связанныхъ съ процессомъ государственнаго развитія, откуда возникаетъ и въ выводахъ какъ-будто неясность и двойственность.

Мы уже съ самаго начала сказали о такой неясности въ самомъ опредѣленіи темы этой главы.

Подъ «городовой» (собственно «градской») организаціей слѣдуетъ въ сущности понимать земскую «жупную» или областную, между тѣмъ какъ терминъ «*городовой*», подходящій болѣе къ понятію позднѣйшаго *устройства городовъ* на нѣмецкомъ правѣ, какъ единицъ экстерриторіальныхъ, можетъ только подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Авторъ хотѣлъ послѣдовать примѣру (но къ сожалѣнію не послѣдовалъ *точно*!) чешскихъ историковъ, называющихъ эту организацію «градскою» — zřízení hradské отъ слова *hrad*, что̀ не есть городъ въ обычномъ намъ смыслѣ, для котораго служитъ обозначеніе *město*, такъ что zřízení hradské не имѣетъ ничего общаго съ zřízení městské, явленіемъ позднѣйшимъ. Древне-славянскій «*градъ*», укрѣпленное средоточіе племенной жизни, а потомъ земскаго жупнаго самоуправленія, военной организаціи и народной обороны, центръ общественной жизни и административнаго управленія въ областяхъ и округахъ старыхъ племенныхъ территорій, представляя характернѣйшій продуктъ и элементъ земскаго строя, долженъ былъ привлечь къ себѣ еще болѣе вниманія автора, и тогда бы — мы увѣрены — его изложеніе и изслѣдованіе о «городахъ» навѣрно выиграло бы въ смыслѣ ясности и законченности, и онъ тогда едва-ли бы употребилъ столь некстати терминъ «городовой». О «градахъ», ихъ

устройствѣ и типическихъ чертахъ, о ихъ роли и функціяхъ въ старославянской племенной жизни и земскомъ строѣ имѣется не мало интересныхъ работъ и замѣтокъ, и ознакомленіе съ иными изъ нихъ могло принести только пользу въ задачѣ г. Ясинскаго. Такъ можно пожалѣть, что онъ не обратилъ вниманія на труды чешскаго историка-слависта О. В. Пича, который не мало поработалъ надъ выясненіемъ основъ и порядковъ старо-славянской племенной и земской жизни (особенно на почвѣ старо-угорской) и своими археологическими и историческими (по первымъ источникамъ) изысканіями пролилъ несомнѣнно значительный свѣтъ на эту область. Въ одномъ изъ трудовъ своихъ онъ посвящаетъ спеціальное обстоятельное изслѣдованіе славянскимъ «градамъ», ихъ организаціи и роли[1]), а въ другомъ затрогиваетъ вопросы славянскаго градского самоуправленія[2]). Во всѣхъ своихъ работахъ г. Пичъ проводитъ мысль о живучести племенного начала и о прочности связей и тяготѣній территоріально-племенныхъ, мысль не чуждая, какъ мы знаемъ, и воззрѣніямъ нашего автора.

Быть можетъ, нѣкоторый недостатокъ отчетливости во взглядѣ его на «грады» и на «градскую организацію» способствовалъ и укрѣпленію его въ нѣкоторыхъ предвзятыхъ мнѣніяхъ и увлеченіяхъ — въ томъ напр. смыслѣ, что постройкой городовъ съ развитіемъ градской организаціи государи съ самаго начала стремились противодѣйствовать территоріально-племеннымъ связямъ и интересамъ. Мы видѣли уже, что цѣлый рядъ другихъ явленій — противорѣчащаго тому значенія — принуждаетъ насъ признать это мнѣніе заблужденіемъ. Самъ авторъ долженъ былъ бы замѣтить порожденную имъ несообразность въ своихъ выводахъ: съ одной стороны государи, посредствомъ городовой организаціи, борются съ началами стараго племенного

---

1) Pič, J. L. Zur Rumänisch-Ungar. Streitfrage, Leipz. 1886. О древне-слав. градахъ, стр. 148—268.

2) Der Nationale Kampf gegen das Ungarische Staatsrecht, Leipz. 1882, особ. стр. 241—248. О градахъ также подробно въ ст. Седлачка: Sedlaček, «O starodavném rozdělení Moravy na kraje», Časopis Mat. Morav., roč. 15, Brno 1891.

строя, съ другой — эта городовая организація падаетъ вмѣстѣ съ земскимъ строемъ...

Связанное съ такою неясностью представленія одностороннее объясненіе авторомъ паденія городовой организаціи такой чисто внѣшней причиной, какъ измѣненіе политическихъ обстоятельствъ и отсутствіе внѣшней опасности, явно не выдерживаетъ критики. Въ немъ ярко обрисовывается смѣшеніе «градской», т. е. областной организаціи, какъ основной формы земскаго управленія, съ постройкой и поддержкой градовъ и укрѣпленій въ видахъ оборонительныхъ и стратегическихъ. Если дѣйствительно подъ вліяніемъ измѣнившихся политическихъ условій страна не нуждалась въ прежней мѣрѣ въ поддержаніи градскихъ и иныхъ земскихъ укрѣпленій, то это отнюдь не могло вести за собой упадокъ такого внутренняго земскаго установленія, какъ «градская» (т. е. жупная или областная) организація. Очевидно этотъ упадокъ былъ обусловленъ другими причинами — внутренне-государственными, позднѣйшими мѣропріятіями и политикой чешскихъ государей, направленными къ разрушенію земскаго строя. Нашъ авторъ не долженъ былъ смѣшивать роль «градовъ», какъ оборонительныхъ и стратегическихъ центровъ, съ ихъ общественно-политическимъ и земско-административнымъ значеніемъ. Онъ оставилъ безъ вниманія тотъ фактъ, что оборонительная земская организація не ограничивалась одними градами. Рядомъ съ ними воздвигались многочисленныя укрѣпленія (такъ-называемыя Burgwälle), въ которыхъ не жили, но которыя служили защитой для населенія въ случаяхъ опасности[1]). На населеніи лежала обязанность ихъ сооружать и поддерживать, и отъ такихъ-то работъ (земскихъ) церковныя и монастырскія корпораціи старались освободить своихъ подданныхъ, особенно когда наступили болѣе мирныя времена. Такимъ-то образомъ съ теченіемъ времени эти укрѣпленія запускались и приходили въ разрушеніе, и ихъ становилось все менѣе. Слѣдовательно подъ вліяніемъ внѣш-

1) Объ этомъ въ первой изъ цитованн. книгъ г. Пича и у Седлачка, о. с.

нихъ причинъ и обстоятельствъ могла приходить въ упадокъ лишь эта система земской обороны (изъ укрѣпленныхъ градовъ и валовъ, Burgwälle), а не областная (градская) общественная и административная организація...[1]) Г. Ясинскому необходимо было тутъ же разобрать и выяснить истинныя причины постепеннаго упадка этой организаціи, которыя заключались въ возобладаніи интересовъ государственно-централизаціонныхъ и связанныхъ съ ними интересовъ придворнаго чиновничества надъ земскими автономными интересами. Эта побѣда новыхъ началъ (проявляющаяся замѣтнѣе съ конца XII в.) стала выражаться напр. въ ограниченіи власти и юрисдикціи областныхъ земскихъ органовъ, а затѣмъ въ системѣ всяческихъ изъятій изъ-подъ областной юрисдикціи, привиллегій и иммунитетовъ, о чемъ идетъ рѣчь и въ книгѣ г. Ясинскаго, но уже въ слѣдующей главѣ.

Глава *пятая* и послѣдняя въ книгѣ г. Ясинскаго разсматриваетъ *Власть государя и положеніе знати.* Она всѣхъ больше и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе существенную часть работы: въ ней авторъ приходитъ и къ самымъ существеннымъ и важнымъ своимъ выводамъ. Слѣдовательно на ней сосредоточивается и особенный интересъ.

Будемъ по-прежнему сжато излагать содержаніе изслѣдованія, дѣлая, по мѣрѣ надобности, свои замѣчанія. По мнѣнію г. Ясинскаго, пока не окрѣпло національное единство племенъ, вошедшихъ въ составъ государства, пока не сложились классы съ опредѣленными нуждами, не опредѣлилось ихъ равномѣрное участіе въ дѣлахъ государства, до тѣхъ поръ государь — почти единственный представитель государственности: оттого въ этой стадіи сила и крѣпость государства опредѣляется положеніемъ государя. Въ земскій періодъ чешской исторіи не вполнѣ еще забыты племенныя раздѣленія, и сословія только создавались, слѣдовательно характеризуя государя и его власть XI—XIII вѣковъ, мы опредѣляемъ силу и крѣпость государства.

---

1) То же смѣшеніе см. ниже на стр. 156, прим. 2.

Мнѣніе чешскихъ историковъ, признаваемыхъ лучшими авторитетами, сводится къ тому, что власть государя къ концу XII в. была невелика, что она сравнительно съ прежнимъ уменьшилась. Сужденія Томка, проф. Калауска и Я. Челяковскаго, приводимыя авторомъ, сходятся въ томъ, что въ XI—XII вв. князья, прежде обладавшіе огромными имуществами, раздарили массу земель и доходовъ духовенству, должностнымъ лицамъ и шляхтѣ, такъ какъ въ эпоху междоусобій и удѣловъ должны были пріобрѣтать сторонниковъ. Такимъ образомъ шляхта пріобрѣтала все болѣе значенія, а власть государя естественно ограничивалась.

Нашъ авторъ соглашается только съ нѣкоторыми изъ положеній чешскихъ историковъ, напр. со взглядомъ на большое сокращеніе имуществъ государя, а также на причину смутъ въ XII в., состоявшую въ перенесеніи воззрѣній родового быта въ сферу государственныхъ отношеній. Онъ считаетъ, согласно изслѣдованію Лозерта, доказаннымъ, что въ порядкѣ престолонаслѣдія *старшинство* не было рѣшающимъ условіемъ, а всѣ члены правящаго дома считались имѣющими право на престолъ и каждый домогался его, а при благопріятныхъ условіяхъ и достигалъ. Изъ этого слѣдуетъ, что государство разсматривалось какъ родовое имущество, и если поэтому вопросъ о главенствѣ не рѣшается соглашеніемъ членовъ рода, то очевидно населеніе должно было участвовать въ его рѣшеніи. Изъ того обстоятельства, что населеніе и самая вліятельная часть его, шляхта, своимъ рѣшеніемъ не предупреждала смутъ, которыя были бы невозможны при ея единодушіи, Г. Ясинскій дѣлаетъ выводъ о неподготовленности шляхты къ политической дѣятельности и еще неспособности ея стремиться къ ограниченію власти государя, о ея такъ сказать политической незрѣлости. Борьба изъ-за престола въ XII в. даетъ мало матеріала для характеристики шляхты съ этой стороны.

Участіе населенія, и именно шляхты, въ избраніи государя является ея правомъ, а не узурпаціей, какъ это видно изъ источ-

никовъ. Они же свидѣтельствуютъ, что это право признавалось и сюзереномъ чешскаго государя — германскимъ императоромъ. Но ни избраніе, ни полученная отъ императора инвеститура не обезпечивала чешскаго князя отъ происковъ другихъ членовъ рода. Приводится рядъ примѣровъ оспариванія престола другъ у друга членами княжескаго рода въ концѣ XI, началѣ XII и концѣ XII в.; но помимо этихъ выдающихся примѣровъ — сколько еще было заговоровъ на жизнь князей, сколько заключенныхъ и изгнанныхъ изъ отечества искателей трона!

Среди приводимыхъ авторомъ примѣровъ мы отмѣтимъ одинъ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что если не на практикѣ, то въ теоріи принципъ старшинства все-таки игралъ руководящую роль въ вопросѣ престолонаслѣдія. Въ 1101 г., говоритъ г. Ясинскій, Ольдрихъ, сынъ Конрада, оспаривалъ престолъ у Буривоя, «тщетно ссылаясь на то, что онъ старшій возрастомъ членъ княжескаго рода» («jactat se esse aetate maiorem» Cosm. chr. III, 15, p. 148). Въ другомъ мѣстѣ, раньше (см. стр. 120), авторъ сообщаетъ то же о Буривоѣ, «рѣшившемся во имя старшинства оспаривать престолъ у брата своего Владислава...» Слѣдовательно принципъ въ теоріи существовалъ, а если на практикѣ онъ постоянно нарушался, то это — благодаря создавшемуся порядку вещей, именно возобладанію практическихъ интересовъ и соображеній надъ теоріей. Во всѣхъ княжескихъ междоусобіяхъ, заговорахъ и происках играла главную роль шляхта. Противъ произвола и насилій шляхты еще въ раннее время помогали государю должностныя лица, напр. каштеляны (слѣдуетъ замѣтить — лишь тѣ, которые въ вѣрности князю видѣли свой интересъ), однако съ паденіемъ «городовой организаціи» значеніе высшей шляхты стало еще болѣе значительнымъ. Но кто же — спросимъ — былъ главнымъ виновникомъ паденія этой организаціи, а слѣдовательно и особеннаго возвышенія высшей шляхты, какъ не сами государи!

Въ противоположность высшей шляхтѣ, *низшая* всегда поддерживала государя, имѣя на своей сторонѣ по большей части

также духовенство и чиновниковъ, такъ какъ смуты отвлекали ее отъ мирныхъ занятій и приносили разореніе. Этотъ фактъ подтверждается многими примѣрами изъ XI и XII вв. Напротивъ, папы, какъ доказываютъ опять-таки многія свидѣтельства, руководствовались почти всегда личными выгодами, исканіемъ доходовъ и почетныхъ мѣстъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ пользу того или другого претендента, и того не скрывали. Это узко-эгоистическое настроеніе знати заставляло государя ухаживать за нею, но ей самой оно мѣшало сплотиться и сознать свои общіе интересы. Доказательствомъ такого неединодушія и разобщенности, позволявшихъ князьямъ часто жестоко и несправедливо расправляться съ непріятными имъ панами или областными правителями (примѣръ Собѣслава II), служитъ истребленіе Вершовцевъ при Святополкѣ, а также примѣры раздѣленія знати при выборѣ князя, напр. въ 1197 году (Владиславъ и Премыслъ). Но помимо мотивовъ чисто политическихъ у знати не было ли еще и другихъ, о которыхъ авторъ не упоминаетъ? Въ шляхтѣ могли быть также живы территоріально-племенные и областные интересы, заставлявшіе ее стоять за то или иное лицо, какъ за кандидата, выставленнаго тою или другою областью. Впослѣдствіи эти мѣстные интересы стушевались. Во всякомъ случаѣ г. Ясинскій соглашается, что XII вѣкъ былъ критическою порою для власти государя. Еслибъ смуты продолжались еще долѣе, то знать могла бы намѣтить опредѣленныя требованія и выработать политическую программу.... Итакъ въ началѣ XII в. авторъ видитъ у шляхты отсутствіе всякой опредѣленной тактики при замѣщеніи престола. Но съ половины XII в. поведеніе знати, по словамъ его, *измѣняется совершенно:* тутъ указываются примѣры, каковы образъ дѣйствія пановъ при избраніи Владислава II, и затѣмъ разочарованія въ немъ, тайныя совѣщанія и смуты (1142). Затѣмъ указываются и другіе случаи общихъ дѣйствій послѣ совѣщаній и уговора, напр. по поводу неудовольствія Фридрихомъ или кандидатурой Ольдриха. Отмѣтимъ здѣсь только маленькое противорѣчіе въ опредѣленіи эпохи такой пере-

мѣны половиной XII в., тогда какъ немного выше (стр. 134) авторъ привелъ примѣръ полнаго отсутствія солидарности и общей тактики высшей шляхты — изъ событій 1197 г... Очевидно перемѣна еще не была «совершенною» и общею. Но начинавшая вырабатываться у пановъ тактика и сноровка не могла привести ни къ чему важному, такъ какъ въ концѣ XII и началѣ XIII в. утверждается *государственное единодержавіе*, благодаря постепенному вымиранію рода Премысловичей и установленію порядка наслѣдованія по прямой линіи — отъ отца къ сыну, отнявшему у пановъ возможность пользоваться избирательнымъ правомъ, какъ средствомъ вынудить у государя какія-нибудь ограничительныя для его власти постановленія. Періода въ какихъ-нибудь 50 лѣтъ было недостаточно, чтобъ стремленія знати могли сложиться въ политическую программу; она не успѣла себя сознать сильнымъ классомъ съ общими интересами, и общая политика для ограниченія власти государя была для нея еще немыслима. На этомъ основаніи общая характеристика положенія и власти государя въ XII в. выливается у г. Ясинскаго въ слѣдующую форму: государь чешскій, будучи самостоятеленъ въ дѣлахъ управленія, долженъ былъ только держаться границъ умѣренности и не обращать власти въ орудіе личныхъ страстей. Но «кромѣ голоса совѣсти, другихъ ограниченій своей власти не знали чешскіе государи XI—XII вѣковъ».

Вслѣдъ затѣмъ авторъ переходитъ къ ближайшему опредѣленію державныхъ правъ государя и проявленій его полновластія.

Назначенія на должности вполнѣ зависѣли отъ государя. Назначались лица, на вѣрность которыхъ можно было положиться, иногда и за деньги. Однако тутъ слѣдовало сдѣлать оговорку, что это право назначенія de facto до нѣкоторой степени ограничивалось необходимостью считаться съ традиціями старой областной автономіи и земскими порядками, такъ что даже при назначеніи областныхъ и градскихъ начальниковъ (каштеляновъ) государи должны были сообразоваться съ общественнымъ мнѣ-

ніемъ, съ популярностью и значеніемъ тѣхъ или другихъ личностей [1]).

Государю всецѣло принадлежало право созыва военныхъ силъ и предводительство ими въ войнѣ оборонительной или наступательной. Это оставалось безъ измѣненій и въ XII в. Созывы сеймовъ передъ далекими военными предпріятіями должны быть объясняемы не необходимостью полученія на нихъ согласія, а обычаемъ этимъ путемъ оповѣщать о походѣ, хотя приходится констатировать, что паны часто роптали и выказывали неодобреніе. Примѣромъ можетъ служить созывъ сейма Владиславомъ II передъ походомъ на помощь Фридриху Барбаруссѣ, неудовольствіе, выказанное панами, и рѣчь къ нимъ короля, изъ которой, какъ и изо всего эпизода, можно усмотрѣть, что паны все-таки не имѣли права отказаться отъ похода. Впрочемъ по этому поводу можно замѣтить, что въ тѣ времена, особенно въ такихъ дѣлахъ едва-ли играло рѣшающую роль какое-либо точное *юридическое* право; не слѣдуетъ *наши* понятія переносить на столь отдаленныя эпохи, въ тѣ средніе вѣка, когда юридическія отношенія и правовыя нормы не успѣли еще выработаться и сложиться, и надъ ними господствовало право сильнѣйшаго и наиболѣе вліятельнаго въ смыслѣ какъ матеріальной, такъ и нравственной силы.

Въ дѣлахъ *внутренняго управленія* авторъ выдвигаетъ дѣятельность государя *судебную* и *законодательную*. Въ отношеніи *судебномъ* князь — высшій судья, источникъ суда и справедливости въ странѣ. Всякій могъ искать защиты у государя, и послѣднему ставится въ заслугу внимательное отношеніе къ жалобамъ. Непосредственно государь разбираетъ и рѣшаетъ дѣла по политическимъ преступленіямъ. Въ *законодательномъ* отношеніи инціатива всецѣло принадлежала государю. Примѣры изъ источниковъ не оставляютъ сомнѣнія, что государь считался источникомъ законодательной власти, какъ въ XI, такъ и въ концѣ

1) Срв. вышеприведенное о томъ мнѣніе Ѳ. Зигеля, въ его статьѣ о «Мѣстномъ земскомъ самоуправленіи въ Чехіи и Польшѣ», стр. 2.

XII в. Князья изъ осторожности предпочитали дѣйствовать съ согласія земской шляхты, съ которою совѣтовались, равно какъ и съ приближенными своими (панами, придворными чиновниками, каштелянами), и не только въ государственныхъ дѣлахъ, но и частныхъ, домашнихъ. Однакожъ подобныя совѣщанія не были для нихъ обязательны.

Еще менѣе были зависимы чешскіе государи въ *международныхъ* дѣлахъ и внѣшней своей политикѣ, чему приводятся доказательства изъ XI и XII вв.

Далѣе подробно разсматриваются *имущественныя* права государя, которыя оказываются очень значительными и важными. Выводы автора по этому предмету, какъ и по слѣдующему относящемуся къ нему вопросу о такъ-называемыхъ «выслугахъ», представляютъ большой интересъ. Какъ наслѣдникъ всѣхъ племенныхъ князей, чешскій государь имѣлъ право распоряженія всѣми ненаселенными и пустопорожними землями, что видно изъ актовъ. Затѣмъ относительно церковныхъ земель онъ имѣлъ всѣ права высшаго собственника, что́ тоже подтверждается многими примѣрами; это право имѣло столь устойчивый характеръ, что даже земли, отчуждаемыя въ руки частныхъ лицъ, не выходили изъ дѣйствія этого права. Оно однакожъ не слѣдствіе патроната государя надъ церковью. Любопытно свидѣтельство одной грамоты (1203 г.), по которому частное лицо отдаетъ землю монастырю черезъ государя (отъ его имени). Въ этомъ выражается взглядъ, что источникомъ церковнаго владѣнія можетъ быть только даръ или пожертвованіе, исходящее отъ государя. Практика подтверждаетъ это, такъ какъ государи — главные основатели и жертвователи церквей и монастырей. Но оттуда вытекаетъ ограниченность церковнаго владѣнія: пожертвованіе, по чешскимъ юридическимъ воззрѣніямъ, не составляло полной собственности; за дарителемъ оставались еще значительныя права... По характеру и происхожденію родственна церковному землевладѣнію, такъ что можетъ даже объяснить его особенности, та форма владѣнія, которая называется *выслугою*, и по отношенію къ которой права государя

тоже велики. На вопросѣ *о выслугахъ* г. Ясинскій и останавливается, посвящая ему обстоятельное изысканіе, и эта интересная часть его работы, въ связи съ другими предметами этой главы, придаетъ послѣдней выдающееся значеніе.

Князья въ XII—XIII вв. награждали заслуженныхъ людей за вѣрную службу землями и доходными статьями. Это — по опредѣленію еще Палацкаго — такъ-называемыя *выслуги*. Главная масса получавшихъ выслуги — знатные, люди высшаго класса, затѣмъ другую группу составляли чиновники: каштеляны, судьи, коморники и проч. Итакъ это вообще монополія высшаго класса, ибо и должностныя лица принадлежали ему по преимуществу. Предметами пожалованій были, за рѣдкими исключеніями, *недвижимыя* имущества, а именно: село, сельцо, часть села, земля въ селѣ, имѣніе, лѣсъ, уѣздъ, островъ и т. д., а съ конца XIII в. города съ окрестностями и цѣлыя области, но такія пожалованія имѣли уже характеръ удѣловъ. Въ XII-мъ же вѣкѣ выслуги были вообще скромныхъ размѣровъ. Первоначально выслуги носили чисто-правовой характеръ, а съ половины XIII в. стали пріобрѣтать государственный.

Въ большинствѣ случаевъ въ грамотахъ находимъ и формулу, на *какомъ правѣ* владѣетъ выслугой получившій ее. Самою обычною является: «jure hereditario», рядомъ съ которой авторъ приводитъ много другихъ формулъ. Но оказывается, что почти всѣ онѣ — только видоизмѣненіе первой и указываютъ на *наслѣдственный* переходъ выслуги; лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ подчеркивается право *собственности*. Итакъ, при выслугахъ примѣняется и та и другая форма права. Этимъ различіемъ объясняется усматриваемая изъ фактовъ «неодинаковая практика распоряженія владѣніемъ». При нѣкоторыхъ отчужденіяхъ выслугъ въ грамотахъ упоминается только о конфирмаціи государя или вовсе умалчивается объ его участіи. Тутъ очевидно выслуга на правахъ полной собственности, съ полнымъ правомъ распоряженія ею по усмотрѣнію. Съ другой стороны есть много свидѣтельствъ о правѣ государя, какъ высшаго собственника: во мно-

гихъ случаяхъ актъ отчужденія совершался съ *одобренія*, съ *согласія* государя, или облекался въ форму пожертвованія отъ государя.

Итакъ изъ всѣхъ имѣющихся извѣстій можно заключить, что выслуга представляла условное и ограниченное въ правахъ владѣніе. Владѣльцы такихъ выслугъ на правахъ наслѣдства стремились расширить свои права, получая отъ государя *право собственности*, а владѣльцы, не имѣвшіе паслѣдниковъ, испрашивали у государя право распоряженія имуществомъ, чему есть примѣры. Авторъ старается при этомъ выяснить порядокъ наслѣдованья выслугъ. Разсмотрѣвъ вопросъ объ общемъ порядкѣ наслѣдованія по чешскому праву — на основаніи такъ назыв. Конрадовыхъ статутовъ, и о толкованіи ихъ проф. Калаускомъ, онъ полагаетъ, что мы не имѣемъ данныхъ, чтобъ судить, примѣнялся ли этотъ порядокъ къ наслѣдованію выслугъ, но по содержанію статьи о наслѣдованіи видно, что она не имѣла въ виду этой формы владѣнія. Есть однакожъ косвенное указаніе въ источникахъ на порядокъ наслѣдованія выслугъ. Его авторъ видитъ вотъ въ чемъ. Вводимое въ полов. XIII в. Моравіею ленное право устраняло дочерей отъ наслѣдованія, тогда какъ право Магдебургское (прототипъ новаго моравскаго) допускало ихъ. Въ этомъ устраненіи можно видѣть уступку мѣстнымъ обычаямъ и приспособленіе къ существующей формѣ владѣнія выслугъ. Отсюда дѣлается выводъ, что въ наслѣдованіи выслугой дочери не участвовали.

Итакъ, заключаетъ нашъ авторъ, владѣніе выслугами съ ихъ ограниченными правами не могло привести къ ослабленію или уменьшенію государевой власти (панами). Но частое пожалованье выслугъ въ собственность «подготовляло сознаніе о необходимости общей и широкой постановки вопроса о правахъ землевладѣнія». На томъ основаніи, что при бездѣтныхъ владѣльцахъ выслугъ государи имѣли право наслѣдовать, извѣстный чешскій археологъ Воцель приравнивалъ эту форму владѣнія къ *нѣмецкому лену*. Г. Герм. Иречекъ опровергалъ это срав-

неніе указаніемъ на различіе между награжденіемъ за службу прошлую (выслуга) и соглашеніемъ насчетъ будущаго (ленъ). Но г. Ясинскій считаетъ это различіе несущественнымъ, ибо и ленъ давался лицамъ уже заслуженнымъ, и получившій выслугу былъ обязанъ службой по первому призыву. Онъ думаетъ, что юридическій характеръ выслуги, равно какъ и церковнаго владѣнія, вполнѣ объясняется (не прибѣгая къ ненужному сравненію съ нѣмецкими ленами) существовавшимъ въ чешскомъ правѣ воззрѣніемъ, что *дарственная менѣе обезпечиваетъ крѣпость владѣнія, чѣмъ купчая*. Къ тому же ограниченность права распоряженія выслугами объясняется также издавна господствовавшими правовыми воззрѣніями чешскаго народа. Что *наслѣдованіе* имущества было искони самымъ главнымъ отличительнымъ юридическимъ признакомъ землевладѣнія, возникшимъ въ эпоху родового быта, видно уже изъ названія первоначальнаго свободнаго населенія страны *дѣдичами* (heredes). Членъ рода имѣлъ наслѣдственныя права́, но не имѣлъ права распоряженія. Эти чешскія правовыя воззрѣнія были въ силѣ еще въ началѣ XV в. Таковы заслуживающіе полнаго вниманія и очень поучительные результаты изслѣдованія г. Ясинскаго о выслугахъ [1]).

Итакъ, на основаніи этого внимательнаго разбора всѣхъ правъ и проявленій власти государя авторъ нашъ дѣлаетъ общій выводъ, съ которымъ и мы не можемъ не согласиться, что вопреки господствующему въ чешской исторіографіи мнѣнію власть государя въ теченіе XII в. не уменьшилась, и въ XIII вѣкъ Чехія вступала какъ организмъ сильный и крѣпкій.

Однакожъ, продолжаетъ г. Ясинскій, со времени установленія самодержавія государи должны были думать не только объ

1) Если сопоставить эти результаты съ изысканіемъ *Липперта* о томъ же предметѣ (ч. I, гл. 8, стр. 298—310: «Heimfall, Erbrecht и Lohngut»), который тоже разсматриваетъ въ связи оба юридическіе института, «княжеское право на выморочное имущество» и «систему выслугъ», то увидимъ, что и послѣдній отнесся къ вопросу со вниманіемъ и что выводы того и другого въ общемъ сходятся, хотя постановка дѣла у нихъ нѣсколько различная. Во всякомъ случаѣ обѣ работы дополняютъ взаимно другъ друга.

укрѣпленіи власти (но вѣдь власть эта и не уменьшалась!), но и объ увеличеніи *матеріальныхъ средствъ*. Извѣстно, что они для этихъ цѣлей прибѣгли къ помощи *нѣмецкой колонизаціи* и стали раздавать нѣмцамъ участки въ «помежномъ» лѣсу и водворять нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ въ своихъ городахъ. Этимъ они конечно подрывали самобытную крѣпость государства.

Если государи XIII в. ослабляли этимъ государство и подготовляли опасный кризисъ, то, замѣчаетъ нашъ авторъ, «справедливость требуетъ сказать, что они же придали совсѣмъ другой характеръ тому учрежденію, которое было введено ихъ предшественниками и являлось шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія государственности». «Мы имѣемъ въ виду, прибавляетъ онъ, *иммунитетъ или «крѣпость»*. Здѣсь авторъ, какъ видимъ, уже заранѣе намѣчаетъ, но, надо сказать, очень ужъ неяснымъ намёкомъ, свой оригинальный взглядъ на это учрежденіе, какъ на плодъ самобытнаго развитія, которымъ государи сумѣли воспользоваться для укрѣпленія своей власти въ странѣ и которое оказывается, такимъ образомъ, естественнымъ и необходимымъ факторомъ государственнаго развитія... Посмотримъ же, какъ г. Ясинскій обосновываетъ и доказываетъ это свое во всякомъ случаѣ оригинальное воззрѣніе.

Изъ числа грамотъ XII—XIII в. выдѣляются грамоты, предоставляющія землевладѣльцамъ право суда и разныя льготы. Эти права называются *льготами* и *иммунитетами*, такъ что и грамоты называются льготными и «иммунитетными», а субъекты права—«свободными» и «крѣпкими» (liberi et immunes). Изученіе вопроса о характерѣ и происхожденіи иммунитета затруднено отсутствіемъ подлинныхъ грамотъ изъ времени ранѣе конца XII вѣка. Палацкій считалъ древнѣйшія грамоты Бревновскую 993 г., Райградскую 1045 и 1048 гг., Болеславскую 1052 и друг. составленными только въ XIII в. на основаніи болѣе раннихъ дипломовъ, а возникновеніе привилегій и иммунитетовъ онъ относилъ къ нач. XIII в. (Премыслъ Оттокаръ I). Томекъ и Дудикъ, соглашаясь съ Палацкимъ относительно первыхъ, все-

таки считали подлинными нѣкоторыя грамоты второй половины XII в. и по нимъ считали возможнымъ опредѣлить характеръ иммунитета. И Томекъ и Дудикъ называютъ рядъ грамотъ (второй половины XII в.), которыя они считаютъ подлинными. Но ни тотъ, ни другой однакожъ не представили ничего въ оправданіе своего мнѣнія. По взгляду нашего автора Палацкій былъ не правъ, считая самое упоминаніе объ иммунитетѣ въ актахъ XII в. доказательствомъ ихъ неподлинности. Онъ ссылается на разсказъ Сазавскаго монаха о томъ, что уже въ серединѣ XII в. нѣкоторые монастыри пользовались судебною властью надъ населеніемъ своихъ владѣній; итакъ «освобожденіе отъ земскаго права» можетъ встрѣчаться въ грамотахъ XII вѣка. На этомъ основаніи г. Ясинскій считаетъ возможнымъ для характеристики иммунитетовъ XII вѣка воспользоваться сохранившимися въ оригиналахъ грамотами (Оломуцкою 1144 г., Градищенскою 1160 г., Кладорубскою 1177 г. и второю Вышеградскою 1187 года).

Оказывается, что напр. по Оломуцкой грамотѣ 1144 г. населеніе, сидѣвшее на землѣ Оломуцкой церкви, освобождалось отъ юрисдикціи моравскихъ удѣльныхъ князей, отъ всякихъ платежей и повинностей, такъ какъ зависѣло отъ епископа опредѣлить мѣру участія церковныхъ (поданныхъ) людей въ общеземскомъ бремени. Таково же приблизительно содержаніе и другихъ названныхъ грамотъ. Изъ нихъ видно впрочемъ, что первоначально не существовало опредѣленнаго и установившагося *типа иммунитета*; но къ половинѣ XIII в. успѣлъ сложиться опредѣленный кругъ льготъ, въ него входившихъ. Встрѣчается и общая ссылка на льготы безъ подробнаго ихъ перечисленія. Особенною извѣстностью пользовался и считался образцовымъ иммунитетъ, полученный Велеградскимъ монастыремъ, такъ что «льготы велеградскія» потомъ прямо давались другимъ церковнымъ корпораціямъ. Велеградская грамота (сохранилась въ оригиналѣ 1228, но первоначальный дипломъ, которому послѣдній служитъ подтвердительнымъ, относится ко времени 1202 —

1222 г.), какъ типъ иммунитета начала XIII в., можетъ служить для характеристики этого учрежденія.

Авторъ здѣсь подробно перечисляетъ льготы, данныя Велеградскому монастырю; мы упомянемъ ихъ вкратцѣ: 1) Освобожденіе отъ даней и платежей; 2) отъ земскихъ повинностей; 3) поступленіе въ пользу монастыря имущества лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ — на свѣтскомъ и королевскомъ судахъ; 4) вызовъ къ суду людей церковныхъ (или монастырскихъ) не иначе какъ черезъ монастырскаго приказчика; 5) наказаніе за оскорбленіе дѣйствіемъ духовнаго лица; 6) запрещенье королевскимъ ловчимъ и псарямъ ночевать въ монастырскихъ селахъ; 7) то же относительно пановъ; 8) о безпошлинномъ провозѣ предметовъ, идущихъ для нуждъ монастырскихъ.

Итакъ государи, въ сущности, не освобождали населеніе отъ военной повинности и земскихъ работъ, а только передавали распоряженіе ими въ руки церковныхъ корпорацій и землевладѣльцевъ. Затѣмъ рѣшеніе болѣе важныхъ дѣлъ относилось къ юрисдикціи дворцоваго вѣдомства.

Такимъ образомъ, государи ставили церковныхъ землевладѣльцевъ *въ положеніе органовъ областного управленія*. Если они при этомъ теряли нѣкоторую часть доходовъ, то за то создавали разницу между высшей и низшей юрисдикціей и положили начало централизаціи, относя извѣстныя дѣла къ компетенціи дворцовыхъ судей.

Томекъ справедливо старался объяснить возникновеніе иммунитетовъ условіями мѣстной жизни. Выясняя характеръ отношеній каштеляновъ и областныхъ чиновниковъ къ населенію, онъ видитъ въ иммунитетахъ мѣру къ огражденію интересовъ жителей отъ притѣсненій и грабительства должностныхъ лицъ. Допуская, что нѣкоторые государи (напр. Собѣславъ II, см. на стр. 55) могли руководствоваться такими соображеніями, г. Ясинскій вообще противъ объясненія г. Томка и видитъ въ развитіи этого явленія другіе мотивы. Такъ какъ областные правители бывали виновниками многихъ смутъ въ странѣ, то государи чув-

ствовали де потребность ограничить ихъ власть и создать имъ *противовѣсъ*. И вотъ чешскіе государи, какъ высшіе собственники церковныхъ (и монастырскихъ) земель и имѣя въ своемъ распоряженіи назначеніе на должности прелатовъ и проч., пользуются церковными корпораціями (передавая имъ часть областной администраціи) «въ дѣлѣ укрѣпленія своей власти и положенія въ странѣ».

Разсмотрѣвъ характеръ иммунитетовъ и причины, вызвавшія ихъ поощреніе со стороны высшей власти, авторъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи этого установленія. Въ чешской исторіографіи господствуетъ убѣжденіе, что иммунитетъ — иностранное учрежденіе, способствовавшее упадку чисто-славянскихъ порядковъ въ странѣ. Авторъ приводитъ мнѣнія Палацкаго, Дудика, Челяковскаго, которые всѣ отрицаютъ самобытность иммунитета и видятъ въ немъ проводникъ иноплеменныхъ началъ, чуждыхъ правовыхъ обычаевъ и нормъ... Такое мнѣніе о вліяніи иммунитетовъ г. Ясинскій не считаетъ возможнымъ принять «по крайней мѣрѣ для XII — XIII в.», прибавляетъ онъ (см. стр. 161). Но эта оговорка или ограниченіе для насъ не совсѣмъ понятны: рѣчь идетъ не объ извѣстной ограниченной эпохѣ, а о государственномъ развитіи Чехіи вообще; если допустить, что иммунитеты имѣли такое вліяніе и такія послѣдствія въ болѣе позднее время, то надо признать, что это было въ ихъ природѣ и характерѣ: вліяніе и роль ихъ были одинаковы съ самаго начала, — только они были сперва не такъ замѣтны и ощутительны. Тутъ не можетъ быть никакого третьяго рѣшенія!

Далѣе указываетъ онъ, что въ большинствѣ случаевъ въ иммунитетахъ судъ областныхъ правителей замѣнялся судомъ государя и его представителями; а населеніе, при переходѣ юрисдикціи въ руки церковнаго землевладѣльца, имѣло право обжаловать дѣло въ судѣ областномъ. Наконецъ выдвигается и то, что право, которое является въ иммунитетныхъ грамотахъ, есть всетаки *земское право — обычное* чешское право, на что есть и прямыя указанія въ источникахъ.

«Что же касается самой формы изучаемаго учрежденія», продолжаетъ авторъ (разумѣя, что ранѣе рѣчь шла о самой его сути, т. е. принципѣ изъятія части населенія отъ подчиненія общему правовому положенію), то «нѣтъ основанія считать ее заимствованной у нѣмцевъ или другого народа», ибо все де въ иммунитетахъ объясняется мѣстными условіями. Должно принять во вниманіе, что типъ чешскаго иммунитета опредѣлился лишь во 2 четверти XIII в., и первые иммунитеты отличались большимъ разнообразіемъ, что̀ тоже говоритъ въ пользу самобытности, ибо при заимствованіи иммунитетъ съ самаго начала явился бы съ вполнѣ опредѣленными формами. Наконецъ — послѣднимъ сильнымъ, по мнѣнія автора, аргументомъ для него служитъ то, что *однородное съ иммунитетомъ учрежденіе* мы видимъ въ Московскомъ государствѣ XV в., котораго строй слагался болѣе самобытно и «во всякомъ случаѣ безъ вліянія западно-европейской культуры».

По мнѣнію автора, сравненіе чешскихъ иммунитетовъ съ *московскими жалованными грамотами* можетъ заставить воздержаться отъ поспѣшныхъ заключеній о заимствованіи. Дѣло въ томъ, что въ нихъ почти всегда встрѣчаемъ освобожденіе отъ разныхъ повинностей. Въ подтвержденіе приводится рядъ примѣровъ изъ такихъ московскихъ грамотъ, который заставляетъ заключить, что «кажется, не останется въ чешскихъ иммунитетныхъ грамотахъ ни одного пункта, которому не имѣется соотвѣтственнаго и однороднаго по содержанію въ московскихъ жалованныхъ...» Мы готовы признать, что такое сопоставленіе любопытно и имѣетъ значеніе, но въ виду важности и существенности вывода, который авторъ дѣлаетъ изъ этого сравненія и которымъ опредѣляется весь результатъ его изслѣдованія, этотъ вопросъ объ аналогичности и однородности явленій въ Чехіи XII в. и въ Московскомъ государствѣ XV в. долженъ бы былъ быть изслѣдованъ внимательнѣе и глубже, именно въ отношеніи къ самобытности московскихъ иммунитетовъ, и едва-ли можно было ограничиться догматическимъ заявленіемъ, что въ русскомъ

государственномъ строѣ XV в. не могло быть никакихъ чуждыхъ вліяній...

Итакъ, руководствуясь своимъ сопоставленіемъ, г. Ясинскій рѣшительно высказывается въ пользу самобытности иммунитетовъ у всѣхъ народовъ при наличности извѣстныхъ условій. Но до сихъ поръ была рѣчь лишь объ иммунитетахъ, предоставляемыхъ церковнымъ корпораціямъ. Что же касается иммунитетовъ, выдаваемыхъ *частнымъ лицамъ*, то таковые относятся къ болѣе позднему времени (не ранѣе начала XIII в.)[1]). При всей скудости грамотъ XIII в., можно все-таки опредѣлить характеръ и особенности частныхъ иммунитетовъ. Большая часть сохранившихся подобныхъ грамотъ относится къ Моравіи, изъ чего авторъ заключаетъ, что привиллегированное землевладѣніе особенно успѣшно развивалось въ Моравіи. Оказывается, что паны, подражая королямъ, освобождали пожертвованныя ими сёла отъ подсудности представителямъ ихъ же помѣщичьей юрисдикціи, отъ всякихъ платежей и повинностей.

При всей бѣдности содержанія иммунитетныхъ грамотъ частныхъ лицъ въ Чехіи (сравнительно съ моравскими церковными, въ нихъ главнымъ образомъ мы видимъ освобожденіе отъ повинностей), мы однако-же усматриваемъ въ нихъ опредѣленную мысль или особый характеръ: государи XIII в. не даромъ отступали въ нихъ отъ практики своихъ предшественниковъ. Передача правъ областныхъ чиновниковъ въ руки землевладѣльцевъ-прелатовъ не была опасна для власти государя по вышеотмѣченнымъ причинамъ. Но иное дѣло было съ иммунитетами частныхъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, такъ какъ ихъ составъ опредѣлялся обычаемъ наслѣдованія, а не волею государя, и полагаться на нихъ было труднѣе. Да и пользованіе иммунитетами отдѣльными фамиліями въ цѣломъ рядѣ поколѣній могло создать

1) Въ примѣч. на стр. 164 авторъ оспариваетъ утвержденіе Томка относительно одной грамоты, заставлявшей относить иммунитеты частныхъ лицъ уже къ XII в. Во всякомъ случаѣ и примѣръ характеренъ и толкованіе г. Ясинскаго любопытно.

традиціи и привязанность населенія. Если государи и имѣли нѣкоторое вліяніе на этотъ классъ путемъ раздачи королевскихъ имуществъ, то во всякомъ случаѣ они не могли ручаться за вѣрность дѣтей и наслѣдниковъ одаренныхъ. Итакъ относительно высшей шляхты, пановъ — нашъ авторъ приходитъ къ такому общему выводу. До установленія единодержавія они пользовались смутами и отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи для воздѣйствія на общественно-политическія дѣла. А съ начала XIII в. они стали постепенно пріобрѣтать права полной собственности (т. е. надъ выслугами), освобожденіе отъ повинностей и право суда надъ населеніемъ (однакожъ это очень рѣдко въ Чехіи!) и «становились такой силой, которая могла произвести въ странѣ измѣненіе общественно-политическаго строя въ свою пользу». На этомъ и оканчивается эта глава о власти государя и о положеніи знати. Общій результатъ таковъ, что до XIII в. власть чешскаго государя остается во всей своей полнотѣ и силѣ, но что обнаруживаются однако во внутренней жизни страны такія явленія, которыя заставляютъ государей думать объ укрѣпленіи своей власти: съ одной стороны они прибѣгаютъ къ нѣмецкой колонизаціи въ матеріальномъ расчетѣ, а съ другой — къ иммунитетной системѣ въ видахъ парализованія значенія и власти областныхъ правителей, — системѣ, которая возникаетъ и развивается, впрочемъ, вполнѣ самобытно и естественно. Но какъ покровительство иноземной колонизаціи въ извѣстномъ отношеніи ослабляло народныя силы и подготовляло опасный кризисъ, такъ и въ отношеніяхъ государя къ знати и въ развитіи иммунитетовъ оказывается невыгодная сторона: они помогаютъ высшей шляхтѣ, панамъ пріобрѣсти силу, способную постепенно привести (а впослѣдствіи и приводящую) къ существенному измѣненію общественнаго строя и къ ограниченію въ свою пользу государевой власти.

Очевидно, эти выводы г. Ясинскаго, основанные на обстоятельномъ изслѣдованіи, должны быть признаны важными и цѣнными. Обоснованіе правильнаго взгляда на власть государя до

XIII в., изслѣдованіе о «выслугахъ» и «иммунитетахъ»—его положительная заслуга, хотя мы и не можемъ считать особенно послѣдняго вопроса вполнѣ удовлетворительно рѣшеннымъ или исчерпаннымъ.

Съ точкой зрѣнія автора на *иммунитеты,* какъ на плодъ органическаго и самобытнаго развитія, мы не можемъ согласиться, хотя и мы далеки отъ мысли видѣть въ нихъ простое, какъ-бы механическое заимствованіе или перенесеніе чужого порядка на чешскую почву. Несомнѣнно, въ областной жизни Чехіи, въ отношеніяхъ къ ней власти государя и во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ классовъ общества были такія явленія и условія, которыя способны были побудить государей къ нѣкоторымъ нововведеніямъ и мѣрамъ для огражденія ихъ правъ и интересовъ и укрѣпленія ихъ власти, и мѣры эти имъ до нѣкоторой степени подсказывались, вѣроятно, самою жизнью и существовавшими въ ней теченіями и наклонностями, но мы рѣшительно сомнѣваемся, чтобъ такое установленіе, какъ иммунитеты, могло *самобытно* возникнуть на чешской почвѣ, именно подъ вліяніемъ такихъ государственныхъ потребностей и цѣлей... Для ограниченія власти и юрисдикціи областныхъ правителей могли найтись болѣе прямыя средства въ постепенной централизаціи управленія и расширеніи юрисдикціи королевскихъ чиновниковъ. Надо думать, что иммунитетъ былъ скорѣе фактомъ, возникшимъ независимо отъ прямыхъ государственныхъ или государевыхъ нуждъ, но такимъ, съ которымъ приходилось считаться и изъ котораго государи старались даже извлечь для себя пользу. Очень вѣроятно, что они (особенно въ первое время) видѣли въ иммунитетахъ для себя довольно выгодный противовѣсъ значенію и власти областныхъ правителей, и потому поощряли ихъ. Сами же землевладѣльцы (и церковныя корпораціи, и частныя лица) не могли, конечно, не дорожить подобными правами, дававшими имъ и власть, и независимость. Но могла — замѣтимъ мы еще отъ себя — въ этомъ развитіи иммунитетовъ быть еще другая причина. Мы знаемъ объ обычаѣ даренія земель и доходовъ

съ нихъ монастырямъ и лицамъ и проч. небольшими клочками въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ и концахъ страны, такъ что эти землевладѣльцы (церкви, монастыри, лица, потомъ грады и замки) владѣли недвижимостями чрезвычайно разбросанными (въ различныхъ областяхъ). Это обстоятельство и побуждало ихъ особенно добиваться освобожденія ихъ земель и ихъ зависимаго населенія отъ мѣстной областной юрисдикціи и земскаго управленія для объединенія и сосредоточенія управленія ими въ своихъ рукахъ, что́ представляло большое удобство и преимущество и считалось стремленіемъ естественнымъ и безвреднымъ. Но какъ бы то ни было, мы не считаемъ возможнымъ признать, чтобъ иммунитетъ, какъ факторъ и важный моментъ въ разложеніи земскаго строя, возникъ первоначально и непосредственно на славянской (чешской) почвѣ и былъ самобытнымъ ея продуктомъ... Это не есть нѣчто неизбѣжное и органическое въ извѣстномъ фазисѣ государственнаго развитія вообще, а есть нѣчто болѣе типическое (въ смыслѣ народно-культурномъ)... Иммунитеты выросли на западѣ, пустили тамъ корни, и были извѣстны конечно и въ Чехіи (высшимъ сферамъ, примкнувшимъ къ западно-европейской культурѣ) еще до возникновенія въ ней условій и потребностей, вызвавшихъ ихъ примѣненіе. Мы убѣждены, что именно римская церковь со своимъ на западѣ вполнѣ установившимся правовымъ строемъ и обычаями была главнымъ иниціаторомъ и проводникомъ въ прививкѣ многихъ юридическихъ установленій и формъ западно-славянскимъ государственнымъ организмамъ, въ данномъ случаѣ — *системы иммунитетовъ*. Не даромъ прежде всего эта система стала примѣняться къ церковному землевладѣнію. Къ сожалѣнію, какъ мы уже отмѣчали выше, нашъ авторъ не посвятилъ должнаго вниманія этому фактору, т. е. вліянію римской церкви въ развитіи соціально-политическихъ отношеній Чехіи, и въ «паденіи земскаго строя». Что касается сопоставленія иммунитетовъ чешскихъ съ московскими жалованными XV в., то слѣдовало, вмѣсто голословнаго утвержденія самобытности послѣднихъ, вникнуть въ вопросъ о ихъ

происхожденіи, и тогда, быть можетъ, еслибъ и оказались аналогіи, то едва-ли въ смыслѣ воззрѣнія автора о самобытности...

Въ слѣдующемъ послѣ V главы «*Заключеніи*» мы, вопреки ожиданію, не находимъ обсужденія въ связи и въ цѣломъ запявшихъ автора вопросовъ и результатовъ его изслѣдованія, а между тѣмъ такое обсужденіе можетъ быть привело бы автора къ сознанію нѣкоторыхъ существенныхъ пробѣловъ въ исполненіи поставленной задачи (на которые мы отчасти уже имѣли случай указать) и необходимости ихъ пополнить.

Вмѣсто того, заключеніе посвящено дополнительному изслѣдованію частныхъ вопросовъ, стоящихъ въ ближайшей связи съ темами первыхъ двухъ главъ. Первый изъ этихъ вопросовъ, именно о причинахъ, побуждавшихъ зависимыхъ людей, сохранившихъ свободу личности и право перехода, оставаться въ положеніи зависимости, мы включили въ наше изложеніе I-ой главы. Результаты разбора второго — *о зависимыхъ шляхтичахъ* передадимъ вкратцѣ здѣсь. Авторъ находитъ, что тѣ-же причины, которыя повліяли на судьбу дѣдичей, обращавшихся въ зависимыхъ людей, оказали вліяніе и на судьбу *шляхтичей*. Многія лица этого послѣдняго класса, будучи стѣснены въ своихъ малыхъ помѣстьяхъ, принуждены были искать хлѣба на сторонѣ и стали въ ряды зависимыхъ людей. Они не могли перейти въ положеніе цензуаловъ, но образовали особый классъ зависимой шляхты. Какъ видно изъ Косьмы Пражскаго, таковая существовала уже въ XI вѣкѣ. Въ это время у пановъ были уже свои отряды изъ этихъ шляхтичей. То-же видимъ и въ извѣстіяхъ XII в. Такихъ зависимыхъ шляхтичей имѣлъ при себѣ не только епископъ, но даже и государи (въ XIII в.). Эти факты даютъ возможность рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ употреблялось въ источникахъ XII в. слово *жупанъ* (comes). Оказывается, что это слово примѣнялось къ тѣмъ, у кого была вооруженная свита, отрядъ зависимыхъ шляхтичей. Для обозначенія послѣднихъ въ источникахъ XII и XIII в. употребляется цѣлый рядъ терминовъ (которые здѣсь приводятся).

Далѣе авторъ характеризуетъ матеріальное положеніе зависимыхъ шляхтичей: за свою службу они получали села и землю во владѣніе, но это было въ большинствѣ случаевъ лишь пользованье, и лишь изрѣдка на правахъ собственности. Владѣніе обусловливалось обыкновенно самою службою патрону и его наслѣдникамъ. Съ прекращеніемъ службы утрачивалось и право на владѣніе. По этому поводу авторъ даетъ весьма правдоподобное объясненіе одной грамоты 1197 года въ смыслѣ высказаннаго имъ взгляда. Шляхтичи, пользуясь доходами съ земель, имъ предоставляемыхъ, обязаны были исправно нести военную службу; но въ случаѣ отдаленныхъ, заграничныхъ походовъ, имъ не хватало средствъ, и они получали еще денежное вспомоществованіе. На этомъ основаніи можно думать, что связь между зависимой шляхтой и панами была личнаго характера; ихъ право на владѣніе землей прекращалось, если патронъ умиралъ, или имѣніе переходило въ другія руки. Нужда заставляла многихъ представителей земской шляхты итти въ этотъ классъ, а въ странѣ постепенно создавался «классъ лицъ, услугами которыхъ не замедлили воспользоваться въ своихъ интересахъ богатые землевладѣльцы». Этимъ авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе, и въ заключеніе повторяетъ, «подводя ему итоги», уже извѣстный намъ свой выводъ о «самобытномъ развитіи общественнаго и государственнаго строя въ Чехіи въ теченіе земскаго періода» и о томъ, что переходъ къ новому «обусловливался не вліяніемъ нѣмецкаго права, а нуждами и потребностями, самостоятельно возникшими и созрѣвшими въ нѣдрахъ чешскаго государства».

Оцѣнивая отдѣльныя главы работы г. Ясинскаго, мы до сихъ поръ приходили къ одному и тому-же заключенію, что его собственныя изысканія и положенія не могутъ оправдать его только-что приведенной общей мысли или вывода. Намъ остается еще установить, нѣтъ ли вѣскихъ и убѣдительныхъ въ ея пользу данныхъ и доводовъ въ разобранной (V-ой) главѣ — о власти государя и положеніи знати.

Выше, по поводу изслѣдованія автора о зависимыхъ людяхъ и образованіи классовъ населенія, мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ на процессъ постепеннаго соціальнаго преобразованія и измѣненія общественно-политическихъ формъ, обусловливающихъ ростъ и развитіе государственнаго организма: что именно опредѣляющимъ и рѣшающимъ въ немъ моментомъ являются не естественно и самостоятельно возникающія въ народной массѣ потребности, нужды и интересы, какъ это представляетъ себѣ г. Ясинскій, а главнымъ образомъ та реальная, дѣятельная и власть имѣющая сила, располагающая и правомъ и моральнымъ авторитетомъ, которая воплощается въ особѣ главы государства (или племеннаго союза) и въ примыкающемъ къ нему высшемъ слоѣ народа,—что, однимъ словомъ, толчекъ и направленіе въ этомъ процессѣ дается не снизу, а сверху... Въ послѣдней главѣ своей книги нашъ авторъ весьма ясно и отчетливо охарактеризовалъ неослабѣвающую въ XI—XII в. власть и силу государей чешскихъ, ихъ неограниченный авторитетъ и иниціативу во всѣхъ сферахъ внутренней и внѣшней жизни, а этимъ онъ, разумѣется, только утверждаетъ насъ въ нашемъ воззрѣніи. Не болѣе говорятъ въ пользу правильности его точки зрѣнія и другія разобранныя имъ въ этой главѣ явленія. Объ иммунитетахъ мы уже высказались выше. Что же касается постепеннаго усиленія знати, пріобрѣтенія ею привиллегій и сложенія въ особое сословіе, стремящееся къ ограниченію въ свою пользу власти государя, то и къ этому процессу мало примѣнимы понятія самобытности и органическаго развитія. Во-первыхъ, онъ въ началѣ обусловливается преимущественно нуждами и интересами самой высшей власти, а затѣмъ всей внутренней политикой государей, во-вторыхъ, онъ происходитъ несомнѣнно подъ рано начавшимся вліяніемъ идей и культурно-историческаго міровоззрѣнія сосѣдняго германскаго и вообще западно-европейскаго міра, гдѣ раздѣленіе общества на классы и обособленіе высшей шляхты или знати въ привиллегированное сословіе, призванное дѣлить власть съ государемъ и совмѣстно управлять и

опекать низшіе классы, т. е. народъ, — было типичнымъ и характернѣйшимъ признакомъ его соціальнаго строя.

Итакъ, всѣ разобранные г. Ясинскимъ моменты и факторы въ преобразованіи общественнаго и государственнаго строя, или, иначе говоря, въ «паденіи земскаго строя», были обусловлены не столько дѣйствительными потребностями и интересами жизни самого народа, сколько стремленіями и тенденціями высшей власти и ея пособниковъ, а также силою внѣшнихъ культурныхъ и политическихъ вліяній, а потому они, по крайнему нашему разумѣнію, безсильны для обоснованія теоріи о самобытномъ и органическомъ развитіи... Но мы не разъ уже указывали, что авторъ почему-то ограничилъ произвольно свой кругозоръ и почти оставилъ въ сторонѣ не разобранными и неоцѣненными именно тѣ элементы и факторы въ занимающемъ насъ процессѣ, которые преимущественно заключали въ себѣ столь умаляемую имъ силу внѣшнихъ чужеземныхъ вліяній. Между тѣмъ, разъ онъ хотя «до извѣстной степени» допускаетъ такія вліянія, ему обязательно слѣдовало обратить равномѣрно вліяніе и на то, въ чемъ наиболѣе сказывалось и что наиболѣе служило проводникомъ этихъ культурныхъ и соціальныхъ воздѣйствій и теченій со стороны того культурнаго міра, къ которому Чехія такъ тѣсно примкнула.

Мы разумѣемъ тутъ весьма рано начавшуюся нѣмецкую колонизацію, могущественныя въ общественной и народной жизни торговыя отношенія и связи съ чужеземцами, открывшія путь нѣмецкому праву въ Чехію, затѣмъ въ особенности — римскую церковь съ ея строемъ, установленіями и совершенно обособленнымъ классомъ ея служителей — духовенствомъ, наконецъ связанную съ ней латино-нѣмецкую образованность и литературу, которыя не могли не быть также могучими проводниками западноевропейскихъ идей, понятій нравовъ и вообще культуры. Съ обращеніемъ къ Римской церкви, съ развитіемъ разнородныхъ сношеній съ сосѣдями, со вступленія Чехіи такъ сказать въ политическое русло западной Имперіи — всѣ эти явленія и факторы

стали развиваться и укореняться, получая вмѣстѣ съ тѣмъ поддержку со стороны верховной власти.

Если государи, какъ мы видѣли, нуждались въ сильномъ войскѣ для обороны страны и для выполненія своихъ обязательствъ передъ Имперіей и, руководствуясь примѣромъ запада, создали классъ людей обязанныхъ военною повинностью, чѣмъ способствовали образованію шляхты; если они для личной своей безопасности и ради вящшяго престижа и блеска окружили себя придворными должностными лицами, которыми затѣмъ стали пользоваться для цѣлей централизаціонныхъ, для изъятія извѣстныхъ вѣдомствъ и цѣлыхъ территорій (иммунитетныхъ) изъ-подъ областной юрисдикціи; если они рядомъ мѣропріятій (особенно привиллегіями) старались подорвать власть областныхъ правителей, и тѣмъ способствовали разложенію областной или градской организаціи, — то точно такъ-же они же, ради своихъ интересовъ (укрѣпленія власти и увеличенія средствъ), стали поощрять нѣмецкую колонизацію, и рядомъ съ тѣмъ чужеземную торговлю и промышленность, а позже созданіе новаго мѣщанскаго сословія въ городахъ на нѣмецкомъ (или выработанномъ на нѣмецкой основѣ) правѣ; наконецъ, точно такъ же имъ, чешскимъ государямъ, обязана въ значительной степени своей ролью, вліяніемъ и силою *католическая церковь* съ ея могущественными представителями и учрежденіями (монастырями, потомъ духовными орденами и т. д.). Тутъ служили у нихъ побужденіемъ во-первыхъ сильно развитое религіозное чувство и усердіе, заставлявшее ихъ одарять церкви и монастыри, въ чемъ ихъ примѣру слѣдовали и частныя лица изъ шляхты и крупныхъ землевладѣльцевъ, а потомъ и мелкіе; земли отдавались во «спасеніе души» владѣльцевъ-патроновъ и ихъ потомства и назывались (какъ и люди, отдаваемые на тѣхъ же основаніяхъ) «задушными». А во-вторыхъ къ тому-же побуждалъ ихъ и собственный интересъ главныхъ собственниковъ и наслѣдниковъ (по выморочному праву) всѣхъ такихъ церковныхъ владѣній: государь при такихъ дареніяхъ сохранялъ свои верховныя права собственности и распо-

ряженія надъ церковными землями, которыя даже числились въ вѣдѣніи королевской казны, хотя управленіе ими было мало-помалу предоставлено церковнымъ корпораціямъ. Такимъ путемъ неизмѣримыя земельныя территоріи попали въ руки церкви и духовенства. Хотя до XIII в. верховныя права государя на церковныя имущества и не подвергались сомнѣнію, и уступки дѣлались лишь въ дѣлѣ управленія ими, но уже въ XII в. замѣтна нѣкоторая перемѣна въ отношеніи къ этому предмету государя и правительственной власти, ибо съ одной стороны государственную казну и страну истощаетъ такая щедрая передача земель во владѣніе церкви и духовенства, а съ другой стороны становится явнымъ стремленіе римской куріи всячески прибрать къ рукамъ эти богатства и ихъ эксплоатировать. Но положеніе уже вполнѣ обостряется въ XIII в., когда въ Римской церкви начинается великое движеніе, и римская курія начинаетъ усиленно вторгаться во внутреннія церковныя дѣла и традиціонныя отношенія. Навязываются реформы (какъ безбрачіе), и постепенно нарушаются права патроновъ церковныхъ земель, и прежде всего самого государя. Налагаемыя папой десятины скоро обращаются въ постоянную правильную дань, а имущества монастырей и другихъ корпорацій объявляются имуществомъ церкви, т. е. Рима и объектомъ его обложеній. Разумѣется, государи не могутъ сразу сойти съ своей точки зрѣнія на церковныя имущества и поступиться своими правами. Но въ концѣ концовъ они вынуждены уступать въ этой борьбѣ. Подъ вліяніемъ папской куріи развиваются и церковныя привиллегіи. Притязанія церковныхъ корпорацій въ этомъ отношеніи энергически поддерживаются Римомъ, и этимъ объясняется широкая и щедрая раздача иммунитетныхъ правъ, освобождающихъ населеніе епископскихъ и монастырскихъ земель отъ юрисдикціи областной и земской. Государи нехотя уступаютъ притязаніямъ Рима, но дѣло не обходится безъ борьбы. Нечего и говорить, какую важную и существенную роль должна была играть при такихъ условіяхъ римская церковь съ ея строемъ и правами въ развитіи соціальныхъ

отношеній и государственности въ Чехіи. Очень жаль, что г. Ясинскій не посвятилъ этому вопросу особеннаго разслѣдованія, какъ это сдѣлалъ г. Липпертъ въ своемъ новомъ трудѣ, отведя «соціальному вліянію христіанско-церковныхъ организацій» цѣлую половину II-го тома [1]). Но вліяніе церкви не исчерпывается сказаннымъ [2]). Мы уже упоминали, что она же съ ея духовной литературой и латинствомъ — проводникъ западно-европейской образованности и культуры, а вмѣстѣ и германизаціи, тѣмъ болѣе, что нѣмецкій элементъ былъ очень сильно представленъ въ высшемъ духовенствѣ тѣхъ раннихъ вѣковъ. Нашъ авторъ повидимому придаетъ слишкомъ мало вѣса и значенія такимъ культурнымъ вліяніямъ въ сферѣ общественнаго и государственнаго развитія. Но, говоря о важномъ и существенномъ вліяніи германскаго міра и нѣмецкой національности въ соціально-государственномъ развитіи Чехіи, и въ частности въ процессѣ «паденія земскаго строя», ни мы, ни другіе отнюдь не думаемъ непремѣнно о прямыхъ заимствованіяхъ и пересадкѣ на чешскую почву нѣмецкихъ учрежденій и правовыхъ формъ. Тутъ разумѣются по преимуществу вліянія совсѣмъ иного порядка, гораздо болѣе тонкія и неуловимыя, которыя воспринимаются безсознательно и незамѣтно. Вліяли духъ и характеръ жизни и учрежденій, міровоззрѣніе, понятія, вкусы, проникавшіе въ общественную и частную жизнь Чеховъ изъ сосѣдняго нѣмецкаго міра. Постоянныя многоразличныя сношенія съ Германской имперіей, сожительство съ нѣмцами — и пограничными, и колонизующими края и города Чехіи — не могли не отражаться на складѣ понятій и привычекъ чешскаго общества (особенно придворныхъ сферъ и высшаго класса), направляли ихъ вкусы и симпатіи въ извѣстную сторону, и такимъ путемъ, при особенно усердномъ содѣйствіи церкви,

1) Lippert, Social-Geschichte Böhmens. II. 1. Der sociale Einfluss der christlich-kirchlichen Organisationen, стр. 1—124.

2) Не забудемъ, напр., сильное поощреніе церковью (монастырями) нѣмецкой колонизаціи, а также стремленіе церкви приготовить себѣ союзниковъ въ знати, усиленіе которой на счетъ власти государя было въ ея интересахъ.

духовенства, а также литературы, прививались обществу собственно чуждые славянской жизни и характеру соціальныя понятія, принципы и взгляды на государственныя и церковныя отношенія. А между тѣмъ эти принципы и понятія опредѣляли то направленіе, въ которомъ по иниціативѣ государя — сперва подъ вліяніемъ его нуждъ и стремленій и въ интересахъ его власти, а въ концѣ концовъ въ ущербъ его самодержавію и независимости — совершалось пересозданіе стараго земскаго строя въ сословно-привиллегированное государственное устройство западнаго типа[1]).

Но не соглашаясь рѣшительно съ общимъ выводомъ автора относительно самобытности развитія чешскаго государства и признавая въ немъ большое увлеченіе въ смыслѣ полнаго отрицанія общепринятаго взгляда, а въ основѣ его нѣкоторыя заблужденія, мы тѣмъ не менѣе, какъ это могъ видѣть читатель, готовы признать за нимъ большую заслугу въ разъясненіи и оцѣнкѣ сложныхъ и неясныхъ, благодаря скудости источниковъ, явленій и моментовъ внутренней соціальной исторіи Чехіи.

Намъ остается теперь подвести общій итогъ нашему разбору, формулировать по возможности кратко какъ главные недостатки и пробѣлы, такъ и положительныя стороны и достоинства интересной работы г. Ясинскаго.

Увлекшись чрезвычайно интересной, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне широкой и сложной темой, г. Ясинскій задумалъ обнять и осилить ее въ сравнительно небольшомъ разсужденіи. Послѣд-

---

1) Такое вполнѣ естественное и неотвратимое культурное вліяніе нѣмецкаго міра, въ сферу котораго былъ втянутъ молодой, только-что принявшій христіанское просвѣщеніе и мало культурный славянскій народъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду и Палацкій и другіе чешскіе историки. Если они, быть можетъ, нѣсколько увлекались, приписывая слишкомъ многое прямымъ заимствованіямъ и пересадкѣ нѣмецкихъ порядковъ, то не менѣе увлекся и г. Ясинскій въ сторону отрицанія всякихъ вліяній. На вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о культурныхъ вліяніяхъ въ правѣ и въ государственной жизни стоитъ, на нашъ взглядъ, Ѳ. Ѳ. Зигель въ статьѣ «Palacký jakožto historik slovanského práva» въ «Památník» юбилея Палацкаго, v Praze 1898, 499—517.

ствіемъ этой коренной ошибки явилось несоотвѣтствіе нѣсколько узкой постановки вопроса и ограниченности рамокъ изслѣдованія съ этой шириною и сложностью темы, и благодаря тому одностороннее ея трактованіе. Въ результатѣ получился и общій выводъ, вызывающій большія сомнѣнія и производящій впечатлѣніе скороспѣлости и нѣкоторой даже тенденціозности... Отчасти автору мѣшалъ углубиться во многіе частные, особенно правовые вопросы недостатокъ спеціально-юридической подготовки, важной для ихъ основательнаго рѣшенія. При всей научности метода автора въ работѣ надъ первыми источниками и въ пользованіи ими, нельзя не отмѣтить у него иногда излишней смѣлости въ обобщеніяхъ. Онъ склоненъ обобщать единичные случаи и факты, особенно когда они говорятъ въ пользу его мысли, не принимая въ расчетъ, что матеріалъ, которымъ онъ располагаетъ, отличается и скудостью и отрывочностью извѣстій, и трудно положиться на то, чтобъ онъ былъ надлежащимъ образомъ исчерпанъ по каждому вопросу. А между тѣмъ дѣло идетъ часто о вопросахъ темныхъ и спорныхъ, гдѣ возможно дѣлать много предположеній и гаданій, но гдѣ особенно нужна осторожность. Это очевидно чувствовалъ и самъ авторъ, обставляя очень ужъ часто свои выводы и положенія такими выраженіями, какъ «кажется», «повидимому», «вѣроятно»[1]), и тѣмъ выражая собственную въ нихъ неувѣренность. Здѣсь же считаемъ нужнымъ упрекнуть автора въ недостаточномъ примѣненіи сравнительнаго метода изслѣдованія, что̀ связано съ вообще не довольно у него широкой постановкой вопроса, тогда какъ тема представляла благодарное поле для такихъ сравнительныхъ наблюденій и сопоставленій какъ въ области вопросовъ славянскихъ древностей и исторіи, такъ и въ области культурныхъ вліяній запада и нѣмецкой народности на славянскія племена вообще. Довольно существеннымъ недостаткомъ изслѣдованія о «паденіи земскаго строя» должны быть признаны отмѣченныя нами не разъ значи-

1) См. стр. 37, 38, 43, 51, 53, 56, 72, 74, 81, 87, 97, 102, 112, 115 и т. д.

тельная неопредѣленность и неотчетливость понятій и представленій въ разсужденіяхъ автора, касающихся порядковъ и особенностей земскаго строя. Это есть слѣдствіе того, что онъ упустилъ случай отдать и себѣ и другимъ отчетъ въ главномъ предметѣ своего изслѣдованія и охарактеризовать его, т. е. земскій строй ясными и опредѣленными чертами. Произвольно суженныя рамки изслѣдованія и увлеченіе въ сторону извѣстнаго убѣжденія заставили нашего автора, какъ мы видѣли, пренебречь оцѣнкой нѣсколькихъ существенныхъ факторовъ въ процессѣ общественнаго и государственнаго развитія Чехіи, чѣмъ онъ и заслужилъ упрекъ въ односторонности. Такіе важные элементы и двигатели въ соціальной жизни, какъ нѣмецкая колонизація и торговыя связи въ сопутствіи нѣмецкихъ правовыхъ началъ съ одной стороны, и римская церковь съ ея организацій, культурными и просвѣтительными началами съ другой остались на заднемъ планѣ, неоцѣненными. Объ усиленной нѣмецкой колонизаціи съ XIII в., устройствѣ городовъ на нѣмецкомъ правѣ, о созданіи новаго мѣщанскаго сословія г. Ясинскій не говоритъ совсѣмъ, считая все это лежащимъ внѣ предѣловъ занимающаго его «земскаго» періода, но едва-ли онъ правъ и въ этомъ. Ограничивъ слишкомъ строго свое изслѣдованіе этимъ періодомъ, онъ обнаружилъ свою зависимость отъ предшественниковъ, которыхъ онъ опровергаетъ [1]), и поступилъ несообразно съ требованіями своей темы, ибо чтобъ имѣть возможность правильно и авторитетно судить о такомъ явленіи, какъ чужеземныя вліянія, и отрицать его силу,—надо его опредѣлить и выяснить тамъ, т. е. въ ту эпоху, когда оно вполнѣ ощутительно, и доказать, что оно было слишкомъ ничтожно или его совсѣмъ не было ранѣе; но г. Ясинскій этого

1) Эту коренную ошибку автора вѣрно отмѣтилъ г. Н. Ястребовъ, удѣляя нѣсколько замѣчаній труду г. Ясинскаго въ своей рецензіи на книгу (I томъ) г. Липперта въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. CCCX, 1897, № 4, стр. 491—513, и выразившись такъ (см. стр. 511): «...Принятая отъ противниковъ схема чешской исторіи связала изслѣдованіе г. Ясинскаго уже въ томъ отношеніи, что не позволила ему прослѣдить развивающіеся ряды общественныхъ явленій до ихъ завершенія».

не сдѣлалъ: онъ остановился въ своемъ изысканіи на томъ моментѣ, когда оспариваемыя имъ для «земскаго періода» германскія вліянія стали сказываться уже вполнѣ осязательными фактами. Говоря о пробѣлахъ въ исполненіи задачи авторомъ, не можемъ умолчать здѣсь еще объ одномъ элементѣ государственнаго развитія Чехіи, оставленномъ тоже безъ надлежащаго вниманія, о чемъ мы не имѣли случая сказать ранѣе. Мы разумѣемъ вопросъ о чешскихъ «сеймахъ» въ земскій періодъ. Признавая очевидно ихъ существованіе, авторъ къ сожалѣнію не счелъ нужнымъ удѣлить имъ нѣсколько болѣе вниманія въ главѣ о власти государя и о положеніи знати.

Но всѣ эти указанные нами недостатки и пробѣлы въ разобранномъ нами сочиненіи, при всей серіозности нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могутъ затмить его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ, его крупныхъ достоинствъ и отнять у него несомнѣнно значительную научную цѣнность. Мы уже выше, въ началѣ разбора, охарактеризовали вкратцѣ эти достоинства. Мы должны здѣсь вкратцѣ подтвердить и дополнить сказанное.

Работа г. Ясинскаго въ полной мѣрѣ самостоятельна и по замыслу, и по исполненію. Она основана на тщательномъ изученіи источниковъ, и эти источники, равно какъ и литература предмета исчерпаны, насколько авторъ, по обстоятельствамъ своимъ, могъ имѣть къ нимъ доступъ. Добросовѣстное отношеніе его къ своему матеріалу внѣ сомнѣнія. Изложеніе — систематическое и строго научное.

Основная мысль г. Ясинскаго, достаточно уже нами оцѣненная, представляетъ во всякомъ случаѣ новый и своеобразный взглядъ на исторію внутренняго соціальнаго и государственнаго развитія Чехіи ранняго (земскаго) періода. Если этотъ взглядъ и оказывается слишкомъ далеко идущимъ въ отрицаніи преобладающихъ воззрѣній и вдающимся въ противоположную крайность черезчуръ абсолютнымъ и исключительнымъ рѣшеніемъ вопроса въ извѣстномъ смыслѣ, то все-же онъ несомнѣнно плодотворенъ, давая этому интереснѣйшему вопросу новую постановку и новое освѣщеніе.

Нашъ авторъ послѣ Палацкаго, Томка и другихъ чешскихъ авторитетовъ въ новѣйшее время впервые внимательнѣе и глубже заглянулъ въ сложный процессъ внутренняго историческаго развитія чешскаго государства и сдѣлалъ попытку уразумѣть тѣ внутреннія причины, тѣ обстоятельства, отношенія и потребности, которыя обусловили то, а не иное развитіе чешскаго государственнаго строя въ XIII в., иначе говоря «историческую необходимость» постепеннаго превращенія «земскаго строя» въ «сословно-привиллегированный»,—и въ этомъ его неоспоримая заслуга. Если онъ увлекся въ своемъ конечномъ выводѣ объ органическомъ и самобытномъ соціальномъ развитіи Чехіи и въ своемъ слишкомъ рѣшительномъ отрицаніи того, чего отрицать невозможно, то это однако-жъ не мѣшаетъ намъ признать за его книгой значеніе труда, двигающаго науку впередъ по правильному въ своей основѣ пути. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ обслѣдованъ въ его книгѣ по первоисточникамъ и въ этихъ интересныхъ этюдахъ читатель находитъ множество новыхъ наблюденій, вѣскихъ замѣчаній и соображеній. Если многое въ нихъ остается еще спорнымъ и не довольно убѣдительнымъ, а иное слишкомъ мало обоснованнымъ, то все-же въ общемъ они расчищаютъ и прокладываютъ путь будущимъ изслѣдователямъ, которымъ придется — и послѣ капитальнаго труда г. Липперта—считаться съ толкованіями и мнѣніями г. Ясинскаго.

Признавая въ виду всего сказаннаго сочиненіе А. Н. Ясинскаго «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ» (X—XIII вв.), представленное имъ на соисканіе премій проф. А. А. Котляревскаго, «въ значительной степени отличающимся учеными достоинствами» и вполнѣ заслуживающимъ поощренія, я, на основаніи «Правилъ» о нихъ, счелъ бы справедливымъ присужденіе автору за названное сочиненіе половинной преміи.

Профессоръ **Константинъ Гротъ.**

11 августа 1898 г.

III.

Отзывъ о сочиненіи О. Пр. Тим. Дим. Флоринскаго «Лекціи по славянскому языкознанію. Часть II. Сѣверозападные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897».

Представленное на соисканіе премій Котляревскаго сочиненіе профессора Флоринскаго, будучи продолженіемъ представленнаго имъ ранѣе на Ломоносовскую премію и увѣнчаннаго ею въ половинномъ размѣрѣ труда, написано по тому же плану, какъ I-ая часть, и въ общемъ отличается тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками [1]).

Отъ обычнаго порядка изложенія авторъ отступаетъ здѣсь въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ тѣмъ, что не отводитъ особой главы для діалектологіи: это мы видимъ въ отдѣлѣ полабскаго языка (гдѣ, конечно, нечего и толковать о какихъ-либо говорахъ), а также и въ серболужицкомъ; въ кашубскомъ отдѣлѣ есть небольшая глава о говорахъ (стр. 559—560), но не на томъ мѣстѣ, да и въ лужицкомъ упоминается о говорахъ на стр. 585. Съ другой стороны мы въ настоящемъ томѣ находимъ нѣкоторое распространеніе первоначальнаго плана, а именно краткіе образцы

1) См. мой разборъ этой I-ой части въ Отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 году (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. LXVI).

разсматриваемыхъ языковъ и нарѣчій. (Не приводится лишь образцовъ языка полабскаго). Такое дополненіе можно считать не особенно удачнымъ: оно въ грамматикѣ не совсѣмъ умѣстно, а, по краткости приводимыхъ извлеченій, все-равно не замѣнитъ христоматіи.

Авторъ въ предлежащей намъ 2-ой части своихъ лекцій, еще болѣе объемистой нежели 1-ая, посвящаетъ сѣверозападному отдѣлу славянскихъ языковъ 703 страницы, причемъ отводитъ 219 страницъ чешской рѣчи, 125—словацкой, 203—польской, 35—кашубской, 103—серболужицкой и 14—полабской, послѣ чего слѣдуютъ 2 страницы Дополненій и поправокъ и 1½ страницы Опечатокъ.

Рецензентъ употребилъ здѣсь слово «рѣчь», вмѣсто стоящаго въ заголовкахъ разбираемой книги слова «языкъ», такъ какъ остается при убѣжденіи (высказанномъ въ первомъ разборѣ, стр. 4), что словацкій «языкъ» есть *нарѣчіе* словацко-чешскаго языка, кашубскій — *нарѣчіе* польскаго (или, точнѣе, кашубско-польскаго). Довольно подробныя (нѣсколько притомъ многословныя) разсужденія, коими теперь Ф. (стр. 232—239) старается доказать отдѣльность словацкой рѣчи отъ чешской, для меня нисколько не убѣдительны; да и самъ онъ высказываетъ на этотъ счетъ сомнѣніе, говоря, что «вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ данный (т. е. словацкій) языкъ въ семьѣ прочихъ славянскихъ языковъ, остается открытымъ» (стр. 221, 8—9) и что «окончательное рѣшеніе вопроса (о мѣстѣ словацкой рѣчи) въ ту, или другую сторону, конечно, впереди» (стр. 239, сер.); осторожно онъ выразился объ этомъ спорѣ и въ чешскомъ отдѣлѣ (35, 3—8), гдѣ мы читаемъ: «общераспространенное мнѣніе о существованіи такого тѣснаго родства между этими двумя языками (чешскимъ и словацкимъ), которое будто бы даетъ основаніе соединять ихъ уже въ историческую пору въ одну группу чешско-словенскую и позволяетъ разсматривать словацкій языкъ какъ нарѣчіе чешскаго языка, *едвали можно считать безусловно правильнымъ*». Продолжаю настаивать на томъ, что словацкая

рѣчь несомнѣнно ближе къ чешской, чѣмъ польская или серболужицкая, и что довольно многочисленныя особенности ея (перечисленныя у Ф-го на стр. 236, въ 16 пунктахъ) всѣ могутъ быть возведены, обыкновенно даже безъ дальнихъ справокъ, къ полному словацко-чешскому единству: такъ словацкія duša, -u, при чешскихъ duše, -i, предполагаютъ словацко-чешскія duša, -u, слов. moŕe, при чеш. moře—слов.-чеш. moŕe. Таковы и нѣкоторыя звуковыя черты, коими можно бы дополнить упомянутый перечень, а именно *ie* на мѣстѣ долгаго *e* (chlieb при чеш. chléb, стр. 254), ia при чеш. á (čiara, чеш. čára, 253), ú при чеш. ou (словац. и старочеш. súd при новочеш. soud), появленіе въ двухъ-трехъ словахъ предлога raz вм. roz, напр. rázcesty распутье. Затрудняюсь я нѣсколько только проясненіемъ ъ не въ одно *e*, но и въ *o*, напр. lož при чеш. lež; однако такое же соотношеніе между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ (влуж. rož, нижнелуж. reż), соединенное въ добавокъ съ замѣною ѧ черезъ ja, тогда какъ у нижнихъ лужичанъ ě: тутъ jazyk, hrjada, тамъ—jězyk, grěda (стр. 602, 11—7 снизу), не побуждаетъ Флоринскаго говорить объ отдѣльныхъ лужицкихъ языкахъ. Не прибѣгаетъ онъ также, изъ-за постояннаго *e* вм. ъ въ западнословацкой рѣчи (335, пунктъ 1), къ обособленію ея отъ восточной. Затрудняюсь еще, дѣйствительно весьма нерѣдкимъ, разногласіемъ между чехами и словаками относительно количества гласныхъ, однако не сомнѣваюсь, что и оно можетъ быть сведено къ древнему тождеству. За единство чешской и словацкой рѣчи говоритъ также отмѣчаемое самимъ Ф-мъ (212, прим.) обстоятельство, что авторъ Моравской діалектологіи, Бартошъ, нѣкоторые говоры относилъ сначала къ чешскому языку, а потомъ отнесъ къ словацкому—видно провести здѣсь границу трудно, или прямо невозможно. Что́ касается кашубской рѣчи, то доводы Рамулта (Stefan Ramułt, Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. W Krakowie 1893) о ея отдѣльности отъ польскаго языка, убѣдившіе Ф-го, мнѣ представляются слабыми; Бодуэнъ же де-Куртенэ, на коего онъ также ссылается, въ статьѣ «Кашубскій языкъ, народъ и вопросъ»

(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1897, апрѣль и май), вовсе не слегка исправляетъ взгляды Рамулта, а полемизуетъ съ нимъ: признавая, вслѣдъ за Бодуэномъ, что «степень родства польскихъ и кашубскихъ говоровъ болѣе или менѣе такова, какъ степень родства говоровъ верхнелужицкихъ и нижнелужицкихъ» (553, 6—8), Ф., выставляющій серболужицкій языкъ съ нарѣчіями верхнимъ и нижнимъ, долженъ бы говорить о кашубско-польскомъ языкѣ съ нарѣчіями собственно-польскимъ и кашубскимъ, причемъ разновидности собственно-польскаго языка, называемыя имъ теперь нарѣчіями, надо бы назвать говорами. Впрочемъ Ф. на той же страницѣ, гдѣ сначала вполнѣ одобрилъ «точку зрѣнія Рамулта съ... поправками проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ», сворачиваетъ въ сторону, говоря, «что ссылки на параллели между великорусскою и малорусскою рѣчью или верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіемъ едвали сюда подходятъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвращается къ самостойности словацкаго «языка» и съ его отношеніемъ къ чешскому сопоставляетъ отношеніе кашубскаго къ польскому (сопоставленіе правильное—невѣренъ лишь выводъ изъ него). Въ противуположность Ф-му я нахожу, что указанныя параллели безукоризненны: какъ рѣчи великорусская и малорусская очевидно представляютъ значительно обособившіяся части нѣкогда единаго русскаго языка, верхнелужицкій и нижнелужицкій—единаго серболужицкаго, что́ можно утверждать на основаніи многочисленныхъ общихъ признаковъ, противуполагающихъ ихъ другимъ славянскимъ языкамъ, такъ и рѣчи польская съ кашубской, а также, по сказанному выше, чешская со словацкой, свидѣтельствуютъ о существованіи нѣкогда единыхъ языковъ. На мой взглядъ даже и Бодуэнъ, сведшій характерныя особенности кашубской рѣчи къ тремъ только признакамъ, въ добавокъ обставленнымъ оговорками (Ж. М. Н. Пр., 1897, май, стр. 101), еще нѣсколько преувеличиваетъ ея самостойность: вѣдь твердые свистящіе вмѣсто мягкихъ и шепелеватыхъ—напр. dzeń, dac, zemja, sano, при польскихъ dzień, dać, ziemia, siano,—какъ они ни своеобразны (Ф. говоритъ, что

«они весьма характерны и особенно выдѣляютъ кашубскій языкъ въ ряду другихъ славянскихъ языковъ», 569, 7—6), вмѣстѣ съ ними восходятъ къ кашубско-польскимъ мягкимъ, но чисто-зубнымъ дз́, ц́, з́ и с́; вѣдь какое-нибудь mjaŕnǫc при польскомъ marznąć (содержащее по Ф-му черту, которая рѣзко отдѣлястъ кашубскіе говоры отъ польскихъ, 567—8) можно объяснять изъ кашубско-польскаго спряженія marznǫć-mirzńeš, предполагая у поляковъ проведеніе созвучія mar по всему глаголу, а у кашубовъ—сдѣлку между mar и mir. Остается одинъ только признакъ: ar вм. ro, напр. ɣarł какое-то растеніе = польск. chróst, рус. хворостъ [1]). Правда, Бодуэнъ могъ бы прибавить и четвертую характерную черту—смягченіе d не въ dz, а въ простое z (Бод., въ ук. м., 90): cezí при польскомъ cudzy, и даже пятую—такое же смягченіе g: noze при nodze, въ каковыхъ случаяхъ однако слѣдуетъ видѣть позднѣйшее упрощеніе созвучія dz, т. к. это созвучіе должно признать древнимъ, свойственнымъ единой сѣверо-западной славянщинѣ [2]). Вообще, если не считать загадочнаго ar, нѣтъ ни одной черты въ кашубской рѣчи, которая не возводилась бы съ полнымъ удобствомъ къ древнепольскому языку. Я увѣренъ, что это стало бы ясно и самому Ф-му, если бы онъ, какъ дѣлаетъ Бодуэнъ, постоянно сопоставлялъ кашубскія слова съ польскими; даже и теперь онъ иногда отмѣчаетъ между ними черты поразительной близости: сходство кашубскихъ юсовъ съ силезкими (563 вн.), сходство замѣнъ ѣ (565, п. 5), сходство относительно разширенія е въ ё (566, п. 12). Приведу здѣсь еще слова Бодуэна (Ж. М. 1897, май, 84, 4—6), что «точь въ точь такія же измѣненія, какія г. Рамултъ» (а вслѣдъ за нимъ Ф.) «считаетъ исключительнымъ признакомъ кашубской рѣчи, въ противоположность польской, попадаются тамъ и сямъ въ польской области» и укажу, какъ примѣръ этого, зебржидовскій

1) На счетъ a вм. o срв. соображенія Бодуэна, стр. 120—21.

2) Срв. у самого Ф-го: «серболужицкое z» (въ cuzy), «вѣроятно, образовалось изъ болѣе древняго dz, которое представляютъ польскій и словацкій языки», 619, 5—3. Также 623, сер. и 11—10.

(близъ Кракова) выговоръ v^{n}öjna при кашубскомъ vœjna (œ звучитъ вродѣ це). Затѣмъ считаю нужнымъ опротестовать ближайшее родство кашубскаго «языка» съ полабскимъ (690, 14—13), хотя, конечно, не отрицаю близость послѣдняго къ кашубскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ польскому; замѣчу притомъ, что Ф. здѣсь слѣдуетъ одному Гильфердингу, а не Гильфердингу и Шлейхеру: послѣдній только говоритъ, что кашубская рѣчь, а въ иныхъ отношеніяхъ и западно-польскія нарѣчія, повидимому, образуютъ переходъ отъ польскаго къ полабскому (Laut-und Formenlehre der Polabischen Sprache, S. 17, 21—24).

Выразивъ несочувствіе отдѣленію кашубской рѣчи отъ польской, я долженъ здѣсь же выразить одобреніе тому, что верхнее и нижнее нарѣчіе лужицкаго языка разсматриваются совмѣстно [1]). Однако употребляемые притомъ пріемы мнѣ не вполнѣ нравятся. Постоянное повтореніе буквъ В. Л. и Н. Л. пестритъ и печать, и рѣчь: лучше бы было говорить не обозначая этого особо, о верхнелужицкомъ нарѣчіи, оговаривая, гдѣ нужно, нижнелужицкія особенности: напр. bĕh (нл. bĕg), hić идти (нл. hyś); Ф. же и постояннаго порядка не установилъ, такъ что иногда, безо всякой причины, отводитъ первое мѣсто нижнелужицкой формѣ: напр. «śĕło (Н.Л.), ćĕło (В. Л.)», 603, 14 сн.

Признавая, какъ и относительно 1-го выпуска, что авторъ вообще соблюдаетъ должную мѣру и въ объемѣ, и въ способѣ изложенія, я однако нахожу, что онъ иногда впадаетъ во многословіе и лишнія повторенія. Къ чему, кромѣ парадигмъ, еще таблицы «характерныхъ окончаній»: стр. 113—119 (съ дополнительными замѣчаніями 119—122), 281—284, 444—447? Зачѣмъ перечислять (157, съ сер. до конца), понятно, не полностью, слова̀ слѣдующія образцамъ dobrý и pěší? Съ какой стати дѣлать (404—406) буквальную выписку изъ польской литературы Спасовича, на которую достаточно было сослаться? Къ чему повто-

1) Ф. самъ говоритъ, что у него «дается характеристика верхнелужицкаго и нижнелужицкаго нарѣчія параллельно съ тою цѣлью, чтобы яснѣе опредѣлились черты сходства и различія между обоими нарѣчіями» (591, вн.).

рять (427, 3—1) орѳографическое правило, проявляющееся въ написаніяхъ pić и pisi? Полезно ли въ томъ же польскомъ отдѣлѣ (430, сер.) излагать сохраненные поляками законы праславянскаго и донынѣ болѣе-менѣе общеславянскаго смягченія, при чемъ дѣйствительно своеобразное, какъ mniszy при староцерк. мънисн, drodzy при драгии, теряется въ массѣ другихъ примѣровъ? Нѣкоторыя явленія, отмѣченныя на стр. 105—6, какъ «смѣшеніе основъ», повторяются на 107, какъ «смѣшеніе падежей». Мнѣніе Ягича, что основная чешская замѣна ѧ есть не ′a, а ′ä, приводится и на стр. 61, прим., и на 63 вн. «Внѣшняя исторія литературнаго языка» у словаковъ (239—247) отчасти представляетъ повторенье «Изученія словацкаго языка» (220—225).

Относительно «словацкой абецеды» на стр. 248 повторяется сказанное выше о чешской, тогда какъ достаточно было бы указать на ея особенности. Звукъ ä (въ словацкихъ päť, sväzok) описывается три раза: стр. 248, 250 и 252, притомъ не совсѣмъ одинаково и отчасти странно: «ä обозначаетъ краткій двугласный звукъ», «старослав. ѧ соотвѣтствуетъ въ краткихъ слогахъ—ä (= двугласн. еа)». Чешское народное выраженіе na mou vieru приводится также три раза: 61 вн., 67 сер. и 68, 1 сн. О появленіи (у Чеховъ же) і на мѣстѣ ь говорится и на стр. 60, стрк. 9, и на 72, 11—9; о звукѣ ř—на 58, 14—13 и на 83—84.

Наряду съ излишествомъ видимъ, съ другой стороны, нѣкоторые пробѣлы. Нигдѣ не находимъ указанія на то, когда чешскія буквы r и l составляютъ слогъ—это, какъ извѣстно, бываетъ тогда, когда передъ ними согласная буква, а за ними нѣтъ гласной. Авторъ не отмѣчаетъ Пухмайеро-Катковскаго закона о соотношеніи между чешскимъ количествомъ и русскою акцентовкою плавно-чистыхъ созвучій: vrána — ворóна, bláto—болóто, bříza—берёза, но zlato—зóлото, dřevo—дéрево, о коемъ надо было сказать на стр. 77—78 или въ главѣ о количествѣ, 78—80. Приводя форму jesti вм. jest (стр. 176, 2), Ф. не отмѣчаетъ, что она употребляется не иначе какъ въ соединеніи jestit' и что она

представляетъ очевидное подражаніе велительнымъ вродѣ budiž рядомъ съ усѣченнымъ bud'. При словацкихъ числовкахъ tria, štyria (306, сер.) недостаетъ указанія на то̀, что это не простые дублеты къ tri, štyri, а личныя формы мужескаго рода. Не отмѣчено (стр. 614—15) Фортунатовскаго дополненія къ вышепомянутому закону, а именно отраженія его въ верхнелужицкой рѣчи: wróna, błóto—złoto, drjewo (Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen, A. f. sl. Phil., IV, 575—576). Срв. рец. I-ой части, стр. 6—7. Приводя параллели къ чешской перегласовкѣ *a* въ *e* (стр. 64, 13—10), Ф. не отмѣтилъ русскаго областного выговора зеть, мéчик и т. п. Чеш. нарѣчіе zejtra завтра (192, 6 сн.) является лишь въ такомъ видѣ, а нѣтъ другого вида—zítra [1]). Упомянувъ цѣлыхъ три раза о существованіи твóрительнаго окончанія -ami вм. -y въ чешскомъ языкѣ, (108, п. 2, а, 114 п. 10 и 126, п. 10 же), авторъ нигдѣ не отмѣтилъ, что -ami допускается иногда, для большей ясности, и въ литературномъ языкѣ, напр. въ извѣстномъ сочетаніи trhal zuby nehtami. Изъ числа особенностей ляшскаго нарѣчія (по моему — говора) чешскаго языка, стр. 209 — 212, опущено весьма характерное сохраненіе звука *ы* (правда, сблизившагося съ *е*). Bartoš, Dialektologie moravská, I, 98. Не упомянуто (430, 10 сн.) рядомъ съ подражательной фонемою Polsce о самородной — Polszcze. См. Сравн. Морфол., 609, прим. 1. Ни на стр. 410, ни на 431, ни на 433, 6—8, не оговорено близости польскихъ ś, ź, ć и dź къ шипящимъ, коей объясняются такія формы, какъ nasi królowie, przedniejsi ludzie, вм. старинныхъ naszy, przedniejszy, на каковыхъ Флоринскій нигдѣ и не останавливается [2]). Сравн. Морф. 634, прим. 1. Małecki, Gramatyka historyczno-porównawcza, I, § 72. Приведши (479, сер.)

---

1) Zejtra есть za jitra (za jutra), zítra д. б.—из ютра или съ ютра, причемъ z вм. s можно объяснять вліяніемъ перваго нарѣчія на второе.

2) Впрочемъ на страницахъ 467 и 469, строка 7, у него встрѣчается написаніе naszi, которое столь же легко можетъ быть опечаткою вм. naszy, какъ вм. nasi.

мнѣніе, что старопольское двусложное окончаніе настоящаго пáпричастка было -ęcy, авторъ указалъ какъ основаніе его лишь аналогію чешскаго языка, а не отмѣтилъ дѣйствительно встрѣчающихся формъ на -ęcy: jadency, miłujęcy, morzęcy (Сравн. Морф. 642)[1]). Говоря (485 сер.) объ остаткахъ аориста въ польскомъ языкѣ, слѣдовало привести найденныя Брюкнеромъ (A. f. sl. Phil., XI, 477) любопытныя формы wynidziechę, ukradziechę[2]). На стр. 579, пр. 6, безъ справокъ у Брониша (A. f. sl. Phil., XVIII, 324, 378 и 333), совершенно непонятно, что̀ это за созвучіе uў (= u̯ў) въ kuўřec курить и что̀ это за слово pšisac-pšíšo (= pisac-pišą = pisać-piszę). Назвавъ лужицкаго писателя Радысерба (596, 2) и даже повторивъ безо всякой надобности его имя латинскими буквами (Radyserb), авторъ не указалъ, что эта странная фамилія есть псевдонимъ Ивана Вели или Вегли — Johann Wehla (Traugott Pech, Das wendische Schriftthum. Leipzig 1884, S. 43; онъ же Žarin)[3]). Въ числѣ сравнительныхъ степеней польскихъ нарѣчій, на стр. 473 сер., слѣдовало привести (изъ-за его ż, заимствованнаго у niżej) wyżej. Ни на стр. 438, ни на 458, п. 9, не отмѣчено, что двойственный мѣстникъ ręku употребляется въ значеніи не только множнаго, но и единаго числа. Въ обзорѣ лужицкой азбуки (600—601) недостаетъ замѣчанія насчетъ j въ качествѣ знака мягкости, напр. mjaso, wjes; объ l и ł, значеніе которыхъ приблизительно извѣстно читателю изъ предыдущихъ отдѣловъ, говорится ниже (617), гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ намекается на то̀, что серболужицкое w, съ коимъ у большинства Лужичанъ совпадаетъ и ł, есть чисто-губное *в*, англійское w, или неслого́вое u; но нигдѣ я не нахожу намека на то, что w и ł съ предыдущимъ гласнымъ образуютъ у́ковые дифтонги au̯, ou̯, eu̯, iu̯, yu̯. Говоря о нижнелужицкомъ переходѣ твердаго r, послѣ k, p, t, въ š, слѣдовало принять

1) У Калины (458—9) нахожу еще 22 такихъ примѣра.

2) Ę моя транскрипція: Брюкнерова — ą (въ текстахъ — ǫ́).

3) Впрочемъ на стр. 590 мы читаемъ «Вегля (Jan Radyserb)»; но зато тамъ при псевдонимѣ Цишинскій не приведено настоящаго имени — Яковъ Бартъ.

во вниманіе статью Лескина Bemerkungen zur Svarabhaktifrage, A. f. sl. Ph., III. Не отмѣчено (624—625) единичнаго появленія z вм. ž въ союзѣ zo (что = кжѣ); союзъ этотъ впрочемъ указанъ на стр. 630, сер. Отмѣтивъ (658, св.) 3-ьеличныя окончанія u и ja, соотвѣтствующія староперковнымъ -жть и -ать, Флоринскій не указываетъ на употребленіе у Верхнихъ лужичанъ -ja, а также и -eja вм. -u: pija, pleśeja; такія формы, правда, приводятся, но лишь на стр. 675, 7 сн. и на 670, вн., какъ областныя. См. у Муки, 542. Въ нижнелужицкой парадигмѣ, на стр. 668, при pjeku недостаетъ другой формы для этого лица— pjacom. Насчетъ верхнелужицкаго глагола chcyć - chcu (680, 7 сн.)[1]), составляющаго какъ будто исключеніе изъ закона превращенія начальнаго ch въ kh, не сказано, что ch въ немъ только пишется, а въ рѣчи, какъ и у нижнихъ лужичанъ, утратилось. (Это единичное измѣненіе можно оправдать единичностью самаго зачина chc). Тутъ же, кромѣ нижнелужицкаго njocu вм. нє хоштж, слѣдовало бы привести и своеобразное усѣченное njok (относительно k сравнимъ инфинитивъ kśeś) и верхнелуж. nochcu-nochcyć и общелуж. njecham - njechać (-ś)[2]). Чрезвычайно любопытной полабской акцентовкѣ посвящено всего 12 строкъ (695, п. 14), гдѣ приводится всего 5 примѣровъ, обыкновенно же полабскія слова печатаются безъ просодій.

Весьма богатая, какъ и въ 1-омъ томѣ, библіографія представляетъ также нѣкоторые пропуски. Такъ не указано нѣмецкаго перевода Шафариковыхъ Начатковъ старочешской грамматики (Počátkové staročeské mluvnice), стр. 6 сер. и 15 сер.[3]): Elemente der altböhmischen Grammatik von Paul Josef Schafarik. I (единственный) Theil der Sammlung slavischer Grammatiken herausgegeben von J. P. Jordan. Leipzig 1847. Цитуется

1) У Флоринскаго не chcyć, а chceć: очевидная опечатка вм. этимологическаго написанія черезъ ě.

2) Встрѣчается, какъ говоритъ Пфуль, въ своемъ словарѣ, почти исключительно въ настоящемъ и въ имперфектѣ. См. Сравн. Морф., 706, пр. 1.

3) Напечатано оба раза Počatkové съ краткимъ *a* — опечатки Флоринскаго я впредь буду исправлять безъ оговорокъ.

2-ое изданіе Ранковскаго словаря, тогда какъ «Nový slovník kapesní jazyka českého i německého. Díl I česko-německý» вышелъ въ 1887 году 5-мъ изданіемъ. Указавъ (228, прим.) на статью Николая Иванова о словацкомъ поэтѣ Андреѣ Сладковичѣ, слѣдовало бы также указать статью Матв. Ив. Соколова «Стихотворенія Яна Ботто», въ Сборникѣ въ честь Вл. Ив. Ламанскаго (Флоринскому, какъ участнику сборника, конечно, извѣстную). Въ польскомъ отдѣлѣ не приведено (369) Пилятова изданія Богородзицы: Dr. Roman Pilat. Pieśń Boga Rodzica. Pamiętnik Akademii Umiejętności. Wydział filol. i filozoficzno-historyczny. T. IV. W Krakowie 1880. Къ полабской библіографіи могу прибавить: 1) Jana Parum Szulcego Słownik języka połabskiego. Wydał Dr. Antoni Kalina. Rozprawy Wydziału filol. Akad. Umiej., T. XVIII i XXI. W. Krakowie 1892—93. 1-ая часть содержитъ введеніе и самый словарь, 2-ая — извлеченную изъ него грамматику. 2) Jos. Kolář. O nosovkách polabských a jejích poměru k polským a staroslovanským. Č. Č. M. 1875, 417—426.

Къ пробѣламъ разбираемаго труда отношу также нерѣдкое, какъ и въ 1-мъ томѣ, отсутствіе перевода при словахъ, которыя положительно въ немъ нуждаются, будучи чужды русскому языку, или имѣя тамъ иное значеніе: напр. had змѣя, plot заборъ, hrob могила (123, 4), listopad ноябрь (124, 12), brav мелкій скотъ — какъ сборное и какъ единичное, zeměplaz пресмыкающееся, гадъ, nežit чирей (124, 16 сн.), zloděj воръ, vězeň узникъ, koš корзина, vazač вязальщикъ, переплетчикъ, rodič родитель, kazatel проповѣдникъ, kněz священникъ, kolář колесникъ (129, п. 1), jetel (діалектически dětel) дятлина, клеверъ, кашка (129, 3 сн.), věrtel четверикъ (? мѣра), 130, 2, náručí объятья, snídaní завтракъ, záští злоба, záduší доброе дѣло, пожертвованіе (130, п. 4), chlapec мальчикъ, ujec дядя — avunculus, dědic наслѣдникъ, panic баричъ, молодой баринъ, дѣвственникъ (131, п. 8), podkoní конюшій, шталмейстеръ (132, п. 17)[1]),

1) При послѣднемъ словѣ особенно нужно было привести его значеніе, такъ какъ именно имъ обусловливался болѣе рѣшительный — сопряженный съ

louka лугъ, pratum, sádka садокъ (133, п. 5), modla 1) модель 2) идолъ (тамъ же 6), kukla, -le капюшонъ, řehola, -le regula: правило, уставъ 134, п. 9, rádce совѣтникъ, správce управитель, rukojmě поручитель 135, п. 2, pradlí прачка, předlí прядильщица 135, п. 3, berčí сборщикъ, kočí кучеръ, тамъ же, п. 4, skráň високъ 136, 2, choť супругъ и -га 137, сер., vlasť отечество тамъ же, 3 сн., otep вымолоченный снопъ, пучокъ, pasť ловушка, ocel сталь, modř лазурь, синька, tvář лицо, образъ, chuť желаніе, labuď лебедь, nať ботва, листья свеклы и т. п. 138, п. 3 [1]), kmen нѣм. Stamm: стволъ, грамматическая основа, lupen листъ 140, п. 3, kníže князь, hrabě графъ 141, п. 5, jeti ѣхать, čněti торчать, выситься, pněti висѣть, chvěti колебать, махать 162, 7—9; въ словацкомъ отдѣлѣ нуждаются въ переводѣ напримѣръ слова румынскаго происхожденія brynza овечій сыръ, čartak (?), geleta (?), glaga (?), chotar область, kasanka передникъ, koliba хижина, putyra (?), urda овечья сыворотка, vatra огонь 216, п. 35 [2]), также странное zaujmy 266, 1 сн. [3]), и еще болѣе странныя črešné, gvarilo 269, 7 и douinoce (?) 330 б, 4, равно какъ hrča наростъ, шишка 294, п. 1 а, turice и letnice тройца и vianoce рождество 294, 1 в. [4]). Въ польскомъ отдѣлѣ таковы напримѣръ: mistrz мастеръ, гросмейстеръ, warta стража, ląd земля, берегъ, dach крыша, hak крюкъ, klamra болтъ, gwałt насиліе, rachunek счетъ, zegar часы, kustosz хранитель 400, 3—1, szczawnica (? это чуть ли ни мѣстное названіе), karmnik «кормильня» — хлѣвъ, «кормимецъ»—боровъ, trefniś острякъ 429, 11, do siego roku съ новымъ годомъ 469, 8 сн., biedować 1) бѣдствовать, 2) жаловаться, плакаться, 498, 11—10, wypsieć (?) должно быть

перемѣною рода—переходъ въ сложное склоненіе: не только въ народной рѣчи, гдѣ и psaní письмо образуетъ psaního, но также въ литературной.

1) Зато въ этомъ пунктѣ напрасно переведено слово žluč, въ коемъ студентъ самъ долженъ узнать старославянское жльчь и русское желчь.

2) Дѣйствительно ли эти (вовсе не романскія) слова пришли къ словакамъ отъ Румынъ, мы здѣсь разбирать не станемъ.

3) Это должно быть множина слова zaujem интересъ.

4) Kašice, въ той же строкѣ, по недосмотру напечатано съ малой буквы — это названіе города, по-нѣмецки Kaschau.

просто-совершенный видъ къ однократному wypsnąć выскользнуть, вырваться 499 сер., osfęger (Hirschfänger) охотничій ножъ 527, 7 сн.[1]). Въ серболужицкомъ не мѣшало бы перевести напр. slovà młodźeńc юноша 636, 6, kubło земля, имѣніе, тамъ же, сер., knjeni барыня 641, п. 6; въ полабскомъ — dårë ноздри («дырѣ»), vå smülë въ печи (въ смолѣ) 693, 13 сн., jis, aid, plüz (695, п. 12), изъ коихъ лишь во второмъ, по предыдущему и по связи, легко узнать староцерковное и русское *иди*, тогда какъ при первомъ и третьемъ надо бы было прибавить переводъ **кси и положи**; въ переводѣ нуждается также kå meisóch къ обѣднѣ, въ церковь 697, 3 сн.

Попадаются у Флоринскаго и такіе случаи, гдѣ имѣется переводъ, но невѣрный: do Čech, do Rakous не значитъ до Чехіи, до Австріи (126, п. 9), а въ Чехію, въ Австрію; zřetel не знакъ (129, 1 сн.), а вниманіе; mandel не миндаль (130, 1), а 15 штукъ; šindel (нѣм. Schindel) не брусокъ (130, 2), а черепица (на кровлѣ); hřebí не ноготь (130, п. 2), а гвоздь; pletichy не шутка (133, п. 1), а сплетни; panoše не дворянинъ вообще (135, п. 2), а дворянинъ (шляхтичъ), при королѣ или магнатѣ, пажъ, оруженосецъ; pelest не брусокъ 137, 5 сн., а доска, перекладина; štoudev не стойка 140, 1, а кадка. Старопольское czyn значило де оружіе (400, 10 сн.): должно быть это, насколько мнѣ извѣстно, небывалое значеніе вышло изъ «czyny machiny wojenne, wieże, tarany i t. d. podług łac.(ińskiego) opera» Linde.

Изложеніе Флоринскаго не всегда отличается достаточною ясностью и точностью. Когда онъ говоритъ, что Чешскіе братья «въ двугласныхъ вм. j писали y», то это можно понять такъ, будто уже Гусъ употреблялъ въ такихъ случаяхъ букву j. Странно и сбивчиво, что авторъ, упомянувъ о мягкихъ звукахъ чешскаго языка (57, сер.), прибавляетъ въ скобкахъ nj, dj, tj, ч, ж, ш и rj. Обыкновенное чешское сýженіе, какъ я его называю, или

1) Особенно нуждается въ переводѣ цитуемое (396, 15) изъ одной грамоты porąs: теперь неясно, почему оно и приводится. Тоже относится къ чешскому tropauss (также изъ грамоты), стр. 44, п. 7.

перегласовка, какъ называетъ его (вслѣдъ за чехами и нѣмцами) Флоринскій, напрасно раздѣлено на суженіе поступательное, напр. duše изъ duša, и на обратное, напр. obyčej (стр. 62—63): если въ первомъ случаѣ могъ повліять предшествующій созвучникъ, отчего этого не могло быть и во второмъ, хотя бы тамъ и было еще вліяніе послѣдующаго? Оба случая легко объединяются при такой формуловкѣ дѣла: *a* послѣ мягкости суживается въ *e*, если тому не мѣшаетъ слѣдующая за нимъ твердость, вслѣдствіе чего мы съ одной стороны имѣемъ duše и obyčej, а съ другой — čas, jazyk; терминъ же обратное суженіе (или обратная перегласовка) можетъ оставаться исключительно за такими случаями какъ dej, znej. Въ статьѣ о слоговыхъ r и l (75, 9 сл.) напрасно на первое мѣсто поставлены krev-krvi, klnu и тому подобныя словà, которыя во всякомъ случаѣ представляютъ болѣе рѣдкое явленіе сравнительно съ hrdý, vlk и т. д., а по моему несомнѣнно развили слоговые r и l не прямо изъ ръ, лъ, ль, а черезъ r и l неслогóвые[1]). Въ той же статьѣ (76, 7—9) сказано, что «послѣ č, ž слышно er въ тѣхъ случаяхъ, когда за r слѣдовалъ еще согласный» — но развѣ за r̥ можетъ когда-либо стоять гласный? (Это бываетъ, правда, у Сербовъ, вслѣдствіе вокализаціи *л*: гръоце, умръо). Дублеты domysl и dů-, hora и hů-, hrozný и hrů-, lhota и lhů-, очевидно лишь по недосмотру отнесены къ случаямъ «дифференціаціи значенія» (80, п. 4). На той же страницѣ нуждается въ оправданіи весьма подозрительное čuješ—čúš (строка 13 сн.). Хотя чешскія d, t передъ *e* и не звучатъ мягко, но всетаки нельзя говорить, что они «звучатъ твердо» (86, 8 сн.) — слоги de, te несомнѣнно нѣсколько мягче чѣмъ напр. da, ta; тоже самое относится къ la, li (82, вн.) и къ ba, be (87—88): вообще всѣ согласные подвергаются нѣкоторому умягченію передъ узкими

1) Уже выше всякаго сомнѣнія, что братръ, мысль сначала дали односложныя bratr, mysl, а потомъ уже bratr̥, mysl̥. Приводимое въ числѣ словъ со слоговымъ r hřměti или hřmíti (написанное по-старочешскому hřmieti), конечно, попало не на свое мѣсто: это примѣръ на то, что основному ръ (русскому ре) соотвѣтствуетъ ř, а не слоговой r.

гласными. 3-ье примѣчаніе на стр. 56, гдѣ читается, что «съ открытіемъ книгопечатанія въ чешскихъ книгахъ вошла въ употребленіе выработавшаяся изъ латинской абецеды нѣмецкая азбука, такъ называемый швабахъ» — можетъ навести на мысль, будто чешскія рукописи представляютъ иной шрифтъ, а не тотъ же швабахъ. Звуки i и y не вполнѣ совпали у чеховъ, какъ учитъ Флоринскій на стр. 58, строка 11—13 и на 59, 3),—слоги ny, dy, ty звучатъ тверже чѣмъ ni, di, ti. Подобныя нашимъ лѣсà, городà чешск. vrcha, záda и т. п. поставлены (114, п. 7) подъ винильнымъ падежомъ, какъ будто они не бываютъ назывниками. Слово dcera (118—119) отнесено къ э́ровымъ основамъ, а на стр. 141, п. 6, гдѣ приводится настоящая э́ровка dci, не оговорено, что это старинная форма— напротивъ, замѣчаніе, что, какъ вм. máti употребительнѣе matka, такъ вм. dci — dcera, указываетъ именно на сохраненіе стариннаго dci-dceře, отъ котораго въ дѣйствительности уцѣлѣлъ только давально-мѣстный падежъ dceři, проставленный у Флоринскаго на стр. 119, п. 97, но не подчеркнутый. Въ неправильномъ взглядѣ на слово dci можетъ еще укрѣпить читателя принадлежность къ «архаическому склоненію» новообразованнаго слова neť племянница[1]). Про бѣглое *e* сказано, что оно изъ ь или вставочное (131, п. 7), а объ *e* изъ ъ (sen-snu, loket-lokte) не упомянуто. Какое-нибудь старочешское dubi (123, 6—5), будь оно написано черезъ i или черезъ y, вовсе не доказываетъ способности неодушевленныхъ именъ къ окончанію i, оставшемуся впослѣдствіи лишь за одушевленными — слѣдовало бы привести такіе примѣры, какъ úrosi проценты, dłuzi, hřieši, boři, гдѣ бы о присутствіи звука i свидѣтельствовало смягченіе, такъ какъ иначе мы не знаемъ, читать ли i или же y. (Пожалуй, годилось бы и dubi, но въ соединеніи съ прикладкомъ, вродѣ vysocí или malí, потому что при винильничномъ назывникѣ duby прикладки звучали бы vysoké и maľé). Находя при множи́нныхъ формахъ слова bratr (bratří и -ři, род. bratří и -rův и т. д.,

1) Эту странность слѣдовало бы объяснить, сообщивъ о заимствованіи слова neť изъ подложной глоссы словаря Mater verborum.

127, вв.) замѣчаніе, что «формы, поставленныя на первомъ мѣстѣ, заимствованы изъ склоненія собирательнаго имени на -ija, при чемъ смѣшаны формы един. и множ. ч.», читатель (если этого самъ не знаетъ) никакъ не догадается, что слово братръ первоначально не образовывало множины̀, а замѣняло ее сборнымъ именемъ братрьꙗ, которое потомъ стало по смыслу пріобрѣтать множинныя окончанія (напр. дат. п. bratřím), равно какъ и замѣщаться новотворными множинными формами къ однинѣ̀ (напр. вин. bratry). Найдя въ парадигмѣ при множинномъ творникѣ zedmi къ zed стѣна (murus) въ скобкахъ окончаніе ěmi (137), можно и не догадаться читать zděmi, а прочесть zeděmi. Soudit въ выраженіи přijde soudit živých i mrtvých въ самомъ дѣлѣ естественно считать уцѣлѣвшимъ супиномъ, но вѣдь оно вполнѣ совпало съ усѣченнымъ инфинитивомъ. Неудачно выраженіе, что во множныхъ 3-тьеличьяхъ umějí, sázejí «возстановляется» нестяженная форма (169, сер.) — она, конечно, въ нихъ сохраняется. Слишкомъ лаконично и вслѣдствіе того неясно замѣчаніе, что «вм. старо-слав. даждь, вѣждь, ꙗждь въ чешск. языкѣ: dej, věz, jez (170, 12 сн.)», тогда какъ слѣдовало сказать: старославянскимъ вѣждь, ꙗждь соотвѣтствуютъ věz, jez, но вм. даждь образуютъ по темовому спряженію dej [1]). На стр. 174, 15—13, говорится, что «въ моравскихъ говорахъ встрѣчаются формы вродѣ milovalach, ztracilach, začnulch», и что «въ нихъ можно видѣть позднѣйшую аналогію древнему аористу». Выраженіе неясное: авторъ какъ будто сомнѣвается во вліяніи аориста (въ чемъ сомнѣваться нельзя), а въ то-же время какъ будто и хочетъ, и не рѣшается возводить эти формы къ такой порѣ, когда аористъ былъ еще въ полномъ ходу. См. Сравн. Морф. 565, пр. 3. Совсѣмъ странно и опять-таки можетъ повести къ недоразумѣнію слѣдующее замѣчаніе о будущемъ совершеннаго вида: «řeknu вм. budu říci, ponesu вм. budu nésti» (174, 6 сн.); въ добавокъ дальнѣйшія

1) Здѣсь, кромѣ того, недостаетъ формы viz и множинныхъ лицъ vězme, -te и т. д., вм. věďme, -te, подъ вліяніемъ однины̀; каковыя формы впрочемъ приводятся ниже (177, 178 и 189 вн.).

слова «у глаголовъ совершеннаго вида будущее выражается только посредствомъ настоящаго; напр.: padnu, tisknu», какъ будто отрицаютъ принадлежность къ тому же виду глаголовъ říci и ponesti, а также и приводимаго въ одной съ ними строкѣ pojíti (půjdu). Недостаточно сказать, что словацкія «ia, ie, iu обозначаютъ двугласные звуки» (стр. 248 сер.), а надо бы описать ихъ по-точнѣе. Свидѣтельство латино-польскихъ грамотъ о сжатіи *o* и *e*: Nosidlsk, poras, Primuzlao, przipust, Bugusłaus и Muglin (396 сер.) совсѣмъ не такъ ясно, чтобы не нуждалось въ болѣе подробномъ разсмотрѣніи (послѣ котораго иные примѣры несомнѣнно придется опустить — прежде всего Bugusłaus, гдѣ сжатіе совсѣмъ не умѣстно, и гдѣ легко предположить описку подъ вліяніемъ слѣдующаго слога). Старопольскіе назывники cedry, klenoty и służebniki (452, 5—6) не слѣдовало бы приводить безъ указанія на то, что присутствіе въ нихъ окончанія *ы*, а не *і*, доказывается сохраненіемъ звуковъ r, t и k (вѣдь настоящіе назывники были бы cedrzy, klenoci и służebnicy)[1]). Польскія разновидности слова дождь въ назывно-винильномъ падежѣ разнятся лишь на письмѣ, и надо было привести (454, 6 сн.) косвенные падежи deszczu и dżdżu (-a). Про старинный назывникъ kry не сказано (462, п. 6), какой это падежъ, что совсѣмъ не ясно по связи. Упоминая (509, сер.) объ измѣненіи звука ę въ лясовскомъ говорѣ, авторъ не объясняетъ намъ, что это за ë, въ которое онъ превращается. (Это нѣчто вродѣ нѣмецкаго ö). Странно говорить, что «ija, ieja стягиваются въ ia лишь въ томъ случаѣ, если предшествующій согласный подвергся смягченію: siać, siał, но łajać, łajał» (498, 1—3) — развѣ передъ *и* и *ъ* согласные

1) Замѣчу здѣсь кстати, въ исправленіе ошибки, повторенной мною въ Сравн. Морф., 583, пр. 2, за Калиною, что służebniki Соф. Б., Исх. 5, 16 есть винильный падежъ, а также, что łazaki Числа 13, 26 и Turki могутъ предполагать однину łazaka и turka (= лат. turca, сравни русское народное турка). Klenoty драгоцѣнности Быт. 24, 53, какъ и służebniki, винильный пад. Назывникъ klenoty, конечно, легко замѣнить массою другихъ примѣровъ; однако на назывничное окончаніе ы у личныхъ (и вообще у одушевленныхъ) ёровокъ въ старопольскомъ, кажется, не остается ни одного примѣра.

могутъ быть несмягченными? Надо было сказать, что иꙗ, ѣꙗ стягиваются, аꙗ же—нѣтъ. Встрѣчая написанія съ ą для писаровицкаго говора — «macochą (вин. пад.), ząby, kąpa, śedną, ńe vrócą (1 л. ед. ч.)» 509, 17—16, недоумѣваешь, читать ли по-общепольскому носовое *o*, или такое же *a* (скорѣй, конечно, можно предположить послѣднее). Находя (тамъ же, строка 16) слово vink, какъ примѣръ на замѣну ę черезъ in, рѣшительно нельзя догадаться, что̀ это за слово. Опредѣленіе лужицкаго произношенія буквы *é* (600, 10—7) представляетъ ухудшенную редакцію, по моему тоже не особенно удачнаго, Мукинскаго опредѣленія (Mucke, 20): читателя положительно только путаетъ утвержденіе, что *é* не двугласный, а также сравненіе съ простымъ *i* нѣмецкихъ dir, mir, wir, тогда какъ Мукины слова̀, что «надо начать произносить закрытое *i* и присоединить къ нему краткое *e*» и соотвѣтственная транскрипція у Флоринскаго (i°) даютъ о немъ достаточное и совершенно вѣрное понятіе. О іотовомъ призвукѣ лужицкаго *i* въ русской книгѣ нечего было упоминать (600, 6 сн.): можно было вовсе не останавливаться на звукѣ *i* или же просто сказать, что онъ равенъ русскому *и*. Положительно излишне оговаривать, что лужицкіе *ы* (на письмѣ у) «болѣе или менѣе» соотвѣтствуютъ русскимъ *ы* (тамъ же 5—4): помимо областныхъ особенностей (насчетъ которыхъ я полагаюсь на Муку), я не слышу здѣсь никакой разницы; вмѣстѣ съ тѣмъ считаю неумѣстнымъ указаніе на польскій языкъ, гдѣ *y* приближаются къ *i*[1]). Указаніе (601, 1), что «*ó* произносится какъ *o* съ окраской u, т. е. какъ "o», противорѣчитъ само себѣ: или ó есть цѣлостный, однородный звукъ, средній между *o* и *u*, или же онъ нѣчто вродѣ двугласнаго, состоящаго (по Мукину опредѣленію) изъ элементовъ *u* и *o*, какъ ě состоитъ изъ *i* и *e* — на мой слухъ правильнѣе первое, и лужицкое ó есть *o* весьма близкое къ *u*[2]).

---

1) Неумѣстно и сопоставленіе со старославянскимъ языкомъ, тонкости произношенія котораго намъ недоступны.

2) Мнѣ такъ казалось, наперекоръ предположенію, что между ě въ какомъ-нибудь mĕd-mjeda и ó въ hród-hroda должно быть полное соотвѣтствіе.

Сбивчивымъ я считаю также выраженіе, что «всѣ гласные» у Лужичанъ «звучатъ одинаково кратко» (615), да и самъ авторъ въ концѣ того же абзаца оговаривается на этотъ счетъ. Вообще относительно количества лужицкая рѣчь очень сходна съ русскою, только что безударные гласные не звучатъ такъ неявственно. Неладно сказано (651, 4—6), что «приставочное n необходимо, когда мѣстоименіе непосредственно зависитъ отъ предлога, напр. k njemu, pśi njom; иначе оно можетъ и не быть: před jeho durjemi, s jeju nanom»—вѣдь во второмъ случаѣ его никогда не бываетъ. Неточнымъ мнѣ кажется (хотя и воспроизведенное изъ Муки) выраженіе, что «формы (причастія) на -су въ верхнелужицкомъ всегда склоняются» (655, 15—14): едвали съ одной стороны верхнелужицкая рѣчь, особенно чисто-народная, изобилуетъ оборотами вродѣ kłapacemu so wotewri **толкꙋ́щемꙋ ѿве́рзетсѧ** Лука 11, 10, или wuhlada Levia Alphejoweho při cłownicy sedźaceho Маркъ 2, 14 [1]), а съ другой стороны и нижнелужицкая Библія представляетъ напр. выраженія głos wołajucego jo w pusćińe Матѳ. 3, 3 и wy buźośo togo cłoẃeka syna wiźeś sejźecego k pšawicy teje mocy a pśiducego s tymi hobłokami togo ńeb'a Маркъ 14, 62 [2]). Кромѣ того и у верхнихъ лужичанъ есть по крайней мѣрѣ одинъ па́причастокъ на -су: ducy идучи (приводимый Флоринскимъ на стр. 671). Сохраниться, будучи единственнымъ гласнымъ въ словѣ, конечно, могло бы і въ одинномъ числѣ велительнаго spi (660, 11—10), но такое пониманіе не подходитъ ко мно́жному и къ дво́йному числу: spimy и т. д. Относительно крайне уродливыхъ на письмѣ верхнелуж. wukń, wukńmy, слѣдовало оговорить, что въ нихъ ń не произносится (660, 8 сн.), на что̀, повидимому, намекаетъ и самъ Флоринскій тѣмъ, что ń въ словѣ wukńmy заключилъ въ скобки; тотъ же пріемъ употребленъ и на стр. 673 сер., но опять-таки wukń осталось безъ

1) Nowy Zakoń. Do hornjoserbšćiny po rjedźe Vulgaty přełožištaj Jurij Luščanski a Michał Hórnik. Budyšin 1896.

2) Biblija. Hala 1868. Въ верхнелужицкомъ переводѣ тоже причастія: wołaceho, sedźaceho, přikhadźaceho.

скобокъ. О перворазрядныхъ глаголахъ съ корнемъ на n, m авторъ (671, сер.) рѣшительно говоритъ, что они «слѣдуютъ древнему типу спряженія только въ Вл.», хотя затѣмъ самъ приводитъ нижнелуж. wezmu.

Неудобство представляютъ также нѣкоторыя странности въ *терминологіи*. Праславянскіе ъ и ь переходятъ у нашего автора въ «звонкое» *е* (59, сер.) и тамъ же (строка 8—6): *е* изъ ь было узкое (ясное), . . *е* изъ ъ было широкое (темное). Странно говорить о *вставочномъ* v передъ начальнымъ *о*: vokolo, vokno и т. д. (197, 1—2), о *вставочномъ* h передъ начальнымъ гласнымъ: hulice, hučitel и т. д. (198, п. 1) и о такомъ же t въ инфинитивахъ říct, píct, vlíct, síct (197, п. 19): въ послѣднемъ случаѣ еще и не звуковое явленіе, а примѣненіе къ обычному инфинитивному окончанію t. Ниже (199, п. 1 и 2) авторъ и самъ говоритъ о «*при*ставочныхъ v и h въ словахъ vobĕd, votec, hulice и hiva[1]). Передъ гортанными (задненебными) g, k, ch слышится «звуковое» n: ręka, księga (412, 3—2)—нужно «задненебное». Въ кашубской рѣчи въ противуположность зубно-губному v, вмѣсто чисто-губного, говорится о «губно-губномъ» (570, 2).

Неразъ у нашего автора встрѣчаются разные недосмотры. Такъ мы читаемъ, что у чеховъ «буква g употребляется рѣдко, напр. въ заимствованныхъ словахъ groš и др.»—да вѣдь въ туземныхъ она никогда не употребляется, и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ слышится соотвѣтственный звукъ (kde, kdo) пишутъ по происхожденію k. На стран. 60 вн., посреди новочешскихъ фонемъ, безо всякой оговорки приводятся старинныя řiediti, tiehneš, vzieti. Знакъ ř обозначаетъ де мягкое r и это r произносится съ шипящимъ призвукомъ, какъ въ польскомъ (58, 14—13),—извѣстно, что польское rz звучитъ какъ простое *ж* или *ш*; правда, впослѣдствіи (83, 14 сн.) является приблизительно вѣрная транскрипція черезъ *рж*, но тутъ опять то же

1) Пожалуй, впрочемъ, призвучные согласные въ извѣстномъ смыслѣ именно вставочные: можно думать, что они возникли въ связной рѣчи, между начальнымъ гласнымъ своего слова и конечнымъ предыдущаго.

сближеніе съ польскимъ rz, а кромѣ того съ лужицкимъ ř=ш́[1]). Слово kněz имѣетъ зовный падежъ не исключительно kněže (131, п. 8), но также и knězi Гебауеръ, Histor. mluvn. III, 354, стр. 97. Прикладочное склоненіе у словъ средняго рода, какъ znamení, -ího, только простонародное (132, п. 17). Имя Olga образуетъ давально-мѣст. падежъ Oldze, а не -ze (133, п. 4) Геб. I, 505 — впрочемъ здѣсь у Флоринскаго, пожалуй, лишь опечатка. Ро́дникъ Boleslavě и давальникъ -vi (143, вн.) формы обоюдныя — въ доказательство перехода этого слова въ женскій родъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ е́роваго склоненія въ азо́вое (можно бы сказать и въ и́жевое), лучше бы было привести творный падажъ Boleslaví. Неудачно выраженіе, что нарѣчія «málo, mnoho склоняются» (144 вн.), послѣ чего идетъ перечень нарѣчій, содержащихъ дѣйствительно всѣ падежи одиннаго числа, кромѣ назывнаго: самъ же Ф. приводитъ málem еще разъ на стр. 145, въ перечнѣ нарѣчій. Перволичное мѣстоименіе ja съ краткимъ *a* нечего было отмѣчать (146, 4), такъ какъ оно слышится въ тѣхъ говорахъ, гдѣ вообще нѣтъ долготы; притомъ это указаніе представляетъ забѣганье въ область діалектологіи. Также не на мѣстѣ отмѣченныя, въ слѣдующихъ строкахъ, te, tě, të вм. ty, гдѣ вдобавокъ не объяснено, что̀ такое обозначаетъ ë. То же самое, что̀ про выговоръ jă, можно сказать про dobre, -ra, -rym и т. д. (157, 1—2). Отмѣтивъ (съ забѣганіемъ въ діалектологію, которое однако можно считать вполнѣ умѣстнымъ) областныя формы велительнаго pnimy, pnite (170, 9 сн.), Флоринскій забылъ указать, что обыкновенно наоборотъ ě присвоено также и́жевымъ глаголамъ: mstěme, -te; каковыя образованія [bydlete обитайте, ctěte вм. чьститє и spěte] приведены, правда, ниже (188, 9 сн. и 190 вв.), но не подчеркнуты. На той же 170 стр., вн., упоминается о существованіи у кашубовъ аористовъ, каковыхъ въ дѣйствительности нѣтъ, что̀ и сказано у самого Флоринскаго въ кашубскомъ отдѣлѣ (579, вн.). Отмѣтивъ (173, сер.),

1) Не нахожу притомъ нигдѣ указанія, что r послѣ безголосныхъ со́звучниковъ звучитъ какъ рш: křik, příze, třásti, chřen.

что у иныхъ глаголовъ старочешскій имперфектъ лишь долготою примѣты разнится отъ аориста—brách и brach, trpiech и trpěch,—авторъ забылъ упомянуть объ имперфектномъ -še при аористной безсуффиксности, во 2 и 3 лицѣ однины. Выраженіе, что въ областныхъ формахъ drahý bratři, chudý chalupníci бѣдные бобыли, bohatý kupci, dobrý měšťani «h, ch, k, d, n, l, r не подвергаются смягченію» (197, п. 15) неточно: въ нихъ ý развилось изъ é, т. е. имѣется распространеніе на одушевленныя имена мужескаго рода окончанія неодушевленныхъ и женскихъ. На стр. 224, по сер., упоминается словацкій дѣятель Римавскій, безъ оговорки, что это псевдонимъ Яна Франциси, что̀ впрочемъ указано на стр. 227, 12 сн. Изъ словацкихъ словъ, гдѣ «вм. первичнаго *e* выступаетъ *o*: hoslo лозунгъ, девизъ, svokor, ktorý, útorok вторникъ, kloštor монастырь, štvoro, pätoro» (255, 12—13 и 329, 2), ktorý, útorok[1]), štvoro и pätoro представляютъ праязычное чередованіе *e* и *o*; *e* въ чешскомъ heslo очевидно вторичное, такъ какъ иначе было бы želo, а пришлое kloštor никогда не имѣло звука *e*, такъ какъ въ нѣмецкомъ Kloster *e* = глухому гласному. Двугласный ou по-словацки едвали слѣдуетъ приводить въ соотвѣтствіе съ u, какъ долготу къ краткости (261, 7—8): вѣдь онъ является лишь въ окончаніи творнаго падежа, напр. rybou, и именно потому, кажется, долженъ быть выводимъ не изъ ú, а изъ oju съ выпаденіемъ j[2]). Зная повсюду мягкій l, словацкая рѣчь лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ противополагаетъ ему настоящій твердый ł (268). Словацкій r передъ *j*, *e*, *i*, конечно, не звучитъ «совершенно такъ, какъ передъ широкими *a*, *o*, *u*» (268 вн.), а только приблизительно такъ. Говоря о бѣглыхъ *o*, *e* (= ъ, ь или вставочныхъ) 287, п. 3, Флоринскій оговариваетъ, что «иногда *o*, *e* остаются и въ другихъ падежахъ, напр. kostol-kostola, popol-popola, lev-lva и leva, domček-domčeku, spěv-spěvu», словà, изъ коихъ подъ эту статью

1) Флоринскій въ этомъ словѣ, конечно лишь по недосмотру, написалъ жирнымъ шрифтомъ второе, ёровое o.

2) Отсутствіе въ ряду долгихъ гласныхъ ú, очевидно, только опечатка.

подходятъ только leva и domčeku—domček-domčeku вм. domček-domečku, подъ вліяніемъ назывно-винильнаго падежа на остальные; впрочемъ popol-popola, пожалуй, стоило отмѣтить въ виду вторичной бѣглости въ русскомъ языкѣ (пепел-пепла). Множинный ро́дникъ peniazí (292, п. 12), противорѣчащій словацкому закону о сокращеніи второй изъ двухъ долготъ, есть погрѣшность вм. реńazí. Krádež и faleš (294, п. 1) очевидно попали не на свое мѣсто, такъ какъ никогда не звучали krádeža и faleša или falša. Словацкій винильникъ tu, совершенно равный чешскому и соотвѣтствующій староцерковному, приводится рядомъ съ našu (чеш. naši), какъ нѣчто своеобразное (299, п. 6). Въ парадигмѣ на стр. 300 и 301 мы читаемъ творные и мѣстные падежи ím, jou, jom, jej, imi, ich, хотя (какъ само собой разумѣется) мѣстные падежи, а (какъ оговорено на стр. 301, 13—11) также творные, не употребляются безъ прироста n. Говорить объ «исчезновеніи у Поляковъ праслав. ъ и ь въ неударяемыхъ слогахъ» (391, п. 2), значитъ представлять дѣло весьма неточно. Вм. «Свидзинскій листокъ» (392, 12 сн.) нужно листокъ Свидзинскаго. Mléko со своимъ *é* въ открытомъ слогѣ и передъ безголоснымъ со́звучникомъ — весьма сомнительный случай «сжатія» или «наклоненія» (397, 8—9). Польское *y* (какъ упомянуто ужъ и выше) произносится не совсѣмъ такъ «какъ русское ы», а нѣсколько ближе къ і (410); иные — напр. Бодуэнъ-де-Куртенэ — даже утверждаютъ, что *y* прямо равно *i*, разнясь отъ него лишь твердостью предшествующихъ согласныхъ[1]). «Буквы b́, ẃ, ṕ, ḿ, f́, ǵ, ḱ почти де вовсе не употребляются» (410, 12—11): кто же когда-либо употреблялъ, по-польски, или въ иномъ языкѣ, буквы ǵ и ḱ?[2]) Конечно, если не говорить о транскрипціи, при коей ǵ и ḱ возможны (передъ гласными) и даже будутъ не совсѣмъ рѣдки, напр. boǵem, kšyḱem. Rznąć рѣзнуть обыкновенно выговаривается ржнǫц, а не рз- (411, 3): *рьзнѫти могло фонети-

1) Съ польскимъ *y* должно быть совпадаетъ и кашубскій звукъ, изображаемый буквою *i* послѣ твердыхъ согласныхъ: młodi, chitri, bœsi, tidzeń и т. д.

2) Сербско-латинское ǵ, въ смыслѣ твердаго ц, — особь статья.

чески, черезъ ŕznąć, дать ŕnąć; впрочемъ Виленскій (Оргельбрандовскій) словарь велитъ выговаривать, согласно со Флоринскимъ, r-znąć. Замѣчаніе, что польское «g произносится какъ русское г» (411, 4), излишне; если же имѣть въ виду, что иные русскіе произносятъ не мгновенное, а протяжимое г, — даже сбивчиво. Недостаточно ясно изложено ученіе о польскихъ юсахъ: на стр. 412, 11 сн., авторъ говоритъ, очевидно думая исключительно о звуковомъ впечатлѣніи, что ą соотвѣтствуетъ старославянскому ѫ, ę—ѧ, и только на слѣдующей страницѣ, внизу, оговариваетъ, что какъ ą, такъ и ę соотвѣтствуютъ обоимъ юсамъ, причемъ не указываетъ на отличіе замѣнителей узкаго юса отъ замѣнителей широкаго по своей умягчительности и лишь мимоходомъ упоминаетъ о томъ, что ę, = ѫ, согласныхъ не умягчаетъ (gęś, kęs); такіе случаи, какъ wiązać, съ носовымъ *о*, но съ умягченіемъ, у него, правда, приведены, однако не истолкованы. Jeli priĕхали (собственно просто ĕхали), 416, 3, есть форма старинная, взятая вѣроятно изъ Житія Св. Блажея, гдѣ она значитъ уѣхали (łowcy jeli od nich). Приводимыя (416, сер.) miesto (мѣсто), kleskać и wiera мнѣ представляются сомнительными — любопытно бы знать, откуда они взяты[1]). Что́ такое значитъ «двугласное e͡a (т. е. *е* съ сильной окраской *а*)» 416, 2—1? Что-нибудь одно: или двугласный, или простое широкое *е*. Сравни выше, стр. 207 (о. о. 7). «Вм. основного *у* въ нѣкоторыхъ говорахъ [польскаго языка] u: buł, żuł, kruł (познанскій гов.—Miejskiej Górki)», 422, 9 сн. — не сказано, что это происходитъ лишь передъ *ł* и есть родъ уподобленія. «Вставочнымъ чаще всего бываетъ *е*» (425, сер.) — какой же еще гласникъ бываетъ у поляковъ вставочнымъ? Dź и ć еще молъ мягче, чѣмъ *dz* и *c* (427, 5—3) — да вѣдь польскія *dz* и *c*, если не представляютъ плодъ дзеканья, прямо тверды. Самъ же Флоринскій говоритъ это о *c* на стр. 431, сер. Польск. *c* въ piec, świéca — не только прапольское (431,

1) Первое можетъ быть явилось по недосмотру, и нужно читать miejsce. Впрочемъ это слово, не представляющее послѣ *ь* твердаго согласнаго, сюда вовсе не идетъ.

12—13), но несомнѣнно уже лужицко-чешско-польское; таково же, надо полагать, и «прапольское dz въ nędza» (тамъ же, 15). Приведши (435, 6) опольскія jejś и ṕeń (pięć), слѣдовало указать, что jejś употребляется рядомъ съ jejść и jeść (**ѣсти**), а ṕeń — не само по себѣ, а въ сложномъ числительномъ ṕeńdvadźeśća двадцать пять. Malinowski, Oppelnsche mundart, 39. Зóвникъ Воże, какъ извѣстно, не только возможенъ (444, п. 4, I, 1), но обязателенъ — сравни у самого Флоринскаго, 450 вн.[1]) Множи́нный твóрникъ éроваго и óноваго склоненія мягкаго различія на i, каковое окончаніе проставлено въ таблицѣ на стр. 447, форма сомнительная — издавна господствуетъ потомъ болѣе-менѣе вытѣсняемое азóвымъ -ami и́жевое -mi: такіе примѣры, какъ ojcu, sercu, представляютъ *твердое* окончаніе, на мягкое же -i Калина указываетъ лишь одинъ и довольно новый примѣръ — вторичное образованіе niewoli изъ Гавинскаго (вторая половина XVII ст.). Kal., Hist. j. p., 198. Примѣчаніе на той же 447 стр. у Флоринскаго, что «окончанія, заключенныя въ скобки, принадлежатъ старому языку и народнымъ говорамъ»—неточно, да и на стр. 441 б, 1, о томъ же предметѣ говорится несовсѣмъ точно. Зачѣмъ взято въ образецъ éроваго склоненія слово chłop съ его необычною формою давальника на u, а не на owi (сравни 450, п. 8)? Ту же погрѣшность, впрочемъ, представляетъ Миклошичева Морфологія, и мы со Шляко́вымъ не догадались исправить ее въ русскомъ переводѣ. Странно замѣчаніе (455, п. 5), что «по образцу ciele склоняются нѣкоторыя уменьшительныя (какія?!) и названія молодыхъ животныхъ[2]) отъ основъ на t, но только въ ед. ч., напр. źrebię, kurczę, dziécię, dziewczę, gąsię, książe[3]); во множ. числѣ они слѣдуютъ твердому склоненію». Да вѣдь они — кромѣ безмножи́ннаго dziécię (457, 1) вполнѣ сходствуютъ съ ciele, между прочимъ и твердостью множинныхъ окончаній; притомъ бóльшая часть этихъ окончаній равняется старославянскимъ. За-

1) См. впрочемъ Сравнит. морфол., стр. 574, 7—6.

2) Лучше бы сказать — названія молодыхъ существъ, или дѣтенышей.

3) Надо бы отмѣтить, что książe не княжичъ, а просто князь.

мѣчу еще, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ можно бы прибавить упоминаніе о сокращенныхъ формахъ слова ksiądzę — księcia и т. д. Формы множнаго ро́дника wisien, sukien, хотя и приведены (460, п. 9), но въ нихъ не подчеркнуто появленіе — какъ бываетъ у такихъ словъ и въ русскомъ языкѣ — твердаго п вм. мягкаго. Выраженіе, что указательное мѣстоименіе «ten можетъ усиливаться прибавкой частицъ tam, że: tamten, tamże» (466, 8 сн.), весьма неудачно, такъ какъ tamten вѣдь значитъ тотъ, а tenże — этотъ-же; къ тому-же tam совсѣмъ не частица. Отмѣтивъ обычай писать въ среднемъ родѣ dobremi, рядомъ съ -ymi въ мужескомъ (что въ женскомъ тоже употребляютъ -emi, не сказано), и осудивъ это употребленіе (471, п. 3), авторъ тѣмъ не менѣе внесъ среднеродное -emi въ парадигму, на стр. 472; въ томъ же духѣ онъ поступилъ и съ творно-мѣстнымъ окончаніемъ -ym и его правописною разновидностью -ém (тамъ же). У мѣстоименій Флоринскій еще рѣзче осуждаетъ формы naszemi и niemi (466, 5 и 468, прим.) и въ парадигмы (466, 467 и 468) ихъ не вноситъ. Сравнимъ, однако, мою Краткую фонетику и морфологію польскаго языка, 36 вн., или Сравн. морф., 635, прим. 1. Обыкновенный видъ числóвокъ 7 и 8 — не siedem, osiem (474), а siedm, ośm. Неточно выраженіе, что «окончаніе неопредѣленнаго наклоненія всегда ć» (478, 5 сн.), вѣдь тутъ же черезъ три строки приводятся инфинитивы на твердое с — piec, wlec, móc. Оди́нное 3-ьеличье глагола być звучитъ де «jeść (стар. яз.) и jest (нов. яз.)» 482, 10. На дѣлѣ и въ старину jeść почти не встрѣчается: оно отмѣчено только по разу во Флоріанской псалтыри, въ Святокрестскихъ проповѣдяхъ (Kazania Świętokrzyskie) и въ Константціиномъ молитвенникѣ. Въ парадигму глагола wiedzieć (491) помѣщено «прич. наст. страд. wiadomy», хотя на стр. 480, вн., отмѣчено, что wiadomy и тому подобныя формы сохранились лишь въ качествѣ прикладковъ. Объ э́левомъ причастіи plótł, wiódł сказано (493, 10—9), что оно имѣетъ «во мн. числѣ только pletli, wiedli», т. е. лично-мужескія формы, обыкновенныхъ же plotły, wiodły не приводится. Изъ трехъ примѣ-

ровъ на куявское ę вм. общепольскаго ą (bękart незаконнорожденный, nię, moję, 539, п. 2) вѣренъ только одинъ—nię вм. nią. Горальское нарѣчіе въ формахъ dóm, ón несомнѣнно «удержало» *u* = *ó* (543, вн.), но въ do dómu, óna, kóńe *u* введено вновь. Въ заглавіяхъ Цейновинскихъ кашубскихъ книжекъ (558, вв.) смѣшаны знаки j съ точкой и ȷ безъ точки, изъ коихъ первое обозначаетъ узкое, мягкое i, въ противуположность буквѣ i, равной польск. y, а вторая есть согласная, соотвѣтствующая польскому j и вмѣстѣ съ тѣмъ безгласная — знакъ мягкости (= i и ′). «Чешскій лѣсъ» (583), служащій съ южной стороны границею серболужицкаго языка, — двойной недосмотръ: 1) вм. Чешскій лѣсъ, = нѣм. Böhmerwald, лучше бы было сказать Шумава, а 2) нужна тутъ не Шумава, а Рудныя горы. Акутъ надъ согласными (кромѣ ć и dź) въ верхнелужицкомъ обыкновенно имѣетъ лишь этимологическое значеніе, и вовсе не обозначаетъ «мягкости согласныхъ» (601, 3); o w′и ń, равныхъ j и jn: krej, kójn, говорится у самого Флоринскаго—627 и 625 (подъ j). Непонятный мнѣ недосмотръ представляетъ указаніе относительно чередованія лужицкихъ *ó* и *o* (612, 5—7): «если вслѣдствіе сложенія или измѣненія флексіи удареніе переходитъ на другой гласный, то выступаетъ обычное *o*, напр. konja, hłodu» при kóń, hłód. Замѣчаніе, что верхнелужицкимъ звукамъ ć и dź «въ нижнелужицкомъ часто соотвѣтствуютъ ś и ź» выражено весьма неточно, да оно и излишне, въ виду того, что на стр. 620 объ этомъ дѣлѣ сказано достаточно подробно и совершенно вѣрно. Лужицкое (преимущественно верхнелуж.) h не есть «придыхательное *г*» 601, 8—9, а прямо равно нѣм. h, при согласныхъ же и въ исходѣ равно нулю. Отчасти это указано и у Флоринскаго, 627 вн., но насчетъ исхода онъ даетъ невѣрное правило, веля произносить bóch (626, 6 сн.). Опредѣленіе верхнелуж. kh, какъ «особое ch, произносимое съ густымъ придыханіемъ: khory» (601, 11—12), невѣрно: это есть нѣмецкое *k*, отличающееся отъ славянскаго нѣкоторымъ придыханіемъ. (Самъ авторъ, на стр. 621, 2 сн., объясняетъ kh нѣмецкимъ вліяніемъ). Совершенно своеобразныя по измѣненію звуковъ

strowy (**съдравъıи**) и śpa (**истъба**) напрасно поставлены на одну доску съ обыкновенными случаями уподобленія (626, 9 сн.). Замѣчу еще, что zwjazać-zwězaś не слѣдуетъ объяснять превращеніемъ s передъ w въ z — вѣдь sw вполнѣ обычное сочетаніе, а spěwać, надо полагать, содержитъ предлогъ **съ**. «Въ серболужицкомъ яз. твор. п. двойств. ч. сходенъ не съ родит. (какъ въ старослав. яз.), а съ дат.-мѣст. п.» (635, п. 11) — нужно «мѣст. п.» и съ «дат.-твор.». Приводимый (655, 8) супинъ pjac, хотя и произошелъ несомнѣнно изъ супина *пець = старослав. **пєшть**, но совпадаетъ съ инфинитивомъ pjac, = старослав. **пєшти**. Некстати (661, прим. 1) говорится: «не слѣдуетъ забывать, что иногда и старослав. **ѧ** возникло изъ болѣе древняго **ѣа**, напр. **творѧхъ**, **слоужѧахъ**» — для серболужицкой рѣчи изъ этого ровно ничего не выведешь. Не надо было, подъ парадигмой dać (666) помѣщать преходящее dawach, хотя бы съ оговоркою, что оно «собственно относится къ глаголу dawać» (667, 1—2). Сокращенное написаніе «hić(ś)», стр. 671, 10, неточно, такъ какъ вѣдь по-нижнелужицки hyś. 3-ьеличныя muća, khodźa и напричастки mućo, khodźo (679, 9 сн.) лишь по недосмотру попали въ число формъ, примѣнившихся къ однинному 1-воличью — напротивъ, какъ и сказано выше, черезъ строку, muću и khodźu позаимствовались у mućo, khodźo, -ća, -dźa и у другихъ формъ настоящаго. Принявъ (694, пр. 2) мое пониманіе написаній *ey* и *ay* для полабскаго языка (какъ ei), Флоринскій всетаки не разъ употребляетъ ai: aid 695, п. 12, godai 697, п. 2, pülai тамъ же II, vaikai, -kě, -kè, küstai, vaikam тамъ же III, jai 698, 12.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно усмотрѣть у Флоринскаго и прямыя невѣрности[1]). Буква ě у Чеховъ вовсе не обозначаетъ «двугласнаго краткаго ie» (58 сер.), а обозначаетъ *e* съ предшествующимъ легкимъ j (неслогóвымъ i): město, běh, pět,

1) Неразъ, конечно, можно сомнѣваться, имѣемъ ли мы дѣло съ невѣрностями, или съ простыми недосмотрами.

květ = mịesto, bịech, pịet, kvịet. Что въ такихъ словахъ, какъ dělo, němy, tělo она выражаетъ *e* съ мягкостью предыдущаго со́звучника, на это указываетъ самъ авторъ, говоря, что ně, dě, tě пишутся «неправильно» вм. ňe, ďe, ťe. Напрасно Флоринскій противуполагаетъ старочешскія слова błázn дуракъ, bázn и kázn, какъ двусложныя, со слоговымъ n, теперешнимъ односложнымъ (77, 9—12): напротивъ, теперешнія двусложныя blázen, bázeň и kázeň (со вставнымъ *e*) въ старину были односложными[1]). Два раза (79 сер. и 80, 7) указывается, какъ множный ро́дникъ къ noha, — nóh, каковой выговоръ нѣкогда существовалъ, но долженъ былъ, при чисто звуковомъ развитіи, перейти въ nůh, или же (какъ случилось въ дѣйствительности), путемъ подражанія,— въ noh[2]). Совершенно не понимаю, на чемъ основано утвержденіе, будто по-чешски «*s*, *z* всегда тверды, а *c* — мягко» (90, 7 сн.): всѣ три звука, какъ почти всѣ чешскіе со́звучники,— средніе, способные къ легкимъ оттѣнкамъ подъ вліяніемъ слѣдующаго гласника; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ также непонятно, почему Флоринскій считаетъ твердымъ *c* въ пришлыхъ словахъ (plac, palac) и возникшее путемъ сліянія согласныхъ (co = čso, bohactví = bohatství). Неладно сказано, что у Чеховъ «нерѣдко (въ литературномъ языкѣ) j возникаетъ передъ начальными гласными, особенно передъ i» (94, вн.), тогда какъ призвукъ j передъ начальнымъ i (кромѣ союза i) обязателенъ[3]), а передъ другими гласными вовсе не появляется. Что́ это за особенность говоровъ дулѣбскаго и злинскаго выговоръ bůch, sních, chlep, vus (95, 5—4)? Вѣдь переходъ конечныхъ голосовы́хъ въ безголо́сные общечешское (въ то же время болѣе-менѣе общеславянское

1) Gebauer, Staročeské sklonění substantiv kmene -o. Pojednání Královské České Společnosti Nauk. Řady VII svazek I. V Praze 1886, стр. 4. Historická mluvnice, III, 86, стр. 49.

2) Gebauer, Staročeské sklon. sub. km. -a, тамъ же, svazek 2, 1888, стр. 8, приводитъ изъ рукописи Пророковъ XIV в. написаніе jeho nooh. См. также Hist. mluvn., III, 143, стр. 179.

3) Да и самъ Ф. тутъ же отмѣчаетъ начальное i (iný, iva, iskra, it) какъ *областную* черту.

и даже общечеловѣческое) явленіе, такъ что отмѣчать слѣдуетъ тѣ случаи, гдѣ его не бываетъ, напр. выговоръ dub, lud, krév, paúz[1]), nůž въ угорско-словенскомъ разнорѣчіи, какъ Бартошъ (I, 34, п. 6) и дѣлаетъ. Нарѣчіе kde въ выраженіи kdè jste?, съ двойною погрѣшностью, названо союзомъ и энклитикой. Въ двóйномъ числѣ служатъ де окончаніями «для основъ на согласный: y, i, ě (им., вин. п.) ... напр. koruhwy, kameny, rameny, dietietie, dvě tcletie» (104, п. 9). Букву *y* въ koruhwy и rameny мы, конечно, вслѣдъ за Гебауеромъ, должны читать i, а kameny— признать образованіемъ по éровому склоненію, на у́ковскій ладъ (какъ сыны). Hist. mluvn., III, 310, str. 339; 360, str. 417; 354, str. 409, такъ что *y* здѣсь вовсе не принадлежитъ «къ древнимъ окончаніямъ» (103, 1 сн.). Dva, oba не есть муж. и сред. р. (105, 2) — средній родъ совпадаетъ съ женскимъ, dvě, obě. Zemané, dvořané (108, п. 3) древнія образованія отъ согласныхъ основъ — вторичной приходится считать только долготу, идущую вѣроятно изъ и́жеваго склоненія; такая же форма и польское mieszczanie (444, 3—1). Какія это «словà чешскаго образованія» manžel супругъ, popel пепелъ, touł колчанъ, týl затылокъ (123, 8—11)? Развѣ они не праславянскія? Слово pondělí понедѣльникъ обыкновенно не муж. р. (130, п. 2), а средняго. Напрасно авторъ отрицаетъ существованіе въ старочешскомъ ро́дномъ падежа прикладочнаго склоненія dobré (156, 13—14)[2]), вслѣдствіе чего считаетъ нужнымъ выводить его путемъ отпаденія j изъ явно вторичнаго dobrej вм. dobřej, утратившаго смягченіе подъ вліяніемъ другихъ падежей, особенно должно быть именно ро́дника dobré[3]). Несовсѣмъ вѣрно, что въ литературномъ языкѣ чешскомъ конечный l глаголевыхъ причастій всегда удерживается (165, сер.). См. Сравн. морф., 537, пр. 2. Положеніе, что pojíti въ смыслѣ пропасть, погибнуть образуетъ настоящее

1) Paúz = pavuz шестъ, коимъ сверху придерживается увязанная кладь на возу (снопы, сѣно).

2) Gebauer. Hist. mluvn. III, 443, str. 542.

3) Сравнимъ впрочемъ также на слѣдующей стран., по серединѣ.

(будущее) pojdu и велительное pojdi, -ěte, отличныя отъ půjdu пойду и pojď, -te пойди, -ите (180, 6—8), есть, навѣрно, чье-нибудь мудрствованіе. Vari, -ite берегись, -итесь, разумѣется, нельзя считать «повел. накл. отъ устарѣлаго глагола varu» (192, 12), каковое звучало бы vař, vařte. См. Сравн. морф., Попр. и дополн., стр. 829—830. Нельзя допустить, чтобы при «послѣдовательной перегласовкѣ u въ i», «въ наст. врем. *сохранялись* u, ou: píšu, píšou, miluju» (196, п. 2): конечно, они *возстановлены*, по примѣру глаголовъ твердаго окончанія. Выговоръ kreju вм. kryju (-ji) совсѣмъ не однороденъ съ leju вм. liju (196 вн.): первое подражаетъ инфинитиву krejti изъ krýti, а второе представляетъ архаизмъ и равняется староцерк. лѣѭ. (Едвали можно, какъ я дѣлалъ ранѣе, возводить kreju къ праслав. крыѭ; впрочемъ и въ такомъ случаѣ оно не должно быть сопоставляемо съ leju). U dobrý sestry и u -rej -ry вовсе не звуковыя разновидности одного окончанія (197, п. 14): ý дѣйствительно соотвѣтствуетъ литературному -é (= *-ыјѣ* или мѣстоименному *-ојѣ*), -ej же находится въ связи съ *-ѣи* и съ *-ои*. Упрекъ Гебауеру, что онъ утверждаетъ, будто словацкое количество «вполнѣ» совпадаетъ съ чешскимъ» (263, 6 сн.), основанъ на ошибочномъ переводѣ слова celkem, означающаго «im Ganzen, вообще», а не «вполнѣ». Невѣрно, что азовыя окончанія словацкихъ формъ dlaňam, kosťam, dlaňach, kosťach и dlaňami не находятъ соотвѣтствія у Чеховъ (280, сер.) — самъ же Ф. приводитъ (137) соотвѣтственныя образованія daním, -ích, -ěmi. Правда, есть тутъ и разница: словацкія -am, -ach надо объяснять не простымъ заимствованіемъ, а сдѣлкою между -ām, āch и -ěm, -ěch (= -ьмъ и -ьхъ). Словà jazvec, švec и žnec вовсе не «переставляютъ» *е* въ другихъ падежахъ, jazevca, ševca и ženca (292, п. 7). См. Сравн. морф. 485, пр. 2 и статью Брюкнера въ Arch. f. sl. Ph., XII, 290 сл. До насъ вовсе не дошло полной Библіи на старопольскомъ языкѣ (392, 4 сн.): Софіина или Шарошпатацкая библія весьма неполна. Какъ можно говорить, что польское ę напоминаетъ не только франц. in въ pain, но и «un» (410, 2—3)? Со-

вершенно невѣрно, что «въ древнихъ рукописяхъ нерѣдко á обозначаетъ ясное *a*, а сжатое *a* напротивъ того передается обыкновеннымъ *a*» (417, пр. 2) — это замѣчается не въ рукописяхъ, а въ старопечатныхъ книгахъ, притомъ не только часто, а постоянно. Старопольское pwać, = **пъвати**, совсѣмъ не представляетъ превращенія u въ w (425, 7—8). Польское i послѣ гласныхъ (moi, szyi и т. п.) не даетъ никакого зіянія (тамъ же, 9—10), такъ какъ передъ нимъ слышится другое, неслогóвое i. Wszak, wszego, szedziwy отнюдь не «мѣстныя» словà (432, 10—9). Множный рóдникъ nadziei вовсе не особенность Мицкевича (443, 2), а обыкновенная, хотя и нѣсколько странная форма. Рóдникъ łże во Флоріанской псалтыри не есть примѣръ перехода слова ложь изъ йжеваго склоненія въ азóвое (444, 9—10), и мы его должны, вслѣдъ за Нерингомъ, относить къ назывнику łża = староперк. **лъжа**. Szwec (454, 7 сн.) — погрѣшность вм. szewc. Фамиліи Fredro и Kościuszko, конечно, совсѣмъ не литовскаго происхожденія (457, сер.)—литовскими ихъ можно назвать лишь по польскому способу, различая поляковъ-коронниковъ (koroniarze) и поляковъ-литовцевъ (litwini). Приводимое на стр. 460, п. 9, a, gęśla—форма небывалая. Radzi, warci и kontenci дѣйствительно принадлежатъ къ именнóму склоненію и только совпадаютъ съ прикла́дочными (сложными) образованіями (462, 6—5), но rade, warte и kontente такъ-таки образованы по «сложному» склоненію. Wezwawszy и skowawszy, взятыя, при посредствѣ Калины (Hist. j. p., 373), изъ Софіиной библіи (стр. 113 b и 278 b, по изд. Малъэцкаго), не могутъ служить примѣрами на употребленіе прóшлостнаго пáпричастка отъ глаголовъ несовершеннаго вида (480, 8—9), такъ какъ принадлежатъ къ совершенному; да и znamionawszy стоитъ (тамъ же 205 b) въ соединеніи napisawszy listy ... i zn., гдѣ играетъ роль того же совершеннаго вида[1]). Leciemy, chodziemy, представляющіе «e, несомнѣнно воз-

1) Изъ подобнаго же сочетанія взято и Калинино jechawszy Księgi Ustaw 24 b, 12: do wrot jego jechawszy i laskę (-ą?) uderzywszy. Читаемое у него же sławszy (Соф. 75 a) есть опечатка вм. slawszy=**сълышавъшн**.

никшее подъ вліяніемъ основъ настоящаго на e» (483, 6—5), должны быть объясняемы вліяніемъ однинаго l-личья на множинное. См. мою Кратк. фон. и морф. польск. яз., 40—41, а также у самого Флоринскаго, 500 сер. и 501 сер. же. Z, s въ кашубскихъ v́esc, ńesc, sedmé, serp, zeḿa, zébnǫc, конечно, не «остаются твердыми» (566, п. 12), а впослѣдствіи отвердѣли. Сравнимъ sodło, непремѣнно предполагающее śodło, śedło. Вовсе не «бо́льшая», а лишь малая часть сербовъ-лужичанъ исповѣдуетъ католицизмъ (584, 7—5). Далеко не точно сказано про лужицкую букву ř, что она «употребляется (за немногими исключеніями) только въ верхнелужицкомъ нарѣчіи», «звучитъ совершенно какъ š (ш) и принято изъ этимологическихъ соображеній только въ латинской графикѣ Матицы» (601, сер.) — вѣдь именно въ нижнелужицкомъ r чаще переходитъ въ š (см. у самого Флоринскаго, 618), и если Мука считаетъ знакъ ř «лишнимъ для нижнелужицкой графики», то дѣлаетъ это съ фонетической точки зрѣнія (Laut- und Formenlehre, 23, Anm.). Что слово радо (луж. radło, 616, 10 сн.) не представляетъ отпаденія *o*, отмѣчено уже въ первомъ моемъ разборѣ, стр. 14, сер. Что́ это за чередованіе l и r: kowal и kowaŕ (619, 7)? Вѣдь тутъ употреблены разныя наставки! Сравнимъ сербо-болгаро-словенское ковач, въ коемъ, конечно, никто не вздумаетъ выводить *ч* изъ *р* или изъ *л*. Нижнелуж. piła, разумѣется, не представляетъ нижнелужицкаго перехода *f* въ *p* (621, сер.), такъ какъ оно равно верхнелужицкому piła и общеславянскому пила, которое м. б. и заимствовано изъ старонѣмецкаго fila, съ указаннымъ превращеніемъ, но еще въ праславянскую пору. Твóрные падежи nožom, konjom, morjom нельзя выводить фонетически изъ ножемь, коńемь, моремь (634, сер.), а надо объяснять вліяніемъ твердаго различія. Множный рóдникъ swinі вовсе не есть подражаніе йжевому склоненію (642, сер.), а просто равняется староцерковному скинии и русскому свиней; напротивъ того, приводимое на стр. 639, п. 3 и 641, 5 сн. swiń есть подражательная форма — плодъ примѣненія іотоваго различія къ собственно-мягкому, произошедшаго, понятно,

въ такое время, когда еще господствовали безсуффиксные ро́дники zeḿ, ról и т. п. Нижнелужицкое окончаніе tej (pleśotej) едвали «могло возникнуть по аналогіи mej» (pleśomej, 658, 13—14), а скорѣе наоборотъ tej, возникшее подъ вліяніемъ указательнаго мѣстоименія, вызвало mej вм. moj.

И въ настоящемъ выпускѣ, также какъ въ первомъ, проявляется иногда слишкомъ свободное отношеніе къ звуковымъ законамъ. Срв. первую рец., стр. 11. Авторъ не затрудняется выводить чеш. zráti изъ зърѣти (62, сер.), тогда какъ тутъ надо предполагать разныя глагольныя примѣты. Онъ допускаетъ, что слово сѣра уже въ старочешскомъ, когда другія слова на мѣстѣ ѣ представляли ie, могло звучать síra (тамъ же) — я бы считалъ обязательнымъ для такого síra, рядомъ съ miera, viera, vietr и т. д., предположить въ словѣ сѣра праславянское колебаніе между *ъ* и *и*. Онъ не задумывается выводить *е* изъ *а* въ древнечешскихъ nem, vem вм. nám, vám, въ словѣ beran баранъ и въ областныхъ bezmale, telíř, jesan и selat (68 вв.). Изъ этихъ словъ nem, vem вѣроятно объясняются примѣненіемъ къ těm; bezmale— приняло обычное нарѣчное окончаніе -е = ѣ; telíř просто сохраняетъ *е* нѣмецкаго Teller; jesan должно быть есть су́мѣсокъ jasan и jesen; selat могло быть пріурочено къ причастію sel глагола síti-seti; соотношеніе фонемъ beran и баранъ (есть еще и бо-) неясно, однако не даетъ права выводить *е* изъ *а*. На той же стр., строка 6—7, авторъ допускаетъ, рядомъ съ обычнымъ переходомъ въ ляшскомъ говорѣ долгаго *а* въ *о*, такой же переходъ краткаго *а* въ словахъ pomać и pomatka вм. paměť и památka,— тогда какъ вполнѣ удобно видѣть здѣсь появленіе болѣе обычнаго предлога po, взятаго у глагола pomněti. Нарѣчія kame, tame, take съ переходомъ *о* въ *е* (71, сер.), надо полагать, произвели такую же подстановку обыкновеннаго нарѣчнаго окончанія, какъ bezmale. «Во многихъ» де «моравскихъ говорахъ (валашское, ляшское, злинское нар.) вм. u слышно иногда *у*: а) въ нарѣчіяхъ z mlady вм. z mladu, z nový вм. z novu, od hlady, z domy, po česky вм. po česku и др.; б) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сло-

вахъ: byď, byďte, slych» (74, вн.). Развѣ не ясно, что byď, -ťe явились подъ вліяніемъ býti, slych — подъ вліяніемъ slyšeti? Что po česky представляетъ сдѣлку между po česku и česky? (срв. рус. по-чешски). Z mlady и znovy должно быть содержатъ прикладокъ въ женскомъ родѣ; od hlady вѣроятно сумѣсокъ нарѣчнаго выраженія od hladu съ нарѣчнымъ твóрникомъ hlady. Только z domy неясно (подъ вліяніемъ z chalupy — изъ избы?); но неужели изъ-за него необходимо прибѣгнуть къ звуковому насилію? Въ вопросномъ мѣстоименіи kdo авторъ безо всякаго затрудненія говоритъ о переходѣ kt въ gd (87, 8 сн., 90, сер.),— вѣроятно тутъ надо допустить примѣненіе къ нарѣчіямъ kde и kdy. Выводитъ онъ также (93, 1 сн.) roští фонетически изъ roždí, какъ dešť изъ dežď, гдѣ имѣется правильное обезголóшеніе исхода[1]); тутъ, очевидно, примѣшался глаголъ růsti-rostu. Въ областныхъ формахъ нарѣчій vícej, dálej, ménej и т. п. Флоринскій говоритъ (94—95) о приставочномъ j; тогда какъ, разумѣется, здѣсь произошло примѣненіе къ другой наставкѣ сравнительной степени -ěji (později). Онъ утверждаетъ, что «др. j замѣнено l въ др. ч. ledno (вм. jedno = jen [только]) и морав. len (вм. jen)» 95, 3—4; хотя тутъ же признаётъ, что «въ ledva рядомъ съ jedva l происходитъ изъ праслав. періода». Отъ этого ledva, или же прямо отъ le, = лѣ, кле, и могъ быть заимствованъ звукъ l въ ledno. Относительно r Флоринскій допускаетъ, что онъ «иногда передъ ъ и е (первичными) не смягчается въ ř . . ., напр. bereš вм. beřeš, ber, berte вм. beř, beřte, doktore!, sbore!, stařec и starec» (83, 6—4) — это все несомнѣнно вторичные плоды примѣненія къ родственнымъ формамъ, напр. у слова stařec къ косвеннымъ падежамъ, гдѣ сложное созвучіе ršts упростилось въ rts. Сравнимъ у самого Флоринскаго 183, 4 сл. Въ польскихъ глаголахъ rznąć и ośląć авторъ усматриваетъ изчезновеніе гласнаго е (425 сер.); но е непремѣнно бы уцѣлѣло, основныя же фонемы были рьзнѫти и **осль(п)нѫти**. Онъ, не за-

1) Deště, -i и т. д. суть новотворки къ назывно-винительному dešť.

думываясь, допускаетъ въ областной рѣчи у Поляковъ совсѣмъ странное отпаденіе начальнаго r въ предлогѣ roz: ozlał, ozdać, ozłożyć (434, 9—8) и g въ словѣ robak червь (435, 2). Областное же (лясовское) podnoga вм. -ło- полъ представляетъ молъ n изъ ł, тогда какъ оно легко объясняется примѣненіемъ къ слову noga. Въ словахъ inny, panna, rynna водосточная труба будто бы удвоился простой n (427 сер.); изъ нихъ rynna пришло съ такимъ n отъ нѣмцевъ (Rinne), panna (= паньна) имѣетъ два этимологическихъ n, а inny, видимо, пріобрѣло второй n, замѣнивъ старый прикладочный суффиксъ -y, -a, -e болѣе живымъ -ny, -na, -ne. Авторъ допускаетъ, что «гласный y иногда замѣняетъ другіе гласные — *e*, *u*, *i*: garnyšek, słonyško, dzvonyšek, chłoryšek, vonyšek,....krychy; въ твор. мн. ч. my вм. mi: jajmy, vołmy, ńemy... (540, n. 7)[1]); -yšek, -yško, конечно, другіе суффиксы вм. -eček, ečko, -ušek, -uško; krychy — другая огласовка корня; -my — сумѣсокъ окончаній *mi* и *y*. Въ исходѣ словъ могутъ де появляться у Лужичанъ (преимущественно въ разныхъ говорахъ) n, m, r, напр. нижнелуж. ten, wšen, nĕchten, nichten, верхнелужицкія tón, wšón, nĕchtón, nichtón; lĕbdyn, wjelgin, žgan (нижнелуж.), lĕbdym, lĕdym (нижнелуж.), hyšćer, južor (нижнелуж.), nĕntor (гродецк. г.), tamkor, tuder (628, 10—6). Что это за приставки ни съ того, ни съ сего?

Въ иныхъ случаяхъ впрочемъ и Флоринскій прибѣгаетъ вмѣсто фонетическихъ объясненій къ аналогіи, иногда даже безъ особенной надобности. Такъ мнѣ кажется гораздо естественнѣе допустить переходъ *c* въ *č* чѣмъ объяснять слова občan, Olomučan, къ obec община, Olomouc, вовсе не аналогичнымъ Pražan при Praha (92, прим.). Совершенно не правдоподобно, чтобы *e* въ давальникѣ prácem «удержалось по аналогіи имен. ед. и мн. ч. и тв. мн.» (120, вв.). Впрочемъ въ этомъ случаѣ дѣйствительно не обойдешься безъ посторонняго вліянія, а именно ижеваго скло-

1) Здѣсь Флоринскій воспроизводитъ показанія Оскара Кольберга (Lud, IV, Kujawy, Warszawa 1867, стр. 285, 79 и 284, 57); но воспроизводящій безъ оговорки чужой взглядъ беретъ его на свою отвѣтственность.

нения: prácem по kostem, какъ наоборотъ daním по duším. Польское областное dobry вм. dobrej рѣшительно незачѣмъ объяснять примѣненіемъ къ именному склоненію (511, п. 27) — оно легко могло возникнуть фонетически изъ -éj, -yj.

На счетъ нѣкоторыхъ вопросовъ Флоринскій выражается чрезвычайно осторожно. Такъ онъ говоритъ (167, пр.), что «только въ заподозрѣнныхъ текстахъ встрѣчается флексія ši: piješi, chceši (Краледворская рукопись), neimaši, mlviši (Отрывокъ Евангелія отъ Іоанна)», не рѣшаясь, по излишней уже осторожности, назвать эти рукописи прямо подложными. Онъ говоритъ, что у поляковъ «въ повел. накл. вм. ожидаемыхъ dz, c .... слышится ż, cz: ląż, pomóż, piecz, tłucz» (430, 5—4), не прибавляя столь очевиднаго объясненія, что ż и cz пришли сюда изъ настоящаго; да и на стр. 484, сер., онъ не признаётъ этого объясненія несомнѣннымъ, а только возможнымъ.

Подчасъ однако мы находимъ въ разбираемой книгѣ сужденія вовсе не осторожныя, а напротивъ того довольно смѣлыя. Такъ, по словамъ Флоринскаго, «необходимо предположить, что, покидая общую славянскую родину, чехи уже говорили своею особою рѣчью, отличавшею ихъ отъ другихъ славянскихъ сородичей» (34, 12—10). Я не вижу тутъ никакой необходимости и никакихъ основаній для того или иного сужденія. Точно также считаю слишкомъ рѣшительнымъ замѣчаніе, что къ IX—X ст. обликъ чешскаго языка, нужно думать, опредѣлился съ достаточною ясностью и совмѣщалъ въ себѣ тѣ характерныя черты, которыя въ позднѣйшую пору отличали его отъ другихъ славянскихъ языковъ» (34 же, 4—1). Въ дѣйствительности тогда не было напр. суженія (перегласовки), не было ŕ, не было совпаденія ы съ і, ни ѣ съ І. Отмѣченное въ одной грамотѣ (1028 г.) Dubreu нашъ авторъ не затрудняется выводить путемъ перегласовки изъ Dubrava (37, сер.) — здѣсь или описка, или совсѣмъ другое слово. Не много ли сказано, что «въ древнѣйшую пору, въ Кирилло-Меѳодіевскую эпоху (IX ст.), чехо-мораване пользовались, если не исключительно, то преимущественно, славянскимъ письмомъ

(кириллица и глаголица)»? (56 вв.). Также и преемственность въ употребленіи глаголицы подлежитъ сильному сомнѣнію. Подобнымъ же образомъ какъ насчетъ древности чешскаго языка, авторъ высказывается и насчетъ древности польскаго (388 сер.): «имѣя въ виду аналогію другихъ славянскихъ языковъ, нужно допустить, что и языкъ славянскихъ колѣнъ ляшской вѣтви, сложившихся впослѣдствіи въ польскій народъ, представлялъ свои характерныя особенности, отличавшія его отъ другихъ родственныхъ языковъ, уже въ періодъ выселенія племени изъ общей родины въ привислинскія страны (въ VI в.)». Не вижу, далѣе, основанія думать, чтобы въ праславянскомъ языкѣ употреблялись назы́вничныя формы jь, ja, je (149, 5). Довольно смѣлымъ мнѣ представляется мнѣніе (высказанное, правда, какъ свое личное), будто «необходимо признать, что польскій языкъ издавна представлялъ три главныхъ носовыхъ гласныхъ: ǫ, ę, ą̃» (415, сер.). Естественнѣе думать, что польская рѣчь въ древнѣйшее время представляла носовые гласники *o* склонное къ *a* и *e* склонное къ тому же *a*, причемъ второму предшествовали мягкіе со́звучники, и то́ и другое могло быть долгимъ или краткимъ: sǭ^{a}d, sǫ̆^{a}k, ŕę̄^{a}d, ṕę̆^{a}t́; потомъ носовые o^{a} и e^{a} совпали въ одномъ носовомъ *a*: są̄d, są̆k, ŕą̄d, ṕą̆ć, и наконецъ уже ą̄ перешло въ ǫ, ą̆ — въ ę (sǫd, sęk, řǫd, ṕęć), причемъ иногда — по невыясненнымъ причинамъ — сохранялось носовое *a*. Пожалуй возможно, но по моему, совсѣмъ не «вѣроятно», что значительное «разнообразіе говоровъ среди маленькаго серболужицкаго народа восходитъ къ глубокой древности» (585 вн.).

Несмотря на все свое вниманіе къ исторической сторонѣ дѣла, — срв. хотъ указанія на стр. 97, 3—4 и 10, что b и p въ чешскихъ hnuti, hynouti, hřésti, usnouti, kanouti выпали уже въ праславянскую эпоху, и что къ ней же относится вставочный n въ do nĕho, — авторъ впадаетъ въ иныхъ случаяхъ въ неисторичность. Слово jest со своимъ праславянскимъ при́звукомъ совершенно некстати помѣщено рядомъ съ jíti и областнымъ jоči (81 сер.). Давально-мѣстный падежъ слова deska—desce (133,

п. 4) не можетъ служить примѣромъ измѣненія *k* «передъ *e* на основаніи общихъ законовъ языка», такъ какъ онъ звучалъ нѣкогда dešče, dešte, и лишь впослѣдствіи превратился въ desce подъ вліяніемъ такихъ случаевъ какъ ruka — ruce и víska — vísce (изъ вьсъка). Геб., Hist. mluvn., III, 137, стр. 176[1]). Если молъ въ чешскихъ инфинитивахъ «передъ t оказывается согласный, который не соединяется съ этимъ звукомъ, то они подвергаются взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка, напр. vésti, plésti, péci» (161, 5—3) — но вѣдь это явленія не чешскія, а праславянскія и славянолитовскія. Срв. 1-ую рец., 11. Какъ одна изъ особенностей грозенковскаго говора чешскаго языка указывается (338, п. 3), что «*e* исчезаетъ изъ окончанія ečeк: chlapček», тогда какъ тутъ имѣется правильное проясненіе средняго изъ трехъ глухихъ въ основной фонемѣ хлапьчькъ, а литературное chlapečeк переняло первое *e* у косвенниковъ chlapečka и т. д. Правда, Ф. въ указанномъ мѣстѣ говоритъ не отъ себя, а повторяетъ слова Бартоша (Dial. mor., I, 40, 8), и надо думать, что онъ, равно какъ и Бартошъ, знаетъ настоящее положеніе дѣла (срв. у Бартоша стр. II, вн.) — но зачѣмъ же выражаться такъ ненаучно и сбивать этимъ учащихся? Въ областныхъ польскихъ bieresz, biere r конечно не сохранился въ несмягченномъ видѣ (426, 3—2), а возстановленъ изъ такихъ формъ, гдѣ за нимъ слѣдовалъ широкій гласникъ или же со́звучникъ. Утверждая, что «передъ согласными n иногда твердѣетъ: piosnka» (427 сер.), авторъ забываетъ, что основной видъ этого слова есть пѣснѧка. Одни́нное перволичье umiejem, стягиваемое въ umiem (483 сер.) — форма небывалая; также и działam не представляетъ «стяженія изъ первичнаго aje» (тамъ-же, 3 сн.). Срв. мою Краткую фон. и морф. польск. яз., 39, и кашуб. znają. «Праславянское je «у настоящаго къ глаголу być» раньше всего исчезло въ 3 л. мн. ч.» (488, 4 сн.) — да вѣдь тутъ ко-

1) Срв. приводимое самимъ Флоринскимъ (92 вн.) vojště, рядомъ съ которымъ, правда, и тамъ поставлено desce и однородное съ нимъ Polsce—по-старинному Polšče, Polšte. Срв. также выше, стр. 208 (о. о. стр. 8), стрк. 12 сн.

ренной гласникъ *е* исчезъ еще въ индоевропскомъ праязыкѣ. Срв. мою статью «О сильных и слабых формах», 24 (= Р. Ф. В., XIV, 344), пр. 2. «Въ един. ч.» (лужицкаго велительнаго наклоненія) «личныя окончанія (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли» (660, 13—14)—развѣ это произошло въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ? Вѣдь во 2 лицѣ s отпалъ у Праславянъ, а въ 3-мъ t — у Славяно-литовцевъ.

Случается автору, хотя онъ обыкновенно строго отличаетъ звуки отъ буквъ, принимать кое-гдѣ правописныя особенности за языковыя. Въ чешскихъ словахъ dcka, předce, dvadcet онъ видитъ переходъ *s* въ *c*, въ bohactví, dvanáct — переходъ въ тотъ же звукъ сочетаній ts и ds (91 вн.). «Иностранное s передается» молъ «то черезъ š, то черезъ ž: Ježíš (Jesus), Mojžíš (Moyses), Šimon, Šavel, Mikuláš, groš, verš (versus), žehnati (segnen), žeml (Semmel)», 93 сер., причемъ не обращено вниманія на то, что буквѣ s въ однихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ звукъ s (безголосный), а въ другихъ — звукъ z (голосовой), каковая двойственность и отражается въ чешскихъ š и ž. На стр. 149, 13, приводится литературное kdo при народномъ gdo, тогда какъ тутъ имѣется лишь двоякое написаніе одной и той же фонемы, безіотыя sem, si, sme, ste, sou (175, 1 сн.) только иное правописаніе вм. іотовыхъ, гдѣ начальный j не произносится. Этотъ j слышится лишь въ отрицательныхъ nejsem, nejsi и т. д.; именно вообще слышится, а не то, чтобы онъ слышался и помимо отрицанія, но не такъ сильно (176, 3). Въ такомъ же соотношеніи находятся литературное jdu съ j, народное du безъ j (180, 8—9) и отрицательное nejdu, о коемъ Флоринскій забылъ упомянуть. Вслѣдствіе того, что словацкое dvadsať, съ буквами ds, звучитъ такъ же, какъ съ буквою *c*, то на стран. 305, стрк. 1 сн., при чтеніи вслухъ не получается смысла. То же самое на стран. 306, у чиселъ tricať и štyricať. Польское jabko, безъ ł, есть только болѣе звуковое написаніе вм. обыкновеннаго j-a-b-ł-k-o, въ коемъ ł не читается, а вовсе не областное (434, 10 сн.). Сравнительныя степени słabszy, łakomszy, nowszy, bogatszy и starszy, въ коихъ

«согласные не смягчаются» (473—474) должно быть представляютъ звуковыя начертанія вм. этимологическихъ съ b̓, m̓, w̓, c и rz[1]). Liż̇szy (съ ż̇) къ lichy, якобы возникшее «по закону расподобленія» (474, 1—2) есть лишь мудреное написаніе по образцу wyż̇szy (нарѣчіе wyżej) и niż̇szy (нарѣчіе niżej). То же самое относится и къ ż̇ въ ciż̇szy. Разница между верхнелужицкими kŕemjeń, kŕik и нижнелуж. kśemjeń, kśik (607, 2; 618, 8—10) существуетъ лишь на бумагѣ — еще разъ при чтеніи вслухъ получается нѣчто неладное. Рядомъ съ утратившими начальное ch нижнелуж. cu, coš, co (628, 1) надо было бы поставить и верхнелуж. chcu, chceš, chce. Срв. выше, стран. 210 (о. о. 10), серед. Невѣрно говорить, что заимствованное лужичанами нѣмецкое tausend тысяча звучитъ въ верхнелужицкомъ tauszn̥t, въ нижнелуж. tǫuzynt» (644 сер.): слышится и тутъ, и тамъ приблизительно такъ же, какъ по-нѣмецки, tǫuzn̥t, и только пишется то ближе къ нѣмецкому письму, то ближе къ произношенію[2]).

Къ приведеннымъ случаямъ увлеченія буквами можно прибавить еще нѣкоторыя мѣста, гдѣ авторъ говоритъ довольно странныя вещи; причемъ вѣроятно по большей части имѣются простыя обмолвки, которыя могли бы быть включены выше въ списокъ «неточностей», хотя и наоборотъ кое-что оттуда пожалуй было бы вѣрнѣе отнести сюда. Позволительно ли сомнѣваться, что слогъ re въ чешскомъ krev и т. п. словахъ произошелъ изъ ръ, а не изъ слогового r (или ър)? Стр. 77 вв. Не вижу также основанія сомнѣваться въ положеніи, что чехи въ старѣйшее время не знали шепеляваго r (84 пр.): если допустить, что издавна произносили ř и только (Богъ вѣсть по какимъ соображеніямъ) писали просто r, а не rz или rs, то вообще нельзя

1) Можно впрочемъ указать вторичныя образованія, гдѣ смягченіе несомнѣнно отсутствуетъ: cichszy (рядомъ съ ciż̇szy), lichszy (рядомъ съ liż̇szy, о коемъ сейчасъ будетъ рѣчь), miększy и lekszy (рядомъ со lżejszy).

2) Мнѣ сдается, что и чешское au въ какомъ-нибудь saud (Флор. 74, 5 сл.) было лишь написаніемъ на нѣмецкій ладъ. Срв. принимаемое Флоринскимъ мнѣніе Ягича (оно и мое) о написаніи ay вм. ej изъ ý (73 сер.).

дѣлать никакихъ выводовъ изъ написанія памятниковъ. Какъ можно говорить, что въ мягкомъ различіи азóваго склоненія у чеховъ съ падежами давальнымъ, мѣстнымъ и винильнымъ (duši) совпали также однинный твóрникъ и множный рóдникъ, гдѣ і (какъ тутъ же оговаривается) долгое? Стр. 112, III, 2. Не знаю, чего Флоринскій удивляется, что даже за послѣднія триста лѣтъ (шутка ли 300 лѣтъ?) въ [чешскихъ] нарѣчіяхъ произошли болѣе или менѣе существенныя измѣненія» (195, 5—4). Чтó за странное выраженіе: «придерживаясь современной терминологіи, можно было бы сказать, что словацкій языкъ есть по преимуществу живой потомокъ славянскаго праязыка» (238, 8—10). И неясно, и недѣльно замѣчаніе, что «іотаціей *a* послѣ мягкихъ согласныхъ словацкій отличается отъ чешскаго и сближается съ малорусскимъ нарѣчіемъ» (253, 5—3). Не могу не опротестовать также слѣдующаго сужденія: «такъ какъ слова čerešňa, čerieslo въ полногласной формѣ свойственны не одному какому-либо говору, а всему [словацкому] языку, то естественно въ нихъ видѣть одно изъ многихъ свидѣтельствъ исконнаго родства словацкаго языка съ русскимъ» (259—260). Чтó здѣсь предполагается? Существованіе полногласія во времена какого-то русско-словацкаго единства?! Столь же непонятно мнѣ сомнѣніе во вторичности такихъ явныхъ новотворокъ, грѣшащихъ противъ праславянскаго закона смягченія, какъ давально-мѣстные падежи ruke, noh̃e, much̃e, какъ множные назывники velkí, mnohí, tichí, какъ сравнительныя степени horkejší, trpkejší, rezkejši, krehkejší, ľudskejší и какъ притяжательные прикладки matkin, macochin, strigin, и предположеніе, что «не правильнѣе-ли видѣть въ нихъ одну изъ тѣхъ многочисленныхъ кажущихся аномалій, которыя подтверждаютъ съ одной стороны своеобразность словацкаго языка, а съ другой стороны его близость не съ однимъ только чешскимъ языкомъ, но и со многими другими славянскими языками, въ данномъ случаѣ съ русскимъ?» (272—273). Непозволительно также, въ виду праславянскаго сýженія *o* послѣ мягкости въ *e*, говорить,

что словацкія формы mužovi, -om, -ov, -och, poľo «можно объяснять двояко: или общимъ вліяніемъ твердаго склоненія на мягкое, или способностью сохранять непередласованное *о* послѣ мягкихъ согласныхъ» (279—280); самъ авторъ, черезъ три строки, даетъ зóвному падежу dušo первое, единственно возможное объясненіе. Совершенно излишне искать основанія старопольской путаницы въ обозначеніи *ы* и *и* въ переходѣ съ одной стороны *кы, гы* въ ki, gi, а съ другой — *ци, жи, ши, чи* въ cy, ży, szy, czy (399, 5): она просто проистекала изъ того, что латинская азбука представляла два знака для звука *і* и ни одного для *ы*, и что не сразу установилось условное разграниченіе буквъ *і* и *у*. Чисто механично и неестественно говорить у поляковъ о переходѣ первичныхъ tj и dj послѣ s и z въ шипящіе, а не въ свистящіе: chłostać — chłoszczę, gnieździć — gnieżdżę (428, 11—13). Срв. мою замѣтку «Два слова о смягченіи т и д». Граммат. зам., стр. 74 = Р. Ф. В., VII, 268. Странно видѣть «смягченіе *с*» въ словахъ zwierciadło и świecie (431, 15—14): zwierciadło при староцерк. **зрѣцало** очевидно развилось не фонетически, а подражательно. Срв. Грамм. зам., IV = Р. Ф. В., VI, 331. Na świecie правильная форма отъ świat; или это какая-нибудь (мнѣ неизвѣстная) областная форма давально-мѣстнаго падежа слова świéca, вродѣ бескидскаго мѣстника grosie отъ слова grosz? (Сравн. морф. 580, прим. 2). На это, однако, надо бы было прямо указать. Какое имѣется основаніе считать старопольскія и народныя sąśmy, sąście «искусственными формами»? (489 сер.): онѣ столь же естественно могли возникнуть при множномъ 3-тьеличьи są, какъ jestem и jesteś при одинномъ jest. Какое такое «расподобленіе согласныхъ» можно усмотрѣть въ словѣ modlitba (сѣверозап. говоръ верхнелуж. нар., иначе -wa): b вм. w, а также въ нижнелужицкихъ karwona ворона (по-верхнелуж. hawron воронъ): k вм. g; niedoryć (по-верхнелуж. -t-): d вм. t; chrapa капля (по-верхнелуж. krjepa), chto, duchtać, klěb (по-среднелуж. ch-, по-верхнелуж. kh-) и kšěš (по-верхнелуж. chcyć): k вм. ch и наоборотъ; ledba едва (по-верхнелуж. -ma) и

głum рядомъ съ głub кочерыжка: чередованіе m и b? (626—627). Одно только верхнелуж. štyri вм. čt- (по-нижнелуж. st-) допускаетъ такое объясненіе, въ виду того, что čt = tšt, хотя и тутъ слѣдуетъ видѣть не расподобленіе, а упрощеніе сложнаго созвучія. Кромѣ этого случая, да еще кромѣ cht вм. kt, здѣсь нечего думать о звуковыхъ переходахъ, а только о подстановкѣ другихъ наставокъ и о примѣненіи къ другимъ словамъ [1]). Что это за «вставка k» въ нижнелуж. skrygaś рыгать (которое мнѣ неясно), 628, 5 сн.; вѣдь, если и смотрѣть на дѣло чисто механически, тутъ можно говорить развѣ о «приставкѣ sk». Позволительно-ли видѣть (628, 2—1) вставку b въ словахъ wučobnik (верхнелуж., нижнелуж. -ca-) ученикъ и wědobny (нижнелуж., по-верхнелуж. -mny)? Во второмъ словѣ прежде всего никакъ нельзя усмотрѣть вставки, а только, пожалуй, переходъ m въ b, а кромѣ того въ обоихъ случаяхъ естественно признать производство отъ словъ на -ba, или примѣненіе къ нимъ: wučba — wučobny — wučobnik (= рус. учебник); wědobny или дѣйствительно отъ нынѣ, кажется, не существующаго wědba, или же изъ wědomy, -mny, но съ мыслію о такомъ словѣ и съ примѣненіемъ къ нему. Не рѣшился бы я также написать, что нижнелужицкія cerkwej, kšwej кровь, tawiś таить, скрывать и общелужицкое pawk паукъ представляютъ вставку w (628—629). Въ первыя два, послѣ перехода конечнаго ẃ въ j, w вновь внесенъ изъ косвенниковъ (cerkẃe). Срв. морф. 720, пр. 3; pawk представляетъ не вставку, а переходъ слогового u въ неслогóвое; tawiś должно быть мудреное произношеніе (можетъ быть только правописаніе?) вм. tajiś, по образцу какого-нибудь dawiś, произносимаго dajiś; одно пришлое piwonija дѣйствительно развило себѣ вторичное w между несочетаемыми съ собою гласными; среднелуж. knihwy (и по-нижнелуж. ták̔ъ, или же -ły) мнѣ неясно [2]). При-

1) Не вижу расподобленія также въ областныхъ польскихъ словахъ chto, chtory, styře, stvarty, kvała, křest, Krystus, skovej 434, сер.

2) Флоринскій здѣсь выписываетъ изъ Муки, но выписывая онъ, какъ сказано уже выше, принимаетъ на свою отвѣтственность повторяемыя толкованія.

водя, какъ и предыдущіе примѣры, изъ Муки нижнелуж. głowjedo говядо и общелуж. stadło, не слѣдовало опускать столь естественнаго объясненія ихъ вліяніемъ реченія głowa (вѣдь скотъ считаютъ по головамъ) и ходячаго окончанія -dło. Подобнымъ же образомъ, полагаю, и marzle корь или краснуха (нѣм. Masern и областное Masseln корь — Mucke, 280) переняло r у глагола marznuś. Не понимаю, какъ можно говорить о «совпаденіи» глагольной наставки -my (palimy, damy) съ соотвѣтственнымъ мѣстоименіемъ 1 л. мн. ч. my (657): вѣдь окончаніе my несомнѣнно вышло изъ -мъ (можетъ быть изъ -мо или -ме) примѣнительно къ этому мѣстоименію.

Нѣкоторыя положенія Флоринскаго я не рѣшаюсь прямо отвергать, но все-таки считаю нужнымъ оспаривать. Старочешскій звукъ, передаваемый латинскою буквою g въ какихъ-нибудь Bogumil или Dobrogost (38, п. 5), могъ и не быть настоящимъ, взрывнымъ г (брага), а могъ быть г проточнымъ (благо). Высказавшись въ такомъ смыслѣ въ своихъ Лекціяхъ по историч. грамм. рус. яз., 113—114, я возобновилъ мысль, высказанную еще Добровскимъ, слѣдующими словами: «латинскіе писцы обыкновенно выбирали для передачи нашего h букву g, какъ до сихъ поръ пишутъ Praga вм. Praha. Церковно-славянскій глаголь есть собственно средній звукъ между g и h» (Geschichte der böhmischen Sprache und älteren Literatur, Prag 1818, S. 80—81). Večeros (60, 8) должно быть замѣнило -es подъ вліяніемъ letos[1]). Областное Lihota вм. Lh- (тамъ-же и 72, 11—9), навѣрное, прошло черезъ посредствующую ступень L̓hòta съ мягкимъ слоговымъ l; въ старочешскомъ dĭbrĭ первое i должно быть прямо обозначаетъ узкій глухой ь, второе же служитъ «мягкимъ знакомъ». Неперегласованное *a* въ моравскихъ говорахъ (duša, muža, lavica, moŕa 64, 5—3) я по большей части склоненъ объяснять не сохраненіемъ старины, а примѣне-

1) Приводимыя также, какъ примѣры на *o* изъ ъ, bleskot, chrapot, надо полагать, содержатъ другую, хотя и родственную съ -ѣтъ, наставку -отъ. Срв. общеслав. животъ.

ніемъ мягкихъ окончаній къ твердымъ. Сомнѣваюсь, чтобы чеш. «krchov (нѣм. Kirchhof)» кладбище было однородно съ областными фонемами slnу́, klč вм. silnу́, klíč (75, 14—13): чешскій слоговой r едва-ли не ближе къ нѣмецкому глуховатому слогу ir, нежели чешскій слогъ ir. Созвучіе žď изъ zg и zd (roždička, hyžděn) 92, 12—9, я считаю необходимымъ объяснять сохраненіемъ въ соединеніи žďž́, перешедшемъ впослѣдствіи въ žď, древнѣйшаго праславянскаго смягченія g и d въ dž́. Не вижу никакой надобности возводить чеш. jho къ праслав. jьго (94, J, 3): можно исходить и отъ формы иго. Спорить буду, далѣе, противъ утвержденія, будто въ чешскомъ языкѣ «гораздо больше» остатковъ именного склоненія прилагательныхъ, «чѣмъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ» (141, 7—6). Уже самъ Флоринскій оговариваетъ (141—142), что сравнительная сохранность названнаго склоненія замѣчается преимущественно въ языкѣ старинномъ и книжномъ, къ чему я прибавлю, не вдаваясь въ подробности, что по-русски чаще пользуются именными формами въ качествѣ сказуемаго (он мал, велик, тих и др.), и что сербы—въ извѣстномъ смыслѣ также словенцы[1]) — до сихъ поръ сохранили, хотя не безъ внесенія туда сложныхъ окончаній, даже грамматическія категоріи прикладковъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ. Не могу одобрить еще причисленія, вслѣдъ за Гебауеромъ, къ мѣстоименному склоненію мѣстоименій личныхъ и возвратнаго, коимъ остальныя противуполагаются, какъ «собственно мѣстоименное склоненіе» (145—146): вѣдь первыя несомнѣнно гораздо ближе къ именамъ, чѣмъ къ другимъ мѣстоименіямъ. Аористныя 3-тьеличья vedu, nesu, pohřebu, užasu se должно быть представляли не долгое, а краткое u, и награждаются долготою лишь по невѣрной аналогіи настоящаго, такъ какъ конечные гласники, помимо стяженныхъ, какъ dobrá, -ré, и продолженныхъ въ нѣкогда закрытомъ слогѣ, какъ въ настоящномъ vedú, -ou, бываютъ кратки. Кажется, невѣрно, чтобы «въ выразитель-

1) Срв. 1-й разборъ, стран. 7, сер.

ной рѣчи вспомогательный глаголъ» (въ прошедшемъ времени у чеховъ) былъ бы «необходимъ» (174, сер.), хотя такъ говоритъ Миклошичъ (Сравн. морф., 565). Объясненіе настоящаго krejи вм. krуjи изъ велительнаго, перешедшаго-де изъ krуj, черезъ krý, въ krej, сложнѣе и менѣе естественно, чѣмъ указанное выше, стр. 230,8 (о. о. 31,8). Также для падежныхъ формъ tým, tých, tými Флоринскій предпочитаетъ самому естественному объясненію ихъ изъ сложнаго склоненія, при коемъ понятна и долгота, менѣе удобное объясненіе — изъ мягкаго различія (299, 9—14). Сомнѣваюсь, чтобы по-словацки dám обыкновенно замѣнялось посредствомъ dajem (315, 1 сн.), и думаю, что dajem есть другая форма вм. dávam. Положительно не вижу надобности, изъ-за непривычности современному россіянину и даже поляку согласныхъ группъ, представляемыхъ словами Флоріанской псалтыри stdze, czsnoty, czso, dziedziczstwo, предполагать въ этихъ группахъ присутствіе глухого (398, п. 4): вѣдь такія фонемы, какъ переходныя, если-бъ онѣ и не встрѣчались, слѣдовало бы предположить. Единичныя ociеca (oczecza) и mieniе (mene) въ качествѣ давальника, конечно, также не доказываютъ существованія глухихъ: ихъ можно бы объяснить заимствованіемъ *е* изъ назывника ociec и изъ древняго рóдника мене, но проще всего считать описками. Bydło въ смыслѣ владѣнія, possessio (по-чешски въ смыслѣ жилища, habitaculum), czysło, posledni и нѣк. другія словà, приводимыя на стр. 400, 6—4, могли бы и не быть чехизмами, а древними чешско-польскими. Замѣчаніе, что «въ (польскихъ) говорахъ иногда смѣшиваются l и ł» слѣдовало бы подтвердить иными примѣрами, какъ chwilka и chwiłka, łokaj и lokaj (426, 12—13): во второмъ словѣ имѣется двоякая передача нѣмецкаго средняго l (сравн. рус. лампа и польс. lampa), а первое (также пришлое) слово то сохраняетъ передъ наставкою ka свой мягкій l, то подвергаетъ его отвердѣнію, по примѣру туземныхъ словъ, нѣкогда кончавшихся на -ъка: wieś — wioska, nić — nitka. Въ случаяхъ смягченія g въ свистящій (кѣнязь, нозѣ) я считаю необходимымъ приписать праславянамъ не «мягкое z»

(431 сер.), а такое же dz. Областное польское велительное rvi, рядомъ съ pi вм. pij, можно, пожалуй, выводить изъ обыкновеннаго rwij (435, 7), но его можно считать и архаизмомъ. Относительно того, что въ малопольскомъ произношеніи «*e* не разширяется въ *o*: véze, véde, plete (1 л. ед. ч.), vézła, pletła, ośeł, koźeł, koćeł, ḿetła, vésna, vésło» (508, п. 3), я сомнѣваюсь и былъ бы склоненъ предположить скорѣе возстановленіе *e* изъ родственныхъ формъ; слова на eł = ьлъ фонетически вполнѣ законны, и въ оправданіи нуждается широкій выговоръ osioł и т. д. Объяснять народныя vźon, don изъ wziął, dął черезъ vźonł, donł (510, п. 13) дѣйствительно возможно, но по моему естественнѣе видѣть здѣсь сліяніе носового пáзвука съ зубникóмъ ł въ посовой зубни́къ n. Не вижу надобности выводить ě въ лужицкихъ многократныхъ глаголахъ bĕrać (-ś), wudzĕrać (huźĕraś), wumĕrać (humĕraś) изъ i (611, 9—11), такъ какъ его можно выводить изъ ѣ. Не думаю, чтобы лужицкій ро́дникъ tebje прямо могъ считаться давальникомъ (646, 11—12) — мнѣ сдается, что это переиначенное подъ вліяніемъ другихъ падежей, ближайшимъ образомъ давальника, ćebje = тебѣ.

Не разъ мнѣ казалось бы нужнымъ прибавить ко сказанному у Флоринскаго еще нѣкоторыя указанія и соображенія. Такъ не одни же старинныя написанія съ ui, вродѣ Buistrice, свидѣтельствуютъ о различіи въ старочешскомъ языкѣ между *i* и *y*, но видно оно уже изъ обыкновеннаго правописанія, а также изъ того, что только долгое *y*, а не *i* (исключая перешедшее предварительно въ *y*), превратилось въ ej. Если Чешскіе братья послѣ *c*, *s* и *z* всегда писали *y*, различая *i* и *y* въ другихъ случаяхъ (49, пр. 1), то очевидно потому, что они, подобно какъ сербы-лужичане, произносили cy, sy, zy, хотя первый слогъ всегда, а другіе два нерѣдко восходили къ узкимъ слогамъ ci, si, zi)[1]. Приводя самородное настоящее sberu при инфинитивѣ sebrati (68

1) Соображеніе это даже излишне, въ виду имѣющихся прямыхъ указаній. Geb., Hist. mluvn., I, str. 212.

сер.), не мѣшало оговорить, что теперь преобладаетъ примѣненное къ инфинитиву seberu, какъ и по-русски соберу. Относительно произношенія долгаго *y* за ej и сохраненія долгаго u начальнаго (73, 2—4 и 4—3) я прибавилъ бы, что меня, когда я, черезъ 22 года вторично побывалъ въ Прагѣ, поразило возобладаніе архаическаго произношенія býti, údolí, очевидно, подъ вліяніемъ школы: изъ перваго посѣщенія Чехіи я вынесъ убѣжденіе, что произносить *ý* и *ú* манерно. Указавъ на неспособность предлоговъ dle, kol и skrz перетягивать на себя удареніе и на слабую притягательность предлога krom (99 сер.), я отмѣтилъ бы еще, что это предлоги вторичные, бывшіе сравнительно недавно самостойными, притомъ двусложными, нарѣчіями. Насчетъ взятыхъ изъ моей собственной Акцентологіи слѣдовъ болѣе архаическаго акцентованія у чеховъ (102, 10 сл.) я теперь, кромѣ оговорки относительно ho, сдѣланной уже въ названномъ сочиненіи (153, пр. 2), имѣющей, конечно, силу и для mu, считаю нужнымъ оговорить, что mne развилось навѣрное не безъ вліянія падежей давально-мѣстнаго и творнаго mně, mú, и что въ bju, pju, zvu, řku и přátelé выпали не чистые звуки (Акцент. 155, 7—6), а глухіе; pláti же содержитъ корень pol (срв. полѣти). При чешскихъ народныхъ формахъ nohouch, rukouch и nohoum, rukoum, исходящихъ отъ двойнаго родно-мѣстника nohou, rukou (105, 6—8), я бы не преминулъ привести такое же образованіе въ русскомъ языкѣ — двух, двум. Ко сказанному о мно́жномъ мѣстникѣ е́роваго склоненія (126, п. 11), кажется, можно прибавить, что въ просторѣчіи охотно употребляютъ -ách во избѣжаніе смягченія: v potokách, na rohách. Старочешскую форму лично-вопроснаго мѣстоименія — kte (рядомъ съ kto), упоминаемую на стр. 149, сер., я положительно не могу истолковать себѣ иначе, какъ вліяніемъ хотя бы утраченнаго весьма рано предметно-вопроснаго če, = праславянскому *чь*; что́ же страннаго въ предположеніи, что конечный *ъ*, будучи единственнымъ гласнымъ въ словѣ, не онѣмѣлъ, а прояснился? О старинныхъ формахъ мѣстоименія všeček, оговоривши прежде всего, что, хотя

«первоначально склонялись обѣ составныя части слова» (153, 8—9), но склоненіе это ограничивалось падежами назывнымъ и винильнымъ, я замѣтилъ бы, что двойно́е склоненіе не можетъ быть исконнымъ, ибо тутъ нельзя видѣть сліянія двухъ самостойныхъ словъ, вродѣ староперковнаго дъва десати — дъвою десатоу — дъвѣма десатьма, и едвали можно сомнѣваться въ связи этого мѣстоименія со староперковнымъ вьсоуьскъ, которое лишь вторичнымъ образомъ, подъ вліяніемъ вытѣсняемыхъ имъ формъ veš, vše, všě, všu, vši, všě, všě, пріобрѣло и внутреннее склоненіе. Для объясненія словацкаго krú, рядомъ съ krev и krv (294, п. 1, д.), я предложилъ бы исходить отъ древняго *кры* (старопольск. kry, словинск. krî), выводя изъ него krú путемъ превращенія *y* въ u подъ вліяніемъ v въ косвенныхъ падежахъ. Польскаго chrzebiet я не сталъ бы приводить (400, 11 сн.) безъ оговорки, что это, хотя и старинная, но вторичная фонема, вм. chrzbiet, возникшая въ угоду косвенникамъ chrzepta и т. д. См. у Брюкнера (A. f. sl. Ph., XII, 292), который указываетъ эту фонему въ Софіиной библіи (стр. 157 a, листъ 88 об.), а также во Флоріанской псалтыри, 68, 28 (такъ, а не 24)[1]). Заимствованное у меня самого толкованіе польскаго cepa вм. ожидаемаго capa (416, сер., Крат. фон. и морф., 5, 11—8) я теперь считаю неудовлетворительнымъ: вѣдь говорятъ całу, całować. Къ указанію на превращеніе у нѣкоторыхъ поляковъ слога łu, черезъ u̯u, въ простое u, напр. gupi вм. głupi (426, 8—9), можно прибавить, что при этомъ получается долгій гла́сникъ съ восходящимъ удареніемъ: gúpi. Зовный падежъ Jezu Chryste (451, 2)—вѣдь не Chryście,—оговорилъ бы я, очевидно живьемъ выхваченъ изъ латыни. При объясненіи неопредѣленныхъ мѣстоименій и нарѣчій ktoś, gdzieś согласно съ моею Краткою фонетикою и морфологіей, 33 (у Флоринскаго 464 сер.), слѣдовало бы привести также толкованіе Соболевскаго (Р. Ф. В. VII, 277),

1) Откуда Флоринскій взялъ цитуемое имъ въ томъ же мѣстѣ czełowiek, мнѣ неизвѣстно — оно крайне подозрительно.

по коему ś равно не давальнику возвратнаго мѣстоименія, а равно указательному сѥ, такъ что ktoś аналогично русскому *кто-то*. Областное (силезское) żeleźny (524, п. 5), надо полагать, представляетъ самородный выговоръ: срв. las — leśny, обыкновенное же żelazny примѣнилось къ первичницѣ żelazo. Отмѣтивъ, что по-кашубски «иногда исчезновеніе ъ, ь наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе языки удерживаютъ соотвѣтствующій гласный ... datk, majǫtk, dobètk, dómk, dvórk, ófs, wuëfc, junc, v́echc» (563, п. 2), я прибавилъ бы ссылку на толкованіе этихъ формъ, какъ новотворокъ къ косвеннымъ падежамъ (Сравн. морф. 570, пр. 5). О кашубскихъ назывникахъ kam, płom, kŕem, ŕem, prom (575, 7) я позволилъ бы себѣ высказать вполнѣ естественное предположеніе, что они произошли изъ древнихъ камы, полмы, кремы, ремы и пормы. Сличи Сравн. морф. 273, пр. 1. Съ лужицкимъ закономъ появленія передъ твердыми согласными широкаго *е*, передъ мягкими — узкаго (605, 6—4) я бы не преминулъ сопоставить то же явленіе въ русскомъ языкѣ. Второстепенное удареніе нижнихъ и среднихъ лужичанъ, падающее на предконечный слогъ (629 сер.), на мой слухъ иногда простотаки становится главнымъ и единственнымъ. Полагаю, что верхнелужицкій зовникъ на *о* (633, 6—8) развился не безъ участія утратившаго впослѣдствіи этотъ падежъ азóваго склоненія. Къ верхнелужицкому пáпричастку njesuši (670, 5 сн.) я прибавилъ бы замѣчаніе, что его приходится объяснять, путемъ огласнѣнія w, изъ njeswši, образованнаго по примѣру piwši, brawši. Срв. старопольскія szedwszy, wynioswszy. Въ числѣ случаевъ отсутствія въ лужицкомъ э́левомъ причастіи примѣты нж (674 сер.) стоило бы привести верхнелуж. zasła заснула — явную новотворку, такъ какъ наслѣдственная фонема была бы zaspła. Шлейхеровскія полабскія сочетанія ḱâi, ǵâi, cḱâi (696 сер., Polab. Spr. 126 и 217, 5 и 129) я измѣнилъ бы въ ḱei, ǵei, cḱei, или лучше еще въ ťei, ďei, śei: cârťéi (црькъı), nüďéi (ногъı), vrëšéi (орѣχъı), такъ какъ при смягченіи естественно предположить предварительный переходъ ъı въ i, да и памятники пишутъ

eу, *ау*, а не *оу*. Къ воспроизводимому также изъ Шлейхера soikas (698, 4 сн.) я сдѣлалъ бы замѣчаніе, что его необычный дифтонгъ oi слѣдуетъ измѣнить въ eu: вѣдь для нѣмца oi и eu совпадаютъ въ одномъ öü, а seukas, въ переложеніи на польскіе звуки, было бы szukasze отъ szukać. При полабскомъ аористѣ eutåcüch (написаніе источника — e-y-t-â-tz-i-ch), сопоставляемомъ у Флоринскаго, вслѣдъ за Шлейхеромъ, съ оутъкохъ, я прибавилъ бы указаніе на Брюкнеровское толкованіе этой формы, по коему она, переложенная на старославянскіе звуки, дала бы оутъуєхъ, т. е. образована какъ старочешское ręčech, старопольское *pięczech[1]), верхнелужицкое pječech и нижнелужицкое pjacoch (A. f. sl. Ph. XI, 478) — объясненіе по моему вполнѣ убѣдительное.

Передача именъ во 2-мъ томѣ, также какъ и въ 1-мъ, не разъ вызываетъ на возраженія. Прилично ли слависту склонять Прасекъ—Прасека, Шрамекъ—Шрамека (10, 12; 11, 15 сн.) и писать Пуркине вм. -ня (54 сер.)? Нѣсколько разъ повторяется передача чешскаго h черезъ *х* въ фамиліи Truhlář: Трухларь (10, 3; 11, 1), рядомъ съ Тругларь (97, 1 сн.; 101, 1 св.). Также находимъ написанія Сушилъ вм. -лъ (11, 8), Керконоши и В[икторинъ] Корнель изъ Вшегердъ (31, 13 сн., 73, 11 сн. и 48 сер.); впрочемъ 83, сер. — корконошскій и 49, 13 сн. Викторинъ изъ Вшегордъ. Срв. 1-ый разборъ, стр. 15. Нехороши тоже Напаёдлы вм. -ѣдлы (229 сер.); Нёрингъ вм. Не- (355, 12, 393, прим., 394, 15, 414, 3 сн.); Улановскій вм. -ля- (357, 7 св.)[2]); Оппёлнъ: Oppeln, по-славянски—Ополье (385 сер.); Софійск[ая] библія вм. Софіина (397, 8—7); Окускольскій повѣтъ вм. Олькушскій (511, п. 28): Олькушъ — Кѣлецкой губерніи; Старостзикъ (523 сер.), воспроизводящее нѣмецкое написаніе съ stz вм. польскаго śc; Smoleŕ, -rja называется Смолеромъ (589, 2

1) Срв. выше, стр. 209 (о. о. 9).

2) Ułanowski (опять-таки вм. -la-) латинскими буквами читается 371, 15 сн., 376 сер.; также и Ułanowska 382, 8 сн.

сн.; хотя 590, 13 — Тешнарь)[1]); вм. Эрнестъ Мука читаемъ Е. Мука, какъ будто онъ Егоръ или Евгеній (596, 10)—впрочемъ въ другомъ мѣстѣ (590 сер.) — Э. Совсѣмъ дико звучитъ переписанное русскими буквами Skalité — Скалите вм. -тое (269, 4 св.).

Не столь непріятно, какъ нескладная передача славянскихъ названій дѣйствуютъ погрѣшности въ иностранныхъ именахъ: мадьярскія Сапъ, Банегесъ и Тотъ-Комлосъ въ Ш-, -шъ, -шъ (231, 7—8)[2]); нѣмецкія Шульцъ (689, 8) вм. -цѣ (Schultze) и Шпангенбергъ, написанное черезъ Sch вм. S (691, 1)[3]).

Не на рѣшительное осужденіе, но на споръ вызываетъ легкое архаизованіе польскихъ именъ (совпадающее съ обрусеніемъ), въ видѣ замѣны dź простымъ *д* и rz простымъ *р* — второе вызвано вѣроятно тѣмъ, что обычное *рж* вм. *ж* или *ш* дѣйствительно крайне безобразно и представляетъ клевету на польскій языкъ: Приборовскій (356, 10 сн.), Презденкій (357, 3), Резинскій (Rzeziński) и Ерепки (Erzepki), 357, 4 и 6[4]). Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ написанія Шаржинскій, Оржеховскій (402, 13 св. и сер.), а также Андрей Кржицкій (403 сер.)[5]).

Порицанія заслуживаетъ (правда, практикуемый широко и всѣми, а не однимъ нашимъ авторомъ) пріемъ однобуквеннаго сокращенія собственныхъ именъ. Такое сокращеніе позволительно при нѣмецкомъ обычаѣ, въ этихъ случаяхъ прямо и чи-

---

1) По-нѣмецки тотъ-же лужицкій дѣятель названъ Schmoler, вм. Schmaler. (597, 8).

2) На томъ, что мадьярское gy лучше передавать черезъ *д* (значитъ Банедешъ) настаивать нечего.

3) Очень однако странно, когда одно и то-же нѣмецкое имя, на той-же страницѣ (586, 15 и 13 сн.), является разъ въ латинской формѣ Брунонъ (Bruno, -onis), разъ — въ нѣмецкой Бруно.

4) Польскій видъ послѣднихъ двухъ фамилій (изъ коихъ вторая какая-то странная) прибавленъ въ скобкахъ самимъ Флоринскимъ. Несомнѣнно здѣсь авторъ погрѣшилъ въ томъ, что не написалъ въ фамиліи Erzepki *Э*.

5) Послѣдній при удаленіи *ж* совпалъ бы въ произношеніи съ авторомъ извѣстнаго канона.

тать, какъ написано: даже зная, что извѣстнаго книгопродавца Брокгауза звали Фридрихомъ Августомъ, всетаки фирму его называютъ Ef A Brockhaus[1]). Какъ догадаться тому, кто можетъ быть въ первый разъ встрѣчаетъ эти имена, что Я. А. Коменскій (3, 8) значитъ не Яковъ Александровичъ, а Янъ Амосъ? что Б. Оптатъ (1, 8) нужно читать Бенешъ? что Б. Нѣмцева (55, 5) есть Божена Н.?, Б. Папроцкій (402 сер.) — Bartosz = Bartłomiej = Варѳоломей? Окончательно невозможно сообразить, что Н. С. Шаржинскій (402, 13) слѣдуетъ читать Николай Семпъ III. Особенно нехорошо, когда одна и та же буква употребляется рядомъ въ различныхъ значеніяхъ: Я. Неруда, гдѣ Я = Янъ и Я. Верхлицкій, гдѣ Я = Ярославъ (55, 4—5). — Еще менѣе слѣдовало бы безо всякаго объясненія сокращать названія памятниковъ, напр. Клементинской псалтыри и Краледворской рукописи (167, 11, 10 и 2 сн.), или мѣстностей: Н. Мѣсто вм. Новое Мѣсто (196, 16 сн.).

Немало въ разсматриваемой книгѣ и опечатокъ, хотя приложенный въ концѣ списокъ таковыхъ не занимаетъ и $1^1/_2$ страницъ. Иныя опечатки, положимъ, невиннаго свойства, напр. do Cech вм. Č- (126, п. 9); z koreп вм. -ř- (тамже); houžev лыко, могала вм. мочало (139, 3 сн.); обѣ согласныя части слова вм. составныя (153, 9); hníti вм. -á-, среди другихъ азовыхъ глаголовъ (182, 2 сн.); [глаголы] на -тнти, -тѣти, -дити (619, 2 сн.); swěcka, swěćnica (620, 6): по связи можно догадаться, что нужно č; З(ват.). ryьu, ryьu, rolu, rola вм. В(ин.). . . .-u (640 сер.); впослѣ вм. -лнѣ (644, 10 сн.); доѕше и т. д. (284), некрасивое впрочемъ тѣмъ, что оѕ вм. оу повторяется 10 разъ; dei вм. dci (296, 9), которое рядомъ съ dcera понятно; sen вм. seu (лат., 376, 10 сн.); sludenci вм. st- (451, 15 сн.); сочетаніе ra (567, 10): изъ примѣровъ barzo, gardło и т. д. видно, что нужно ar; žed (Н. Л.) вм. žěd (603, 13 сн.): рядомъ съ верхнелуж. dźěd легко дога-

1) Сокращеніе допустимо, конечно, при общеизвѣстныхъ именахъ, напр. А. С. Пушкинъ; хотя, впрочемъ, хорошо извѣстное автору иногда окажется неизвѣстнымъ его читателямъ.

даться, какъ надобно читать; курьезно, но положительно безвредно палкахъ вм. плакахъ (661, 12 сн.); также и jčd вм. jěd (668, 1); безвредно также верхнелуж. som pletł (663, 2 сн.), ибо въ предыдущей строкѣ указано правильное sym; kta, kćeš (671, 8) вѣроятно всякій догадается прочитать ktu. Нечего и говорить о такихъ случаяхъ, какъ «н совпадаетъ» вм. *и* (660, 11), или обзоръ ... *е*лавянскихъ языковъ (686, 5). Къ безвреднымъ же опечаткамъ я готовъ отнести, крайне однако уродливое, люблюлшете (661, пр. 2) вм. -блюа-, также и слитное написаніе rtymá оустнѣ мои (104, 1, изъ Виттенбергской псалтыри, L, 17). Но вотъ довольно длинный, хотя далеко не полный рядъ весьма неудобныхъ опечатокъ: Sembera вм. Š- (30, 3 и 34, 12); rzechs, видно вм. rzech подъ вліяніемъ предшествующаго sedis (69, сер.); vudá, vukno вм. vůda, vůkno (79, 11 сн.); těmě (87 сер.) вм. té- или tí-; hřibe (94, 4) вм. hříbě; krapet (копя) вм. капля (130, 5); šco вм. čso (153, 11); dobřijej вм. -řej (154, 5 сн.); jdu вм. jedu (180, 9); 300 вм. 360 (212, 11 сн.); podaly вм. padały и bravyňči вм. -ci (тамъ-же, 15 сн.); huuchý ludí вм. -dá (областная форма словац. ľudia, чеш. lidé) — 338, 5 сн.; А. Шляковъ вм. Н. (Николай — 364, 15 сн.); książat вм. -ąt (372, 5); W. (т. е. Wojciech) Oczko. Przymist i clieplice вм. -miot i Cie- (373, 2 сн.)[1]); Сочиненія Янычара Паяка вм. поляка[2]) (375, 13 сн.); Potrójny z Plauła вм. -ta (переводъ Плавтова «Trinummus», 376, 10); Cnopii вм. Cna- (376, 9 сн.; въ 10-ой вѣрно: Knapski); Dirschan вм. -au (385, 5 сн.); собственное имя Marchołt (z marchołtem) напечатано съ малой буквы (401, прим.); тамъ-же вм. przez bakalarza z Kossyczek нужно р. bakał. Jana z K.; żołć, żołty вм. żó-, żó- (423 сер.); oczrzedź, должно быть вм. ostrzedz (тамъ-же, 5 сн.); Bóhdan вм. Bo- (411, 9 и 430, 1), dwie słonci (439, п. 2) вм. słóńcy Jana Kochanowskiego Dzieła wszystkie,

1) Przymiot albo dworska niemoc. W Krakowie 1581. O cieplicach. W Krakowie u Łazarza 1578.

2) Собственно серба — Михаила Константиновича. Спасовичъ, Ист. слав. литер., II, 472.

Wydanie pomnikowe, II, 117, 514); dóm вм. dom (448, п. 1); dzriedzie вм. dziadzie (449, п. 6); obiód вм. -ad (451, п. 11); heraldowie вм. -ol- (тамъ-же, 10 сн.); ksiadz вм. ksiądz (454, 8 сн.); kukol вм. ką- (тамъ-же, 7 сн.); jastrąb (тамъ-же, 5 сн.: въ 4-ой, гдѣ оно приводится вторично, вѣрно: -rząb); Jozio вм. Jó- (тамъ-же, 1 сн.); дат. и мѣст. słudzie вм. -dze (457, парадигма); kołicya вм. -la- (ужинъ — 459, 3); при jaz (464, 2) стоитъ выносный знакъ, но примѣчанія нѣтъ; strowne вм. stra- (кормовыя), 473, 9; bychȯ wiedziali вм. -ie- (487, сер.); po prosta (503, 13 сн.); heżbéta (508, 7) написано съ малой буквы (оно = Elżbieta); cezi, cezo (чужой, чужы) вм. -ая (569 сер.); Копоръ вм. -м- (590, 13); pó njebu, pód, wót вм. pò -bju, pod, wot (629 вн.); И. naše, naše вм. naši, naše (649 парад.); pśi wjozorje (684, II, 1, 1: во 2-мъ стихѣ вѣрно — wja-); za njeu (685, 4б: въ слѣд. стихѣ правильно za njen); Luneburg вм. Lü- (691, 3); korvo вм. -vó (695, 5); žârnü вм. ź- (тамъ-же, п. 11); gorcĥai вм. -âi (шлейхеровскаго -åi, 697, п. 2); reibo вм. râi- (тамъ-же, III); šek вм. sěk (по-шлейхеровски sëk, 698, 1 сн.). Особенно часто встрѣчаются погрѣшности въ употребленіи знака долготы (′) и знака твердости звука *л*, изъ коихъ приведу лишь нѣкоторыя. Zakladove dialektologie česko-slovenske. Ve Vídni, 1864. Příklady (30, 3—4); svat*y* (67, 10 сн.); pát*y* (тамъ-же, 7 сн.); br*a*zda и kr*a*l (78, 1—2); stoj*i*m, pouš*t*im (79, сер.); m*i*sto, d*i*vka (80, п. 4); Jiř*i*, znamen*i* (106, п. 2); V*a*clavovi (107, 1, г); vraz*i*ch, rac*i*ch, městečk*a*ch, koničk*a*ch (108, 16 и 15); do kořan (110, 8); chr*a*m (123, 5); t*y*l (тамъ-же, 11); or*a*č, -če, -či, -čovi, -čem и т. д. (114—115); češt*i* stavov*e*, naši hřich*o*v*e* (125, 4 сн.); chv*a*liti, -ím и т. д. (188)[1]); přih*a*z*i* se (192, сер.); вм. чеш. *a* [въ ляшскомъ говорѣ] часто o (210, п. 5); vťak и pťak вм. vták, ptáк (271 сер.); словацкій родный падежъ r*a*z (279, 1, а, 6); chv*a*ľaci (308 сер.); dl'bsť, tl'cť (317, 7 и 11) вм. dľbsť, tľcť. Кое-гдѣ, наоборотъ, вм. краткости является долгота:

1) Краткое *а* свойственно только велительному наклоненію.

oračí (65, 12 сн.) — нужно oráči; nebó (82, 14); matí — нужно máti (106, п. 6); род. п. kámen, deset kámen (110, 6 и 7); svátý (2 раза, — 123, пр. 1); měšťáné (125, 2 сн.); očíma, ušíma (128, п. 10). L вм. ł: chlada (126, 9: Бартошъ, I, 138, 7); Psalterz Pulawski (371, 9); Nakladem (372, 3); Mikolaj Rej z Naglowic (373, 10 сн.); Marcholt (374, 5); trybunal (401, 1); chelm (423, сер.); dloń (тамъ-же, 3 сн.); czlek = czlowiek (425, 1); halas (430, 1); placzę (тамъ-же, сер.); wlosi (тамъ-же, 8); Woloch, -oszech (452, п. 15); goląb (454, 5 сн.); pletle (656, 7); -lej (тамъ-же, 8 и 664, 1); plaśony (685, 2б). Подчасъ и наоборотъ встрѣчается ł вм. l: płon (424, 2); wielkiego (430, 11); wjełka (632, 1 сн.); pletli (656, 7). Правда, насчетъ смѣшенія буквъ l и ł можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ русскій читатель самъ догадается, какъ надо читать; а относительно долготы — что русскій все равно затруднится ее воспроизвести въ своемъ произношеніи. Первое оправданіе я склоненъ принять; но въ дѣлѣ количества мнѣ казалось-бы, что чѣмъ менѣе наши ученики къ нему воспріимчивы, тѣмъ усерднѣе слѣдуетъ имъ о немъ напоминать.

Сказанное о буквахъ l и ł мы можемъ примѣнить и къ другимъ мелкимъ *погрѣшностямъ* въ разбираемой книгѣ — *магистранты и студенты, особенно послѣ нѣкоторыхъ указаній профессора, легко сами въ нихъ разберутся, и лишь изрѣдка будутъ введены въ заблужденіе. Не должно также забывать, что науки не обладающія математически-точными доказательствами всегда оставляютъ значительный просторъ личному пониманію, и что при разногласіи между рецензентомъ и авторомъ правда не всегда будетъ на сторонѣ рецензента. Вообще же сочиненіе Флоринскаго, представляющее единственный въ своемъ родѣ и весьма полезный университетскій учебникъ, должно быть признано книгою хорошею и заслуживающей поощренія искомою преміей.*

Ордин. проф. Московскаго универс.

Романъ Брандтъ.

15 сентября 1898 года.

IV.

Отзывъ о сочиненіи профессора Прусика подъ заглавіемъ: «Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem spatřil Frant. Xav. Prusík». V Praze, 1896. 8°. IV. 87.

Древнечешская литература, съ XII-го по XV-ое столѣтіе, занимаетъ среди западнаго славянства первенствующее мѣсто, отличаясь замѣчательнымъ богатствомъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ. Въ ихъ характерѣ и направленіи отпечатлѣлись, конечно, черты средневѣкового западно-европейскаго литературнаго творчества. Къ сожалѣнію, очень немногіе памятники этой первой, старшей эпохи дошли до насъ въ полномъ объемѣ, какъ напр. блестящая легенда о св. Екатеринѣ. Въ большинствѣ случаевъ остались только отрывки, болѣе или менѣе значительные. Но нерѣдко даже и этого нѣтъ, а все уцѣлѣвшее состоитъ въ жалкомъ лоскуткѣ пергамента, заключающемъ въ себѣ нѣсколько строкъ или стиховъ чешскаго текста; сохранились же такіе кусочки только благодаря случайному обстоятельству, что они пригодились переплетчикамъ рукописей — латинскихъ или нѣмецкихъ. Вотъ какими средствами возстановляется въ наше время память и свѣдѣнія о бывшей когда-то богатой литературѣ древнечешской.

Подобная, не вполнѣ благопріятная участь постигла между многими другими также одно изъ лучшихъ, по-моему, прямо самое лучшее произведеніе древнечешской письменности — переводъ или,

лучше, парафразу въ стихахъ извѣстнаго латинскаго эпоса объ Александрѣ Великомъ, Alexandreis Филиппа Вальтера de Castellione (Châtillon). На чешскомъ языкѣ сохранились съ конца XIII-го по XV-ое столѣтіе отрывки этого эпоса въ различныхъ рукописяхъ, — всѣ вмѣстѣ они не представляютъ полнаго текста, не могутъ восполнить пробѣловъ поэтическаго изложенія. Нѣкоторые отрывки изображаютъ собою дублеты, но не всегда совпадающіе буквально.

Самый обширный отрывокъ, сохраняемый теперь въ библіотекѣ святого Вита на Градчанахъ въ Прагѣ, заключаетъ въ себѣ, безъ перерывовъ, начальныхъ 2460 стиховъ. Онъ былъ впервые изданъ В. Ганкой во второмъ выпускѣ Starobylá Skládánie (въ Прагѣ 1818 года), не очень аккуратно, но для перваго изданія довольно сносно. Вскорѣ потомъ стали всплывать наружу и прочіе, уже менѣе объемистые отрывки, но по письму старше Святовитскаго текста. Они были изданы въ «Часописѣ Чешскаго Музея» въ 1828 и 1841 годахъ. Для перваго тома Wýbor-a z literatury české (въ Прагѣ, 1845) употреблены, какъ образецъ языка и литературнаго достоинства, всѣ до тѣхъ поръ отысканные отрывки, но не все напечатано (на стр. 135—170, 1071—1144). Годъ спустя П. І. Шафарикъ указалъ еще на одинъ отрывокъ (въ «Часописѣ» Ч. Музея за 1847 годъ, въ первомъ отдѣленіи). Но только въ 1881 году вышло подъ редакціею проф. Гатталы первое полное изданіе всего матеріала подъ заглавіемъ: Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. И къ этому изданію сдѣлано въ 1889 году маленькое дополненіе въ видѣ вновь найденнаго отрывка Вѣнскаго; онъ отпечатанъ Ф. Менчикомъ въ «Часописѣ» 1889 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ изданіемъ въ Wybor'ѣ чешскій текстъ Александреиды сдѣлался болѣе доступнымъ, онъ сталъ привлекать вниманіе и филологовъ для объясненія языка и историковъ литературы для оцѣнки литературныхъ достоинствъ памятника. Объ отношеніяхъ чешскаго произведенія къ латинскому и нѣмецкому «Александру» заговорилъ впервые В. Небескій (V. Ne-

beský) въ «Часописѣ» Чешскаго Музея за 1847 годъ, въ очень умно написанной статьѣ «Alexandreis česká» (во второмъ отдѣленіи). Но вопросы, возникающіе по этому поводу, въ статьѣ Небескаго могли быть затронуты только слегка, — рѣшенія ни по одному пункту не послѣдовало. Послѣ довольно продолжительной неподвижности въ области историко-литературныхъ изслѣдованій, въ 1870 году взялся проф. Коржинекъ въ Индржихоградцѣ (Neuhaus) за подробное сравненіе двухъ небольшихъ отрывковъ чешской Александреиды (музейнаго и Шафарикова) съ латинской поэмой Филиппа Вальтера Шатильонскаго, въ Отчетѣ (программѣ) гимназіи Индржихоградецкой за 1870 годъ, а десять лѣтъ спустя, подражая его примѣру, опредѣлилъ отношеніе Индржихоградецкаго отрывка къ сочиненію латинскому профессоръ Прокопъ Лангъ, въ Отчетѣ гимназіи Пржибрамской (статья очень добросовѣстно написанная). Онъ-же постарался (въ 1883 году) представить, на основаніи латинской поэмы, объемъ пробѣловъ чешскаго сочиненія въ сравненіи съ латинскимъ, въ Listy filologické X, 67—84, 275—301, 398—406.

Такъ какъ сохранилось семь различныхъ отрывковъ, которые отчасти параллельно идутъ, представляя въ сущности тотъ же разсказъ, то и въ чешской литературѣ принято говорить не объ одной Александреидѣ, а въ множественномъ числѣ—объ Александреидахъ. Но сколько ихъ было на дѣлѣ? Вопросъ этотъ до сихъ поръ не рѣшенъ. Обыкновенно считали представителемъ одной редакціи текстъ рукописи Святовитской, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но гдѣ-же вторая редакція и въ какомъ она отношеніи къ первой? Проф. Гаттала считалъ (въ 1881 году) второю редакціей текстъ отрывка Градецкаго, сохранившійся въ болѣе древней рукописи, чѣмъ Святовитская, но молодой ученый Гавликъ сталъ въ Filologické listy XII, 407—419, доказывать, и по-моему ему удалось убѣдительно доказать, — что въ Витскомъ отрывкѣ, несмотря на позднее происхожденіе нынѣшняго списка, сохранилась все-таки болѣе древняя редакція сочиненія, чѣмъ въ отрывкѣ Градецкомъ. Съ послѣднимъ взглядомъ согласенъ также

проф. Прусикъ, принимая доказательства Гавлика втихомолку въ изслѣдованіи, изданномъ въ 1891 году подъ заглавіемъ: «Českých Alexandreid rýmovaných prameny a obapolný poměr». Но проф. Прусикъ не считаетъ текста Градецкой рукописи представителемъ особой редакціи, онъ включаетъ его въ редакцію Витско-вѣнскаго текста, съ различными отступленіями и распространеніями. По его мнѣнію, представителемъ второй редакціи надо бы считать отрывокъ Будѣвицкій. Для меня, да и не только для меня, доказательства проф. Прусика мало убѣдительны. Онъ не выяснилъ намъ (а, можетъ быть, и себѣ), какъ намъ понимать значеніе новой редакціи? имѣетъ-ли она значеніе особаго самостоятельнаго сочиненія? или же представляетъ собою только переработку, сокращеніе или расширеніе перваго сочиненія? если говорить о редакціяхъ въ послѣднемъ, обыкновенномъ значеніи этого слова, тогда выходитъ непонятнымъ, какъ могъ проф. Прусикъ упустить изъ виду многочисленныя отступленія текста Градецкаго отъ Витскаго? какъ же назвать различія между обоими текстами, если не видѣть въ нихъ различіе двухъ редакцій? Если же проф. Прусикъ придаетъ второй редакціи, представителя которой онъ видитъ въ Будѣвицкомъ отрывкѣ, значеніе самостоятельнаго сочиненія, то я долженъ возразить, что трудно даже себѣ представить, чтобы на разстояніи не болѣе чѣмъ въ десять лѣтъ — это же его хронологическое опредѣленіе, съ которымъ, впрочемъ, я ни чуть не соглашаюсь — въ литературѣ чешской явились два самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга сочиненія о подвигахъ Александра Великаго. Однимъ словомъ — вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ отрывковъ чешской Александреиды остается пока еще не порѣшеннымъ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что главнымъ источникомъ для чешскаго автора — я выхожу изъ предположенія, что въ концѣ концовъ въ чешской литературѣ былъ только одинъ авторъ самостоятельной разработки въ стихахъ этого сочиненія — былъ латинскій эпосъ Филиппа Вальтера Шатильонскаго, но этимъ

еще не устранена возможность допустить, что авторъ зналъ также нѣмецкую поэзію своего времени. Зналъ-ли онъ нѣмецкій эпосъ объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго, сказать трудно. Профессоръ Прусикъ коснулся въ своемъ вышеприведенномъ сочиненіи и этого вопроса и пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ, т. е. онъ собственно противорѣчитъ самому себѣ, когда доказываетъ, что чешскій авторъ не зналъ никакого нѣмецкаго источника, а Ульрихъ Эшенбахскій будто бы зналъ и пользовался Александреидою чешской. Его доказательства въ пользу зависимости Ульриха Эшенбахскаго отъ чешскаго автора могли бы, какъ мнѣ кажется, быть истолкованы въ пользу противоположнаго взгляда. Но я предпочитаю считать и этотъ вопросъ еще не рѣшеннымъ. Пока можетъ рѣчь итти только вообще о томъ, былъ-ли чешскій поэтъ знакомъ съ современною литературою нѣмецкой. Отрицать это знакомство не такъ легко, какъ это кажется профессору Прусику.

Итакъ рядъ вопросовъ, очень важныхъ относительно чешской Александреиды, ждетъ еще болѣе подробнаго изслѣдованія. О происхожденіи чешской Александреиды, о принадлежности сохранившихся отрывковъ одному или нѣсколькимъ авторамъ, объ отношеніяхъ этихъ авторовъ другъ къ другу, о знакомствѣ чешскаго автора помимо сочиненія Филиппа Вальтера Шатильонскаго еще съ другими источниками — обо всемъ этомъ свѣдѣнія наши пока еще очень неудовлетворительны.

Гораздо усерднѣе и съ лучшимъ, быть можетъ, успѣхомъ работала чешская филологія на объясненіи отдѣльныхъ темныхъ, не вполнѣ понятныхъ мѣстъ чешской Александреиды. Уже въ Wyb or-ѣ, при перепечаткѣ текста Святовитскаго по изданію Ганки, редакторъ изданія сдѣлалъ много поправокъ въ текстѣ, правда, не всегда удавшихся (сл. перечень неудачныхъ поправокъ въ предисловіи Гатталы на стр. V). Но и въ изданіи Гатталы-Патеры осталось много неточностей или прямо недосмотровъ въ родѣ liti Češi (на стр. 38, ст. 1565) вм. liti čẽsi. Для критики текста, т. е. для возстановленія исправнаго чтенія, гдѣ

можно догадываться, что текстъ испорченъ, сдѣлано довольно много въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ спеціальномъ, посвященномъ чешской филологіи журналѣ — Listy filologické a paedagogické. Проф. Гебауеръ представилъ нѣсколько объясненій или поправокъ въ Listy Fil. IX. 104—117; онъ же вмѣстѣ съ Гавликомъ въ L. Fil. XI. 60—63; онъ же съ проф. Коржинкомъ въ L. Fil. XII. 269—287; онъ же съ Опатрнымъ и Кэбле въ L. Fil. XIV. 39—43, 250—255. Наконецъ проф. Пеликанъ напечаталъ (тамъ же XIX. 80—99) Příspěvky ke kritice a výkladu stč. Alexandreidy.

Съ похвальной настойчивостью преслѣдуетъ ту-же цѣль проф. Прусикъ въ издаваемомъ имъ журналѣ «Krok». Въ теченіе 1892 и 1893 годовъ онъ напечаталъ въ томѣ VI упомянутаго журнала, въ выпускахъ 8—10 и въ томѣ VII, въ выпускахъ 1—7, длинный рядъ критическихъ замѣтокъ, относящихся къ Александреидѣ, всего 179 нумеровъ, съ дополненіями и новыми прибавленіями въ томѣ VIII стр. 175—6, въ томѣ IX стр. 215, въ томѣ X стр. 15.

Критика текстовъ дѣло необходимое, но — очень рискованное. Для удовлетворительнаго исполненія этой трудной задачи требуется много остроумія, находчивости и, прежде всего, начитанности въ старыхъ памятникахъ. Безъ этихъ качествъ можно опасаться впасть или въ пустую болтовню, или въ произвольную придирчивость по отношенію къ чужимъ трудамъ. Поучительнымъ урокомъ, куда можетъ повести субъективная критика, служатъ хорошо знакомыя мнѣ нападенія на текстъ пѣсенъ Горація, бывшія въ большомъ ходу въ классической филологіи въ годы моего студенчества!

Критическія операціи проф. Прусика не всегда удачны, но и не безполезны, онѣ все-таки значительно облегчили пониманіе текста чешской Александреиды. Въ числѣ предлагаемыхъ имъ поправокъ есть и такія, которыя или были сразу приняты, или-же могутъ разсчитывать на сочувственный пріемъ. Авторъ старается подкрѣпить предлагаемыя измѣненія въ текстѣ паралле-

лями изъ того-же или изъ другихъ старочешскихъ текстовъ, хотя въ этомъ отношеніи можно бы желать еще больше параллельныхъ примѣровъ. За-то я бы просилъ его не сочинять новыхъ словъ въ качествѣ конъектуръ!

Но критическія объясненія проф. Прусика страдаютъ на мой взглядъ однимъ существеннымъ недостаткомъ. Онъ выходитъ изъ предѣловъ умѣренной критики подъ вліяніемъ одного ложнаго принципа: какъ скоро въ чешскомъ текстѣ замѣтны отступленія отъ латинскаго сочиненія, авторъ начинаетъ сомнѣваться насчетъ исправности, онъ прибѣгаетъ къ произвольнымъ предложеніямъ и догадкамъ, чтобы только согласовать чешскій текстъ въ качествѣ точнаго перевода съ сочиненіемъ латинскимъ. Въ угоду этому принципу онъ позволяетъ себѣ перестановки стиховъ, предположеніе пробѣловъ и т. д. По-моему это совсѣмъ ложный взглядъ, вытекающій изъ пристрастнаго обсужденія характерныхъ чертъ чешскаго разсказа. Отношеніе чешскаго текста къ латинскому вовсе не оправдываетъ поступка проф. Прусика. Ничто не даетъ намъ права возражать противъ чешскаго текста потому только, что въ немъ нѣтъ того или другого выраженія, которое соотвѣтствовало бы латинскому или что въ немъ другой порядокъ изложенія и т. д. Иныя поправки неудачны, потому что авторъ не владѣетъ достаточно тонкимъ чутьемъ для склада старинной рѣчи. Старинные писатели не всегда такъ выражались, какъ новые, современные; не все, что намъ не нравится, что намъ кажется шороховатымъ, должно исправлять, сглаживать.

Наконецъ проф. Прусикъ составилъ выше указанное изданіе какъ систематическое возстановленіе чешской Александреиды при помощи всѣхъ до насъ дошедшихъ отрывковъ, восполнивъ пробѣлы прозаическою передачей содержанія на основаніи латинскаго текста Филиппа Вальтера Шатильонскаго. Въ воспроизведенномъ имъ текстѣ приняты въ соображеніе всѣ предыдущія объясненія, поправки, перестановки и т. д. Канвой для воспроизведенія послужило сочиненіе латинское, при чемъ авторъ вы-

ходитъ изъ того предположенія, что въ чешскомъ переводѣ дѣйствительно существовало латинское сочиненіе сполна, въ чемъ онъ можетъ быть и правъ, такъ какъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ (Шафариковъ) заходитъ содержаніемъ своимъ въ IX-ую книгу латинскаго источника. Но тутъ у меня возникаетъ маленькое недоумѣніе. Реставрація профессора Прусика, конечно, попытка любопытная, но я не понимаю, какъ онъ могъ возстановить одну чешскую Александреиду, когда онъ не вѣритъ въ принадлежность всѣхъ существующихъ отрывковъ къ одному сочиненію? Или же, какъ онъ могъ попытаться изъ всѣхъ отрывковъ сдѣлать одно цѣлое, а въ заглавіи все-же говоритъ въ множественномъ числѣ: o «Staročeské Alexandreidy rýmované»? Одно изъ двухъ: или вѣрить въ единство чешской Александреиды на основаніи существующихъ отрывковъ, или-же не затрогивать этого дѣла. Видно, авторъ стоялъ подъ вліяніемъ своихъ предварительныхъ соображеній и разсужденій и не спохватился, что затѣя его идетъ въ разрѣзъ съ тѣми предвзятыми мыслями.

Проф. Прусикъ положилъ въ основаніе своей старочешской Александреиды — образецъ латинскій, поэтому и понадобилось ему дѣленіе цѣлаго на десять рапсодій или книгъ. Но вотъ новое затрудненіе. Въ сохранившемся самомъ большомъ отрывкѣ Святовитскомъ не видно, чтобы чешскій авторъ дорожилъ этимъ дѣленіемъ на книги. Поэтому и я не вижу причины навязывать чешскому тексту точно десять книгъ. Впрочемъ, для десятой не оказалось ни одной строки старочешскаго текста. Руководясь содержаніемъ латинскаго текста, авторъ полагаетъ, что въ Святовитскомъ отрывкѣ послѣ стиха 1280-го надо отмѣтить большой пробѣлъ, т. е. пропускъ того, что въ латинскомъ сочиненіи читается въ книгѣ II ст. 140—305. Но здѣсь надо было все-таки хотя бы однимъ словомъ указать на то довольно замѣчательное обстоятельство, что и въ Градецкомъ текстѣ послѣ стиха 149 (= Святовит. 1280) непосредственно слѣдуетъ ст. 150 (= Святовит. 1281). Значитъ, надо бы предположить пробѣлъ тутъ и тамъ. Проф. Прусикъ находитъ разрѣшеніе загадки въ томъ,

что предполагаетъ существованіе пробѣла уже для подлинника. Можетъ быть, что это такъ, но возможны также соображенія другого рода. Вѣнскій отрывокъ, вышедшій на свѣтъ только въ 1889 году, несмотря на его превосходство по времени происхожденія, совпадаетъ для небольшого объема своего содержанія очень хорошо съ текстомъ Святовитскимъ, который значительно моложе его. Стало быть, это совпаденіе говоритъ въ пользу вѣрной передачи подлиннаго текста въ Святовитской рукописи, и нѣтъ основанія черезчуръ настаивать на испорченности Святовитской редакціи.

Зная все это, я не раздѣляю взглядовъ автора относительно многихъ имъ предлагаемыхъ поправокъ или перестановокъ Святовитскаго текста. Напримѣръ, перестановка стиховъ 534—543,— авторъ ставитъ ихъ послѣ 544—547 — не представляетъ для меня ничего убѣдительнаго, въ особенности когда рядомъ съ перестановкою требуется еще допустить какой-то пропускъ стиховъ! Или же чѣмъ оправдывается догадка автора, что послѣ стиха 193 или послѣ стиха 820 что-то пропущено? Относительно мнимаго пробѣла послѣ 193 надо имѣть въ виду, что уже словами стиха 183 «na svú žalost'» вкратцѣ сказано то, что въ латинскомъ текстѣ заключается въ II. 56—58. Что-же касается предлагаемаго пропуска послѣ 820, то это можетъ притти въ голову современному читателю, но не соотвѣтствуетъ вкусамъ и потребностямъ стариннаго склада рѣчи. И послѣ стиха 988 г. Прусику хотѣлось бы вставки пропавшихъ будто бы стиховъ въ соотвѣтствіе латинскому тексту II. 29—33; но если вникнуть въ нарочно сжатый стиль посланія Даріева, легко будетъ убѣдиться, что впечатлѣніе разсказа безъ вставокъ сильнѣе.

Еще менѣе я согласенъ съ пріемами проф. Прусика насчетъ расширенія редакціи Святовитской вставками стиховъ изъ текста Градецкаго. Самъ авторъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи объ отношеніи Градецкаго текста къ Святовитскому (на стр. 62), что редакція Святовитская болѣе точная разработка латинскаго текста, чѣмъ Градецкая, авторъ которой не имѣлъ передъ собою

латинскаго текста «na mnohých místech českou předlohu svou mění a rozhojňuje». Если это такъ, какая причина могла заставить г. Прусика послѣ стиха 1219 включить два стиха (51—52) изъ Градецкой рукописи, или послѣ стиха 1245 цѣлую парафразу стиховъ 80—87? Не нужно было также послѣ стиха 1276-го брать изъ Градецкаго текста стихи 140—144. Упоминаніе въ послѣднемъ стихѣ муловъ, о которыхъ и въ Святовитскомъ текстѣ въ стихѣ 1277 идетъ рѣчь, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что здѣсь обѣ редакціи расходятся и что невѣрно даже мнѣніе автора, будто бы составитель Градецкой редакціи не имѣлъ передъ собою латинскаго текста. Въ Святовитскомъ текстѣ не упоминаются верблюды, только пять сотъ муловъ тащатъ поклажу (ст. 1277—8). Откуда узналъ составитель Градецкаго текста о верблюдахъ? Конечно изъ латинскаго текста, гдѣ говорится

Sexcentis sequitur invecta pecunia mulis,
ter centumque onerat dorso surgente camelos (II. 133—4).

Я не намѣренъ входить въ подробности. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы не безъ основанія утверждать, что реставрація старочешской Александреиды въ опытѣ проф. Прусика подлежитъ большимъ возраженіямъ съ точки зрѣнія — чисто научной. Другое дѣло — цѣль педагогическая, на которую авторъ и указываетъ. Для молодежи, высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, изданіе проф. Прусика можетъ оказать большую пользу. Оно такъ и составлено, чтобы облегчить молодому читателю пониманіе текста. Подъ строкою прибавлены объясненія, касающіяся преимущественно старинныхъ выраженій и формъ. Объясненія эти не преслѣдуютъ цѣли строго научной, но для учащейся молодежи вполнѣ удовлетворительны. Есть, впрочемъ, и невѣрныя толкованія. Напр. относительно долготы аориста číte (на стр. 22) авторъ невѣрно указываетъ на греческое ἔλῡσα, ἐτίμησα. Эта параллель сюда не идетъ. Напрасно было бы также ссылаться на удареніе (сл. L. fil. X. 113). Удлиненіе гласной въ древнечешскомъ аористѣ объясняется всего проще вліяніемъ неопредѣленнаго наклоненія: къ bříst aor. břídech, напротивъ

наст. вр. brdu — bŕdu, imperf. brdiech — bŕdiech; къ čísti aor čítech, imperf. čtiech (praes. čtu); къ kvísti aor. kvítech, imperf. ktviech (praes. ktvu); čieti—aor. čiech, imperf. čniech (praes. čnu) и т. д. Укажу еще одинъ примѣръ невѣрнаго толкованія слова. Въ Градецкой рукописи ст. 116, «bez pozlathy poluzene» проф. Прусикъ читаетъ «bez pozlati», а слово «pozlat» старается объяснить ссылкою на словарь, изданный Ф. Менчикомъ, гдѣ на стр. 84 упоминается «mappula pazlat». Но, во-первыхъ, pozlat и pazlat — не одно и то-же; во-вторыхъ, mappula едва-ли можно переводить словомъ prarogec. Слово pazlat, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ ничего общаго съ zlato, это слово чужого происхожденія, тожественное съ приводимымъ у Бѣлостѣнца pachólat (читай pačolat), я указалъ уже въ «Književnik-ѣ» III. 405 на patjolat въ «Сиренѣ» Петра Зринскаго, сл. итал. fazzuolo, fazzoletto. Итакъ, «pozlata» (или «pozlat», какъ хотѣлъ бы Прусикъ) не имѣетъ ничего общаго съ «pazlat» mappula.

Хотя я долженъ былъ возражать противъ многихъ пріемовъ критики проф. Прусика, хотя многія изъ предложенныхъ имъ исправленій древнечешской Александреиды не могутъ быть приняты, все-же многолѣтнее настойчивое изученіе этого великолѣпнаго памятника съ его стороны принесло уже свои плоды и заслуживаетъ не только признанія на словахъ, но, если возможно, также нѣкотораго вознагражденія.

И. В. Ягичъ.